

ЧАЙКА – АЛЬМАНАХ

№ 10

Июль – Декабрь

2019

CHAYKA – ALMANAC n 10

July 2019 – December 2019

Copyright © 2020 Irina Chaykovskaya

Editor: Irina Chaykovskaya

Cover: “The Lovers” from “Ecclesiastes” by Lev Tabenkin

Chapter Illustrations: Lev Tabenkin

Layout: Alex Marin

Printed in the United States of America

Lulu Press, Inc., Morrisville, NC

All stories, memoirs, and poems are copyright of their respective creators as indicated herein.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission from the author(s).

Library of Congress Control Number: 2016901652

ISBN-13: 978-1-79489-895-0

The Publisher and author(s) don't have any liability nor responsibility to anyone or entity to any damages, loss, etc. from the content of this book.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
Выходит два раза в год

ЧАЙКА

№ 10
Июль – Декабрь
2019

Проза
Стихи
Статьи
Эссе
Интервью

Редактор-составитель
ИРИНА ЧАЙКОВСКАЯ

Содержание

Предисловие редактора	8
ЧАСТЬ 1. Война, террор, жизнь при авторитаризме	11
<i>Итана Карпиштан (Дебют)</i> . Блокадный Ленинград и первый в мире водородный двигатель. Борис Щелищ	12
<i>Александр Экмекчи</i> . Мой спутник. Из старой тетради, найденной дочерью фронтовика	17
<i>Юлий Зыслин</i> . Война моего детства	22
<i>Нина Аловерт</i> . Детские воспоминания. Война	31
<i>Эльвира Фагель</i> . Без родных могил. К началу Второй Мировой	35
<i>Даша Кашина</i> . Не забудь выпустить птичку. По воспоминаниям Льва Майорова	46
<i>Анатолий Бергер</i> . Четыре отрывка из прошлого	50
<i>Юрий Смирнов (Дебют)</i> . Нештатная ситуация на предприятии «Маяк», 1955 год	56
<i>Лев Альтмарк</i> . Джеймс Бонд российского разлива	62
ЧАСТЬ 2. Из архива	67
<i>Ирина Роскина</i> . Из семейного архива. Письма моей бабушки Надежды Давыдовны Роскиной	68
ЧАСТЬ 3. In Memoriam	91
<i>Леонид Шульман</i> . Ушел Марис Янсонс	92
<i>Сергей Бычков</i> . Художник. Мыслитель. Поэт. После ухода Николая Бокова	94
<i>Николай Боков</i> . Ты ленилась вставать	100
ЧАСТЬ 4. Политика	101
<i>Роман Солодов</i> . Стук снизу. Игра в импичмент продолжается	102
<i>Григорий Писаревский</i> . Импичмент как предвыборное шоу демократов... ..	106
<i>Элиэзер Рабинович</i> . Что происходит в Израиле с правительством и премьером Нетаньяху	109
<i>Соня Тучинская</i> . «Бесноватая Грета» как провозвестница Конца Света	117
ЧАСТЬ 5. Кино и театр	127

<i>Элеонора Мандалян.</i> Маленькая птичка с большим резонансом: кинодрама «Щегол». Кинообозрение от Элеоноры Мандалян	128
<i>Александр Сиротин.</i> Нью-Йоркский театр «Фольксбине» о том, как американец Поль Робсон потерял своих еврейских друзей в СССР, а с ними и веру в социализм	138
<i>Анна Филиппова.</i> ТАБАКЕРКА: К нам возвращается «Ревизор»	144
<i>Анна Белокопытова.</i> «Машина Мюллер» Кирилла Серебренникова как Манифест неравнодушия в действии	149
<i>Елена Фролова.</i> «Вишнёвый сад». Комедия. Спектакль Малого драматического театра. Режиссёр Лев Додин	153
<i>Евгений Соколинский.</i> Онегин в аквариуме. «Евгений Онегин» в С.-Петербургском театре «Приют комедианта»	156
<i>Ирина Чайковская.</i> Гум. Пьеса для двоих	161
ЧАСТЬ 6. Изобразительное искусство, музыка, литература	173
<i>Вера Чайковская.</i> Древние тексты, прочитанные заново. О книге «Екклесиаст» в иллюстрациях Льва Табенкина	174
<i>Евгения Народицкая.</i> Александр Гассель: «Я свободный художник»	180
<i>Владимир Фрумкин.</i> «Нашему дикому обществу нужен тиран во главе?». Булат Окуджава и сегодняшняя Россия	186
<i>Владимир Солунский.</i> Песни — стихи Михаила Щербакова	200
<i>Евсей Цейтлин.</i> О Ефиме Чеповецком	213
Наши дискуссии: В науке	219
<i>Александр Рабинович.</i> Фантомы общей теории относительности	219
<i>Григорий Яблонский.</i> Из нашей почты. О научно-популярных статьях: по поводу текстов Александра Рабиновича в журнале «Чайка»	227
Наши дискуссии: В литературе	231
<i>Александр Орфис.</i> Царство Божие внутри вас, или Великий барин Земли Русской	231
ЧАСТЬ 7. Путешествия	247
<i>Семен Белкин.</i> Я, капитан, обещаю.. Из истории эмиграции в Америку ...	248
<i>Олег Щекотихин.</i> Мурены	256
<i>Сергей Голлербах.</i> Путевые заметки. Финляндия	261
<i>Ольга Соловьёва.</i> Новогодняя Вена. Из записок на коленке	265

<i>Юрий Бриль. Правила сёрфера. Из рубрики «Путешествия без границ» ...</i>	274
ЧАСТЬ 8. Рассказы	287
<i>Лариса Берман. Лара</i>	288
<i>Вадим Чирков. Четвертый хозяин</i>	292
<i>Семен Биговский. Луша</i>	296
<i>Олег Воробьев (Дебют). Основы безопасного поведения на воде</i>	308
<i>Михаил Гаузнер. Ёлка</i>	317
<i>Лейла Александер-Гарретт. Мышонок.....</i>	321
<i>Яков Фрейдин. Золотых Дел Мастер.....</i>	323
<i>Юрий Смирнов. Ужин в Астории</i>	328
<i>Наталья Замулка-Дюбуше. Улыбайтесь, господа!</i>	336
<i>Лия Припштейн. Смерть моего обидчика</i>	341
<i>Милена Миллинткевич. Проводница</i>	344
<i>Михаил Моргулис. Итальянец в Вене</i>	352
<i>Валерий Румянцев. Неизлечимая болезнь</i>	355
<i>Вера Чайковская. Клеопатра.....</i>	362
<i>Елена Пацкина. Рецепты счастья от Будды</i>	368
ЧАСТЬ 9. Одно стихотворение.....	371
<i>Лариса Миллер</i>	372
<i>Владимир Спектор. Из новой подборки. Вдоль шерсти, против шерсти... ..</i>	373
<i>Валерий Скобло. Госс и Сабби.....</i>	374
<i>Зоя Бобкова. В любые века и в любой стороне.....</i>	376
<i>Юлиан Фрумкин-Рыбаков. Кто придумал согласно означить согласные звуки.....</i>	377
<i>Евгений Сливкин. На ржавом якоре годами</i>	378
<i>Елена Литинская. В моей гостиной все как двадцать лет назад</i>	379
<i>Владимир Ханан. В Петергофе однажды</i>	380
<i>Лариса Гусева (Дебют). Миры.....</i>	381
<i>Марина Мичурина. Ты выбрал меня.....</i>	382

<i>Ирина Рувинская. Возле дома, который снесли. Привычка эта, словно сеть.....</i>	383
<i>Григорий Оклендский. Новогодняя ночь</i>	384
<i>Елена Кутина (Дебют). Знаешь, там, за плечом Моны Лизы.....</i>	385
<i>Саша Немировский. Пятница</i>	386
<i>Светлана Щербакова (Дебют). Экономке второго этажа</i>	388
<i>Татьяна Белянчикова. Хорошо</i>	389
<i>Михаил Синельников. День памяти Осипа Манделъштама.....</i>	391
ЧАСТЬ 10. Детский Альбом.....	393
<i>Григорий Яблонский. Сенсационная, но вполне правдивая история превращения святого Николая в Санта-Клауса</i>	394
Итоги 6-го ежегодного Новогоднего конкурса детского творчества и творчества для детей	398
<i>Александр Ралот. Загадка. Кто придумал Новый год?.....</i>	398
<i>Виолетта Гребельник. Ася и Снежинки. Сказка</i>	400
<i>Марина Мичурина. Я-рыцарь</i>	405
ЧАСТЬ 11. Юмор	407
<i>Олег Золотарь (Дебют). Революция</i>	408
<i>Леонид Доктор. Чистосердечное признание</i>	417
Сведения об авторах.....	420

Предисловие редактора

Наш новый Альманах оказался очень представительным – в нем напечатаны произведения 72 авторов из 11 стран. Страны перечислю: Россия, США, Израиль, Франция, Англия, Германия, Италия, Испания, Украина, Узбекистан, Новая Зеландия. Такого большого числа авторов из такого количества стран в наших альманахах еще не было. И связано это, как кажется, с одной особенностью этого сборника, на которую я сразу хочу обратить внимание: в нем помещено большое число художественных текстов малой формы, а именно: рассказов и стихов.

Полгода с июля по декабрь 2019-го были урожайными на рассказы, да и рубрика «Одно стихотворение» была в эти шесть месяцев регулярно представлена, так что два эти раздела в Альманахе несомненно дадут возможность любителям хорошей прозы и стихов насладиться чтением.

Не останутся без чтения и любители путешествий. Этот раздел вместил в себя описания разнообразных маршрутов – от снежной Финляндии до бесснежной новогодней Вены и от морских портов Северной Америки до высокогорья Америки Южной. Традиционно насыщены разделы «Кино и театр», а также «Изобразительное искусство, музыка, литература». В наш политизированный век нельзя обойтись без раздела «Политика», внутри которого вы найдете изложение противоположных взглядов на импичмент американского президента и вполне определенный взгляд на президента Израиля.

Как обычно Альманах начинается с раздела о войне, терроре и жизни при авторитаризме. Не называя фамилий, скажу только, что все публикации из этого раздела кажутся мне по-настоящему значительными. Следующий за первой частью раздел «Из архива» продолжает тему памяти, но уже на вполне документальной основе, это публикация писем 1920-х гг. представительницы одной ленинградской семьи – с предельно выверенным и объемным комментарием, сделанным внучкой, ныне живущей в Израиле.

К теме памяти примыкает еще одна: *In memoriam*.

В этом году из жизни ушел выдающийся музыкант, дирижер Марис Янсонс.

И еще одна потеря, которая непосредственно коснулась нашего журнала. Умер Николай Константинович Боков, замечательный писатель, философ, друг ЧАЙКИ и член ее редколлегии. Николаю Бокову посвящена проникновенная статья – прощание, после которой

мы помещаем лирическое стихотворение, присланное в журнал уже тяжело больным писателем.

Еще одна особенность Альманаха. Его эпиграфом стали строфы знаменитого ленинградского поэта-барда, строфы-воспоминания о далеком детстве. От этих стихов тянутся нити ко всему сборнику, где то тут, то там читатель встретится с «детской темой». Она в этот раз звучит у нас очень явственно.

Непосредственно детям (и их родителям, бабушкам и дедушкам) адресован раздел «Итоги Новогоднего конкурса творчества детей и для детей».

Новшеством стал раздел «Наши дискуссии», в который мы поместили две статьи – одну из области «теории относительности», другую, связанную с личностью Льва Толстого, статьи спорные, полемические, провоцирующие диспут, обмен мнениями, что кажется нам очень важным именно сегодня, когда в умы внедряется единомыслие.

Непременными участниками нашего Альманаха традиционно выступают дебютанты, чьи имена я не называю, вы сами их найдете. Очень бы хотелось, чтобы молодые и не очень молодые авторы, дебютировавшие в ЧАЙКЕ, нашли свою дорогу в литературе, в писательстве. Пожелаем им этого!

Ну и не могу не сказать, что как всегда наш Альманах завершается разделом ЮМОР. В этот раз юмор у нас социальный. Что поделаешь, не нами сказано, что бытие определяет сознание. Потому юмористические рассказы наших авторов носят названия «Революция» и «Чистосердечное признание».

И если я вас заинтриговала, приобретайте Альманах и принимайтесь за чтение.

Спасибо всем, кто вместе со мной работал над Альманахом, помогал делом и советом! Спасибо прекрасному художнику Льву Табенкину – репродукция его картины «Влюбленные» из серии иллюстраций к Екклесиасту украсила нашу обложку, а другие работы проиллюстрировали главы.

Спасибо нашим талантливым авторам! Теперь дело за читателями – надеюсь, Альманах ЧАЙКА № 10 придется им по вкусу!

*Ирина Чайковская,
январь 2020 года,
Большой Вашингтон, США*

Не браню своих дней остаток,
Собирая в дорогу кладь.
Бог послал мне восьмой десяток,
А ведь мог бы и не послать.
Я в грядущем себя не вижу:
Дунет ветер – и нет меня.
Мне сегодня прошлое ближе
День становится ото дня.
Постепенно впадая в детство,
Как и прочие старики,
Я пытаюсь в него взглядеться,
Ветхой памяти вопреки.
Вспоминаются, как ни странно,
Ветки яблонь над головой,
Проступающий из тумана
Год далёкий сороковой.
Вспоминаю седой от пыли
Белорусский пологий илях,
Где с родителями мы жили
На Польшковских хуторах.
Довоенного дня горенье
Убирает фитиль в окне.
Доспевает в тазу варенье,
И обещаны пенки мне.
Слитки яблок лежат под крышей.
Мать смеющаяся жива.

Где теперь я ещё услышу
Эти ласковые слова?
Сладко пахнет ванильное тесто,
Польшает, как солнце, медь.
Для того и впадаем в детство,
Чтоб счастливыми умереть.

Александр Городницкий

Часть 1. Война, террор, жизнь при авторитаризме

Лев Табенкин. Вознесение. 1992

Итана Карпишпан

Роквилл, штат Мэриленд, США

Блокадный Ленинград и первый в мире водородный двигатель. Борис Щелиц

Блокадный Ленинград. Сентябрь 1941 года. Не стало бензина.

Для спуска и подъема аэростатов заграждения, которые были одной из главных составляющих противовоздушной обороны города, не позволявшей вражеским самолетам снижаться до высот, обеспечивающих прицельное бомбометание, использовались автомобили – полуторки ГАЗ-АА с установленными лебедками с приводом от автомобильного двигателя. Когда закончился бензин, автомобили остались без горючего. Это лишило боеспособности части аэростатов заграждения и существенно увеличило потери города и фронта от авиабомб.

В этой ситуации техник лейтенант Борис Исаакович Щелиц сумел найти и в кратчайший срок реализовать уникальное техническое решение – перевести более 400 автомобильных двигателей частей аэростатов заграждения Ленинградского фронта на использование отработанного аэростатами водорода. При первом испытании двигателя на водороде произошел взрыв газгольдера, изобретатель был контужен, но сумел быстро найти решение, гарантирующее безопасность предложенной им технологии. За ее внедрение он в декабре 1941 г. был награжден орденом Красной Звезды.

В представлении к ордену отмечено, что «изобретение тов. Щелища Б.И. имеет огромное оборонное и народно-хозяйственное

значение». С осени 1941 г. до снятия блокады Б.И. Шелищ ездил на легковом автомобиле ГАЗ-М1, заправляя двигатель водородом из размещенных в багажнике баллонов.

Станция с лебёдкой: полуторка и аэростаты заграждения.

В 1942 г. он был командирован в Москву для внедрения своей технологии в московских частях ПВО, где он передавал свой опыт при переводе на водородное топливо 300 автомобильных двигателей, что и здесь обеспечило значительную экономию бензина. В 1944 г. Б.И. Шелищ получил авторское свидетельство на «Способ эксплуатации установок с аэростатами заграждения» (опубликовано в 1945 году), обеспечившее СССР всемирно признанный приоритет в использовании водорода в качестве топлива для автомобильных двигателей.

После войны появилось достаточно бензина, и об изобретении забыли надолго. Но напомнили выхлопные газы транспорта, использующего бензин и загрязняющего атмосферу. В развитых странах начались разработки водородных двигателей. Известные японские, американские и европейские фирмы уже начали выпуск автомобилей с водородными двигателями. Сбывается мечта Бориса Шелища.

Даниил Гранин, и Алесь Адамович, авторы «Блокадной книги» (1984) взяли интервью у изобретателя. Вот цитата из их книги:

«Происходили истории иного порядка, но столь же характерные, удивительные, свидетельствующие о творческих возможностях человека. Борис Исаакович Шелищ служил техником-лейтенантом в полку аэростатов заграждения.

Он рассказывает: «У нас не было топлива. Чтобы выбрать аэростаты, то есть опустить их из воздуха для перезарядки, надо было включать автомобильные моторы, а бензина не было. Ведь сотни аэростатов висели над городом, они не давали фашистским самолетам снижаться, мешали пикировать, вести прицельное бомбометание. Попробовали мы вручную выбирать (мужчины еще были в сентябре 1941 года), но десять человек расчета не смогли их выбрать.

Водородный двигатель начальство демонстрирует генералу Говорову. Борис Шелищ на заднем плане за машиной, генерал второй справа.

Таким образом, боевые операции данного вида оружия прекращались: со временем водород тяжелеет, аэростат снижается, вместо трех-четырёх тысяч метров висит низко и преграды для самолета не представляет. Встал вопрос – как быть? Мне пришло в голову выбирать аэростаты лифтовой лебедкой. Раздобыл я такую лебедку, привез, но к этому дню не стало электрической энергии.

Фотография Бориса Исааковича Шелиша в декабре 1941 уже с орденом Красной Звезды.

И тогда я вспомнил «Таинственный остров» Жюль Верна. С детства запомнилась мне глава «Топливо будущего». Достал эту книгу. Перечитал. Там было прямо написано: что заменит уголь, когда его не станет? Вода. Как вода? А так – вода, разложенная на составные части, водород плюс кислород.

Я думаю – не пришло ли это время? Ведь мы что делали – выдавливали оболочку аэростата, выпускали так называемый грязный водород, а это все равно что выливать на землю бочку бензина. Думаю: сейчас, когда у меня есть под руками грязный водород, это же топливо. То самое, про которое Жюль Верн писал...

Я договорился с командиром. Сделал просто: шланг от аэростатной оболочки сунул во всасывающую трубу двигателя. Чувствую, двигатель работает. Даю обороты, он обороты принимает. И вдруг ЧП! Выхлоп! Обратная вспышка, взрыв, газгольдер сгорел. У меня контузия. Руки опустились. Но бензина-то нет! И тут я понял, что надо сделать затвор. Разрывать цепь автоматически.

Для этого ничего лучше воды быть не может. Взял я огнетушитель и сделал в нем гидрозатвор. Двигатель сосет водород через воду. Обратная же вспышка через воду не доходит. Дали разрешение испытать. Приехали генералы. Посмотрели. Все хорошо.

Приказали за 10 дней перевести все аэростатные лебедки на новый вид топлива. Собрали по городу огнегнители. Шестьсот штук понадобилось. Достали шланги. Короче говоря – все аэростаты выбирать стали на новом топливе, на водороде. Лучше работали, чем на бензине. Я вам скажу, почему лучше. Потому что в холод двигатели на бензине плохо заводятся. Надо их прогреть. На водороде же и при морозе с пол-оборота заводятся».

Двигатели на водородном топливе демонстрировали на выставке Ленфронта, потом Б.Шелища отправили с ним в Москву. Он совершенствовал свою конструкцию, отвечал на вопросы специалистов. «Если б был бензин, я бы не довел свою идею до конца. И вообще, я скажу вам, мне многое в голову не пришло бы, если бы не блокада. А тут приходило. Знаете, я тогда перечитал про эпопею челюскинцев. Как они высадились на лед, как жили в таких условиях. Может, извлечь что можно... Мы ведь тоже были как на льду. Не помню, чтобы в нормальных, мирных условиях я работал с такой энергией и так соображал бы. А вообще я думал, что никогда уже не смогу быть сытым».

О лейтенанте Шелище был сделан документальный фильм к 100-летию его рождения – «[Водородный Лейтенант](#)».

Фотопортрет с блокадной фотографии Б.И. Шелища 1941-го года вывешен в штаб-квартире Международной ассоциации водородной энергетики в Майами (США). Российской национальной ассоциацией водородной энергетики в его честь выпускалась памятная медаль. Международной конференцией по водородной энергетике (Москва, 2008) в преддверии его 100-летия была принята резолюция с призывом увековечить память Б.И. Шелища. Но, увы, за истекшие 11 лет ничего не изменилось.

Борис Шелищ рано овдовел. Его память свято хранят его дочь, сын, внуки, семь правнуков. А два праправнука пока малы, но когда подрастут, узнают о своем изобретательном прапрадедушке Боре, который опередил будущее в далеком 1941 военном году.

Александр Экмекчи

Москва, Россия

1920-1982

Мой спутник. Из старой тетради, найденной дочерью фронтовика

На перекрёстке дорог около регулировщицы я вскочил в кузов попутной машины. Там уже находился немолодой моряк, который вежливо подвинулся и предложил мне сесть рядом с ним. Перекинувшись несколькими малозначительными фразами, мы сразу умолкли. Машина тряслась по ухабам дороги, холодный ветер пронизывал до костей, хотелось есть, и от всего этого было неприятно.

Неожиданно машина повернула к Неве, и перед нами на противоположной стороне вырос Шлиссельбург. Он стоял белой громадой наполовину разрушенных домов, и перед ними на маленьком островке, как бы загораживая собой необъятный простор Ладожского озера, высилась бесформенная каменная масса бывшей крепости. Я сразу вспомнил, что читал о том, как маленький отряд советских моряков в течение почти полутора лет отстаивал эту крепость, в прошлом знаменитую царскую тюрьму, и как, несмотря на бомбёжки, обстрелы, атаки, немцы не смогли взять Шлиссельбургскую крепость. И я не удержался и стал рассказывать своему спутнику об этих моряках, восхищаясь их небывалым, исключительным героизмом.

«Вы так думаете, – сказал он, – а мне кажется, что тут ничего исключительного нет, наоборот, всё буднично и просто. В этом очень

мало героизма и очень много привычки, и вообще, если хотите, на мой взгляд, героизма, как чего-то особого, не существует вовсе».

Я с удивлением посмотрел на него.

«Если бы мне пару лет тому назад сказали, что я стану героем, я, наверное, засмеялся бы. Ну, скажите, как я мог стать героем, если ещё в училище во время занятий по плаванию, я боялся прыгать в воду с трамплина, или, уже будучи взрослым человеком, к тому же моряком, я боялся, да и сейчас, пожалуй, боюсь, ночью в темень и безлюдье идти одному по улице на окраине города. А вот сейчас получается, что я вроде, как герой, что ли».

Он замялся, смущенно улыбаясь, а я с жадным вниманием и любопытством уставился на него.

Но в это время наша машина забуксовала и разговор пришлось прервать. Мы выскочили из машины, увязнув по щиколотку в грязи, и стали под крики шофёра выталкивать машину вперёд. Наконец, после долгой и упорной возни машина выбралась на дорогу. Мы вновь вскочили в кузов, уселись поплотнее друг к другу и, скрутив себе по папироске, закурили. И вот, когда машина тронулась, мой молчаливый спутник вдруг заговорил...

«Шлиссельбург, который мы с вами проехали, – мой родной город. Здесь, на набережной канала, росли липы, и я часами гулял, впервые полюбил, здесь я женился».

Он замолчал, не то уйдя в воспоминания, не то задумавшись.

«Не знаю, понятно ли вам это чувство, но каждый раз, когда я проезжаю мимо этих мест, у меня всё внутри переворачивается. Ведь каждое дерево здесь, каждый камень – свидетели моей юности, любви. Ведь вот на этом углу я ожидал, волнуясь и боясь, что она не придет на свидание, а вон там у старого дома с перекосившейся крышей мы впервые поцеловались, а там... Нет, ну разве можно просто так, словами, выразить всё необъятное чувство любви и счастья, а ведь это было на самом деле, честное слово, было». Он помолчал немного и, спустя несколько минут, смотря куда-то поверх меня, продолжал:

«А по окончании училища я снова приехал сюда. Здесь у нас была свадьба, и первый месяц мы тоже жили здесь. Вы понимаете, что значит первый месяц. Это была вершина счастья! Вскоре я уехал в Таллин, а потом началась война, отступление морем, на корабле, вплавь, на баркасе. Всё это ещё до сих пор кажется мне порой каким-то страшным сном».

В Ленинград приехал 7-ого сентября. Если вы ленинградец, то, наверное, помните этот день. Я приехал в 12 часов, а в 7 часов вечера

началась первая бомбёжка, горели Бадаевские склады. Это было что-то чудовищно страшное. Город, объятый дымом и пламенем...

В этот день меня направили в Шлиссельбург. Как я был рад! Там жила моя мать, жена, маленький сынишка, которого я ещё ни разу не видел.

В Шлиссельбург я не попал. За день до моего переезда город заняли немцы. Я получил назначение в Шлиссельбургскую крепость, в её гарнизон. В крепости нас оказалось человек шестьдесят, все моряки, – он остановился на минуту, собираясь с мыслями. – Да всех было вначале шестьдесят, – медленно продолжал он, – бомбило нас по 70-80 самолётов целый день. Кроме бомбёжки, ещё стреляли из орудий, минометов. И так день и ночь, день и ночь. Мы жили в развалинах, бывших подземельях и казематах. Мы не знали, что такое тишина, спокойствие и сон, но мы жили, мы стреляли и мы не сдавались.

Мы знали одно, что мы не можем, не смеем уйти, отступить, сдаться, не должны. Вот это чувство громадного долга перед народом, страной заставляло нас держаться во что бы то ни стало. Мы никогда не говорили между собой об этом, каждый из нас понимал всю ответственность, которая неожиданно легла на наши плечи.

Вы знаете, мы до того привыкли к стрельбе, что, если в какой-либо день немцы почему-то вдруг не бомбили, было очень странно и даже как-то не по себе. Если начиналась бомбёжка, мы знали, что это 8 часов утра, немцы заменили нам часы. Они ведь невероятные педанты. В обед стрельба прекращалась, значит, и мы могли пообедать. Поначалу немцы были ещё педантичны, потом уже стали нервными, а в то время они даже бравировали этим, например, иногда давали нам отдохнуть в воскресенье, но мы, конечно, тоже не терялись и вскоре устроились довольно-таки уютно на нашем островке. Вы знаете, я даже нашёл среди развалин большую металлическую кровать с пружинным матрацем, она принадлежала, наверное, какому-нибудь старому коменданту крепости, устроил её у себя в подземелье и порою чудесно спал под бомбёжку. А потом начался голод. С «большой Ленинградской земли» нам стали давать очень мало продуктов. Бывало, съешь кусочек суррогатного хлеба, запьёшь кипятком и начинаешь вспоминать всякие ленинградские рестораны, даже пивные: какой был шницель в «Северном», какие пирожки в «Норде», как можно было покутить в «Астории» или же просто наестся и выпить с приятелем где-нибудь в пивнушке на Галерной.

Но самое страшное было в другом и, если бы не оно, то у меня не было бы вот этой седины, – он снял фуражку, и я увидел жгуче-чёрные

волосы, прорезанные белой полосой посередине с седеющими висками по бокам. Он умолк, и мне было неудобно прерывать его, он надел фуражку и продолжал: «Страшное было в другом. И вот оно и сделало меня седым. Как вы думаете сколько мне лет на вид?»

«Лет 35, пожалуй, 40».

«В действительности же 27. Я был в крепости, а в каких-нибудь четырёхстах-пятистах метрах от меня, около часовни на набережной, почти у самой Невы, жили моя мать, жена, сын. Это было рядом, до того рядом, что я видел в бинокль всё, что там делалось, – рукой подать. Но там были немцы. Вы понимаете, так близко и так недосягаемо далеко.

Я видел, как фрицы, эти немецкие сволочи, заходили в мой дом, где я родился, вырос, жил, видел как на улицу оттуда выбегает женщина, я узнал её, это была моя мама, и как она кричала им что-то, и как немец, стоящий рядом, ударил её по лицу. И я это видел собственными глазами. Каждый день я устраивался около одной дыры в крепостной стене и смотрел. Вы знаете, до войны понятие «Родина» для меня было, конечно, дорогим, но всё– таки каким-то абстрактно дорогим, но тут оно стало куском моего собственного тела. В каждом из нас это понятие Родины воплощается в чём-то чрезвычайно конкретном. Для одного это изба с одинокой берёзой у палисадника, для другого – тихая речушка или бушующее море, а для меня – это мой дом, старенькая часовенка рядом с выломанной у набережной решёткой. И вот именно там ходили немцы и не просто так, а как хозяева. Они ежеминутно могли зайти в мой дом, они распоряжались моей семьёй. И, когда я видел, как они входили в мой дом, я представлял себе, что вот сейчас они могут искалечить мою мать, надругаться над моей женой, убить моего сына, и в сердце закипала неукротимая злоба, и мне хотелось тут же немедленно броситься в Неву, переплыть, ворваться в дом, убить, искромсать этих сволочей».

Он остановился, поднял на меня глаза, и я увидел, как в них сверкает ненависть. Потом он как то странно махнул рукой и продолжал: «А дальше началась зима, я видел, как немцы ходили по домам и отбирали последние вещи, видел, как люди умирали от голода и падали замертво на улице, видел, как ночью немцы вывели всех жителей из домов и из моего тоже, и погнали их в лютый мороз куда-то далеко за город. Я видел, я стонал, я корчился от боли, и месть накапливалась во мне как электричество, и заряд этой мести сгущался с каждым днем всё больше и всё страшнее. И я мстил. Немцы боялись высунуть голову на набережную, моя пуля настигала их. Они, злобствуя, бешено стреляли в ответ. А я смеялся как сумасшедший, до

упаду, и стрелял. Товарищи думали, что я рехнулся, и хотели даже отправить на «Большую землю» лечиться, но я остался. Я забыл обо всём, мною владело одно – месть.

Вы знаете, я раньше был очень мирным и спокойным человеком, мне всегда, и во время войны тоже, говорили, что я слишком мягок, что я не могу, не умею ненавидеть. Действительно, это было так, но я научился ненавидеть. Подумайте только, какая злая насмешка судьбы – быть живым, каждодневным свидетелем того, как терзают самых дорогих тебе людей, быть рядом и быть бессильным. Мне порой казалось, что мозг разрывается на части, что больше я не выдержу этой пытки, что это выше человеческих сил.

Я мог уехать. Несколько раз чуть ли не насильно меня заставляли эвакуироваться из крепости. Но я упорствовал. Я хотел первым вернуться в мой город. Я знал, я был уверен, что этот день наступит. И я ждал... шестнадцать месяцев. Подумайте, ведь это целая эпоха, громадный отрезок жизни. Я стал терпеливым. Я видел виселицу около моего дома. Я не знал, кто на ней, но это могла быть моя жена или мать. Мой дом стоял пустым, с заколоченными окнами. Я понял, что всё кончено, и ждал только часа расплаты. Может, это было чем-то вроде самоистязания, не знаю, думаю, что нет, это была просто потребность, необходимость.

И я дождался. Помню, как сейчас: семь часов утра 12 января 1943 года.

Он неожиданно умолк и стал старательно, чтобы скрыть волнение, запрягивать под фуражку выбившуюся седую прядь волос.

И всё же я спросил:

«А как ваша семья?»

«Соседи, которых я нашёл в Шлиссельбурге, сказали, что немцы убили мою мать, а жену с сыном угнали. Найду их или нет, не знаю, но, видимо, вряд ли, а может быть... ведь всё возможно, не правда ли?»

И никогда, даже в самую безысходную минуту не покидающая человека надежда озарила улыбкой его морщинистое лицо и осветила юношеским блеском усталые глаза.

Октябрь 1943

Юлий Зыслин

Вашингтон, США

Война моего детства

Мой дед Ицик-Мендл Зислин был простым еврейским гением, родившимся в середине XIX века. Судите сами. Набожный хасид и безграмотный торговец он придумал свою азбуку (еврейский Кирилл и Мефодий в одном лице). Это произошло, когда его сыновья выросли и стали совершать деловые поездки. Они освоили эту азбуку и с её помощью с ним переписывались.

По семейной легенде, Ицик (или его отец) был сиротой. Когда надо было его как-то записать, ему дали фамилию Зислин, т.к. он был племянником единственной своей родственницы тётки Зисли (Зысли), что жила за рекой. Как будто это было где-то под Ригой.

Дед снабжал царское правительство мясом. Во дворе его дома был большой и глубокий погреб со льдом. В Петербурге жил купец, который это мясо у него покупал. Однажды (а это было в начале 1900-х годов) этот купец привозил деда в Петербург, и он тогда даже взял с собой мою маму, которая была младшей в большой семье. Мама вспоминала, что этот купец повёл её в шикарный магазин игрушек, где их было множество, и мама выбрала маленькую простую уточку. Всю жизнь над ней по этому поводу сёстры посмеивались. Так навсегда мы остались скромными и непритязательными...

22 июня 1941 г. в 12 часов дня мы с мамой и все наши московские родственники должны были вместе выехать на поезде в Ригу для посещения могилы дедушки, который умер за год до моего рождения, т.е. в 1929 году.

По рассказам взрослых, немцы вошли в Ригу 27 июня (это застряло у меня в памяти, а было мне тогда неполных 11 лет).

Могила дедушки находилась в г. Краслава под Ригой (у нас дома всегда говорили о местечке под названием Креславка). В Креславке родилась моя мама Фрума, три её сестры Эйда, Пера, Бетя и четыре брата Натан, Шмерль, Юдл и Янкель. Они рано осиротели, т.к. их мама трагически погибла после революционных событий 1905 года.

Мама Фрума первая приехала в Москву в 1921 г., после Гражданской войны. Потом две мамины сестры, Пера и Бетя, тоже стали москвичками. Два брата, Натан и Юдл, которые знали дедушкину азбуку, погибли от петлюровцев в 1919 г. в Киеве, где они, по семейной легенде, торговали хлебом. Остальные жили в Креславке и Риге.

Юлик Зыслин, 1941 г.

По воспоминаниям Баси Цин («Все круги ада»), 25 июня прошёл слух, что через 2-3 дня немцы займут Креславку. Власти городка уже сбежали. Многие евреи бросились из города, но фашисты настигали их и гнали назад. Вскоре евреев собрали в одной из синагог местечка и заперли. Здесь, по слухам, их собирались сжечь, но позже построили в колонны и погнали «догнивать» (слова местных латышских полицаев) в гетто в Двинск (по-латышски, Даугавпилс) родину великого еврейского актёра Соломона Михоэлса.

И начались массовые расстрелы евреев. Акция следовала за акцией...

Евреев расстреливали и в самой Креславке, и в Риге.
В этом аду погибли дети моего деда Ицик-Мендела и их семьи.
Четыре семьи. 15 человек.
Назову их имена.

Сегодня они выписаны на нашем семейном монументе в Вашингтоне:

Шмерл, Роза, Белла.

Юдифь, Залман, Рая.

Янкель, Соре-Мусел, Роха, Ноте.

Эйда, Симен, Либа, Юдл-мл., Ицик-Мендл-мл.

Мама Фрума читает эти имена в 2000 г. Ей 98 лет

К счастью, не все прибалтийские потомки Ицик-Мендела Зислина погибли тогда.

Его внуки, жившие в Риге, Мэри и Гольда, как комсомольцы были вывезены на автобусах в Россию ещё до 27 июня (креславчанин Меер ещё до войны был призван в армию и позже воевал, а Мэри и Гольда работали в военно-санитарных поездах). Они даже не смогли забежать домой, чтобы попрощаться с родителями. Песя пережила двинское гетто (она пряталась в течение двух лет в яме). У меня в компьютере есть её воспоминания на русском и английском языках в переводе с иврита.

Москва начала войны

Не поехав 22 июня 1941 г. в Латвию, мы, москвичи с буквой «ы» после «З» в написании нашей фамилии, минули фашистскую мясорубку, а ведь могли попасть в самое пекло. Я хорошо помню, как утром этого дня говорил о войне Молотов по радио. Я прильнул к репродуктору-тарелке, по которому обычно слушал музыкальные (особенно песенные) и детские передачи.

Однако в Москве война тоже стала чувствоваться очень быстро.

Уже в июне была объявлена первая воздушная тревога. Я был в этот день и последующие дни на Арбате у тети Перы. Это огромный дом №35 напротив театра им. Евгения Вахтангова, недалеко от места рождения Булата Окуджавы.

Мы спустились в бомбоубежище. Люди были очень встревожены. Начались разговоры один другого страшнее. Кто-то уже видел, как разбомбили метро «Арбатская». Когда объявили отбой, и мы вышли на улицу, оказалось, что тревога была учебной...

Потом воздушные тревоги пошли регулярно. Уже не учебные.

Вот тогда-то одна бомба упала-таки рядом с метро «Арбатская» и разворотила находящийся там рынок. В театр имени Вахтангова тоже угодила бомба. Здание устояло, но театр закрыли. Говорили, что у тётиного дома треснула стена. Но этого не было видно.

И всё это неслучайно: Кремль, куда метили немецкие летчики, был совсем недалеко от Арбатской площади и улицы Арбат.

Я воочию помню замаскированные Большой театр и Кремль, а также стратостаты на бульварах и, прежде всего, в конце Чистопрудного бульвара, вблизи метро «Кировская» (ныне «Чистые пруды»). Каждый вечер они поднимали в воздух специальные сетки, так как немецкие самолёты бомбили Москву по ночам.

Всё это создавало тревожное состояние. В мою детскую душу опустилась тогда какая-то тень, которая не ушла отсюда до сегодняшнего дня.

Муж тёти Перы, дядя Мотя (я его звал папой), пошёл в ополчение.

Их дочь Лялю, студентку ИФЛИ (Институт философии, литературы и искусства), послали под Смоленск на рытьё окопов, мама пропадала на заводе «Манометр», моя школа № 657 отправила своих учеников младших классов куда-то под Подольск (я только что окончил 3-й класс). Через много лет я прочёл в журнале «Юность», что немцы могли свободно пройти в Москву осенью 1941 года как раз где-то здесь. Их остановили курсанты Подольского военного училища.

В этом школьном лагере под Подольском было очень скучно и тоскливо. Полностью отсутствовала какая-либо информация, и не

было связи с родными. Наверно, через месяц мама меня оттуда забрала и отвезла на дачу к знакомым в подмосковную Мамонтовку. Хозяин этой дачи дядя Боря Савчук пошёл в московское ополчение и погиб. На соседнем участке была вырыта щель в земле, куда загоняли детей ближайших дач во время воздушных тревог. Мы, конечно, оттуда выбегали на волю и смотрели на немецкие самолёты, видимые в лучах наших прожекторов. Однажды мы даже наблюдали, как один такой самолёт, который попал в перекрестие двух прожекторов, был сбит зенитками и упал с большим грохотом где-то недалеко (говорили, что на Клязьме). Мы ощутили при этом сотрясение земли. А ведь мог упасть и прямо на нас...

Эвакуация

В первых числах августа мамина сестра тетя Пера уезжала в эвакуацию в г. Новосибирск и мама отправила меня с ней, а сама осталась в Москве.

В Новосибирске нас сначала поселили в маленьком доме. Никогда не забуду печальное интеллигентное лицо хозяйки дома: её муж, видный сибирский революционер-партизан, был несправедливо и незаслуженно репрессирован и расстрелян...

Здесь я пошёл в 4-й класс местной начальной школы. Школа была деревянная, рубленая, хотя и располагалась недалеко от центра города. Очень скоро нас переселили в избу около вокзала с большой квадратной комнатой в пять окон (три окна на улицу и два во двор) и с проходной кухней с русской печкой. В общем, половина большой избы с отдельным входом. Здесь мы были сами себе хозяева. Первую же хозяйку мы очень стесняли, комнаты там были маленькие, узкие и проходные.

Рядом с нашей избой находилась каменная школа (бывшее царское военное училище) и пересыльная тюрьма с высоким деревянным забором.

Мимо окон школы и окон нашей избы по многу раз в день проводили под конвоем бесконечные партии заключённых. Эта ужасная картина всегда со мной, и я унесу её с собой в могилу. Об этом была публикация в журнале «Чайка»

(<http://www.chayka.org/node/6410>).

От мамы долго не было никаких известий.

Она появилась в Новосибирске в середине ноября с маленьким самодельным матерчатым салатного цвета рюкзаком, с тем самым, с которым я ездил в подольский школьный лагерь.

Вот что я узнал от неё через много лет и что осталось у меня в памяти.

Где-то 15 октября 1941 года на Московском заводе «Манометр» было собрание. Объявили, что Москву сдают и завод закрывается. Предложили уезжать из Москвы, кто как может и побыстрее. Зарплату за два месяца обещали выдать на следующий день. Когда мама пришла за зарплатой, в кассу стояла огромная очередь. Один знакомый рабочий ей шепнул: «Фрума, уходи: рабочие настроены агрессивны и готовы устроить еврейский погром». Мама осталась без зарплаты, пошла на вокзал, села в первый попавшийся поезд. Вагон был неотапливаемым, системы «метро», а зима в этот год была лютая. У неё с собой был батон белого хлеба. Где-то по дороге она перебралась в теплушку, из которой её пытались вышвырнуть за её еврейскую картавость...

Мама ехала в Новосибирск около месяца, и всё это время я ничего о ней не знал...

В Новосибирске мы прожили два года под опекой тёти Перы. Вокруг неё в нашей избе постепенно собралось несколько семей родственников из Москвы, Донецка и Риги. Бывало, что гостили и знакомые, особенно фронтовики, ехавшие в тыл по ранению или по болезни. В отдельные дни и недели у нас здесь жило до 13 человек.

В школе со мной сидел за одной партой рыжий мальчик из местных. Его дом-изба была недалёко от нашей. У Мошкиных была большая семья. К избе примыкал хлев с бурёнкой. Мне нравилось к ним ходить, слушать мычание коровы, играть в лото с его сёстрами. Один его брат был уже убит под Москвой, другой – вернулся с перебитой рукой.

Однажды летом я пошёл в гости к креславским подругам моих латвийских сестёр. Те, пожив у нас, сняли комнату в беленьком домике у хозяйки. Во дворе росли огромные яблони, усыпанные маленькими ещё не спелыми яблочками. И я, давно не видящий фруктов, сорвал одно такое яблочко. Площадную ругань хозяйки я слышу до сих пор...

Не забыть и похороны десятиклассника нашей школы, которого пырнули ножом местные хулиганы (их называли урками). Говорили, что он был лучшим учеником школы и очень хорошим интеллигентным юношей.

Прекрасно помню фильмы, которые смотрел в Новосибирске: «Иван Иванович сердится» с Зоей Федоровой, «Актриса» с Бабочкиным, «Секретарь райкома» с Ваниным, «Концерт фронту» с Лемешевым, «Котовский» с Мордвиновым.

В Новосибирск была эвакуирована Ленинградская государственная филармония и объединена с Новосибирской. Я помню это полукруглое угловое здание. Мне кажется, что 7-ю («Ленинградскую») симфонию Дмитрия Шостаковича я слышал в первый раз именно здесь. Афишу этого концерта я точно видел.

Вот ещё два мальчишеских новосибирских бытовых воспоминания. Первое – это коромысло. В любые сибирские мороз и жару я ежедневно с большой гордостью носил два больших ведра с водокачки, целый блок по скользкой, никогда не убираемой улице. По этой же уличной скользи мальчишки катались зимой на коньках. Мы прикручивали железки коньков к валенкам, подшитых плоской подошвой («пимы»), с помощью специальных верёвочек и двух палочек (для пятки и для носка; был вариант и со одной палочкой). Специальным крюком (крюк был у каждого мальчишки) цеплялись за задний борт проезжавшего мимо грузовика. Дух захватывало от езды, тряски, ветра и мороза...

Мы возвращаемся в Москву

Осенью 1943 года мы собрались возвращаться в Москву. Я только что перенёс брюшной тиф, в школу не ходил, был не в лучшей форме. Меня вписали в документы тёти Перы, а мама поехала «зайцем». Мы заняли целое купе. В Ярославле была проверка документов на возврат в Москву, и маму высадили из вагона на перрон.

Я опять остался без мамы...

В Ярославле находился бывший директор завода «Манометр» Борис Киселёв. Он взял маму на работу.

В Москве я снова оказался на Арбате в том же доме № 35, что и в первые дни войны (сейчас в этом доме Министерство культуры Российской Федерации и Дом Актёра).

В этом огромном арбатском доме не топили. Посередине большой комнаты, тётинной коммуналки, была поставлена железная печка-«буржуйка» (она потом стояла у нас в домике на садовом участке в 1960-х годах). Труба была выведена в окно.

На этой буржуйке тётя Пера готовила еду и обогревала комнату. Дрова хранились в коридоре. Рядом с печкой ставили корыто для купания. Однажды во время такого купания, балуясь, я упал плечом на раскалённую печку...

Не успел ещё мало-мальски освоиться в новой для меня школе (бывшая гимназия в Плотниковом переулке), как пришлось ходить на перевязки и пропускать уроки.

Зато я много гулял по Старому Арбату и напевал песню «Тёмная ночь». Только что вышел фильм «Два бойца», который я несколько раз смотрел в кинотеатре на Арбате. Кажется, это был «Арс». Голос Марка Бернеса, его тёплую человечную манеру исполнения я слышу и сегодня.

Конец войны и День Победы

В 1944-1945 годах мама отправляла меня каждое лето в пионерский лагерь на станции «Удельная» под Москвой.

С мамой

В 1949 г., когда я уже учился на первом курсе института, появилась и первая своя песня, а потом ещё и ещё. Среди моих песен есть несколько о войне и Победе: «А всё-таки мы победим!», «Медсестра», «Баллада о пяти журавлях», «Монолог обелиска», «Помню», «Воспоминание о еврейском местечке». Они неоднократно исполнялись мною и разными артистами и ансамблями.

В каждую годовщину Победы я неизменно вспоминаю, как в ночь на 9 мая 1945 года наша коммуналка не спала. Мы – подростки, я и сосед по коммуналке Лёша Юнович, услывав в 2 часа ночи соответствующее сообщение по его ламповому приёмнику, который у его семьи государство отбирало в начале войны, а теперь вернуло, выскочили во двор, а потом и на Чистопрудный бульвар – и стали истошно кричать нашему сонному шестиэтажному дому и пустому бульвару: «Победа! Победа! Победа!»...

Вечером 9 мая был салют. И мы ликовали вместе со всеми на Красной и Манежной площадях Москвы...

Но война на этом не кончилась.

В День Победы 9 мая 1995 года по Тверской улице недалеко от нашего нового жилища прошла колонна русских неонацистов с лозунгами «Бей жидов – спасай Россию!» Это шествие даже показали по телевизору в тот же день.

В Латвии же подняли голову латышские легионеры СС.

Мама дала согласие на выезд в Америку, куда стремились мои дети.

19 апреля 1996 года мы выехали в Америку.

Кладбище, где был похоронен дедушка Ицик-Мендел Зислин, и место расстрела евреев в Креславке мы с женой посетили 9 мая 1981 года, а наши дети двумя-тремя годами раньше. Могила деда мы не нашли, а у мемориала я тогда даже выступил.

Сестра Песя, которая ещё до войны была сионисткой, работала в первых рижских кибуцах, пережила Двинское гетто и бежала с мужем оттуда, – рассказала мне, когда я её посетил в Хайфе, как в 1929 г. торжественно и любовно хоронили нашего голубоглазого деда в синагоге, которую он выстроил вместе с другом на своей же улице.

Песя поставила на могиле деда в Креславке новый камень.

Кроме неё, в Израиле поселились и похоронены ещё его внуки: Мейер, Айзик, Гольда, Ляля. Все прожили больше 80-и лет. Некоторые больше 90-а. Младшая из всех его внуков, Мэри, что немного старше меня, находится уже в Доме престарелых. Ей 92 года. Она пережила своих сыновей. В своё время работала в министерстве абсорбции Израиля и посадила в Яд Вашем 33 дерева в память всех Зислиных и родных её мужа Мейчика Друя. Мэри соблюдала все еврейские правила.

Недавно из Вашингтонского музея Холокоста мне сообщили, что Шмерль, отец Голды и Мэри, второй по старшинству сын деда, погиб в конце войны в Бухенвальде, а их мама Роза – в 1941 г. в Риге, куда мы, москвичи, должны были приехать к ним 22 июня 1941 г.

Среди потомков неграмотного хасида Ицик-Мендела Зислина два профессора (один гебраист, другой физик), кандидаты наук, педагоги, художники, архитектор, врач, музыкант, артист, редактор и другие специалисты в разных областях деятельности.

Песя Антиколь-Зислина и Фрума Зыслина оставили подробные воспоминания. Дочь Песи Софья недавно побывала в Двинске и написала свои комментарии о гетто. У меня есть аудиозаписи разговоров с Песей в Хайфе и -видео и аудиосюжеты о маме.

Не удалось фашистам стереть с лица земли зислинский клан. Дедушкины внуки имеют уже не только своих внуков, но кое-кто даже и правнуков. Мама дожила до 4 правнуков, а я – до 7. Мы с ней создали семью, в которой сейчас 22 человека.

Жизнь продолжается...

Вечная память нашим истокам!

Нина Аловерт

Нью-Йорк, США

Детские воспоминания. Война

Для всех людей моего поколения (чуть старше, чуть младше), я думаю, война остается ярким воспоминанием детства.

Война застала нас с мамой на Украине. Мама (Елена Александровна Тудоровская) увезла меня на лето в Ирпень под Киевом. Думаю, это было не первое наше лето в Ирпене, но воспоминания совместились. Мы снимали комнату в доме старика (как мне казалось тогда) дяди Миши. Его домик находился на территории бывшей помещичьей усадьбы, где в советское время расположился санаторий. Дядя Миша был сторожем санатория и имел свой домик. В пристройке рядом с домом жила тетя Маша, старушка (опять же по моим воспоминаниям), одетая в темное и в белом платочке на голове. Кем она была дяде Мише?

Бывший господский дом, а теперь – санаторий находился в другом конце усадьбы.

К жизни в Ирпене относится яркое довоенное воспоминание. Мы идем с мамой по опушке леса. Невдалеке стоит какой-то маленький

домик с заколоченным окном и дверью. Мама говорит: там живут куклы, но они днем не выходят из домика. Я смотрю пристально на дом и вижу, как приоткрывается дверь и появляется кудрявая головка, и тут же снова исчезает.

Позднее такие «мистические» видения случались в моей жизни не раз. Фантазия моя временами работает очень бурно. Но и мои вполне реалистические воспоминания – это чаще всего яркие картины. Скольких интересных людей послала мне судьба! А писать о них мне трудно: я помню картины, но не слова...

Когда началась война, мама, по-видимому, растерялась. Никто не представлял себе, что немцы так стремительно пройдут вглубь Украины. Мы еще некоторое время жили в Ирпене и мама (по ее рассказам) пыталась дозвониться до своего отца (Александра Иларионовича Тудоровского, одного из основателей Оптического института в Ленинграде), но не смогла. Оптический институт, работавший на войну, быстро эвакуировали в глубь страны. Но мама этого не знала.

Однажды ярким солнечным днем мы сидели на скамейке около дома, когда над нами пролетел немецкий самолет, причем так низко, что мы увидели свастику. А за ним, буквально насадея ему на хвост, неслись два советских истребителя (объяснение, конечно было мамино, но картинку эту я помню). Потом вдали (под Киевом) «грохнули» зенитки и наступила тишина. И тут мама испугалась, мы уехали в Киев. Началось наше бегство через Украину на Восток. Опять же память сохранила только отдельные, но яркие картины, которые я объясняю словами. Мы идем по улицам Киева, начинает выть сирена, предвещающая налет немецких самолетов, все бросаются в бомбоубежища. Войти в бомбоубежище мы не можем, оно переполнено, люди стоят уже в проёме двери. Картина, которую я помню: мы прижались к стене, мама поставила меня перед собой (чтобы если убьют, то обеих вместе). Улица совершенно пуста и залита солнечным светом. Шрапнель режет ветки деревьев.

Следующая картина: мы как-то втискиваемся в поезд с беженцами (мама потом говорила, что это был чуть ли не последний поезд, ушедший из Киева). Бежит тетя Маша и через окно протягивает мне моего любимого мишку (черный мишка-муфточка Женечка из настоящего меха с одним уцелевшим глазом прилетел со мной и в Америку и живет в одном из ящиков комода, плешивый и любимый). Она специально приехала из Ирпеня в Киев, чтобы отдать мне брошенную впопыхах любимую игрушку.

Я и дальше вспоминаю только отдельные яркие моменты, связанные с тем временем.

Как мама узнала, что Академия наук, к которой принадлежал и Оптический институт, эвакуирована в Казань, я не знаю. И спросить теперь не у кого. Но пробивалась мы именно в Казань.

Следующее воспоминание Днепропетровск. В Днепропетровске нас захихнули на какую-то баржу, которая должна была по Днепру везти беженцев на юг. Но мама дала взятку дежурному, и он ночью выпустил нас на берег. (Мама говорила, что баржу позднее разбомбили). Ночевать больше, чем одну ночь, в одном месте беженцам было запрещено. Сначала мы пошли в дом матери и ребенка. Но там даже в вестибюле уже не было места, где можно было бы сесть. Посреди вестибюля стоял большой каменный цветной слон, инкрустированный, он поразил меня! Люди облепили и слона. Мы зашли в медпункт к медсестре, и она, сжалившись, взяла нас к себе ночевать. У нее на этажерке я впервые увидела статуэтку Наполеона: «И столбик с куклою чугунной Под шляпой с пасмурным челом, С руками, сжатыми крестом» (А.С.Пушкин «Евгений Онегин»). Медсестра жила около моста, который бомбили. Раза три за ночь нас поднимал вой сирены, и мы спускались в бомбоубежище.

Следующую ночь мы ночевали на вокзале. Вокзал, естественно, был тоже забит людьми: на восток шли беженцы, на запад – войска. Мама положила меня спать на скамейку. И какой-то молоденький красноармеец снял с себя шинель, свернул и положил мне под голову.

На следующее утро мама как-то пробилась к начальнику вокзала. Я помню только огромный стол и военного, сидевшего за столом, как говорила потом мама – совершенно измученного, с красными, воспаленными глазами. Почему он нас пожалел? Может, у него была дочка моего возраста? Но только он позвонил в кассу и велел продать нам два билета из брони...

Мы выехали в Казань.

В Казани мы узнали, что Оптический институт – в Йошкар-Оле (в то время столица Марийской автономной республики). В Академии наук нам купили два билета в мягком вагоне! На всю жизнь запомнила! И утром мы приехали в Йошкар-Олу. Пришли в Оптический институт. Дедушке передали, что его спрашивает дочь. Моей тете, которая работала в том же институте, сказали, что видели ее отца, который шел по улице и вел за руку девочку с длинными косами. Тетю Нину отпустили с работы, и она побежала домой. Они ведь считали нас погибшими.

На этом наше путешествие закончилось. В Йошкар-Оле, налетов не было, хотя затемнения были (завешивали наглухо окна). Еда была скудная, но голода не было, институт все-таки снабжали лучше других. За городом были выделены земельные участки, на которых мама и тетя сажали картошку.

Но война шла, и немцы продвигались на восток. Помню, я играла во дворе, мне срочно что-то понадобилось в доме, я радостно вбежала в комнату, в которой мы с мамой жили. Дедушка, мама и тетя сидели на стульях и в глубоком молчании слушали по радио голос Левитана «... после продолжительных и упорных боев наши войска оставили город Киев». Вспоминая эту картину, я до сих пор чувствую, в каком отчаянии все слушали это сообщение... Никто не шевельнулся, когда я вошла. Родители мамы, были родом из Украины. В Киеве жили их близкие родственники...

Затем яркое воспоминание: я вхожу в кухню – и вижу мамину старшую сестру, тетю Милу. Страшно худая, с полубезумными глазами – она пережила в Ленинграде блокаду, ее вывезли по «дороге жизни», она добралась до нас... Ее единственный сын, только что кончивший школу в 1941 году, был забран в армию и в числе таких же подростков до фронта не дошел: погиб по дороге во время бомбежки.

К ярким воспоминания того времени относятся и события, не связанные с войной. Первый спектакль в драматическом театре «Снежная королева» Е.Шварца, оставивший неизгладимое впечатление на всю жизнь. Первый учебный год в классе, где сидели ученики сразу трех классов: первого, второго и третьего. А учительница была одна на всех.

Сообщение об окончании войны застало нас на какой-то железнодорожной станции – мы возвращались из эвакуации в Ленинград.

В Ленинграде мы жили на Биржевой линии рядом с Университетом, это был ведомственный дом Оптического института, в нем проживало много семей сотрудников института с детьми. Во дворе Университета некоторое время работали пленные немцы, что-то строили. Я помню, что мы, дети, выносили им хлеб. Помню, в каком замешательстве была моя мама, дававшая мне этот хлеб... но давала, не желая противостоять чувству «милости к падшим».

Но воспоминания о том времени были бы неполными, если бы я не рассказала маленькую историю, случившуюся через несколько лет после войны. Мы приехали с мамой в Киев навестить родню. Мама узнала, что тетя Маша переехала жить к своим родственникам в Киев. Мама нашла ее адрес, и мы поехали с визитом.

Тетя Маша, в таком же белом платочке, как раньше, увидев нас, заплакала. Открыла сундук (на котором, по-моему, спала) и вынула оттуда мои игрушки: целлулоидного мишку и кукольную чайную посуду. Она зарыла их в землю, когда пришли немцы. А затем отрыла и привезла в Киев: сохранила чужое... Она берегла чужие вещи, даже если это были детские игрушки.

У моих рассказов нет заключения. Это только картинки прошлого.

Эльвира Фагель

Бостон, США

Без родных могил. К началу Второй Мировой

По очень узкой и быстрой литовской речке Уле мы пробираемся на байдарках между корягами, скрытыми под водой или вытарчивающимися, как скрюченные старушечьи пальцы, иногда проплываем, почти ложась на дно лодки, под поваленными деревьями, лавируем между завалами веток. Нас пять экипажей, а ведет нас в легкой маневренной «Таймени» наш «адмирал» Ковальчук. Командир наш многоопытный, бессменный вот уже много лет, и каждое лето он водит друзей – пешком ли, байдарками – но всегда в движенье и на природе.

Река бежит между крутых, густо заросших безлюдных берегов, то сужаясь, то круто изгибаясь, то разбегаясь на два рукава. Наш кортеж в борьбе с препятствиями растянулся, мы не видим остальных лодок, и только «адмиральская» время от времени бесшумно отделяется от прибрежных низко опущенных к земле зарослей – это Ковальчук поджидает своих «овечек», чтобы предупредить об очередном завале

и показать, с какой стороны выбрать обход. Лодка его, как всегда, нагружена больше других, по самые края бортов. Как-то так получается, что большая часть общественного скарба, по обыкновению, уходит к нему.

Наш экипаж – новички в байдарочном походе. Нас, всех троих, сильно занимают живописные берега, светлое струение воды у борта, громадные стрекозы и шустрые птички. Одна, маленькая, с желтыми перышками долго «ведет» нашу лодку, как бы показывая, где подать вправо или влево, с какой стороны обойти мель. Она терпеливо покачивается на торчащей из воды ветке, пережидая, пока мы выровняем нос, и снова, после вынужденной остановки, разовьем скорость. Потом она покидает нас по своим птичьим делам и мы провожаем глазами нашего добровольного лоцмана. Тут-то, заевавшись, мы и садимся на корягу. Есть! – сквозь днище стремительно набегают вода: мы пропоролись. До дна, как и до берега, недалеко, опасности для жизни никакой, но неприятно: мы-таки проявились как дилетанты! Вытряхиваем пожитки на берег, вытаскиваем и переворачиваем лодку – сушить. Сушка да склейка – часа на два мы отстанем от компании.

Вроде бы никто не видел нашей аварии, а Ковальчук тут как тут. Без лишнего слов перегружает котлы в свою лодку – кажется, некуда, да как-то умещает, – деловито перечисляет: все ли есть для починки? Высчитывает и сообщает нам, через сколько километров высматривать стоянку, где к нашему прибытию уже будет готов обед. В обычной ситуации Леня чаще молчит, мягко посмеивается, говорит немного нараспев, глаза – хитрые. Но когда требуется принимать решение, становится твердым до категоричности, быстрым и даже суровым. Для меня остается загадкой – как он, проходя, как все мы, впервые по маршруту, так ориентируется на местности, безошибочно связывает время и расстояние, каким чутьем угадывает лучшие места для стоянки. Можно подумать, Ковальчук – деревенский житель (Леонид Михайлович Ковальчук – заведующий одной из лабораторий Московского ЦНИИ строительных конструкций. Он – известный в своей области ученый, доктор технических наук, профессор, выпустивший на научную стезю десятков аспирантов).

...Когда мы, несколько смущенные, под бравый приветствующий хор (первое боевое крещение!) выволакиваем лодку на берег у стоянки, от костра тянет вкусным, миски наготове, Ковальчук колдует над противнем, разогревая куски легкого. Это легкое в невероятном количестве было закуплено «адмиралом» вчера в сельпо – дешевое объеденье! (Ковальчук, обеспеченный материально самым

благополучным образом, славится своим стремлением и умением сэкономить), сготовленное им же вне дежурства, поглощено в таком объеме, что сегодня о нем слышать не хотели. Но не выкидывать же оставшееся! И Леня, хитро поблескивая глазом, греет вчерашние остатки на костре, причмокивает, потягивает с наслаждением носом, приговаривает сочно и вкусно, как бы про себя, но так, что всем слышно. И вот уже даже насмешники, на все лады обыгравшие «тяжелое легкое», тянутся к противню с ложками. (Бережное отношение к еде осталось у Ковальчука с тех проклятых дней сорок первого, когда он, двенадцатилетний, ел траву, грыз кору, сосал лед, пытаясь обмануть желудок, когда пухли ноги и уплывало сознание от голода... Я не смеюсь. Я помню, как маленькой, в сорок пятом, по утрам находила под подушкой кусочек хлеба, запрятанный папой с вечера. Я удивлялась, а в маминых глазах стояли слезы: наш папа пережил ленинградскую блокаду...)

На сегодня путешествие окончено. Мы располагаемся здесь, в уютной ложбине на два дня: командир наш объявляет грибные и ягодные заготовки. После завтрака отправляемся по чернику. Кроме обязательной сдачи нормы (какое варенье мы привезем в Москву!) все наедаются всласть, в этих местах можно набрать кружку сидя на месте. Дети так и делают – это видно по джинсам, безнадежно окрашенным сзади. Вообще-то нам везет в этот август с погодой. Ковальчук утверждает, что тогда и там, где он отдыхает, погода всегда стоит прекрасная (однако я предполагаю, что просто он любовно относится к любым проявлениям природных возможностей). Но случаются и дожди. Вот и сегодня: быстро темнеет, будто наступает вечер, и становится очень тихо. Треск сучка под ногой раздается, как выстрел, в этой тишине и кажется зловещим. Даже травинки и ажур листвы выглядят неживыми в своей неподвижности. Замечаю, что отстаю от компании, да так, что голосов не слышу – может, они вязнут в сгущающейся темноте? Неожиданно углядываю Ковальчука, сидящего прямо на земле. Странноватая поза – сжатые плечи, напряженная шея. От радости, что вижу живую душу в этом пострашневшем лесу, бросаюсь к нему: – Эй! Вскакивает так, будто его вытолкнула пружина. Сразу обрушивается с неба вода, мы залезаем под разлапистую сосну. Конечно же, промокаем до нитки, но я ничего не чувствую и ничего не замечаю, потому что Леня, Леонид Михайлович Ковальчук, мой давний знакомый, впервые рассказывает мне, под ливень и гром, о своих родителях, о своем родном городе Умани, о самом страшном из его пятидесятисемилетней жизни.

Нельзя сказать, что 41-й семья Галкиных встретила в полном счастье и благополучии. Четвертый год Клара Львовна управлялась с двумя детьми без мужа. Черные годы летописи нашей страны, тяжким бременем нагрузившие совесть поколений, задели и эту семью. В 1937 году Клара Львовна с восьмилетним Ленькой и четырнадцатилетней Адой проводила глазами Михаила Галкина на станции Кристиновка, в сорока километрах от Умани, куда кинулась с детьми и пакетом еды, узнавши окольным путем, что там пройдет вагон с арестованными «врагами народа».

Война. Среди сумятицы первых дней, страха, предположений, растерянности уже слышны голоса, предостерегающие евреев: надо уходить в тыл. Но бабушка, чье образование не допускает до сознания новые проповеди «сверхчеловеков», не верит никаким предостережениям и уговорам, и Клара Львовна с детьми остается.

Wikimedia. United States Holocaust Museum

В середине июля в город вошли немцы. Уже в августе начались акции против евреев: через газету «Уманский голос» было вменено обязательное ношение повязки с желтой звездой, следовали объявления о расстрелах по 20 – 40 человек, в сентябре фашисты собрали еврейских юношей, загнали в подвал Дома пионеров и пустили газ. Так уманцы узнали о душегубках. В октябре разразился первый погром. Фашисты и полиция врываются в дома евреев, грабили, убивали. Люди прятались в огородах, убегали – спасались. На этот раз беда обошла Галкиных. В ноябре погром повторился. Среди ночи, когда уже раздавались выстрелы, в дом Галкиных

осторожно постучались. Надо открыть, это не враг, а значит – друг. Вошла Татьяна Антоновна Кацюбинская. С этой молчаливой, неприметной школьной преподавательницей украинской литературы Клару Львовну до войны связывала общая беда: муж Татьяны Антоновны был тоже, как и Михаил Галкин, в поезде, увозившем в тридцать седьмом на восток арестованных. Объединяли двух жен бесплодные и безнадежные хлопоты и тоскливый страх за здоровье и жизнь мужей. И вот эта женщина, познавшая горечь отверженности и беспомощности, знающая, как безысходен страх, подумала о самых гонимых. И пришла спасать.

– Сегодня ночью проводится акция. Пойдемте.

Никто не видел, как в темноте трое вошли в дом Татьяны Антоновны. А та побежала за бабушкой. Леня помнит, как ждали они, как растягивались и замедлялись минуты и как потом побежали, понеслись стремительно, когда послышались причитания бабушки, торопливый, успокаивающий шепот Татьяны Антоновны, стук о забор пожитков, с которыми старушка никак не желала расстаться. А улица уже окрашивалась рассветом, появлялись люди, и кто-то указал рыскающим в азарте охоты полициям на дом Татьяны Антоновны. Клара с детьми кинулась в противотанковую щель (такие были нарыты возле каждого дома) с полуметровым слоем грязной воды, бабушка не захотела лезть в застоявшуюся жижу и погибла на месте. Трое Галкиных дождались, когда на улицах стихла стрельба и крики и вернулись домой.

Очень скоро после этого погрома фашисты образовали еврейское гетто на территории старого базара и примыкавшего к нему района, населенного евреями. Дома гетто были набиты по нескольку семей каждый, ни о каком продовольственном и медицинском снабжении властями не было и речи. Люди выменивали вещи, оставшиеся ценности на еду, пробираясь в город тайком через доску, выломанную в заборе гетто.

Леня помнит ухоженных, подтянутых, отутюженных немецких офицеров в гостинице, что одной стеной примыкала к гетто. Перед окнами этой гостиницы стояли голодные ребята гетто в надежде заработать кусочек съестного. Иногда удавалось за вычищенные сапоги получить корочку, чаще – побои, ругань и издевательский хохот. Татьяна Антоновна и ее четырнадцатилетний сын Петро иной раз приносили в гетто с трудом раздобытую еду, чаще глоток воды заменял завтрак, обед и ужин.

Немцы накладывали денежные контрибуции на гетто, за невыплату грозила смерть. Людям все труднее было собирать деньги.

Дошла очередь до Галкиных. Где взять огромную сумму, когда не осталось ничего ценного? Если денег не будет, завтра расстрел.

В этом пошатнувшемся мире, ставшем вдруг жутким до нереальности, рушились для Клары Львовны, такой нужной до сих пор людям, все связи и знакомства, и жизнь крутой спиралью сходилась в одну точку – дети! На них замыкались ее душевные силы и отчаяние. Ночью Клара решила отправить сына к бывшей коллеге – врачу Марии Кравченко. О ней говорили, что живет хорошо, работает в той же клинике, имеет частную практику. Еще слышала Клара Львовна от Татьяны Кацюбинской, что вроде бы прячет Мария раненого красноармейца. Через ночной город прокрался Леня к дому Кравченко, давась слезами, передал мольбу матери и вернулся с требуемой суммой.

– Если останешься жив, сделай все, чтобы вернуть долг Марии. Она спасла нам жизнь, – так сказала мама.

(В первое же лето после освобождения Украины Леня все заработанные в поле денежки завернул в тряпицу и отправился в Умань. Мария Кравченко выслушала Ленькину историю, молча повздыхала, вернула деньги со словами: «Учись, Леня, встань на ноги, тогда сочтемся, а деньги тебе сейчас пригодятся»). В 1954 году, инженером, он приехал в Умань из Москвы, но Кравченко там уже не было, и никто не знал, куда она переехала. А спустя еще несколько лет кандидат наук Леонид Михайлович Ковальчук, случайно узнав, что Кравченко живет в Москве, с женой пришел к Марии Васильевне. Хозяйке была подарена только что вышедшая книга – монография с авторской надписью. Тогда Леонид и увидел у Марии медаль «Партизану Отечественной Войны» I степени).

...Прошло несколько недель. Однажды вечером в гетто вошла женщина, укутанная темным платком, с желтой звездой на нарукавной повязке. Снова Татьяна Кацюбинская, смертельно рискуя собой, шла спасать Галкиных – узнала о готовящейся акции. Выходили из гетто, ожидая окрика или пули, укрылись на чердаке дома Кацюбинских. Три дня жили там, замирая от страха за себя и хозяев – знали о приговоре тем, кто прячет, спасает, сочувствует евреям. Татьяна изо всех сил старалась подбодрить своих жильцов, делилась едой, скудеющей с каждым днем. Прокормить еще троих даже в первые месяцы оккупации было сложно. И Клара Львовна сознавала это с нарастающим ужасом. Наконец она решила и ночью, тайком от хозяйки, трое вышли из дома и сели на пустыре среди бурьяна. Когда рассвело, Клара оставила детей ждать: «Пойду разведую...» Вернулась довольно скоро, лицо ее было светло и

спокойно, как у человека, определившего свою судьбу, уставшего страшиться, отреченного от жизни.

– Убивают детей и стариков. Здоровых взрослых гонят на работы. Мы с Адой пойдем, а ты, Леня, постарайся спастись.

Она не добавила того, что было яснее ясного: с нее и восемнадцатилетней Ады можно было писать портрет библейской Рахили, они и шагу не ступили бы среди людей. Без них у Леньки есть шанс спастись: остренький носик, голубые глаза, темно-русые волосы – на еврея похож не больше, чем любой украинец или русский. Они ушли – на страдание и смерть, – а Леня остался. Самые близкие и родные, прибежище и утешение во всех его бедах и страхах, не могли ему больше ничем помочь, и отныне он должен был все решать и действовать сам. Не сразу он смог к этому привыкнуть. Он бродил по городу час и другой, не зная, что же делать и куда податься. И пошел ... в гетто. На рыночной площади он увидел разрушенные халупы и всюду – трупы. Наткнулся на тело девочки с их улицы, в разорванной рубашонке, со вспоротым животом. Среди мертвых ходили, стаскивая их в кучи, живые – полицаи. Один прикрикнул на Леню: «Брысь! Уже все что можно растаскали без тебя! Пошел, пока цел!». Теперь ноги понесли его к родному дому. Встретил Петра Кацюбинского. «Подожди здесь, спрошу у мамы, что делать». Пока ждал, подошли две одноклассницы: «Как, не в гетто?!» – и побежали за полицаем.

– Смотри-ка, живой жиденок!, – полицай прихватил лапищей ворот рубашки, от души отвесил оплеуху и потащил в полицейский участок. Там собирали тех, кто спасся от погрома.

Наутро всех вывели на улицу, построили, немецкий офицер был готов вести колонну на расстрел. Вдруг из глазающей толпы кинулась маленькая пожилая женщина, быстро-быстро залопотала по-немецки, с жаром тыкая в Ленькину грудь. Это мальчика увидела в колонне обреченных его школьная учительница немецкого языка Галина Павловна. Офицер внимательно посмотрел на Галкина, подумал и толкнул его обратно в участок. Колонна ушла, а решением Ленькиной судьбы стал заниматься дежурный офицер. Галина Павловна, подрагивая мелкими буклями и для убедительности прижимая усохшие ручки к груди, доказывала, что знает эту семью хорошо много лет, что все они, а значит, и этот мальчик – чистейшие украинцы и что попал он сюда по недоразумению. Немец пунктуально составил протокол, но, поставив точку, потребовал еще двух свидетелей, готовых вместе с Галиной Павловной подтвердить Ленькину «невиновность». Этого требовала немецкая обстоятельность. Леня сидел уставившись в пол, понимая, что

решается его судьба, улавливая отдельные слова, но все же смысл происходящего не вполне доходил до его сознания.

(Это потом, несколько лет спустя, когда ежеминутный страх отпустит его сердце, когда улягутся в хронологический ряд все события тех дней, когда память восстановит все подробности, оставшиеся вроде бы за пределами внимания, когда значимость и моральная ценность слов и поступков займут свои места, он с благодарностью и тоской поймет, что старая учительница ставила на карту свою жизнь ради Ленкиной).

В соседней комнате, за разговорами, коротали время в ожидании раздачи продуктового пайка обласканные твердым режимом жены полицаев, местных хранителей порядка. Туда и влетела Галина Павловна в поисках двух свидетелей. Смог бы Плевако, стоя на краю бездны и рискуя каждую секунду туда рухнуть, произнести такую зажигательную речь?

– Гляньте, женщины! Готова пролиться украинская кровь! На наших глазах погибает безвинное дитя украинской земли, несчастный сирота!..

Старая учительница так разжалобила сытых теток, что к глазам потянулись платочки, и двое подписали протокол, на сегодня спасающий Леньку от смерти. Жалость к замурзанному худышке была столь искусно вызвана и подогрета, что одна из женщин объявила перед всей публикой, что берет сироту, у которого «при бомбежке погибла вся семья», к себе. «Благодетельница» оказалась женой начальника уманской украинской полиции.

Пока оформлялось Ленино «усыновление», его отправили в детский дом, куда были собраны детишки, оставшиеся без родителей, большей частью еврейские. По мере укрепления немецких порядков ребят небольшими группами увозили, объявлялось: в другие детские дома. Но однажды на рассвете вернулся один из увезенных, весь в крови, и рассказал, что их расстреливали, он уцелел случайно и, глубокой ночью выбравшись из-под трупов, прибежал предупредить детдомовцев. Ребята стали понемногу разбегаться.

(Приехав после освобождения Умани, Леонид узнал, что двенадцать еврейских детишек отвела в подвал своего дома и постепенно переправила в безопасные места Татьяна Антоновна. «Человек, одержимый интернациональным долгом», скажет о ней Леонид Михайлович Ковальчук).

Два месяца Ленька жил в доме начальника полиции. Два месяца в этом «благополучном» доме растила ожидание беды душа мальчишки. И однажды случилось то, что рано или поздно должно

было случиться: в сенях Леня столкнулся – глаза в глаза – с Адиным соучеником в форме полица. Снова смерть дохнула ему в лицо. Ночью он не мог заснуть, тихонько подкрался к спальне хозяев и услышал разговор:

– Когда сдашь жиденка?

– Подожди пока, вот в воскресенье вечером поведут в расход партию, возьму и его, убью своими руками змееныша.

Теперь не оставалось ни сомнения, ни надежды, ни времени.

К этой поре Леня уже слышал слова «линия фронта». Там, за этой линией – советские люди и советские законы, надо только перешагнуть эту линию, и все кошмары кончатся. Но и то он понимал, что любой человек без документов здесь, на оккупированной земле, может оказаться смертником. Что же делать? Хоть какую бы бумажку, удостоверяющую личность, справку... И вот Леня вырывает из хозяйской тетради, обычной ученической тетрадки в клеточку, лист и пишет: «Справка. Дана ...». Нет, конечно же, нельзя писать – Галкину! Придумывает фамилию, перебирает знакомые... Вот! «... Ковальчуку Леониду Михайловичу, что он едет в Полтаву на постоянное место жительства к своей тете Марии Петровне Ковальчук».

Этот наивный документ, написанный на вырванном клетчатом листке детской рукой, стал первым свидетельством его личности, а потом основой для официального – сперва до конца войны, а потом на всю оставшуюся жизнь...

Трое суток шел он от Умани к Полтаве, где думал достичь линию фронта. Голод расшатывал под его ногами землю. Австрийский врач-офицер, ехавший в возке к Полтаве и остановившийся пообедать на обочине дороги, увидел голодные глаза, дал кусок хлеба. Осмелевший Ленька попросил подвезти. Губа поднялась в брезгливой гримасе, офицер пощелкал пальцами: «А вошка есть?» Ленька принялся горячо уверять, что вшей нет, в доказательство выворачивая наизнанку рубашку. Австриец разрешил пристроиться на краю возка. Ехали полдня и вдруг увидели толпу изможденных теней с лопатами и носилками – это заключенные строили немцам дорогу.

– Клара, посмотри!

Выпрямились и застыли две женские фигуры. Метнулись страх и изумление в глазах матери, немой крик перехватил Ленькино горло – так состоялась последняя встреча, последнее прощанье с мамой и сестрой. (Потом он узнал, что лагерь ликвидировали, уничтожив всех до единого в один день в сорок втором).

С австрийцем Леня доехал до переправы через Днепр, дальше было нельзя – требовалось предъявлять документы. На берегу увидел

обоз из пустых подвод – это немцы обязали крестьян доставить к фронту гужевой транспорт. Поговорил с обросшими мужиками, и один из них с удовольствием передал свою подводу Лене, а сам отправился назад восвояси. Среди обозников Леня познакомился с молодым красноармейцем, бежавшим из плена. Саша был одержим одним желанием – перебраться к своим и снова бить фашистов. Уже на следующий день после того как под Харьковом, куда отошла линия фронта, были сданы подводы, а немцы отпустили по домам крестьян, выдав справки всем, в том числе Леониду Ковальчуку, Леня с ужасом увидел в колонне военнопленных Сашу. Тогда он понял, что не сможет перейти фронт.

...Дальше все было, как у всех советских людей, переживших оккупацию: голод и холод, неприкаянность, работа до изнеможения за кусок хлеба в деревнях. Он выдержал и выжил первую зиму, а потом ему повезло: его подобрала, выходила, пригрела в деревне Староселье Грушевского района украинская крестьянка тетя Соня Плахота. Эту женщину Леня считает второй матерью, она, зная всю его подноготную, кормила, воспитывала, поставила на ноги, отправила учиться сначала в школу, а потом в институт (на этом настаивала), так как хотела для своего питомца только высшего образования. До последних ее дней Леонид платил тете Соне сыновней заботой и преданностью.

1973-й год. Доктор наук, профессор Ковальчук впервые выехал по служебным делам за границу. Случилось так, что оборудование для НИИ, в чьей комиссии по приемке решающее слово принадлежало Леониду Михайловичу, поставляла западногерманская фирма. Семнадцать тысяч километров за 40 дней по всей Западной Германии проехал обласканный фирмачами профессор, выступал с докладом в Мюнхенском университете, принимал был по высшему разряду, жил в самых фешенебельных гостиницах. Ему почтительно внимали и кланялись дельцы и инженеры, в каждом городе его встречал врач подлечить воспалившийся палец (по телефону передавалась история болезни), а при отъезде на родину глава фирмы преподнес «маленький презент уважаемому профессору» – счет на 5600 марок за лечение, картинно порванный на клочки тут же, на глазах восхищенной публики. И все это время болезненно сжималось сердце внешне невозмутимого, сдержанного, немногословного ученого при виде ухоженных, подтянутых, отутюженных немцев с седыми висками, с

военной выправкой, которые вполне могли в сорок первом пинать детей в лицо начищенным сапогом при выходе из гостиницы у стен гетто, бить палкой его мать и сестру, душить газом еврейских парней, расстреливать детей, стариков, женщин. И неожиданное продление на три дня командировки, такой приятной для всех членов комиссии, было для Ковальчука настоящим ударом, вызвавшим приступ сердечной боли, потому что он не дни, а часы пребывания в этой стране отмечал в своем блокноте.

Были потом еще поездки и в ФРГ, и в Швецию, но та, первая, вошла в его память страшным сном, ибо там было два человека: сорокачетырёхлетний ученый Леонид Михайлович Ковальчук, корректный, твердый и благожелательный, и до смерти запуганный мальчишка двенадцати лет из еврейского гетто, Ленька Галкин.

Выросли у моего давнего друга Ковальчука двое крепких сыновей. Они молоды – им еще далеко до возраста Христа. Они учатся – в институте, аспирантуре, развлекаются, влюбляются, словом, всю жизнь живут. Смотрят вперед, и им не хочется оглядываться, события сорокалетней давности для них – история. Возможно, поэтому Леонид Михайлович рассказал мне о своем далеком детстве, о мученической смерти близких: должен же кто-нибудь понять, как тяжело жить без того, чтобы не склонить голову перед родными могилами, на надгробии которых высечено «Галкины».

Признаюсь, я не единожды выспрашивала подробности, еще и еще выслушивала детали. Замечая, как тяжелели веки и уходил внутрь взгляд, как становилось судорожным дыхание и как тайком он снимал с ладони таблетку нитроглицерина, я чувствовала себя так, как, наверно, чувствовал бы себя хирург, оперирующий без наркоза, с той разницей, что он-то лечил бы, а что могу я? – разве что призвать память старшего и внимание младшего поколений к тому, что все мы обязаны знать и помнить.

Даша Кашина

Киев, Украина

Не забудь выпустить птичку. По воспоминаниям Льва Майорова

Лев Майоров (1919–2008) – сын Ильи Майорова, левого эсера, арестованного в 1937-м, расстрелянного в 1941-м. Льва арестовали в 1937 как «сына врага народа», с 1938 по 1945 находился в ГУЛАГе на Колыме, работал на прииске «Ударный». В 1949-м был повторно арестован в Казани, где учился в Сельскохозяйственном институте. Ссылку отбывал в Красноярском крае; после освобождения вернулся в Казань. Реабилитирован в 1959-м. Лев Майоров умер в июле, в больнице, не придя в себя после третьего инсульта.

Люди страдают. Люди умирают. Погибают целые экосистемы, – начала свою речь Грета Тунберг на саммите ООН.

Люди любят фантастику и верят в нее. Почему не поверить в фантастический сюжет о том, что планета может разрушиться от энергетики страданий человечества, а не от технологических выбросов в атмосферу?

Посмотрите на маску скорби Эрнста Неизвестного на Севере. Я не знала о ней, хоть и была в мастерской Эрнста Неизвестного когда-то в Сохо, где у самого входа на полу стоял портрет Горбачева с акцентом на родимое пятно на голове. Оно – будто предвидение бывших или будущих тревог. Об особенностях монумента я прочла на днях в рукописи дожившего до наших дней узника лагерей*:

«Монумент расположен на высоте 200 метров над уровнем моря. Высота его 15 метров, площадь постамента 56 кв.м.. Сооружен он

из монолитного бетона. К лестнице он обращен левым боком. Верхняя часть его головы покрыта масками человеческих лиц различных размеров и форм, а несколько ниже (в зоне уха) квадратное отверстие (окно камеры одиночки). С лицевой стороны, обращенной к морю, он выполнен в виде скорбной маски человеческого лица. Вернее, только левой части лица и подбородка. Причем из левой глазницы стекает слеза, выполненная из мелких масок человеческих лиц. Чуть правее носа походит вертикальный брус простого креста, поперечины которого выполняют, как бы, функцию бровей.

На месте правого глаза – зарешеченный сквозной оконный проем, в котором помещен бронзовый колокол, отбивающий при ветре скорбными ударами память о безвинных страданиях, а снизу ведет в тюремную одиночку винтовая железная лестница от основания монумента.

Внутри задней части монумента изображена подвальная одиночная камера, на полу которой бронзовая фигура рыдающей женщины, стоящей на коленях и закрывшей лицо руками. Над ней в верхней части закреплен большой крест с неканоническим распятием – мужская фигура, прикрепленная к кресту при помощи трех наручников (ноги соединены вместе). Вследствие этого все тело обвисло, а мышцы вздулись.

Сопка, на которой размещена «Голова», символизирует Курган над братской могилой всех оставшихся в Колымской земле. «Голова», в свою очередь символизирует (опираясь на новые научные изыскания) совокупность «аур», погибших людей и в результате потенциальной энергии их «электромагнитных полей», сконцентрировавшихся в макушке сопки и над ней, как бы не вынося накопившейся скорби души, возникла над вершиной братской могилы, раздвинув гранитные глыбы, находившиеся в ее вершине в результате чего вокруг шеи головы образовалось нечто вроде воротника.

Одноглазый взгляд монумента со слезой из посмертных масок обращен на пустующую бухту, в которую в течение ряда десятилетий приходили пароходы с теми, к памяти о которых она зывает».

Так увидел монумент человек, с восемнадцати лет просидевший в лагерях, – Лев Майоров. Он вырос в семье революционерки Марии Спиридоновой, на которой был вторым браком женат его отец.

На допросах его спрашивали об отце. Ну что он мог рассказать?

«Сколько я помню отца, тот всегда был в ссылке. Отец присылал книги о природе, птицах, животных. Купил велосипед. Я принял

участие в велопробеге, где стал вторым. Наверное, отец и его жена ничего не знали о реальной жизни. Потому, что однажды, прочитав газету, Спиридонова сказала: «Какая сволочь этот Радек!».

В восьмидесятые годы Лев Майоров лежал в больнице рядом с человеком, утверждавшим, что все репрессированные были наказаны справедливо. «Интересно, кем же он был?» – подумал автор воспоминаний. Получается, что люди были виновны в том, что выезжали за границу, или вернулись из эмиграции, или общались с иностранцами. И разве они представляли опасность для страны в такой степени, чтобы их вывозили и расстреливали массово в лесах, с кляпами во ртах?

Чижевский тогда выдвинул версию, что такие периоды человеческого помешательства бывают связаны с какими-то пятнами на Солнце. Мемуары Майорова построены так, что перечисляется огромное количество фамилий людей, которые были с их автором, Львом Майоровым, на соседних нарах в разных тюрьмах и лагерях. Лев Майоров хотел, чтобы помнили. Я подумала об этом, когда узнала о ликвидации центра «Мемориал» и оправдании властями действий сталинистов. Я еще раз открыла мемуары, так и не напечатанные на бумаге:

«Ночью в квартире прозвенел звонок. Мама быстро оделась и пошла, открывать дверь. Андрюша проснулся, и чувство непонятого страха и физической слабости мгновенно пронзили его. Резко отворилась дверь, и в комнату вошли двое мужчин, за ними согбенная Надежда Дмитриевна Роганова, соседка из шестой квартиры. Один из вошедших был в форме, татарин, второй – в гражданском. Дрожжащими руками мама зажгла лампу и прикрыла постель. Андрюше велели одеться, затем предъявили ордер на арест».

Андрей и его мама онемели от неожиданного известия. Андрей побледнел и почувствовал произвольную мелкую дрожь во всем теле, особенно в конечностях. Пытался, было, совладать с нею, но, как только забывал об этом усилии, она снова овладевала им. Слез не было, слезы и какие-то тихие причитания исходили от мамы, которая сидела на своей кровати. Обыск начался с кровати, видимо, по инструкции, предполагавшей хранение под подушкой или матрацем оружия и других компрометирующих материалов. Также была осмотрена его одежда, которую он потом надел. Перерыли более или менее все. Отложили кучку дореволюционных журналов «Нива». Его выписывал мамин папа еще в Турминском, где, овдовев, в возрасте сорока лет, содержал семью, состоящую из старушки-матери, четырех дочерей и троих сыновей, а потом и маленького внука. В отобранных

журналах Представителей Власти интересовали групповые снимки военных разных чинов – участников войны с Японией и Германией. Может быть, им было дано задание установить скрывающихся от советской власти врагов народа? Эта мысль мелькнула в голове Андриюши после того, как один из оперативников спросил его, не знает ли он кого-нибудь из лиц, изображенных на этих снимках в журналах?

Взяли также небольшой микроскоп, которым пользовался отец, страшный любитель энтомологии. Он был сделан в форме подзорной трубы малого диаметра на небольшом кронштейне. Взяли карманные серебряные часы фирмы «Мозер» с цепочкой, которые подарил Андриюше дедушка после ареста своего сына, отца Андрея. Был взят также узбекский небольшой нож в форме русского косаря в ножнах с отломанной ручкой.

Когда Андриюше предложили собраться, он попросил разрешения взять с собой школьный задачник по геометрии Рыбкина, тетрадь в клеточку и карандаш, на что получил разрешение.

Прощание с мамой было кратким, но очень тяжелым. Она безудержно рыдала, он весь дрожал и во время прощального объятия не смог сдержать слез, незаметно смахнув их рукавом. При выходе из комнаты Андрей сказал: «Мама, не забудь выпустить птичку». Над его кроватью на оконной раме висела клетка с чижигом...

* Л.И.Майоров «По паутине памяти Колымчанина», Уфа, 2007 г. (музей смог издать только пять экземпляров).

Анатолий Бергер

С.-Петербург, Россия

Четыре отрывка из прошлого

Небыль

Прошлое всегда небыль

Отыщу ли я себя в том дальнем, полузабытом, что называется прошлым? Дом на Большой Московской и сейчас стоит. После капитального ремонта он упрочился, будто возвысился. Улица поделилась надвое — половина пешеходная, а другая, близкая к дому, прошита транспортом насквозь. Каково нашим бывшим комнатам, таким нашим тогда? Что видно из кухни — маячит ли вдалеке тёмным поднебесным золотом Исаакий?

А что во дворе, где метался мяч, где с криками бегали, забивали голы? Нет двора, разошёлся в разные стороны, пусто, превратился в проход к следующему дому, выставленному окнами на Разъезжую. И жизнь, в те годы такая всамделишная, такая всеми своими извилистыми корнями привязанная к земле, такая вбитая в тротуар — где она? Где соседские мальчишки, с которыми играл, возился, мотался, перекрикивался, сговаривался, где? Где Володька Шостакович, родной племянник композитора, Володька, чей отец, издали особенно, похож был на маленького, упрямо спешащего куда-то гения?

Где Юрка Браверман — высокий, чернявый, сильно бьющий по мячу в мои вратарские владения? Где братья Якунины — Женька, Володька, а старший Юрка погиб, карабкаясь по водосточной трубе

на 5-й этаж, обожгла губы глупая сигаретка, дёрнулась рука, скатилась ступня с покато́й железяки и всё — разом, навсегда — в смерть, в кровь. И не только они — кого помню. Но и те, кого не помню, да и не знал — все исчезли, пропали для меня теперешнего, как и я для них.

Помню тёмный запах послевоенной поры. Всё было втёмную — город, люди, трамваи... Инвалиды-обрубки на катящихся квадратных досках. Каково им было смотреть снизу на нас... Как курили они свой Беломор, окуроч не отцеплялся от дымящихся губ, торчал, ходил дымными кругами. И пахло помесью этого дешёвого дыма, тяжёлого мужского пота, пахло мертвецкой и шалманом. И шум, шум — гудки, дребезги трамваев, крики, треск, утробный накат уличного репродуктора.

Детство моё было скудное и невесёлое. Родители меня любили, а жизнь окружающая — нет. В коммунальной квартире и трудно ожидать чего-то иного. Соседи, муж и жена, евреев не жаловали, сыну своему не позволили жениться на еврейской девушке. Люди терпели друг друга, терпели власть предрержащую и власть обстоятельств. То были уходящие сороковые послевоенные и подступающие пятидесятые.

Квартира на 5-м этаже без лифта, без ванной, печное отопление, ни телефона, ни телевизора — по нынешним понятиям, каменный век. Комната соседей, окнами во двор, наши две комнаты выходили на Большую Московскую. Я с родителями, бабушка и дедушка, их сын, ему уже за тридцать, мамин брат. Он пил, таскал из дома вещи. Помню, как дедушка мой, седой суховатый старик, тихий и запуганный, остановил своего сына на пороге комнаты, вытащил у него из-за пазухи пиджак, который тот собирался продать. Лицо у деда побелело и словно остановилось, руки затряслись. Сын стоял столбом, опустив глаза. Потом прошёл мимо своего отца, скрежетнула дверь. Кто-то закрыл за ним, дверь запиралась на крюк, огромный, чёрный, как кочерга.

Отец мой с трудом выносил тещу и тестя, а их сына, мамино́го брата, презирал всей душой. Как-то сказал мне: «Станешь пить — я вычеркну тебя из моего сердца». Я запомнил это. Впрочем, к выпивке меня и не тянуло. Да и мал я ещё был тогда.

Тяжким испытанием для меня оказалась школа — ежедневная принудилровка: раннее сумеречное утро, скворчащая на сковородке яичница, побег вниз по хмурым ступенькам почти нескончаемой лестницы, грузная дверь парадного, улица с её громоздким шумом, неприветливостью прохожих, страхом наступающего дня. Школа —

привычная возня в гардеробе, разбегающиеся друг от друга коридоры, сдвинутые парты в тесных классах, мы за партами, запуганное пространство, засунутое в тёмное время, и дёргаются детские голоса, бубнит голос учительницы. Мальчишки — стриженные, худые, как посмотришь сейчас на старые серые фотографии тех лет, — приютский загон на много дней, недель, месяцев.

Первые годы учёба давалась мне легко, потом начались алгебра, геометрия, физика — всё будто специально против меня снаряжённое. Удивительно, что сохранился до сего дня друг из тех тёмных лет. Казалось, всё разобщило, разрушало совместность. Эта пещерная драчливость, хищная недоверчивость. Но что-то, видно, и сроднило.

Сейчас пришло осознание проходящих дней, и оно больше отдаляет, чем привязывает.

Свидетель

Это было в середине нашего с Брауном суда в декабре 1969 года. Дело быстро катилось к концу по накатанным скользким рельсам советской юриспруденции: холодно-беспощадно свиристал голос прокурора Инессы Васильевны Катукowej, готовно гудел тяжёлый низкий голос судьи Исаковой и семафорно подмигивали ему голоса народных заседателей. И слабо, отдаленно, как невнятное объявление в глубине вокзала, слышались, прерываясь на полуслове, нетвёрдые голоса адвокатов, да и замолкали надолго.

И совсем уже еле слышно, как говор на перроне, звучали наши голоса со скамьи подсудимых. Голоса свидетелей наших звучали ещё тише, ещё слабей, порою слышать их было ещё мучительней, чем голоса судьи и прокурора. Но вот настал день, и на маленькую сутулую трибунку свидетеля взошёл он, поразив нас ещё при входе своём в зал.

Сияющий сединами, весь какой-то светящийся, прямой, как воздетый указательный перст, твёрдо глядящий перед собой, он шёл твердой и, в то же время, лёгкой походкой. Широко открытые глаза лучились, губы были сжаты. А было ему тогда девяносто два года. Привезли его из Владимира, куда ездил за ним и брал показания следователь. Это был знаменитый когда-то Василий Шульгин — депутат царской Думы, редактор киевской газеты «Киевлянин», борец с советской властью.

Он выступал сейчас как свидетель Коли Брауна, тот бывал у него во Владимире, читал ему свои стихи. Удивительно было видеть Шульгина, светящегося отсветом начала века, напротив тёмной

сплочённой кучки советских судейских. Всё выглядело как находка кинорежиссёра, и фильма этого мне не забыть никогда.

Его спросили о стихах Коли:

— Мы со следователем, очень милым молодым человеком, долго читали стихи Буби (так он называл Колю), но ничего антисоветского в них не обнаружили, — ответил своим медленным, словно шествующим голосом Шульгин.

— А что вам известно о фашистских высказываниях подсудимого, об его нацистских убеждениях? — спросили его.

— Прежде я хотел бы сказать о том, что фашизм и нацизм — разные понятия. Фашизм крайне неприятен, порочен, но при определённых обстоятельствах может быть терпим, нацизм нетерпим ни при каких обстоятельствах, преступен и подлежит самому непримиримому осуждению. Что же касается Буби, то ни фашистских, ни нацистских высказываний я от него никогда не слышал. Да я бы их и не стал слушать.

Он посмотрел на нашу скамью подсудимых, где сидели мы с Брауном, своим твёрдым светлым взглядом. Это были воистину минуты какого-то странного потустороннего счастья в безвыходном нашем настоящем. Мы были потрясены, судейские посрамлены. Присутствующие, наши родные, друзья, знакомые смотрели на Шульгина во все глаза.

Выступление было закончено. Шульгин так же прямо, твёрдо и неуклонно, высоко подняв голову, покинул зал. Вместе с ним ушёл свет, исходящий от него. В зале снова стало темно и безысходно. Россия серебряного века скрылась за дверьми, за окном виднелся век ржаво-железный.

Суд наш ещё быстрее покатился дальше. 15 декабря нам объявили приговор. Скоро уж предстоял этап и лагерь. Шульгина мы больше никогда не видели. Он умер девяноста шести лет от роду во Владимире, похоронен там же.

P.S. Сейчас я знаю о Шульгине много больше тогдашнего. Сейчас он не чудится мне столь светлым. Но не стал сегодня переиначивать то, что чувствовал тогда.

Поэт

Поэт уже без малого сорок лет пребывал в обители нескончаемой тишины. По лицу его бродила растерянная печаль, двигался он медленно и неуверенно. Часто сидел в большом кресле в фойе, голова его клонилась на грудь, он засыпал, а когда просыпался, это не было

возвращение в бдение, а словно бы в иную разновидность сновидения, которое окружающие люди принимали за явь.

За окнами высились огромные сосны, порой в их тесный ряд вклинивались берёзы, такие же огромные. Тревожно и прерывисто стрекотали сороки, глумливо выясняли отношения вороны, будто опоясывая пространство, звенели синицы. Поэт не слышал их. Когда он изредка говорил, голос звучал слабо, как оборванная струна из небытия. На голове его торчала странная шапочка — не то колпак фокусника, не то нечто похожее на чалму дервиша. Рядом с поэтом почти постоянно находилась девушка, почти девочка. Она водила его в столовую, сопровождала в медленном хождении по аллеям участка.

Мы спросили у неё: кто она. — Нет, не дочь, — ответила она — но родственница. Чувствовалось, что её не тяготило постоянное пребывание с глухим. Она сказала нам, что несколько лет он уже не пишет стихи и даже не ведёт дневников, чем занимался всю жизнь. Я помнил поэта в давние времена его славы. Я слушал его стихи. Он читал завораживающе. Магия его чтения захватывала и не отпускала долго. Он был поэт-звуковик, как говорили тогда. Смысл был где-то внутри, но чудо поэзии звучало неотразимо. Его чтение неопровержимо доказывало, что поэзия — искусство устное. Он был истинным поэтом гомеровского корня, и его глухота была сродни глухоте Бетховена. И так же, увы, неизлечима. Прощаясь, я пожал ему руку. Он тихо проговорил: — Какое у Вас крепкое рукопожатие. Мы с женой обняли его чудесную сопровождающую. Был август 2016 года. Поэту исполнилось 80 лет.

Шапка

Ещё вчера над бескрайней монгольской степью, без остановки убегающей в небо, кружилась чёрным огромным волчком Карабуран — злая чёрная буря. Про такую степняки говорят: пойдёшь — не вернёшься (Барсакельмес). Всё живое — ползающее, ходящее по земле и летающее над ней попряталось и не подавало голоса. Но на следующий день вернулось солнце, и ожила земля. Забегали степные звери, зазвенели в воздухе степные птицы.

Охотник на мохнатом твёрдоногом иноходце скакал за торопливым джейраном. К спине охотника туго привязан был лук, в колчане ждали своей очереди острые стрелы. Смуглое узкоглазое лицо охотника было напряжено, но глаза ярко горели азартом преследования. Вдруг заметил он сбоку от себя стадо быков, мирно пасущееся, словно радующееся избавлению от вчерашней чёрной

бури. Охотник перестал преследовать джейрана, потому что увидел мальчика-пастуха, малорослого, но крепко стоящего на земле. В правой руке тот держал большую палку, на конце которой торчала его вислоухая шапка. Левой рукой пастушонок поднимал чашку и почтительно кланялся шапке. Охотник внимательно посмотрел на него. — Что ты делаешь и что это такое? — спросил он.

Мальчик обернулся к охотнику, поклонился и тихо, но без боязни ответил, хотя и узнал его: — Я — тангут, привезённое тобой дитя потока и разграбления. Я тоскую от одиночества. Я положил шапку на конец палки и говорю: «Из нас двоих один пусть будет старшим». А шапка по старшинству первая, так что я и служу ей. Охотник покачал головой: — Твой народ провинился передо мной, но не ты. Пойдём со мной. У моей жены Бортэ-фуджин ты отныне будешь служить.

С той поры счастье стало помощником безвестному до того пастушонку. Он стал воином, эмиром сотни, а позже тысячи Чингизхана. Во время Угедей-каана, когда китайское государство окончательно было завоевано и покорилося монголам, Угедей-каан предоставил бывшему пастуху все области и войска, которые были в той стране. Звали пастушка Бурэ.

Всю молодость свою, и в армии, и среди лагерных мытарств, я чувствовал себя подобным этому тангутскому мальчику, но никто ни разу не повстречался мне, чтобы спросить у меня, что я делаю на земле.

Юрий Смирнов

Луга, Ленинградской обл., Россия

Нештатная ситуация на предприятии «Маяк», 1955 год

Первый раз я попал на атомный объект «Маяк» по производству Плутония-239 для атомных бомб в 1954 году в возрасте 15 лет, студентом второго курса политехникума. В здании техникума днём учились мы, а вечером эти же преподаватели обучали студентов филиала №1 МИФИ. В техникум принимали после семилетки. В группе я был самый младший. Были студенты старше меня и на три, и даже шесть лет. В школу я пошёл в 1945 в возрасте 6,5 лет. Тогда принимали только с восьми, но меня записала «по блату» знакомая мой матери учительница, после предварительного экзамена. Я мог читать даже газеты, а считать выучился игрой в карты в «очко» и «буру», где требовался быстрый счёт. Сказалась и жизнь в землянке вшестером: отец, мать и нас братьев было четверо. Я был младшим.

Перед практикой на медосмотре врач взмолился: «Куда же вы детей гоните?» Но врачу-несмышлёнышу объяснили, что стране срочно нужны специалисты для атомной промышленности. Тем более, что отец всех народов, великий вождь, заявил, что Третья мировая война неизбежна, а кругом одни враги. Следовало поторопиться успеть осчастливить человечество отеческой заботой.

Я был тщедушный и маленького роста – сказалась голодуха военных и послевоенных лет. Родовая наследственность проявилась только на моём сыне Игоре, восстановившем двухметровый рост наших предков – уральских казаков.

29 сентября 1957 года на химкомбинате «Маяк», который находился в закрытом городе Челябинск-40, произошла первая атомная катастрофа СССР.

Город был режимный, закрытый, окружённый многими рядами колючей проволоки. (Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей колючей проволоки). Назывался он Челябинск-40, ныне Озёрск.

В то время все атомные предприятия входили в министерство среднего машиностроения. Руководил министерством Славский Ефим Павлович. Рассказывали, что на одном из совещаний в верхах Славский не очень внимательно слушал ораторов по каким-то вопросам, связанным с атомными бомбами, про которые он знал больше, чем все собравшиеся. На замечание о небрежном отношении к выступавшим, министр ответил, что его министерство готовит продукцию не для внутреннего потребления и мелочи его не интересуют.

На третьем курсе я был направлен на практику на второе «хозяйство», как тогда назывались атомные объекты, под командованием начальника Юрченко. В отличие от предыдущего объекта, полностью находившегося под землёй, а точнее, под горой, этот объект располагался в наземных корпусах. Я был вхож только в одно здание, внутри которого имел доступ как практикующий студент службы «Дозиметрии ионизирующих излучений» во все помещения, кроме 15-ой комнаты, в которой работали инженеры, управлявшие

работой реактора. Однажды я увидел в открытую дверь (кто-то выходил из помещения) располагавшиеся там пульта управления. Часовой у двери погрозил мне кулаком, чтобы я не очень широко разевал варежку.

Случилась на этом реакторе, как принято называть, нештатная ситуация. В реакторе через определённое время из естественного урана, который, в основном, состоит из изотопа Уран-238, под действием нейтронного потока образуется новый химический элемент Плутоний-239. Кстати, слово «изотоп» в переводе означает: («изос» – тот же самый, «топ» – место) – стоящий на том же месте, в той же клеточке таблицы Менделеева и, следовательно, обладающий одинаковыми химическими свойствами.

В реакторе Уран размещается в технологических каналах в виде блочков. В каждом канале блочки располагаются на 11 метров по высоте. Длина одного блочка приблизительно сантиметров пятнадцать. Технологических каналов может быть более двух тысяч.

У остановленного реактора, окружённого водой всегда, под воду приезжает тележка, открывается заслонка в нижней части технологического канала и блочки под собственным весом падают в тележку. Тележка по рельсам выезжает из-под воды и подъезжает к массивной стене, за которой находится специальный вагон-контейнер с мощной защитой от излучений. Стена отъезжает, вагон поворачивается вокруг горизонтальной оси, открывается «хайло» – отверстие, к которому подъезжает вагонетка, переворачивается – и всё содержимое попадает в вагон-контейнер. Он возвращается в исходное положение и отъезжает вместе с содержимым на следующую промплощадку для дальнейших действий с Плутонием и Ураном, который в реакторе никогда полностью не превращается в Плутоний.

На последующих этапах Плутоний отделяют и начинка для атомных бомб готова – и можно начинать страшать весь Божий мир концом света. Разумеется, построив для себя персональное бомбоубежище, как это было сделано для вождя во время войны на берегу Волги, под Куйбышевом (Самарой). Из Кремля шёл персональный туннель длиной 13 км. на восток к аэродромам с постоянной готовностью вылета с бесценным грузом к бомбоубежищу. Верхняя бетонная плита бомбоубежища была толщиной 5 метров. Внизу, на глубине 37 метров, располагались помещения. (Сейчас там водят экскурсии). В случае ядерной войны убежище практически окажется бесполезными, так как наверху некем будет командовать.

На предприятии, где я проходил практику, при извлечении блочков из каналов и отправке их далее по технологической линии, недосчитались одного блочка. Все описанные операции производятся автоматически и непосредственного участия человека не требуют, но блочок потерян – и его надо найти. Одно известно достоверно, что украсть его никто не мог – человек, взявший такой блочок, умрёт через несколько минут. А если человек окажется рядом с извлечённым из реактора технологическим каналом, который пробыл в реакторе положенное ему время, то произойдёт случай, метко названный в народе «смерть под лучом».

Но бывают работы не при таких высоких уровнях радиации, гораздо меньших, но требующие их выполнения. Я несколько раз видел, как в центральном зале, в огромном помещении над реактором, производят уборку радиоактивного мусора, оставшегося после каких-то технологических операций. В конце зала имеется хранилище радиоактивных отходов. Для доставки отходов есть ручная тележка из нержавеющей стали с ручками длиной метров 5 или 6.

В то время, полученную работником дозу облучения определяли с помощью кассеты, в которой находилась завернутая в черную фотобумагу фотоплёнка. При прохождении гамма-квантов фотоплёнка темнеет и по величине потемнения определялась доза. Предельно-допустимая годовая доза равнялась 50 рентгенам. Потом она была снижена до 30 рентген, до 15-ти, до 5-ти и сейчас международная единая предельная доза облучения работника атомного предприятия равна двум БЭРам (биологически эквивалентным рентгенам) в год.

В те времена за полученные дозы выше предельной, наказывали и могли лишить премии. Потому при проведении аварийных работ, как правило, работник оставлял свою кассету в «чистом» помещении и на «подвиг» шел с открытым забралом, надеясь на Бога и быстроту выполнения операции.

При утилизации радиоактивных отходов один работник бросал в тележку пару лопат мусора и убегал. Второй хватал тележку и мчался к хранилищу отходов, переворачивал тележку и убегал назад. Операция повторялась несколько раз, и в ней участвовали, как правило, все работники, включая начальника смены.

Видел, как в ночную смену, когда выполнены все работы, в центральном зале над реактором, работники смены делились на две команды и играли надутой резиновой перчаткой в футбол. Начальник смены стоял за пультом управления краном и подавал звуковые

сигналы, рукой показывая в какую сторону следует пробить штрафной удар.

В случае с блочком дело обстояло гораздо хуже. Никто не знал, где потерян блочок. Были только предположения. Главные мыслители полагали, что блочок выпал из вагонетки при движении её под водой. Решили откачать воду, окружающую реактор, до разрешённого предельно низкого уровня и у воды поискать прибором, где находится блочок. Вода была высокорadioактивной и радости не добавляла. Кому персонально искать блочок, тоже сразу определили: студенту, он человек свежий, что до 18 лет любые работы с радиоактивностью запрещены, во внимание не принималось – больше некому, у всех дозы «под завязку», а студент, он даже не работник смены, его не жалко.

Мне дали переносной прибор «Карагач» с самым большим диапазоном измерения – 50 000 микрорентген в секунду. Для наглядности преобразуем единицы измерения в понятные названия – в миллирентгены в час. Обычный фон в городах составляет 5-20 микрорентген в час, (хотя на Земле есть немало мест, где естественный фон равен и 100 и 200 микрорентген в час). Таким образом, при пересчете получаем: диапазон измерения прибора «Карагач» равным 180 000 миллирентген в час, или 180 рентген в час. Сколько в действительности «даёт» блочок – никто не знает, есть только теоретические выкладки. Мне они не были известны, да и блочок, если он под водой, сильно экранируется этим слоем воды.

Отодвинули защитную дверь, и мы с начальником смены вошли внутрь. Дверь не закрывали. Перед нами располагались рельсы для вагонетки, находившиеся на невысоких, сантиметров 60, бетонных стенках для каждой рельсы отдельно. Стенки уходили под воду с наклоном 45 градусов. Справа от возвышения с рельсами шли ступеньки, почти полностью забитые графитом. Ступеньки опускались в воду. Стена справа, рядом со ступеньками, была мокрая и осклизлая. Я проверил прибор, включил сразу самый грубый диапазон и, следуя указаниям начальника смены, стал спускаться к кромке воды. Ступени были скользкими, почти вровень забитые графитом, и их было не менее тридцати. Я спускался осторожно, придерживаясь правой рукой за стену.

Спустившись до воды, я начал смотреть по прибору, в какую сторону показания будут выше. Прибор имел выносную штангу с ионизационной камерой на расстоянии 2-х метров от измерительного пульта. Пульт висел у меня на груди, и я мог следить за показаниями.

Наверху нетерпеливо кричал начальник смены: «Студент, куда больше, вправо или влево?». Но больше было только при направлении ионизационной камеры наверх, откуда я пришел. Сказал об этом начальнику. Тот сказал, что так быть не должно, и попросил, чтобы я внимательней смотрел на прибор. Я снова стал рыскать прибором. Результат был тот же самый. Я повел камерой наверх и увидел блочок, который лежал выше, внутри у ближней ко мне стенке с рельсами. Я крикнул начальнику смены, он сделал шаг со своего места в левую сторону и увидел блочок. «Студент, – закричал начальник, – бегом наверх!» Рвануть наверх означало скатиться по этим ступенькам вниз в радиоактивную воду и там барахтаться. Мне это показалось занятием недостойным, и я спокойно, прижимаясь к стене, которая теперь была слева от меня, поднялся наверх мимо блочка. «Карагач», при прохождении напротив блочка, зашкаливал. Молча стоял бледный начальник смены.

Кассету, как было принято, я заранее оставил в «чистой зоне». Какую дозу я получил, никто не знал. Начальник смены отпустил меня домой пораньше. Мне было полных 16 лет. Когда ехал в автобусе домой в общежитие, меня подташнивало – верный признак переоблучения. А, может быть, я плохо позавтракал.

Мне было полных 16 лет. Мне было только 16 лет.

На том же предприятии «Маяк», на следующий год, я написал дипломную работу на тему: «Определение распределения по высоте нейтронового потока в уран-графитовом реакторе по наведённой гамма-активности технологических каналов». Защитил на «отлично». Работа была экспериментальной и важной. И мне было уже 17,5 лет.

Лев Альтмарк

Беер-Шев, Израиль

Джеймс Бонд российского разлива

В достопамятные коммунистические времена, когда Советский Союз был необъятен и, как всем казалось, могуч, каждому добропорядочному гражданину – а таковых тогда было куда больше, чем сегодня! – вменялось в обязанность стучать на соседа. Если такого предложения из компетентных органов не поступало, значит, с человеком было что-то не так, какая-то аномалия. Или он был отпетым дураком, или кристально честным, что тоже было неправильно и подозрительно.

Я не был ни тем, ни другим, поэтому в первый же год студенчества меня пригласили в особый отдел института для просветительской беседы о недремлющих империалистических врагах и последующего подписания пакта о добровольном сотрудничестве с печально известной организацией.

– Мы вас убедительно просим, – сказал бесцветный человек, крутя в руках мой студенческий билет, – изредка рассказывать нам о ваших знакомых, их взглядах, разговорах и, не приведи господь, планах. – И ещё более вкрадчиво прибавил. – В ваших же интересах...

Деваться было некуда, потому что в родственниках у Кибальчиша я не состоял и рисковать собственными «интересами» не хотел, с другой же стороны, доносить на друзей гадко и омерзительно, посему я решил, если уж встреч не избежать, то отделяться общими фразами, мол, ничего не видел, не слышал, и вообще моя хата с очень дальнего края.

Однако наши встречи с бесцветным человеком стали повторяться с завидной регулярностью, и с каждым разом от меня требовалось всё

больше подробностей, притом таких, которые при желании можно истолковать во вред тому, о ком велась беседа. От этих встреч уйти было невозможно, просьбы бесцветного человека стали напоминать приказы, и каждый раз на беседу я шёл с тяжёлым сердцем, словно поднимался на эшафот, если уж не в роли жертвы или палача, то, как минимум, в роли помощника, несущего топор для усекновения повинной головы.

– Не бойся сказать лишнего, – увещевал меня мой мучитель, – мы всё анализируем и отделяем семена от плевел. А эти твои друзья, про которых ты что-то скрываешь, думаешь, они ничего нам про тебя не рассказывают? Не будь идеалистом, глупышка...

Наверное, он был в чём-то прав, но продолжать в том же духе мне очень не хотелось. Долго я раздумывал, как выйти из этой дурацкой игры с наименьшими для себя потерями, и, наконец, придумал.

Во время очередной встречи я перешёл в наступление. На стандартный затравочный вопрос «что бы ты мог сказать о таком-то?» я изобразил на лице вселенскую скорбь и мрачно сообщил:

– Мало того, что он регулярно слушает вражьи голоса, так ещё и планирует совершить теракт – пробраться в столовую городской администрации и подсыпать в компот конского возбuditеля.

Мой собеседник опешил:

– Зачем?!

– Чтобы возбудить нездоровый интерес тамошней администрации друг к другу и тем самым отвлечь их от выполнения поставленных перед ними задач!

– Ты не приболел сегодня?!

– Здоров, как бык.

– Может, ты что-то путаешь? Это... правда?!

– Честное слово! Век воли не видать...

Информация была настолько ошеломляющей, что мой куратор растерялся. Больше никаких вопросов он не задавал, а поскорее удалился, чтобы обсудить с собственным начальством сенсационную информацию, полученную от меня.

На очередной встрече он сообщил, что информация, к счастью, не подтвердилась, и государственные задачи выполняются, как им и положено выполняться, а потом легкомысленно перешёл к следующему из моих знакомых, длинный список которых носил с собой в аккуратной папочке.

Про этого человека скажу следующее, – не менее мрачно начал я со скорбной миной Павлика Морозова на лице. – У него дома

подпольная типография для изготовления антисоветской литературы и листовок подрывного содержания.

– Но у нас в городе до последнего времени не обнаружено ни одной листовки! – жалобно залепетал мой собеседник. – Может, ты ошибаешься?

– Хорошо маскируется! И ещё – он их копит для того, чтобы сбросить во время демонстрации трудящихся с самолёта. У него есть и сообщник в городском аэроклубе.

Человек выпил залпом два стакана воды и захлопнул папку:

– Нужно всё это срочно проверить. Я с тобой потом свяжусь...

Я отлично понимал, что поступаю, мягко говоря, не совсем прилично, выдвигая против ничего не подозревающих друзей такие гнусные обвинения, но именно в абсурдности и идиотизме наветов и заключался мой коварный план. Не такие уж откровенные бараны эти ребята из госбезопасности, чтобы тотчас сломя голову бежать разыскивать яд для компота или подпольную типографию, а для этого переворачивать вверх дном квартиры моих приятелей.

Но, как выяснилось, я немного переусердствовал. Через пару дней я встретил своего так подло подставленного друга, и он прямо-таки лучился счастьем, будто выиграл в лотерею автомобиль. По великому секрету он делился с каждым встречным-поперечным новостью о том, что к нему неожиданно нагрянули люди в штатском, перевернули квартиру вверх дном в поисках множительной техники, но так и уехали ни с чем. На вопрос, чему он так радуется, мой приятель гордо сообщал, что теперь уже всем понятно, что он не сволоочь и не стукач, а вполне приличный человек и, может быть, даже потенциальный диссидент.

Очередная наша встреча с бесцветным человеком произошла только через месяц. Не вспоминая о липовой типографии, он сразу приступил к своим стандартным вопросам. Про очередного своего знакомого я сообщил, что это человек пьющий и ненадёжный, всячески поносит Советскую власть, в подпитии способен на необдуманные поступки вплоть до покушения на руководителей партии и правительства, о чём, кстати, уже намекал в редкие часы трезвости и в качестве доказательства показывал перочинный нож.

Мой собеседник выпучил глаза и поспешно спрятал бумажку с заготовленными, но ещё не заданными вопросами.

– Ты это серьёзно? Ничего не путаешь?

– Под каждым словом подпишись! – жёстко выдавил я, стискивая зубы. – Кровью...

Но тот меня уже не слушал, поспешно натягивая пальто и пряча папку в портфель:

– Я тебе позже перезвоню...

С тех пор наши встречи становились всё реже и реже, а продолжительность их короче.

Прождав пару месяцев, я почти успокоился и наивно решил, что от меня отвязались. Пускай лучше считают помешавшимся на шпиономании, что в те времена было совсем не редкостью, и, в конце концов, примирятся с мыслью, что ни одному моему слову верить нельзя.

И, действительно, меня, кажется, оставили в покое, но спустя некоторое время, когда я окончательно успокоился и стал вести прежний образ жизни, поругивая в тёплых компаниях гебешников и их подлых приспешников-стукачей, которые ходят к нам в гости, пьют нашу водку и ведут доверительные беседы, а потом слово в слово передают своим кураторам услышанное от нас, в мою дверь позвонили.

Два человека, очень похожих на моего полузабытого бесцветного человека, с вежливой бесцеремонностью сильного и уверенного хозяина, прошли в мою комнату и, помахав в воздухе красными книжками, принялись методично перебирать книги на стеллажах и копаться в рукописях на письменном столе.

– Что ищем, ребята? – поинтересовался я, уже ощущая в животе неприятный холодок.

– Подрывную литературу, – коротко ответил один из людей. – Солженицына и Сахарова почитываем, небось?

– Что вы! Как можно?! Я и в глаза таких книг не видел!

– Сомневаюсь... А сам-то что пописываешь? – перешёл на «ты» второй.

– Стихи. Про любовь, про природу, про Родину...

– Во-во! Ну-ка, покажи нам про Родину. Это уже пахнет...

Я пожал плечами и стал искать в папке стихи про Родину, но их оказалось до обидного мало.

– Хренотень какая-то! – подытожил свой литературоведческий анализ первый человек, пробежав стихи по диагонали. – Травка, цветочки, родная сторонка... Есенин хренов! Это не то, что надо...

– А что надо?

– Будто не знаешь!

– И среди книг ничего интересного нет, – подал голос второй, – вот только книжка про Джеймса Бонда. Но книжка нашего, советского

издания. То есть идеологически выдержанная... И где только они умудряются доставать дефицит?

– Если хотите, возьмите почитать, только потом верните, – обрадовался я, чувствуя, что поиски подходят к концу и гроза почти миновала.

– Взять, что ли? – загорелся второй и вопросительно посмотрел на первого. – Уж больно много про этого шпиона слышал.

– А он потом в управлении настучит, что мы забрали книгу без акта, а в книге нет никакой антисоветчины! – язвительно заметил первый. – Перебьёшься без читки!

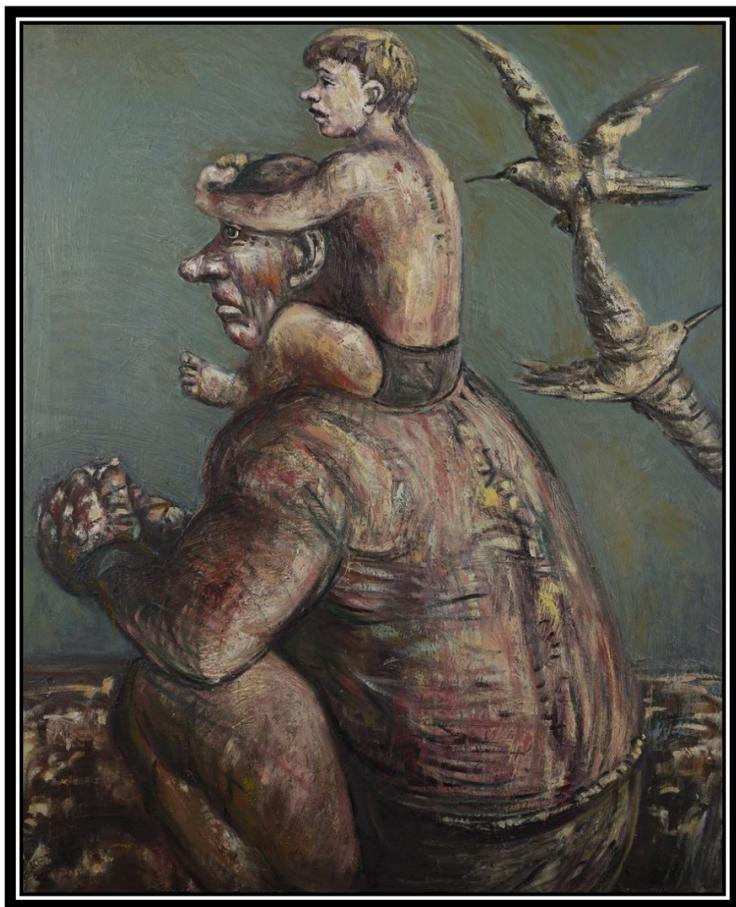
Посмотрев на часы, они направились к выходу, но перед тем, как захлопнуть за собой дверь, первый обернулся и веско заметил:

– В общем, приятель, так. В разговорах с друзьями фильтруй всё, что говоришь. А то так недалеко и до неприятностей...

После их ухода я некоторое время приходил в себя, потом философски рассудил: поначалу, чтобы отвязаться от своего назойливого куратора, я наговаривал на своих знакомых заведомую абракадабру, а теперь кто-то воспользовался тем же приёмом. Наверняка с той же целью. Едва ли я первый изобрёл эту отмазку.

Взгляд мой упал на оставленную на столе книжку про Джеймса Бонда, и я твёрдо решил, что теперь обязательно прочту и Солженицына, и Сахарова, а про шпионов пускай читают те, кто их ловит...

Часть 2. Из архива

Лев Табенкин. Старик и мальчик. 1997

Ирина Роскина

Иерусалим, Израиль

Из семейного архива. Письма моей бабушки Надежды Давыдовны Роскиной

Часть 1. 1921 год

Публикация и комментарии Ирины Роскиной

Ниже приводится текст писем, которые писала мама моей мамы – Надежда Давыдовна Рабинович (в замуж. Роскина; 1901-1938) – своему кузену Евгению Исааковичу Рабиновичу (1898-1973). Евгений Исаакович – для Нади, конечно, Женя – был в то время уже за границей, где учился на ученого (он был и химик, и физик, и биохимик, и биофизик – о нем много написано, легко найти), подрабатывал журналистикой и переводами и продолжал писать стихи под псевдонимом Е. Раич. Невестка Евгения Исааковича, жена его сына историка Алекса Рабиновича, сама тоже историк Дженет Рабинович, разбирая семейный архив, прислала мне сканированные копии этих писем.

В 1921 г. двадцатилетняя Надя приехала в свой родной Петербург – она еще не может говорить Петроград, да и все они думают, что городу вернут его имя, им только в голову не приходит, что никого из них в тот момент (вернули старое название в 1991 г.) уже не будет в живых. Они четыре года пробыли в Сочи, где, как я понимаю, отец Нади, Давид Моисеевич Рабинович (1871-1919), был какое-то время врачом на стороне белых, а после его смерти они никак не могли из

Сочи выбраться – ни в эмиграцию, ни домой – детали этой семейной тайны я уже никогда не узнаю.

В Петрограде Надя поступает на филологический факультет университета, учит логику, латынь и греческий и беспрерывно читает, что, естественно, мешает занятиям. Аристократической красотой города она восхищается так же, как потом восхищалась ее сестра, вернувшись в 1944 из эвакуации[1]. Зима 1921-1922 – уже начался НЭП и не так тяжело и голодно, но еще не ходит транспорт и пользуются только санным путем. Ананасов давным-давно не видели, но апельсинами все завалено – всю советскую жизнь мы дивились странностям ассортимента. А. Ахматова, чьи стихи все они постоянно читают и ими обмениваются, выступает на вечере И. Анненского. Издается невероятное количество книг, так что, проходя мимо витрин книжных магазинов, надо отворачиваться от соблазна. Владелец издательства Петрополиса – Яков Ноевич Блох – их родственник и мог бы быть полезен по части книг, но он противный и ходить к нему в гости не хочется. «Новая маленькая книжка Ахматовой «*Anno Domini MCMXXI*» стоит 15.000», поэтому Надя не может послать ее своему любимому кузену Жене в Берлин, а переписывает стихи из книжки, купленной родственницей Беллой Гринберг[2], чья семья побогаче. В университете «чистки», и Беллу Гринберг отчисляют именно за то, что ее семья побогаче. Сестре Лиде, страстно желающей стать микробиологом, приходится нелегко, так как совсем нет химических реактивов. Братишка Гога[3] поступает в Тенишевское, где учился и Женя Рабинович; Гоге одиннадцатый год, он к месту и не к месту цитирует Пушкина, Чехова и Гоголя, но мечтает о заводном паровозике. Проходит немного времени. Ахматову больше не печатают. Настроение меняется. Денег совсем нет. Невозможно всем детям учиться. Надя старшая, она вынуждена начать хоть как-то зарабатывать машинописью и стенографией. Лида стала кандидатом наук. Даже Гога, которого ужасно травили за еврейство и общую неординарность, успел перед смертью защитить диссертацию. Только Надя осталась без образования, что всегда огорчало ее маму Розу Наумовну (1880-1951), работавшую библиотекарем.

В 1925 г. Надя выходит замуж за Александра Иосифовича Роскина (1908-1941) – он еще не писатель, а только начинающий журналист – и переезжает в Москву, где в 1927 г. родилась моя мама. Жизнь в Москве не удалась. Надя возвращается – город уже называется Ленинград. Надя рождает сынишку от поэта С. Спасского (1898-1956), продолжает работать и читать.

В 1930 г. Евгению Исааковичу удастся на несколько дней приехать в Ленинград: советской стороной предпринимались попытки наладить контакты с западными учеными. Из Надиных писем понятно, как счастливы они были этой встрече.

Надина гибель описана и С. Спасским, и моей мамой в ее автобиографической повести «Детство и любовь»[4]. Вроде бы несчастный случай – она попала под трамвай в 1938 г., но без связи с советскими репрессиями это не обошлось (в те дни арестовали мужа Лиды Марка Гринберга[5]). Переписка Нади с Женей оборвалась раньше – в середине 1936 г.

Вот в общих чертах сюжет этих писем, которые, с моей точки зрения, заслуживают чтения не только из-за интереса к отдельной судьбе (для меня, естественно, интереса особенного), но и благодаря содержащимся в них деталям, помогающим нам понять быт и культурную жизнь тех лет.

25/IX [1921]

Петроград Разъезжая 3 кв. 4

Дорогой Женя. Совершенно не знаю, как начала письмо, но думаю, что ты будешь ему рад. И хотя трудно начать, но я решилась.

Мы приехали позавчера только, были в пути почти месяц. Остановились у Осипа Моисеевича[6] и, возможно, что останемся жить у него на зиму. Я хожу, как шальная – шалеть, положим, я начала ещё в Москве, где мы остановились на 2 дня. Не могу себе простить своего четырехлетнего отсутствия из Петербурга. Но зато тем, кто здесь оставался, не всем, конечно, а многим, Петербург надоел, даже опротивел, а я его воспринимаю, как нечто совершенно новое и поразительно прекрасное.

Трава на улице[7] мне совершенно не мешает, а то, что мало народу, даже хорошо – гораздо виднее город. После спекулянтской толчеи Ростова и оживления Москвы это аристократическое спокойствие Петербурга как-то удивительно приятно. Все ждут, когда он снова сделается столицей.

Лида здесь уже полтора месяца, поступила на первый курс Естественного факультета. Я поступлю, вероятно, на романское отделение этнолого-лингвистического отделения общественно-экономического (!!). Служить, думаю, придется.

Гога очень вырос, надоедив ужасно, на днях будет держать экзамен в Тенишевское.

Подруг у меня осталось мало, самые близкие разъехались. Но кажется всё-таки, что жизнь наладится отлично. Я ужасно счастлива

сейчас и пока мне никуда не хочется – не знаю, что будет, когда мы померзнем зиму, как следует.

Ужасно хочется видеть всех вас и после того, что мы приехали в Петербург – это было просто чудо, было время, мне казалось, что я никогда не уеду из Сочи, – теперь сердце верит в какие угодно чудеса[8]. И я верю, что мы встретимся.

Целую крепко тебя и всех.

Надя

15/X– 21

Милый Женька,

я раз тебе писала по нашем приезде сюда и сейчас пишу, прочитав твое письмо к Лиде от 29 сентября. Ты должно быть очень-очень сильно изменился, и мне страшно бы хотелось тебя видеть. Лида же изменилась не так сильно, как ты думаешь, и то, что тебе писали о ее пролетарском виде – ерунда: одни колодки не делают еще его, на юге их носят все, теперь же она ходит в туфлях, очень хорошенькая и ужасная кокетка. При этом очень серьезный, глубокий и дельный человек. Но все это в ней всегда было, так что нельзя сказать, что она очень изменилась. Я поступила на этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук и работать буду по романо-германской секции. Сделала это без особенно сильного призвания – я два года ничем не занималась и совершенно потеряла всякое представление о том, что меня особенно интересует. У меня появился отвратительный дилетантский интерес ко всему. Давняя тяга у меня была к Историческому, но сейчас в Петербургском ун-те, как говорят люди знающие, надо выбирать более специальные отделения, где все идет приблизительно по-старому и можно заниматься. Решила пока заниматься греческим и латынью, которые мне, как ярой гуманистке, всегда пригодятся. Лекции начинаются послезавтра и романо-германисты будут работать, как обещают, в отопленном помещении. Служить мы обе по настойчивому желанию мамы не будем, так что ничто не мешает нам обеим уйти с головой в науку. Плохо только, что живем вчетвером в одной комнате – Гога тяжёлый сожитель по-прежнему.

На вашей квартире я была один только раз. Заходить в комнаты мне было неловко – власть над ними (верховная так сказать, контролирующая) принадлежит дядя Саулу[9]. А Рад. [??] Андреевич[10] вообще очень недоволен, когда приходят, и не любит, когда что-нибудь уносят. Со своей точки зрения он прав, и поэтому я не беру книг, которые перетаскивает к себе дядя Саул, чтобы они были

сохранены. В квартире они кажутся в беспорядке. Постепенно, вероятно и мы немного к себе возьмем. Был план, чтобы мы поселились в вашей квартире, но по разным соображениям он провалился. Мне не ахтишно нравится жить здесь, хотя это может быть и показывает недостаток благодарности с моей стороны. Во-первых, я вообще не люблю, чтобы влезали в мою жизнь, а тут всех всё интересует и шагу нельзя ступить, чтобы не пришлось отвечать на 100 вопросов, а во-вторых... Но это вообще неважно, увидимся, расскажу подробнее.

К Петербургу медленно и постепенно начинаю привыкать. Красив он необычайно и первое время казался мне чужим, удивительно прекрасным городом. Постепенно я его узнаю, но никогда я так не любовалась им. На днях в пасмурный день, когда я шла из Ун-та, солнце ударило прямо в шпиль Петропавловской крепости и по Неве побежала солнечная дорожка, а за Петропавловской крепостью небо было голубоватое, холодное, – я этого никогда раньше не видела. И вообще все [неразбор.]

Целую крепко тебя и всех. Надя

18/XI– 21

Милый Женя,

И всё-таки ты очень изменился, но от этого я тебя не меньше люблю. Я так хорошо понимаю всё, что ты пишешь о Петербурге. Я свое отношение к нему почувствовала особенно ясно, когда приехала, и с радостью поклонюсь каждому камешку от тебя и каждой снежинке – потому что луж нет уже давно и Петербург стал совсем зимний – через Неву ходят. Как он хорош, если бы ты знал! Приезжай поскорей.

Моя жизнь постепенно налаживается. В университет (это называется «Надя закатывается в университет») ухожу обыкновенно с утра и возвращаюсь вечером. Не могу сказать, что мне самой очень нравится такое времяпрепровождение, оно очень утомительно, но при теперешнем отсутствии учебников и вообще пособий, поневоле приходится очень много слушать. Я слушаю целую кучу языков старых и новых, но заниматься ими по-настоящему ещё не начала. Приходится списывать книги, по которым надо заниматься (ей-богу!).

Одним из очень больших наших удовольствий является рассматривание фотографий. Это поразительно приятно. Вас всех я не видела уже три года и столько же лет не видела ваших изображений. Мы вам пошлем наши при первой возможности, по почте пересылать нельзя.

В театре мы бываем приблизительно раз в неделю. В воскресенье идем в Мариинский на балет Стравинского и Бенуа «Петрушка». В Мариинку ходим вообще на галерку и огромной компанией, так что вид имеем дикий. В концертах бываем редко, так как все так устаем за день, что хочется идти только на что-нибудь действительно хорошее. Я, кроме того, так рада книгам, которые здесь нашла, и занятиям, что для меня самое большое удовольствие сидеть дома, наслаждаться электрическим освещением и читать. Изредка бываем в Эрмитаже, а в воскресенье собираемся на выставку «Павловск в изображении русских художников»[11] – Бенуа обоих[12] и других. Мне и людей ужасно не хочется видеть новых, я должна им давать себя, а мне этого до смерти не хочется, мне сейчас хочется побольше набирать и поменьше давать. Хотя это свинство ужасное.

Вчера обнаружила в нашей квартире шкаф с Саввинными[13] книгами. Это было для меня огромной радостью, так как у Белки[14] кроме поэтов, художественных изданий и мемуаров декабристов почти ничего нет.

Лида на днях была в вашей квартире – все твои книги целы и Абрайтис[15] был очень любезен. Просто он не выносит дядю Саула. Маме и Лиде он даже «разрешил» взять несколько томов нот в четыре руки, а когда уносит дядя Саул, он всегда бывает очень недоволен.

Не помню, писали ли мы тебе, что все твои товарищи, кроме Мули[16], женились? Жена Семы мне не особенно нравится (она хирург и бывшая Смолянка[17]), жена Дани – тихий ужас, современная еврейская мелкобуржуазная – мне хочется сказать «девица» – это такой тип – брюнетка с накрашенными губами. Лёлиной я не видела.

Если увидишь Лилю[18], скажи ей, что письмо ее мы получили и всё собираемся отвечать, так что пусть она надеется. Если будешь писать Гене[19], поклонись от меня. Пусть он мне напишет через тебя, так как письма доходят только из Берлина. Где он теперь? Вообще кланяйся всем, кто нас помнит. Я думаю, что такое получение тебя не очень затруднит, Женька, правда? В частности, Ане и Фриде[20]. Перед Юрием Чеславичем[21] я однажды в жизни была невероятной свиньей. Скажи ему, что я помню и каюсь, даже если он и забыл это.

Поцелуй от меня очень крепко тётю Зину и дядю Исаака[22] и прости, что я надавала тебе столько поручений.

Всего хорошего. Надя

Пиши почаще.

17/XII– 1921

Дорогие тётя Зина и дядя Исаак, и Женя, поздравляю вас всех с Новым годом и совершенно не знаю, чего Вам пожелать.

Для нас лично самым большим счастьем в Новом году было бы, чтобы все мы жили по-старому вместе. Ужасно вас здесь недостает. Ваши фотографии в бесчисленном количестве расставлены по нашей комнате. Вам переслать их, вероятно, не удастся, кажется, что нельзя.

Мы все очень рады, что очутились здесь наконец, но живем не в своей квартире и нет почти никого из прежних родных и знакомых, из-за этого всё как-то совсем иначе. Это не худо, но раньше было лучше.

С Гринбергами живём дружно. Мы составляем «Союз подкидышей» и родных. Родные – Белка, любимица Осипа Моисеевича, и Лида, любимица мамы, а остальные явно подкидыши. Ни прав, ни обязанностей у Союза нет, кроме обязанности Гоги и Мары заботиться о дровах по очереди, но когда Союз начинает просить вместо него [неразбор.] вечером, маме приходится подчиняться. Занимаемся мы все кроме Леночки[23]. Гога в III классе. Он хорошо учится, но немного пошаливает. Учителя нам объясняют это тем, что он занимается, чем надо, а ему скучно сидеть на уроках.

Беллочка должна к весне сдать целую кучу экзаменов. Лида сдала физику и теперь сдает химию для приступления к практическим занятиям. Я занимаюсь дикими вещами, и над моим греческим весь дом потешается, но я не робею. По вечерам в комнате постоянный клуб, а занятия начинаются часов в 12, в 1, когда все ложатся спать. Очень шумно также перед обедом, когда все возвращаются со службы и сидят у нас, так как у нас топится в это время буржуйка и готовится обед. Если бы мы не жили у Гринбергов, нам было бы, безусловно, гораздо тоскливее.

В квартире у нас тепло, вернее, в жилых комнатах, так как в коридоре, кабинете и кухне – стужа. Электричество горит до трех (к величайшему огорчению Осипа Моисеевича и мамы), так как любители могут очень поздно ложиться спать. Вода всегда есть, но сегодня случилась неприятность. В кухне с потолка вдруг полило, и в течение получаса Лида, Лена и я непрерывно подтирали воду, которая образовывалась в полтора пальца толщиной, теперь пришлось закрыть водопровод и весь дом без воды.

Ни я, ни Лида не служим. Осип Моисеевич дал мне свою машинку, отличную, и я теперь беру переписку. Я получаю [неразбор.][24] за лист, но могла бы просить больше, не хватает нахальства.

Мама служит и выглядит довольно-таки плохо, но все-таки лучше, чем раньше. Мы все довольно часто бываем в концертах. Недавно

были на Бетховене, Вагнере, Скрябине, в среду идем на Брамса. Дирижирует всегда Купер[25], единственный Петербургский дирижер, и довольно неплохо. Но так как он единственный, то выбирать даже маме не приходится. 30го будет событие – «Валькирия» ставится в Мариинском, и поговаривают о том, что после Рождества будет поставлен весь цикл[26]. Театры и в особенности концерты до последнего времени очень доступны, в сравнении с остальной жизнью. Книги тоже были очень дешёвы, но теперь сразу невероятно дорожают. Новая маленькая книжка Ахматовой «Anno Domini MCMXXI» стоит 15.000, а скоро выйдет крохотная книжечка «Книжный знак Митрохина»[27], которая будет стоит 60.000. Это весьма грустно. Очень хорошо то, что в нашей квартире много книг. У Беллочки, кажется, все современные поэты и много разных [неразбор.] . Особенно мне нравится библиотека Саввы, которая стоит у них, в который я нашла массу интересных и нужных мне книг. Так что я его каждый день поминаю с благодарностью.

Леночка и Рая[28] здоровы. Мы были раз у них и раз они были у нас. Отношения между домами довольно прохладные из-за Якова Ноевича и его матери[29]. Он-таки ужасно противный. И несмотря на то, что в «книжном» отношении он незаменим, я не могу себя заставить к ним ходить.

Дядя Саул и тетя Ирма[30] изредка бывают у нас. Я у них уже давно не была. Дядя Саул выглядит как «Фриц, который не ел супа»[31] и очень – более чем когда-либо – скучен. Мишка напоминает мне [неразбор.] , хотя они это отрицают.

Мне почему-то сейчас показалось, что в будущем году вы будете здесь. Вот было бы чудесно! Пишите нам пожалуйста почаще. Всего хорошего. Тётю Зину целую.

26.XII. 1921

Милый Женька.

Во-первых, он вовсе не умирает, наш родной город[32], и, во-вторых, у нас живых живы ещё мораль – дикое слово – и любовь. Ее в нас всех много и, конечно, это она и только она помогает нам жить. Любовь к Петербургу и к новому стиху Ахматовой, и к Скрябину, и потом уж у каждого отдельно своя к людям, своя – к людям вообще, или к жизни, или к безнадежно больной империи, или к науке – мало ли к чему. И все мы живы и много хохочем, хотя, конечно, настоящая радость в душе – не всегда. А Петербург под снегом чудесен. И набережные, Женька! И сфинксы вовсе не грустят[33]. О чём им грустить? Разве люди были когда-нибудь умнее? Поговорка «Старый

друг лучше новых двух» творится ежедневно многими людьми! Женька, у меня идея, по-моему, блестящая: денег у меня нет, чтобы послать тебе «Anno Domini MСMXXI», да и пропадет, верно, дорогой, но я спешу тебе несколько стихотворений. Хочешь? Кстати, полкнижки занято «Подорожником», который ты, очевидно, видел. (Крестиком помечены мои любимые стихи, а двумя крестиками – Беллы).

+

Н. Рыковой

Всё расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,-

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.
1921

++

Путник милый, ты далече,
Но с тобою говорю.
В небесах зажглися свечи
Провожающих зарю.

Путник мой, скорей направо
Обрати свой светлый взор:
Здесь живет дракон лукавый,
Мой властитель с давних пор.

А в пещере у дракона
Нет пощады, нет закона,
И висит на стенке плеть,

Чтобы песен мне не петь.

И дракон крылатый мучит,
Он меня смиренью учит,
Чтоб забыла дерзкий смех,
Чтобы стала лучше всех.

Путник милый, в город дальний
Унеси мои слова,
Чтобы сделался печальней
Тот, кем я еще жива.
1921

++

Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.
За стеною слышен стук зловещий -
Что там, крысы, призрак или вор?

В душной кухне плещется водою,
Половицам шатким счет ведет,
С глянцевиной черной бородою
За окном чердачным промелькнет -

И притихнет. Как он зол и ловок,
Спички спрятал и свечу задул.
Лучше бы поблескиванье дул
В грудь мою направленных винтовок,

Лучше бы на площади зеленой
На помост некрашенный прилечь
И под клики радости и стоны
Красной кровью до конца истечь.

Прижимаю к сердцу крестик гладкий:
Боже, мир душе моей верни!
Запах тленья обморочно сладкий
Веет от прохладной простыни.
1921

++

А ты думал – я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе странный подарок -
Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь,
И ночей наших пламенным чадом -
Я к тебе никогда не вернусь.
1921

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза:
Из-за плеча твоей невесты глянут
Мои полузакрытые глаза.

Прощай, прощай, будь счастлив, друг прекрасный,
Верну тебе твой сладостный обет,
Но берегись твоей подруге страстной
Поведать мой неповторимый бред, —

Затем что он пронижет жгучим ядом
Ваш благостный, ваш радостный союз...
А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.
1921

++

А Смоленская нынче именинница,
Синий ладан над травой стелется.
И струится пенье панихидное,

Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские,
А кладбище – роща соловьиная,
От сиянья солнечного замерло.
Принесли мы Смоленской заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, –
Александра, лебедя чистого.
1921

О.А.Г.С.

Пророчишь, горькая, и руки уронила,
Прилипла прядь волос к бескровному челу,
И улыбаешься — о, не одну пчелу
Румяная улыбка соблазнила
И бабочку смутила не одну.

Как лунные глаза светлы, и напряженно
Далеко видящий остановился взор.
То мертвому ли сладостный укор,
Или живым прощаешь благосклонно
Твое изнеможенье и позор?
1921

++

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.
1914

++

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной Господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж – палач, а дом его – тюрьма.
Но видишь ли! Ведь я пришла сама;
Декабрь рождался, ветры выли в поле,
И было так светло в твоей неволе,
А за окошком сторожила тьма.
Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.
Теперь во мне спокойствие и счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
За то, что в дом свой странницу пустил.
1921

Колыбельная

Далеко в лесу огромном,
Возле синих рек,
Жил с детьми в избушке темной
Бедный дровосек.

Младший сын был ростом с пальчик, —
Как тебя унять,
Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,
Я дурная мать.

Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили Белый крестик
Твоему отцу.

Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.
1921

А вот это стихотворение напечатано вторым после «Покинув рощи родины священной»:

Смеркается, и в небе темно-синем,
Где так недавно храм Ерусалимский
Таинственным сиял великолепьем,
Лишь две звезды над путаницей веток,
И снег летит откуда-то не сверху,
А словно подымается с земли,
Ленивый, ласковый и осторожный.
Мне странно в тот день была прогулка.
Когда я вышла, ослепил меня
Прозрачный отблеск на вещах и лицах,
Как будто всюду лепестки лежали
Тех желто-розовых некрупных роз,
Название которых я забыла.
Безветренный, сухой, морозный воздух
Так каждый звук лелеял и хранил,
Что мнилось мне: молчанья не бывает.
И на мосту, сквозь ржавые перила
Просовывая руки в рукавичках,
Кормили дети пестрых жадных уток,
Что кувыркались в проруби чернильной.
И я подумала: не может быть,
Чтоб я когда-нибудь забыла это.
И если трудный путь мне предстоит,
Вот легкий груз, который мне под силу
С собою взять, чтоб в старости, в болезни,
Быть может, в нищете – припоминать
Закат неистовый, и полноту
Душевных сил, и прелесть милой жизни.

Прости за некрасивость внешнего вида всей этой «чудесности» (только это произведенное существительное из многих моих любимых прилагательных). Эта книжка, по-моему, несравненно лучше и «Подорожника» и «Белой стаи». Вообще же хороших книг выходит не очень много, а если выходят, то ужасно дороги – много десятков тысяч[34]. Так что Белла и я непрестанно страдаем от неудовлетворенных желаний, хотя я больше. Белка все-таки покупает и у нее славная библиотека поэтов. Я пробавляюсь ее и Саввиными книгами. Твои существуют, по словам Лиды и дяди Саула. Мы все собираемся и не успеваем пойти их разобрать. Я взяла только

«Петербург» и то у Саула, а не непосредственно. Что у вас делает Белый[35] и какая ваша «Вольфила»[36]?

Мы тебя очень часто поминаем, мы недавно с Лили[37] говорили о тебе и Шуре[38]. Лилиа на 5-м курсе, через год кончает, много работает в сыпнотифозных бараках, так что я за нее побаиваюсь. Сейчас очень сильный сыпняк. Она довольно часто у нас бывает.

С Гринбергами живем ладно. И хотя иногда кажется, что было бы приятно отдохнуть от постоянной сутолки и множества народа, зато не чувствуем себя одиноками. Ведь у нас здесь никого не осталось.

Напиши мне, что тебе понравилось Ахматовой. Мои любимые строчки: тех желто-розовых некрупных роз, название которых я забыла[39]; о, не одну пчелу румяная улыбка соблазнила и бабочку смутила не одну[40]. Но вообще они (мне хочется и неловко сказать удивительное пушкинское слово) пленительные.

Ты любишь Аненнского? Недавно был вечер его поэзии с участием Ахматовой. Но было довольно бездарно и скучно. Скоро выйдут в новых изданиях все его стихи. Мы довольно часто бываем в симфонических концертах, в театрах редко – Мариинский далеко, Александринка скучна, Малый почти всегда [не разобрала слово], а частные дороги. Собираемся в Вольную комедию[41] с первого дня приезда.

То, что ты пишешь о моих подругах, я знала. Все это – то, чем они стали, было заложено в них, только я никогда не думала, что они разведутся с мужьями, как раз наоборот. Лилиа же всегда была приблизительно такая. Какой Ванька[42]?

Целую тебя и твоих очень крепко. Пиши почаще. Гога и все наши кланяются.

Когда я кончаю письмо, то всегда оказывается, что самого главного то я и не сказала. Надо написать тебе, какой Петербург реальный (кстати, о каком переименовании его ты говоришь? Из Петрограда в Петербург он давно переименован[43]).

Странно-неприятно действует это невероятное количество открывшихся и продолжающих открываться кафе и «шикарных» магазинов, вечером залитых электричеством. Это как-то не по-прежнему: эти наскоро сделанные из материи вывески, эти idiotские «все для питания» и «продукты» – на каждом шагу. Знаешь, я ловлю себя на том, что среди вывесок ищу напоминания прежней орфографии – прежних вывесок, которые я видела раньше. Правда, idiotство? Невский сейчас оживлен очень. Трамвай, автомобили, извозчики, люди с санками (когда мы что-нибудь привозим на санках, то часто говорим «я приехала с санками»). Гостиный[44] просыпается

помаленьку, а Апраксин[45] совсем еще спит и очарователен под снегом. Люди в большинстве одеты прилично, очень много элегантных дам, но масса народу ходит в валенках – в том числе и мы (про меня в шубе не говорят «Надя идет», а «Надя катится»). Загородный очень оживлен, подчас не протолкаться. Удивительно количество людей, идущих по мостовой – раньше этого не было. Летом там ходят из экономии обуви (торцы мягче панели, особенно когда там прорастает трава), а сейчас – по привычке или когда идут с санками. (Завтра, верно, мы с Лидой потащим паек из университета, нам повезло и мы попали на государственное снабжение[46] – таких счастливицев немного).

Но город начинает жить. Жить реальной, будничной, пока неприглядной жизнью. Неприглядна она потому, что слишком нова, по-спекулянтски нова. Но ни в коем случае не «умирает мой город родной», потому что никогда, мне кажется, петербуржцы так истово не чтили и так не любили свой прекрасный город, как сейчас. И не говоря уже о такой «сердечной» любви, есть любовь действенная – в Аничковом выставка старого Петербурга, семинарий по изучению старого Петербурга (во главе с Ал. Бенуа).

И разве не по-прежнему прекрасен Исаакий в инее – я каждый раз останавливаюсь в изумлении, когда выхожу из Университета, перед этой божественной красотой.

Нет, Женька, пока вы все не вернетесь сюда, все, любящие Петербург, или им любимые, до тех пор будете вы о нем тосковать, а мы о вас и он о вас – ведь он тоже любит тех, кто его любит, наверное. Возвращайтесь поскорее!

Я раньше никогда не замечала решеток у каналов и вообще ничего не видела. Дура была. Но ты прав. Я окончательно обращена в петербургскую веру. И спасибо за стихи. Я все думала, что таким же размером – «Соловьиный сад»[47]. Я их одобряю, они милые. Он действительно торжественный, полон печалью – но не потому что сейчас «все для питания», а такой уж у него характер. Но он не умрет.

Если все мои восклицательные знаки после слов «не умрет» тебя убедили – я рада. Извини мой бред, я иначе не умею письма писать. Потому что говорить я умею только многоточиями и восклицаниями. (Я получила письмо от Лили Шарбо[48], так она на адресе написала «Россия!!»). Это еще почище меня.)

Осталось место, надо тебе еще одно стихотворение выписать, это уже почти вся книжка:

Почернел, искривился бревенчатый мост,

И стоят лопухи в человеческий рост,
И крапивы дремучей поют леса,
Что по ним не пройдет, не блеснет коса.
Вечерами над озером слышен вздох,
И по стенам расползся корявый мох.

Я встречала там
Двадцать первый год,
Сладок был устам
Черный, душный мед.

Сучья рвали мне
Платья белый шелк,
На кривой сосне
Соловей не молк.

На условный крик
Выйдет из норы,
Словно леший дик,
А нежней сестры.

На гору бегом,
Через речку вплавь,
Да зато потом
Не скажу: оставь.

Ну, прощай окончательно, а то я могу писать, кажется, до завтрашнего утра.

Пришли какие-нибудь свои стихи.

Ты помнишь, то место в «Подростке», где Версиков рассказывает о жизни, когда люди перестанут верить в Бога? Как они будут любить друг друга?[49] Приблизительно так я отношусь к оставшимся здесь друзьям, которых ужасно как мало, и собственно близка мне только Лиля, хотя раньше я ее не знала, да и теперь она у нас не очень часто бывает. Занимаюсь я довольно мало – не умею. А Лидка старательно. Какие твои планы на будущее, если сейчас можно говорить о каких-то планах.

Целую тебя. Надя

[1] Лидия Давыдовна Рабинович (в замуж. Гринберг; 1905—1971), микробиолог. См. о ней подробно в журнале «Чайка» – «Память войны. Из переписки моих родственников во время войны».

[2] Переводчица и детская писательница Изабелла Иосифовна Гринберг (1898—1956).

[3] Георгий Давыдович Рабинович Георгий (1910-1953), математик.

[4] Опубликовано в журнал «Звезда» 2015, №6.

[5] Марк Иосифович Гринберг (1896—1957), учёный, специалист в области турбиностроения.

[6] Осип Моисеевич Гринберг (ум. 1933), отец Марка и Беллы, присяжный поверенный.

[7] В книге Серёя Ачильдиева «Постижение Петербурга» (2015) приводится много свидетельств современников, рассказывающих об ужасном состоянии города.

[8] В стихотворении Ф. Тютчева: «Чему бы жизнь нас ни учила, / Но сердце верит в чудеса».

[9] Саул Моисеевич Рабинович (1867-1941), экономист, брат отцов Нади и Жени.

[10] Рад. (?) Андреевич Абрайтис оставался в квартире уехавших Рабиновичей на ул. Жуковского, дом 47.

[11] Выставка называлась «Павловск в изображении художников», была открыта в ноябре 1921 г. в Петрограде, в помещении Общества поощрения художеств. Среди участников: Альбрехт Л. П., Белецкая В. К., Бенуа Александр Н., Бенуа Альберт Н., Вахрамеев А. И., Голяшкин, Грабовский И. М., Дроздов И. Г., Конашевич В. М., Кучумов В. Н. Овандер А. Э., Остроумова-Лебедева А. П., Рылов А. А., Савицкий Г. К., Талепоровский В. Н., Шарапов Д. Ф., Шилейко-Краевская.

[12] То есть Александра Николаевича (1870-1960) и Альберта Николаевича (1852-1936) Бенуа.

[13] Савелий Исаакович Гринберг (род.1896), племянник Осипа Моисеевича, эмигрировал в Англию, стал фабрикантом, умер после Второй мировой войны.

[14] Изабелла Гринберг.

[15] См. прим. 11.

[16] Муля – Александр Самойлович Мончадский (1897—1974), товарищ Е.Р. Рабиновича по Тенешевскому училищу, впоследствии профессор-энтомолог. Упоминаемые дальше Сема, Даня и Лёля – не знаю.

[17] То есть воспитанница Смольного института благородных девиц.

[18] Лиля – видимо, подруга Нади. По-моему, далее упоминаемое имя Лили не имеет отношения к этой Лили, но это неточно.

[19] Геня – не установлено.

[20] Аня – Анна Дмитриевна – Мейерсон (потом стали говорить: Майерсон; 1900-1976), с января 1932 г. жена Евгения Исааковича Рабиновича; Фрида Мейерсон, сестра Ани.

[21] Юрий Чеславич – не установлено.

[22] Родители Евгения Исааковича Рабинович, адвокат Исаак Моисеевич (1859-1929) и его жена пианистка Зинаида Моисеевна Вайнлунд (1969-1943) с 1920 г. жили в Берлине.

[23] Леночка Гринберг (ум. 1925), младшая дочь Осипа Моисеевича Гринберга.

[24] Обидно, что я не могу разобрать цифру – чернила очень выцвели. Я нашла журнал «Вопросы стенографии и машинописи», но он за 1928 г. – это уже совсем другие расценки, но почитать все равно интересно http://gzos.ru/views/gzos.ru/shorthand_library/5207354_Voprosy-stenograf... (стр.8).

[25] Эмиль Альбертович Купер (1877-1960) после революции дирижировал в Петроградском Государственном театре оперы и балета и в оркестре Петроградской филармонии, в 1922 эмигрировал.

[26] Этот проект не был осуществлен.

[27] Видимо, «Книжные знаки русских художников» / Под ред. Д. И. Митрохина, П. И. Нерадовского, А. К. Соколовского. — Пг.: Петрополис, 1922. — 240 с.

[28] Леночка – здесь: Елена Исааковна (род.1895), двоюродная сестра Марка и Беллы Гринбергов, жена издателя Я.Н. Блоха(1892-1968). Рая – сестра Я.Н. Блоха, Раиса Ноевна Блох (в замужестве Горлина; 1899-1943) — историк-медиевист, поэтесса.

[29] Мать Якова Ноевича Блоха – Дора Яковлевна Малкиель, из семьи биржевика и промышленника Якова Мироновича Малкиеля.

[30] Ирма Гавриловна (урожд. Бартель, ум. 195?) жена Саула Моисеевича Рабиновича. Ирма была австрийской немкой и во время войны их с сестрой Мальвиной за их немецкую национальность сослали в Богучаны – Красноярский край, а Саул умер во время блокады (про их брата Гвидо Бартеля – см. Википедию). Миша (ок. 1918-1942?), их сын.

[31] «Фриц, который не ел супа», то есть оень худой – это из «Степки-растрепки» Генриха Гофмана, вот тут есть даже с оригинальными рисунками: <https://shaltay0boltay.livejournal.com/509628.html>

[32] Ответ на полученное от ЕР стихотворение «Поздней ночью, усталостью пьяный, // Я один возвращаюсь домой» (см. Евгений Раич, «Современник», Париж: Рифма, 1965, стр. 93-94), которое заканчивалось строчками: «И торжественной полон печалью // Над холодную Невской волной // Где-то там, за туманную далью // Умирает мой город родной».

Поздней ночью, усталостью пьяный,
Я один возвращаюсь домой,
И плывут предо мною туманы,
И я вижу мой город родной.
Вижу снова колонны Сената
Сквозь деревьев прозрачную сеть,
И за серой стеной каземата
Вдалеке голубеет мечеть.
Над Невою чернеет ограда,
Тихий воздух прозрачен и синь,
Застывает в безмолвии сада

Хоровод обнаженных богинь.
Но зажжен на проспекте забытом
Фонарей убегающий ряд,
Над холодным шершавым гранитом
Одинокие сфинксы грустят.
И в столице суровой и пышной
Человеческий стон не звучит,
Только волны рыдают чуть слышно,
Разбиваясь о влажный гранит.
Так, торжественной полон печалью,
Безначальной, как смерть, тишиной,
За туманной, за северной далью,
Возникает мой город родной.
1920

[33] В стихотворении ЕР «Над холодным приневским [вариант: и строгим] гранитом // Одинокие сфинксы грустят».

[34] Несмотря на высокую цену книг, гонорары Ахматовой не были велики. См. «Дневник К.И. Чуковского. 1901-1929. Т.1»: «24 декабря. Сейчас от Анны Ахматовой [...]. Мы беседовали долго. <...> — У меня большая неприятность с «Петрополисом» [изд-во, в котором вышла книга «Anno Domini MCMXXI»]. Они должны были заплатить мне 9 миллионов, но стали считать «по валюте» — и дали только четыре. Я попросила Алянского сходить к ним для переговоров, они прислали мне грубое письмо: как я смела разговаривать с ними через третье лицо — и приглашают меня в Правление в понедельник! Нахалы. Я ничего не ответила им, а послала им их письмо обратно. Теперь приходил Лозинский, говорит, что я обидела Блоха и т. д.».

[35] Андрей Белый с 1921 по 1923 жил в Берлине.

[36] Вольная философская ассоциация (Вольфила) была создана в 1919 г. по инициативе Р. В.Иванова-Разумника, А. Белого и других членов редакционной коллегии сборника «Скифы» для исследования и пропаганды философских вопросов культуры и свободного творческого общения. Просуществовала в Петрограде до 1924 г.

[37] Речь идет о Лиле Зильбершмидт – дочери сыны тестя Осипа Моисеевича Гринберга.

[38] Шура – двоюродный брат Нади и Жени Александр Колпакин, сын Раисы.

[39] Стихотворение А. Ахматовой «Смеркается, и в небе темно-синем...» (1916).

[40] Из стихотворения А.Ахматовой «Пророчишь, горькая, и руки уронила...»(1921).

[41] Театр малых форм, существовавший в Петрограде с 1920 по 1924 год.

[42] Ваня – Иван, сын Елены (урожд. Колпакина), двоюродной сестры Нади и Жени, и Володи Баражанских.

[43] 31 августа 1914 года Петербург был переименован в Петроград и назывался так до 26 января 1924 года (когда был переименован в Ленинград, с 1992 возвращено название Санкт-Петербург). Видимо, имеется в виду, что жители снова стали говорить «Петербург» вместо «Петроград». Интересно высказывание А.Н. Бенуа (в книге «Мои воспоминания», цитируется по электронной версии): «Скажу тут же – из всех ошибок «старого» режима в России мне представляется наименее простительной его измена Петербургу. Николай II думал, что он вполне выражал свое душевное созвучие с народом, когда высказывал чувство неприязни к Петербургу, однако тем самым он отворачивался и от самого Петра Великого, от того, кто был настоящим творцом всего его самодержавного величества. Внешне и символически неприязнь эта выразилась, когда он дал свое согласие на изменение самого имени, которым прозорливый вождь России нарек свое самое удивительное творение. Я даже склонен считать, что все наши беды произошли как бы в наказание за такую измену, за то, что измелъчавшие потомки вздумали пренебречь завещанием Петра, что, ничего не поняв, они сочли, будто есть нечто унижительное и непристойное для русской столицы в данном Петром названии. «Петроград» означало нечто, что во всяком случае было бы не угодно Петру, видевшему в своей столице большее, чем какое-то монументальное поминание своей личности. Петроград, не говоря уже о привкусе чуждой Петру «славящины», означает нечто сравнительно узкое и замкнутое, тогда как Петербург, или точнее Санкт-Петербург, означает город-космополит, город, поставленный под особое покровительство того святого, который уже раз осенил идею мирового духовного владычества — это означает «второй» или «третий» Рим. Самая несуразность соединения сокращенного латинского *sanctus*, что значит святой, и слов германского звучания «Петер» и «Бург» как бы символизирует и подчеркивает европейскую, вернее, космополитическую природу Петербурга.»

[44] Торговый двор между Невским и Садовой.

[45] Торговый двор на Садовой.

[46] До 1922 г. часть студентов получали паек, состоявший из нескольких буханок хлеба, одного-двух килограмм сельди и 500 грамм подсолнечного масла, а также нерегулярные суммы денег. См. подробно в статье А.Г. Ермошко <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-sotsialnogo-oblika-studenche...>

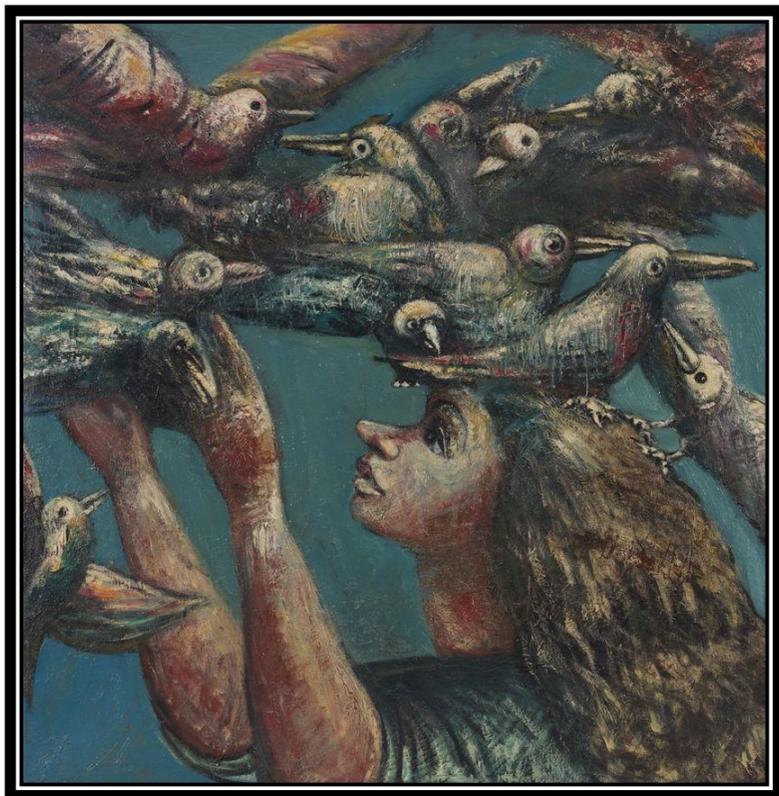
[47] Стихотворение А. Блока.

[48] Дальняя родственница.

[49] Версиров говорит: «Друг мой, любить людей так, как они есть, невозможно. И однако же, должно. И потому делай им добро, скрепя свои чувства, зажимая нос и закрывая глаза (последнее необходимо). Переноси от них зло, не сердясь на них по возможности, «памятуя, что и ты человек». Разумеется, ты поставлен быть с ними строгим, если дано тебе быть хоть чуть-чуть поумнее середины. Люди по природе своей низки и любят любить из страха; не поддавайся на такую любовь и не переставай презирать. Где-то

в Коране Аллах повелевает пророку взирать на «строптивых» как на мышей, делать им добро и проходить мимо, – немножко гордо, но верно. Умей презирать даже и тогда, когда они хороши, ибо всего чаще тут-то они и скверны. О милый мой, я судя по себе сказал это! Кто лишь чуть-чуть не глуп, тот не может жить и не презирать себя, честен он или бесчестен – это все равно. Любить своего ближнего и не презирать его – невозможно. По-моему, человек создан с физической невозможностью любить своего ближнего. Тут какая-то ошибка в словах с самого начала, и «любовь к человечеству» надо понимать лишь к тому человечеству, которое ты же сам и создал в душе своей (другими словами, себя самого создал и к себе самому. любовь) и которого, поэтому, никогда и не будет на самом деле.» (Ф.М. Достоевский. «Подросток»).

Часть 3. In Memoriam

Лев Табенкин. Полет. 1988

Леонид Шульман

Вашингтон, США

Ушел Марис Янсонс

Пришла горестная весть: из жизни ушёл один из самых известных, самых востребованных современных дирижеров – Марис Янсонс. Примириться с этим невозможно, он ушёл в самом расцвете творческих сил, известности, любви, внимания со стороны любителей музыки всего (!) мира. Скорбят Санкт-Петербург, Осло, Питтсбург, Амстердам, Мюнхен – города, где он работал и оставил свой неизгладимый след.

Скорбят лучшие оркестры мира, которые он возглавлял. В их число входят и Концертгебау-оркестр, и оркестр Баварского радио, занимающие верхнюю строчку в рейтинге оркестров. Скорбят Вена и Берлин, где он часто выступал.

Особо хочу подчеркнуть, что Марис получил своё прекрасное музыкальное образование в Питере и был воспитанником Ленинградской дирижерской школы, выходцы из которой, такие, как Темирканов, Гергиев, Бычков, Петренко и многие другие, сегодня занимают ведущие дирижерские позиции.

Большой радостью для меня было общение с ним. Это происходило и в Ленинграде, где мы оба учились, ведь он был мой «однокашник» в классе великого педагога Николая Семёновича Рабиновича, и в Кисловодске, куда он приезжал с Ленинградским оркестром, будучи сначала ассистентом Мравинского, а потом дирижером, и где я работал долгие годы, а потом и в Вашингтоне, куда он много раз приезжал на гастроли с разными оркестрами.

Сам Марис подчеркивал свою принадлежность к Питерской дирижерской школе, хотя и стажировался впоследствии в Вене. Он обожал Петербург. Когда выпадала возможность, урвав время из плотного гастрольного графика, он приезжал туда, в свою квартиру, чтобы отдохнуть в любимом городе.

Нам остаётся с грустью слушать его записи, выступления и помнить, помнить, помнить...

Сергей Бычков

Московская область, Россия

Художник. Мыслитель. Поэт. После ухода Николая Бокова

Он обладал неповторимым и мгновенно узнаваемым голосом. Неповторимый голос. Когда отвечал на телефонный звонок, это была короткая песнь – певучие растянутые «Аллё». Затем слышался голос с хрипотцой и хрустом, похожий на звук, которые издают сгорающие ветки, попавшие в огонь.

Разговор часто перемежался смехом, мелким и рассыпчатым, порою ироническим.

Ирония была неразлучна с ним. Она помогала выжить, выстоять, но вводила в смущение тех, кто впервые общался с ним. Жизнь изрядно поработала над ним. Куда она его только ни бросала – на целину, где он работал шофером, затем в советскую армию, из которой комиссовался, отлежав несколько месяцев в психушке. В 60-е годы это было весьма распространенным путем избавления от армейской муштры.

И на целине, и в психушке чудом был избавлен от смерти.

В октябре 1967 года вместе с двумя друзьями приехал в Рязань к Александру Солженицыну. Разговор был настолько напряженным, что после их отъезда писатель вслед им отправил письмо, которое отпечатал на машинке, а потом испещрил многочисленными вставками.

У него в гостях были три студента МГУ – Коля представлял философский, Слава Великанов психологический, а Валера Щербаков исторический факультеты. Солженицын писал: «И так как разума нашего обычно не хватает, чтобы объяснить, понять и предвидеть ход истории (а «планировать» её, как вы сами говорите, оказалось, бессмысленно), – то никогда не ошибётесь, если во всякой общественной ситуации будете поступать по справедливости (старинное русское выражение – жить по правде).

Это даёт нам возможность быть постоянно деятельными, не руки опустя. И не возражайте мне, что «все понимают справедливость по-разному». Нет! Могут кричать, за горло брать, грудь расцарапывать, но внутренний стукоток так же безошибочен, как и внушения совести (мы ведь и в личной жизни иногда пытаемся перекрыть совесть). »

Его старший друг поэт Марк Ляндю вспоминал эти годы: «Мы познакомились с ним в 60-х, на Польской выставке в Манеже, когда он еще совсем мальчишкой умело отражал атаки партийных и беспартийных стариков на абстрактное искусство в нашушевшей выставке...

И много лет потом встречались, бывали на Литобъединении Эдмунда Иодковского, дружили с летучей поэтогруппой СМОГ, выступали на «Маяковке»... Сходились и расходились... он жил у меня в Томилино, я ночевал у него в коммунальной комнатенке на Ломоносовском... Выступали в кафе и в клубах, попадали в милицию и райкомы... короче вели пеструю жизнь в Московском андеграунде, неподпускаемые к издательствам и так далее... бывали и драмы. »

Последний год перед эмиграцией Коля вместе с женой жил у меня в Софрино, где я снимал роскошный дом с камином. Возили дрова, топили камин.

Зима 1974-75 годов была горячей. Снегу навалило по пояс. Уже тогда Коля знал, что будет жить во Франции и без устали изучал язык. Казалось бы – он подготовился к эмиграции.

В Париже еще в 1970 году вышла его повесть «Смута новейшего времени, или Удивительные приключения Вани Чмотанова», сначала в газете «Русская мысль», а затем отдельным изданием. Она переводилась на другие языки, а в Польше вышел Самиздатский перевод. И все же это было тяжелое испытание.

Спустя семь лет произошло его обращение, он крестился, бросил все и ушел странствовать. Где только ни побывал – прошел пешком всю Францию, пожил на Афоне в монастыре, умудрился побывать в Израиле, пожить в тамошних монастырях, будучи беспаспортным. Это время называл «периодом православного фундаментализма».

Спустя 10 лет вернулся во Францию, поселился в 18 километрах от Парижа в пещере. Обжил ее, развел поблизости огород. Особо знаменит огород стал благодаря помидорам, которые он выращивал. Стал членом Общества друзей Нотр дам де Пари. Водил экскурсии для приезжих русских.

Побывал в Англии в гостях у архимандрита Софрония (Сахарова) в основанном им монастыре в Эссексе. Встречался с известным писателем и мыслителем Виктором Франклем. Вступил в благотворительное Общество, члены которого ухаживали за умирающими. Вспоминал, как ухаживал за стариком-испанцем, который всю жизнь прожил во Франции, но в конце жизни впал в детство и напрочь забыл французский.

Медсестры и врачи не понимали его испанского. А Коля в своих странствиях немного изучил испанский. И скрашивал одиночество старика. Умудрился поучиться в Свято-Сергиевском богословском институте, поспорить с Оливье Клеманом. Никогда не забывал о писательском призвании – все, что происходило с ним и вокруг, запечатлевал в записных книжках. Из этих записей впоследствии рождались его основные произведения.

Он был мистически одаренным человеком. Внимательно изучал святоотеческое наследие, католический и протестантский опыт. Побывал в местах явления Божией Матери – в Фатиме и Лурде. К Лурду у него было особое отношение.

Уже находясь в клинике, не оставлял мечты еще раз побывать там. Каждый вечер, будучи тяжелобольным, находил время для молитвы.

15 ноября записал слова молитвы, обращенные к Богородице: «Не презри плача и слез, утѣхо плачущих! Аще ужасает мя мое недостойнство и окаянство моих грехов, но уверяет мя цельбоносный сей образ, на нем же благодать Твою и силу, яко неисчерпаемое море, вижду: слепых прозревших, скачущих хромым, странствующих аки под сению Твоего призрения... Утѣхо...цельбоносный...скачущих хромым!»

Вот что Хлебников-будетлянин читывал, быть может...

Творчество было для него таким же насущным, как дыхание. Его последние произведения пронизаны любовью. Мы знакомим читателей со стихотворением, адресованным его подруге, поэту и художнику Мари Клод Тибо (он звал ее нежно – Cloclo) и двумя молитвами.

Vladimir Fishov

Париж. С Мари Клод Тибо и Анн Лоран

Николай Бокв

Тебе скажут, моя дорогая, он умер.
Ты улыбнешься: твое доброе сердце
Забыло недоброе значение слов.
Ты подумаешь: он отправился в путешествие
И скоро пришлет открытку с видом собора,
Поднявшего свои шпили в синее небо.

Ты подумаешь: он вас опять обманул,
Он придумал игру, чтобы развеять
Скуку вашего существования.
Пока вы смотрели в направлении звуков
Футбольного поля или полицейской возни,
Он завернул за угол, стал невидим
И улетучился, словно туман, словно
Последняя рода иссякшего птица.
И ты будешь права, моя дорогая!
Этой ночью ты ощутишь движение
Воздуха, и рука коснется твоей головы,
Ты услышишь знакомый голос Клокло!
И улыбнешься тени, стоящей в окне.
И скажешь: Это ты! Скоро увидимся, да?

О, Пречистая Дева Мария.

В какую сторону смотреть, говорить к Вам и надеяться, что мой голос будет услышан?

Я чужак в этой стране и в этом народе. На каком языке сказать Вам: «Радуйся!»?

Говорить ли Вам на языке современном? Или произносить слова молитв старинных?

Я умираю впервые. Впервые мое тело атаковано видимой смертью, – растущим во все стороны раком.

Нежданная перемена моего бытия не вызвала ни ужаса, ни сожаления, ни горечи! А за одну неделю я превратился из велосипедиста в инвалида.

Лишь удивленный масштабом события. И тем, что по-прежнему интересно жить, утратив так много возможностей действий.

Невозмутимость моей души – Ваш дар. Примите благодарность мою Иисусу Христу, Вашему Сыну. Ибо Он открыл мне Любовь Бога к Своему Творению, Любовь нескончаемую и здесь, и в том мире, куда доступа телу нет и где моя душа побывала однажды.

Я ищу тайного смысла моей болезни. Очищение моей души страданием тела? Наказание за некие слова и поступки? Или немощ тела охраняет меня от совершения необратимого?

Или чтобы на мне была явлена сила Спасения Вашего?

Подарите мне чувство раскаяния, ибо я утратил чувство греховности, возвращаясь в мир двадцать лет тому назад с мыслью о

безразличии неба к стремлениям моим сохраниться в чистоте призвания. Тогда я, беспомощный, сдался. И я стал думать, что времена изменились, что список грехов упростился, и заповедь ныне одна: не желай зла ближнему, но люби.

Какими словами к Вам обратиться, о Пречистая Дева, каково должно быть звучание их, чтоб пронзили они толщу времени и пространства и услышаны были бы Вами?

Склонитесь к порыву моего сердца, подарите надежду Божественную, о Пречистая!

О, Иисус.

Тысячи раз я повторял Ваше Имя в молитвах, но обращаюсь к Вам лично впервые.

Ощущаю страх особого рода, не сравнимый с земными страхами.

Тот, который заставил Петра сказать Вам: «Господи, выйди от меня, ибо я человек нечистый».

Страх перед великой тайной Любви, Чистоты, Всезнания.

Перед светом оттуда, куда дверь открывает смерть.

О, Иисус. О, Христос.

Куда мне повернуться лицом, чтобы произнести Ваши великие Имена, человеческое и божественное, и надеяться, что будет услышан мой голос?

Ибо мне послана болезнь, вызывающая панику у людей.

Вы были рядом со мною, когда болезнь была названа – мною же, и я не испытал ни тени страха, горечи, сожаления. Ваш Мир Вы подарили мне.

Я готовился к переходу в вечность давно, я подготовлен Вами.

Однажды, тридцать лет тому, я был исцелен от болезни Вами, – мгновенно, во время мессы. От болезни не названной, по тяжести, вероятно, не сравнимой с ныне ползущим в моем теле зловещим раком.

Меня веселит мысль, что и на этот раз Вы могли бы исцелить меня: сколь многие были бы потрясены в однообразии своего существования! В скольких отчаявшихся вспыхнула бы надежда! Как разорвалась бы серая мгла власти и денег, наползающая на эту страну, на этот мир.

Говорю к Вам – и страшусь моей дерзости, боюсь, как тогда Петр, нечистоты – и моей, и вновь приобретенной в миру за эти двадцать лет.

Принимаю любой Ваш промысел обо мне,

О, Господи!

Николай Боков

Париж, Франция

Ты ленилась вставать

Ты ленилась вставать и ссылалась на то,
что суббота,
Что не топлено в доме, и ветер гудит за окном.
И звучала одна в твоём голосе бархатном нота,
И ей вторил послушно медлительный дом.

В память предков любезных окна гладили
ветви деревьев.
Пес дремал у порога, соседями данный взаймы.
Жизни прошлой и пошлой обрывки, отрепья
Мы засыпали снегом свободной и чистой зимы.

Этот миг, эта пядь бытия нам подарены небом:
Мирный скрип половиц и пыланье поленьев
в печи.
Из колонки водой и пахучим коричневым хлебом
И ладонью на сердце мою старую боль залечи.

Часть 4. Политика

Лев Табенкин. Дискуссия. 1995

Роман Солодов

Нью-Джерси, США

Стук снизу. Игра в импичмент продолжается

Думали, что достигли дна, но снизу постучали.

Ежи Лец

Продолжаются игры в импичмент. Я потому называл эту историческую процедуру играми, что она не принесет успеха демократам, который должен принадлежать им по праву. Республиканцы не проголосуют за отстранение Трампа от власти. С партийной точки зрения они правы – почему они должны уступать? Уступка будет означать потерю власти в Сенате и проигрыш при выборах президента.

Они этого не хотят, а кто захочет? Дело демократов можно считать проигранным еще и потому, что у народа сравнительно мало интереса к происходящему. Но не стану утверждать, что прилипни страна к экранам, то исход был бы другим. Республиканцам плевать на массовость. Они знают свою задачу – защитить президента всеми возможными и даже невозможными средствами, и исполняют ее достаточно профессионально.

При этом они упирают на то, что демократы не такие уж белые и пушистые, какими они себя выставляют. А если конкретно, то вице-президент Д. Байден достаточно часто оказывается мишенью их атак. Он и его сын Нантер. Кратко опишу эту историю. Во время вице-президентства папы, его сын получил приглашение занять должность в компании «Буризма» в качестве одного из директоров компании. Это было в четырнадцатом году, и договор подписали на пять лет. Был

ли Хантер подготовлен к этой должности, понятия не имею. Он был специалистом по международному праву, а компания тогда, по законам Украины, выхода на международную арену не имела. Потому почти сразу заговорили, что компания могла склониться перед давлением папы, и дать это теплое местечко его сыну.

Еще и для того пригласили Хантера, чтобы украинское правосудие особо не цеплялось к компании, тем более что папа, по поручению Обамы, занимался украинскими делами. Имя Байдена в какой-то степени прикроет компанию. Сын просто протирал там штаны на заседаниях и ничего не делал, ибо специалистом не был. В самом деле, кто же откажется от 50 тысяч долларов в месяц, ничего для этого не делая? В общем, так говорят противники Байдена.

Сразу скажу, что с моей точки зрения поступок Байден в той ситуации был далек от норм этики. Не стоило сыну влезать в это дело, тем более, если отец подумывал о продолжении политической деятельности. Должны были предвидеть, что даром им это не пройдет. Но с другой стороны, можно вполне допустить, что его сын, вполне взрослый и самостоятельный мужчина, мог и не послушать отца. И даже не извещать его о поступившем предложении, но просто поставить перед фактом. Могло быть такое? Вполне. Правда, от этого ситуация не становится более этической.

И вот сегодня мы слышим крики о том, что в связке Джо Байден, его сын и «Буризма» есть коррупционная составляющая. В чем она, не уточняет никто. Упирают на то, что он был компании не нужен, а она его взяла на работу.

И это все?

Допустим, что так. Но тогда возникает один вопрос. И я бы очень хотел получить на него внятный ответ от любого из сторонников Трампа. Почему после ухода Д. Байдена с политической арены в 2016 году, компания продолжала держать его сына на посту в Совете директоров и платила ту же зарплату еще целых три года? Это, как ни говори, 1 миллион 800 тысяч баксов. За что они платили Хантеру? За протирание штанов? Или все же за то, что он там работал?

Кто-то скажет, что договор мог быть составлен на пять лет... Извините, это детские сказки, даже если договор был так составлен. Он разрывается в пять минут. И куда пойдет жаловаться господин Хантер? В какой суд? В любом суде, что в американском, что украинском, адвокат «Буризмы» заявит, что сына им навязал вице-президент. И тогда Байденам наступит политический конец навсегда. Компания в этой ситуации ничем не рисковала, но она держала г-на

Хантера еще три года после ухода отца. Кто-то назовет другую причину, кроме той, что он был «Буризме» нужен?

Теперь хотелось бы рассмотреть еще один вопрос, уже напрямую связанный с импичментом. Это вопрос *quid-pro-quo*. В переводе – ты мне, я тебе. Сторонники Трампа, признающие, что эта тема возникала в разговоре с президентом Украины Зелинским (а есть и такие, которые и это отрицают), утверждают, что это, можно сказать, обычная процедура, связанная с взаимными уступками. Ничего криминального в этом нет. Придется их слегка разочаровать.

Сразу ясно, что эти люди не читали книгу Тарле «Талейран». Этот человек вошел в историю не только как выдающийся дипломат наполеоновской эпохи, но, в большей степени, как выдающийся взяточник. В международной дипломатии существует понятие баш на баш. Без него дипломатия практически невозможна. Оно отсутствует, когда подписывается безоговорочная капитуляция. В этом случае, речи о взаимных уступках быть не может. Но когда ведутся переговоры о мире, о торговле, да о чем угодно...то тогда и появляется компромисс. Он заключается в том, что я – твоему государству, а ты – моему государству. Речь идет о государственных интересах.

Талейран же устраивал свои личные дела, его формула звучала проще: я (в лице государства Франция) – твоему государству даю послабления, а ты (твое государство или ты сам) – мне лично – деньгами. Такой баш на баш называется «взятка». Это слово и употребила Нэнси Пелоси. Речь идет о взятке. И когда Молвени (кажется, начальник отдела кадров Белого дома) подтверждает существование разговора, в котором Трамп требовал от Зелинского начать расследование вмешательства Украины в наши выборы 2016 года и Байденов, то он просто не понимает разницы между взяткой и договором. Трамп, утверждая, что никаких кви-про-кво не было, кстати, прекрасно понимает разницу. А многие нет.

Эти разговоры – ну, подумаешь, Украина же получила помощь, и расследования она не ведет, говорят даже, что Украина и не знала о задержке, настолько она была мизерной по срокам... Все это достаточно жалкие попытки оправдать президента. Скорее всего, республиканцы делают это для оправдания в собственных глазах. Надо сказать, им это удастся. Более того, они подхватили фальшивую теорию Трампа, о том, что в выборы 2016 года вмешивалась не Россия, но Украина.

Этот поворот родился в результате одной из личных встреч Путина и Трампа. После нее Путин запустил утку (надеюсь, читатель

постарше помнит это выражение советской пропаганды о фальшивых новостях с Запада) о вмешательстве Украины в наши выборы 2016 года. И пошло, поехало... Было бы забавно все это наблюдать, не окажи Трамп со товарищи поддержку этой фальшивке. Что получается? Расследование Мёллера, длящееся два года, не упомянуло Украину в качестве виновника. Так что? Зря работала его команда? Да, она обвинила 12 русских хакеров в прямом вмешательстве в наши выборы.

Да, Мёллер прямо указал на Россию. На Россию были наложены санкции в связи с этим. Республиканцы и демократы были едины, когда речь шла о наказании России. А теперь выходит, что все это было напрасно, команда Мёллера и он сам со всем его опытом работы оказались слепыми котятками? А проницательными оказались Трамп и его непосредственные подчиненные? В эту команду надо включить и Путина.

Не стану сейчас подробно расписывать показания госпожи А. Хилл, специалиста по России номер один, на слушаниях по импичменту. Не стану сейчас говорить о том, что сенаторы получили документы от наших разведчиков и контрразведчиков о вмешательстве России, и о том, что перевод стрелок на Украину, это фальшивка русской разведки. Все это сейчас мелькает на экранах. Но скажу о том, что настаивание на украинской версии после показаний честных людей и профессионалов в своем деле, мне напоминает предательство интересов страны. Путину надо вбить клин между Украиной и США, ему надо снимать санкции со своей страны, ему нужен раскол в американском обществе.

Он не остановится ни перед чем, ибо русский царь не знает, что такое мораль в международных делах. И сейчас он улыбается, когда видит весь этот спектакль, в котором на его стороне играют Трамп и республиканцы.

Григорий Писаревский

Нью-Джерси, США

Импичмент как предвыборное шоу демократов

Одним из показателей интереса американцев к политическому шоу под названием «Импичмент», устроенному демократами в Конгрессе, является количество зрителей, пожелавших потратить своё время на его просмотр.

Менее 13 млн. смотрели телепередачи в 1-й день этого «спектакля» – ничтожная доля аудитории, собирающейся у экранов телевизоров во время футбольного матча. В своё время даже показания Конгрессу уволенного директора ФБР Джеймса Коми, бывшего адвоката Трампа Майкла Коэна или слушания в Сенате по утверждению Брета Кавано членом Верховного Суда привлекли большее количество зрителей. А затем это число снизилось ещё больше. В преддверии выборов 2020 г. американцы с помощью пультов дистанционного управления телевизором голосуют против очередной попытки левых дестабилизировать ситуацию в стране.

Незадачливой проявила себя и режиссура шоу. Показания «звездного свидетеля» демократов подполковника Александра Виндмана оказались дискредитированы его непосредственным начальником Тимом Моррисоном, назвавшим Виндмана «ненадежным сотрудником, на суждения (judgement) которого не следует полагаться». Сам Моррисон не нашёл ничего незаконного в словах президента. Не помог демократам и тот факт, что Виндману, действующему офицеру армии США, трижды (!) предлагали пост министра обороны Украины, и то, что Виндман не доложил «по команде» о своих «сомнениях» после телефонного разговора Трампа с Зеленским.

Не совсем понятно, каким образом офицер и сотрудник Совета Безопасности позволяет себе вслух проявлять «несогласие» с политикой Президента и Верховного Главнокомандующего. До сих пор считалось, что, по правилам чести и законам цивилизованного общества, государственному служащему, тем более офицеру, в подобном случае следует немедленно подать в отставку. Я далёк от того, чтобы присоединиться к обвинениям Виндмана в измене, звучащим со стороны крайне правых. Но сам факт его участия в пропагандистском шоу демократов может являться нарушением военной субординации или, по крайней мере, офицерской этики. Печально, что представитель русскоязычной общины согласился играть столь неприглядную роль в этом безвкусном спектакле.

Другим ключевым свидетелем была «назначена» Мари Йованович, бывший посол США в Украине, уволенная Трампом с должности, за которой числится ряд провалов в проведении иностранной политики.

При всей риторике ее выступления, Йованович пришлось признать, что по политическим соображениям Хантер Байден не должен был принимать высокооплачиваемый пост в украинской газовой компании Бурисма во время, когда его отец занимал должность вице-президента в правительстве Обамы.

Член Комитета Конгресса Джон Ратклифф, республиканец от штата Техас, спросил Йованович, сообщила ли она в Госдепартамент о возникшем конфликте интересов.

– Нет, я не сделала этого, – ответила Йованович.

– Значит, никто ничего не сделал [по этому поводу], – отметил Ратклифф. – Теперь вы видите, почему президент оказался озабочен таким развитием событий в Украине?

Вот каким образом лишний раз подтвердилось, что именно нежелание Йованович и других противников Трампа в дипкорпусе указать на нарушения политической этики семьей Байденов побудило Трампа заострить внимание на этом вопросе.

Генеральный инквизитор импичмента, глава комитета Конгресса по разведке, демократ Адам Шиф, изо всех сил пытался представить Йованович в качестве жертвы «неоправданной агрессивности» Трампа. Он позволил себе даже прервать слушания, чтобы зачитать очередной твит Трампа, и заявил, что писать твит, критикующий свидетеля, – это «преступление»

Адам Шиф хотел сделать как лучше для себя и своих коллег, но получилось как всегда. Вышло так, что именно он притянул содержание твита в процесс слушаний Конгресса. В реальном суде

такое не допускается, поскольку потенциально может оказать давление на свидетеля. Однако Шиф, разумеется, намеревался не добиться истины, а как следует поиграть на публику, ведь весь процесс слушаний – ничто иное, как предвыборное шоу демократов.

В качестве истинного шоумена Шиф позаботился и о том, как некоторые эпизоды его пропагандистской пьесы будут выглядеть на телеэкранах. Он отказал члену Комитета конгрессмену Нуньесу, республиканцу от Калифорнии, в законной просьбе о передаче Элизе Стефаник, коллеге из республиканской фракции, отведённого ему времени для опроса свидетеля. По-видимому, Шиф посчитал, что если женщина-конгрессвумен будет задавать вопросы женщине-свидетелю, это может вызвать симпатии к (республиканской) защите у части зрителей, что естественным образом противоречило бы интересам демократов.

На фоне огромной шумихи и всего процесса импичмента по поводу телефонного разговора Трампа с Зеленским, по меньшей мере, странным выглядит тот факт, что никому не пришло в голову расследовать законность действий Байдена, когда в марте 2016 г., будучи вице-президентом Америки, он потребовал у Петра Порошенко уволить генерального прокурора Украины Шокина. Ведь Байден угрожал в случае отказа аннулировать предоставление Украине гарантий займа на сумму 1 млрд. долларов.

В политической перспективе буффонада в Конгрессе может дорого обойтись демократам. Председатель юридического комитета Сената Линдси Грэм уже предпринимает шаги для начала глубокого расследования Байденов, Бурисмы и прочих реалий, связанных с Украиной. В частности, он отправил госсекретарю Помпео запрос о предоставлении записей всех телефонных разговоров Байдена с Украиной.

Опросы общественного мнения показывают неприятие процессов импичмента со стороны «независимых» избирателей, которые и будут решать исход выборов 2020г.

Но и американский народ в целом никак не выигрывает и от процесса импичмента, и от продолжающейся уже три года лево-либеральной «охоты на ведьм», и от саботажа любых инициатив Дональда Трампа. Конгресс из законодательного органа превратился в комитет по преследованию законно избранного президента. Согласно ежемесячным опросам авторитетного агентства Gallup, только от 17 до 26 % опрошенных одобряли работу Конгресса в текущем году. Падает престиж институтов власти. На неопределённый срок отложены важнейшие вопросы обновления

инфраструктуры, медицинской и иммиграционной реформы. Расшатывается политическая система страны, а внешние враги строят новые планы противостояния Америке.

Остаётся надеяться, что в итоге большинство американского народа окажется в состоянии распознать, кто лучше представляет его реальные интересы.

Элиэзер Рабинович

Штат Нью-Йорк, США

Что происходит в Израиле с правительством и премьером Нетаньяху

*СУДЕЙ НЕ ЗЛОСЛОВЬ, И ГЛАВУ В НАРОДЕ ТВОЁМ НЕ ПОНОСИ»
(Исход, 22:27)*

Израильского премьер-министра обвиняют в серьёзных преступлениях. Он не признаёт, не уходит в отставку и злословит судей как устроителей государственного переворота.

Что происходит? Падение большого человека – и наблюдать это больно. Сразу скажу – до 21 ноября самым важным было и в общем остаётся невозможность сформировать нормальное правительство: в апреле были первые досрочные выборы, за ними последовали вторые в сентябре и, вполне возможно, что понадобятся третьи. Теперешнее правительство – уже более полугода работает как переходное. Но это отдельная большая тема, и я её обхожу. Здесь – только о возможном суде над главой правительства.

21 ноября этого года Юридический советник правительства, он же – Генеральный прокурор страны Авихай Мандельбит предъявил

обвинения премьер-министру Бенджамину Нетаньяху[i] в совершении ряда преступлений, включая коррупцию и потерю доверия с возможным сроком заключения до 10 лет.

«Я сегодня рассказал адвокатам Нетаньяху о моем решении подать против премьера обвинительное заключение по трем делам, – сказал Мандельблит журналистам. – Речь идет о «деле 4000». Здесь я решил обвинить премьер-министра в получении взятки, мошенничестве и обмане общественного доверия... Дальше я говорю о «деле 2000». Здесь я обвиняю премьер-министра в мошенничестве, обмане общественного доверия... По «делу 1000» – Нетаньяху обвиняется в мошенничестве и обмане общественного доверия,» – добавил он.

Премьера обвиняют в незаконном получении подарков (дело 1000) в течение 5 лет, шампанским и сигарами, от двух бизнесменов-миллиардеров, на общую сумму в 691,776 шекелей/3.47 ~ \$200,000; такие подарки полагается сдавать в казну. Не совсем понятно, что дарители получали взамен. Чистая – после снятия налогов – зарплата премьера – 22-24 тысячи шекелей (6,300-7,000 долларов) в месяц.

Другие обвинения (дела 2000 и 4000) касаются покупки влияния в газетах – обвинения довольно странные, если учесть, что средства массовой информации остаются, как правило, очень критичными по отношению к главе правительства. Было ещё одно дело, касающееся коррупции при покупке подводных лодок в Германии, но участие премьера в нём не доказано и не вылилось в обвинение. Я читал и такое, правда, совершенно необоснованное мнение, что прокурор Мандельблит сделал всё возможное для смягчения обвинений.

Мандельблит отметил, что расследование по делам Нетаньяху велось «ответственно и справедливо». «Только после того, как я убедился, что здесь есть серьезная доказательная база, я решил обвинить Нетаньяху по трем делам... Мне было сложно принять решение, но я верю, что я принял справедливое, правильное решение. Все, что я делал по отношению к этим решениям, я делал ради народа Израиля и государства Израиль,» – сказал он.

Впервые в истории Израиля обвинения предъявлены действующему премьер-министру. Экс-премьер Эхуд Ольмерт, в отношении которого также велись расследования, подал в отставку за полгода до того, как ему были предъявлены обвинения; он провел некоторое время в тюрьме.

До этого Израиль коррупции со стороны глав правительства не знал. Предыдущее «громкое» финансовое дело было в 1977 году, когда Ицхак Рабин потерял пост премьера, а затем проиграл выборы

Ликуду во главе с Менахемом Бегиним. В то время был закон, по которому граждане Израиля не имели права держать счета за границей. Понятно, что это не могло распространяться на тех, кто

Бенджамин Нетаньяху (слева) и Авихай Мандельблит

работал или учился в других странах, но предполагалось, что по возвращении в страну иностранные счета ликвидируются в разумный срок. Рабин служил послом в США с 1968 по 1973 годы. В 1977 году, когда он был премьер-министром, журналисты обнаружили, что его жена оставила в США два счета, записанные на оба имени, на общую сумму около 10 тысяч долларов, понятно, что их собственных денег. Рабин немедленно взял вину на себя, уплатил штраф, близкий к полной сумме, и ушел в отставку. Согласитесь, что это история совершенно иного характера. Нетаньяху же назвал действия прокурора попыткой государственного переворота и отказываться от власти не собирается. Нетаньяху – первый действующий глава правительства, которому такие обвинения предъявлены. Непонятно, как он может руководить переходным правительством, находясь под обвинением.

И это в условиях, когда правительство практически парализовано после двух выборов в этом году и никто не может составить коалицию.

Это при том, что Нетаньяху – самый долгослужавший премьер в условиях, когда в Израиле нет максимального срока службы для руководителя страны. Почему же я начал с того, что назвал его большим человеком, хотя такое к нему отношение не всеми

разделяется в самой стране? До него было два лидера, которым я даю такое же определение, – Давид Бен-Гурион и Менахем Бегин.

Великий лидер Бен-Гурион создал страну и привёл её к победе в первой войне с арабами. Будучи убежденным светским социалистом, позволил ограниченное частное предпринимательство, ввёл религиозные партии в правительство с самого начала, когда у него не было в этом необходимости по результатам выборов, обманул Сталина, получив от него оружие через Чехословакию, но отказавшись ввести страну в коммунистическое русло. (Это при том, что портреты Сталина висели в столовых кибуцев, по крайней мере, до доклада Хрущева 1956 года.) Это был человек с диктаторскими наклонностями, которые он сумел держать в рамках. У него были и драматические ошибки, главной из которых был расстрел корабля «Альталены» с оружием и дело Пинхаса Лавона.

Когда в январе 1974 года моя семья прибыла в страну, ее экономика не была особенно развитой, хотя уже были военная авиационная промышленность и первоклассное сельское хозяйство на орошаемой земле. Но часто можно было услышать горькую шутку: «Почему мы, евреи, так хороши в других странах, а вот в своей стране не можем...» Социалистическая экономика контролировала цены, что сдерживало инфляцию и сдерживало развитие. Зарплаты были привязаны к ценам и вначале менялись раз в пару месяцев.

Никто не будет шутить теперь таким образом. Израиль – это страна первого мира с высоким уровнем жизни, развитой электроникой, фармацевтической промышленностью, с экспортом высококачественной медицины. Это страна, с 1948 года выросшая более чем вдесятеро по численности населения и успешно абсорбировавшая группы населения самых различных культур.

Всё это – результат двух капиталистических революций. Во главе первой стоял сменивший Рабина Менахем Бегин, глава правой партии Херут (предшественницы сегодняшнего Ликуда). Он, как и его первый министр финансов Симха Эрлих, были убежденными сторонниками свободного рынка, но, не имея основ экономического образования, они понятия не имели о том, как это делается. Они отпустили цены, и инфляция взлетела до 373.22% в 1984 году. Был заключен мирный договор с первой арабской страной – Египтом. Но у Бегина была психология польского дворянина, а Садат говорил: «Это Ближний Восток. Здесь ставки высоки». У арабов был принцип: ни дюйма завоёванной в 1967-м земли не должно остаться у Израиля. Бегин понял принцип буквально и отдал даже город Ямит, хотя потом стало известно, что Садат, возможно, был готов оставить его за

Израилем. От Газы Садат открестился к «радости» Бегина, а потом был спор из-за какого-то отеля в Табе, понятно, потерянный при арбитраже.

Большой ошибкой был Ливан, проигранный Бегиним и Ариэлем Шароном исключительно из-за непонимания ими арабской психологии. Была гражданская война между арабами-христианами и мусульманами, и христиане теряли их традиционную долю власти. Израиль вмешался и оккупировал юг Ливана. Я хорошо помню те времена, когда в феврале 1979 или 1980 года писал сестре в Москву: «Ни в каком страшном сне представить не мог — ночью сижу с автоматом в компании двух вооруженных арабов». Было это в больнице ливанской деревни Марджаюн, где израильскими союзниками были арабы-христиане во главе с майором Хаддадом, вскоре умершим от рака. Вождем же всех ливанских христиан был Пьер Жемайл, а его сын Башир Жемайл был избран президентом страны. Он был произраильским, да и содержал его Израиль, и он обещал вскоре по приходе к власти установить дипломатические отношения. Но он просил, нет, упрашивал Бегина и Шарона вывести израильские войска, чтобы ему было что показать народу как достижение, те же с ним обращались, как со слугой, и требовали признания Израиля в качестве первого шага. «Вы же говорите с президентом Ливана!» – бросил он однажды в сердцах. Его убили в 1982 году еще до инаугурации, и христианское влияние пало, а потому и мирный договор с Израилем стал невозможен.

Бегин был у власти 6 лет, но последний год был под сильной депрессией из-за неожиданной смерти жены, пока не ушел в отставку и не был заменен Ицхаком Шамиром.

Правительство национального единства Шимона Переса, Ицхака Шамира с Ицхаком Модаи – единственным экономистом среди них, в качестве министра финансов, – в июле 1985 году остановило инфляцию подобно тому, как машину останавливают резким торможением[iii]. Я читал о гиперинфляции в Германии, когда рабочих денежных типографий заставляли печатать деньги в три смены, и всегда удивлялся: а что было бы, если бы печатный станок был попросту остановлен? Именно так эти трое и сделали, тем более, что Шимон Перес как глава Рабочей партии мог договориться с Гистадрутом – объединением израильских профсоюзов. Поскольку многие цены всё ещё контролировались правительством, израильские власти произвели полное замораживание цен на товары и услуги и отменили т.н. «linkage» – привязывание зарплаты, бюджетов, обмена валюты к инфляции. Экономисты полагали политику реакционной, но

успех был поразителен: инфляция упала вдвое, до 185% в 1985-м и далее до 19% в 1986-м. Сейчас инфляция колеблется около нуля. Эту политику теперь изучают в университетах.

Бенджамин Нетаньяху получил прекрасное американское образование в области архитектуры, управления и политологии в Массачусетском Технологическом институте и Гарварде. С 1964 по 1988-ой он был уже замечен на политической арене как представитель Израиля в ООН. У него прекрасно подвешенный язык. Я не знаю, когда мысль о его кандидатуре на пост главы правительства впервые вошла в еврейское сознание, но помню известного израильского журналиста, читавшего лекцию в одной из синагог штата Нью-Джерси. У него спросили: «А когда Нетаньяху станет премьер-министром?» Твёрдый ответ: «Никогда! Он хорош только по телевизору».

Стал. И премьером (1996-1999 и с 2009 по настоящее время – дольше даже Бен-Гуриона), и министром иностранных дел, и очень успешным министром финансов, и занимал много других постов. Он нигде не провалился. Он твёрдо вывел израильскую экономику в Первый мир, высоко поднял уровень жизни, вывел страну из изоляции. Инфляция остаётся низкой или даже отрицательной, безработица низкая, обороноспособность высокая. Он возглавил то, что я и назвал «Второй капиталистической революцией». В каждый визит в страну мы едем по новым дорогам, видим филиалы американских фирм вдоль приморского шоссе, технологический центр МАТАМ в Хайфе, туннель, за минуты переносящий машины с одного края Хайфы на другой. Опреснение морской воды. Трамвай в Иерусалиме. Появились газ и следы нефти у моря.

Я не знаю/не знал за Нетаньяху крупных ошибок. Нет, проблема отношений с палестинцами Иудеи и Самарии остается, и я не вижу другого решения, кроме аннексии с выдачей гражданства арабам тех земель. Нет, остаётся Газа. Иран. Очень острой проблемой для будущего политика и общества становятся отношения между светской и религиозной, особенно ультрарелигиозной, частями населения. Но это задачи, текущие и будущие. Это не ошибки.

И вдруг – более полугодом он руководит переходным правительством, не будучи способен договориться ни с кем о постоянном составе.

И вдруг – уголовные дела большого масштаба! И как бы они ни решились, премьером он не может оставаться. Но у него не хватает чувства собственного достоинства, чтобы уйти в отставку, как это сделал Ольмерт. Обвинение – ещё не приговор, и презумпция

невиновности должна давать нам надежду, что хорошая личная и историческая память об этом выдающемся человеке сможет сохраниться. Но превалирующая в русскоязычной эмигрантской прессе Израиля точка зрения, что премьера подставила левая судебно-прокурорская система, которую даже некоторые авторы сравнивают со сталинской системой и КГБ, вызывает у меня полное неприятие. И делают это люди, которых, к их счастью, на свете еще не было, когда жил Сталин. Я совершенно доверяю израильскому правосудию и ермолке на голове Генерального прокурора. В годы нашей жизни в стране мы знали, что израильский чиновник и бюрократ – не всегда самый приятный человек на свете. Но если у него на голове была ермолка, это была гарантия, что не будет хамства, да и дело твоё будет разобрано с лучшей объективностью.

Как и в других демократиях, в Израиле три ветви власти взаимно контролируют друг друга. Назначенный самим Нетанияху генеральный прокурор Авишай Мандельбит – представитель одной из этих властных структур, и никто не может сказать, что он действовал вне своих полномочий. Ермолку же я вижу как «диплом» о подчинении Четвертой форме власти. Именно эта структура власти в демократиях, когда «такой персонаж» может «склонять весы политической борьбы в стране и, соответственно, определять курс государства и судьбы граждан», и называется свободой и является причиной, почему мы тут, – будь то Израиль или Америка. Больно, что большинства бывших советских евреев не понимают этого принципа свободы, тогда как более ста руководителей и инвесторов израильского хай-тека подписали открытое письмо главе правительства[iv], полагая, что сейчас он разрушает созданное им государство.

В диалоге на эту тему между Григорием Быстрицким и Владимиром Янкелевичем первый[v] спрашивает второго с юмором:

«Ты прости меня, неразумного, Володя, но кто такой этот Мандельбит? Не тот случайно, про которого еще месяц назад вся юридическая общественность демократического мира говорила, что все его поползновения за рамками и здравого смысла и законодательных международных норм?»

Не тот ли, карьеру которого ПМ собственноручно спас...

Как может такой персонаж склонять весы политической борьбы в стране и, соответственно, определять курс государства и судьбы граждан? Кто он такой вообще? Кто дал ему такие полномочия?»

Последняя фраза наиболее важна. Кто дал полномочия судьбе Кавано в Америке? Такая Система, как этот орган власти, –

прокуратура и суд – образуется по Конституции (всё ещё неписанной в Израиле). Кто он такой? Назначенный должным порядком Генеральный прокурор, и контроль правительства – его прямая обязанность.

Тот же комментатор пишет:

«... Чем отличается диктат судебно-прокурорской клики в стране от диктата НКВД с судебной поддержкой незабвенного Андрея Януарьевича?» (имеется в виду А.Я. Вышинский – сталинский прокурор-палач в показательных процессах 1937-38 гг.)

Мне, выросшему в разгар того времени с разгромленной тогда семьей, страшно слышать такое от сравнительно молодого человека в отношении западного типа израильской судебной системы. Кто из нас от неё страдал? Неужели они похожи – израильский прокурор и «незабвенный» Вышинский?

Один из израильских комментаторов пишет^[vi], что «демонстрация в Тель-Авиве в поддержку Биньямина Нетаниягу – это переход той границы, за которой кончается правовое государство и начинается анархия». Я полностью согласен. Но сам премьер нет:

«То, что мы видим сегодня, является попыткой переворота против премьер-министра на основе ложных утверждений. То, через что я прохожу сейчас, очень тяжело для меня, но это еще тяжелее для моей семьи. Я продолжу руководить Израилем ответственно и в соответствии с законом», — заявил Нетаньяху в ходе телеобращения к нации.

К сожалению, это слова о перевороте из-за действий прокурора сами являются попыткой переворота и говорят о глубокой депрессии и потере премьером самоконтроля. Я очень бы желал, чтобы ему удалась защита. Большинству израильтян хотелось бы, чтобы этот популярный премьер сумел оправдать себя. Но от руководства правительством он должен немедленно уйти – это говорит и большинство опросов.

Я очень благодарен Марку Фуксу за постоянное обсуждение, поставку мне материалов и предварительное чтение статьи. Живя в Израиле, он, конечно, лучше меня понимает ситуацию.

[i] Сёма Давидович: Стыдно, <http://club.berkovich-zametki.com/?p=52276>

[ii] World, <https://www.macrotrends.net/countries/ISR/israel/inflation-rate-cpi>

[iii] <https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-rise-and-fall-of-israeli-inflat...>

[iv] <https://www.vesty.co.il/articles/0.7340.L-5633234.00.html>

[v] Израильский театр, «Я вся такая внезапная, такая противоречивая вся!» Беседуют Григорий Быстрицкий и Владимир Янкелевич,

<http://club.berkovich-zametki.com/?p=52309>

[vi] https://mnenia.zahav.ru/Articles/12650/ataka_na_prokuraturu_i_sud_put_k...

Соня Тучинская
Сан-Франциско, США

«Бесноватая Грета» как провозвестница Конца Света

– А попробуй угадай,
Что нам скажет попугай.
– То и скажет, полагаю,
Что вдолбили попугаю.
Б. Заходер

23 сентября члены Саммита ООН по проблемам изменения климата, затаив дыхание, слушали зажигательную речь 16-летней шведской школьницы Греты Тунберг. Глядя на них страшным немигающим взглядом игуаны, юная эко-активистка выкрикнула в лицо мировым лидерам, что их поколение, т.е. поколение ее отцов и дедов, – преступники, разрушившие планету и этим «укравшие у нее ее детство, ее мечты, ее жизнь». Вместо того, чтобы думать о вреде, наносимом климату миллиардами проживающих на ней хомо сапиенс, человечество, то есть вы, подло озабочено лишь деньгами, экономическим ростом и обеспечиваемым им уровнем комфорта. «Now dare you!» – как посмели вы довести экосистему планеты до тотального обрушения, как посмели вы подвести жизнь на ней к стадии вымирания, – захлебываясь истерическим рефреном, кричала

одержимая эко-бесовством девочка, не забывая при этом посматривать в бумажку с речью.

Ее речь в жанре «J'accuse!» без сомнения написана не ею самой, а ее личными спичрайтерами. На «раскручивание» тинэйджера с лицом злой феи не скупятся, так как она стала первоклассным оружием «прогрессивных» в борьбе за власть.

Дело в том, что взрослые дяди и тети, поставившие Грету на подиум ООН (а по сути – «поставившие» на Грету), не верят ни в бога, ни в черта, а уж в то, что человек способен изменить климат планеты – и подавно. Одержимой «климатом» Грете, как и остальным «полезным идиотам», невдомек, что климат на планете менялся всегда, но человеку эта задача, к счастью, пока еще не по плечу. Претензии тут надо предъявлять единственно Тому, кто ответственен за шесть дней Творения. Точно так же, не верят они ни в какие альтернативные источники энергии, прославляемые Green Deal. А иначе, запрещая нам летать эконом-классом, не летали бы они на свои климатические саммиты на личных «private jet», не покупали бы роскошные виллы на берегу Атлантики за 15 млн. долларов, как это сделала недавно икона прогрессивного человечества – «чета Обамов».

И это в то время, как наших детей с детского сада пугают тем, что именно океан в результате глобального потепления «выйдет из берегов» и станет представлять величайшую опасность для человечества.

Верить-то они не верят, но ясно сознают, что именно в рамках фантомной борьбы с «климатом» власть государства над своими подданными становится практически неограниченной. Нужно только дорваться до руля. А там, к вящей радости любого левого правительства, можно будет бесконтрольно вводить налоги на что угодно. Хоть на чистый воздух. Подданным же своим, уже в законодательном порядке, можно будет указывать, что им есть, при какой температуре спать и на чем и куда передвигаться. Но чтобы дорваться до руля, необходимо свалить Трампа до того, как он в ноябре победит на выборах. Сделать это непрерывным потоком ложных обвинений, как выяснилось, не такое простое дело. Действующий Президент оказался утомительно законопослушным. Вот почему надежда, что в Белом Доме появится в ближайшие пять лет другой насельник, в особенности с учетом полной отороженности всех без исключения участников демократических праймериз, – надежда эта тает на глазах.

Вот тут-то, когда маниакальные призывы к импичменту Трампа не возбуждают более будущих выборщиков, бесноватые девочки и делаются бесценными. Они дают своим слабоумным последователям пример того, как аморально жрать гамбургеры, бурить нефть, добывать уголь, ездить на автомобилях и летать на самолётах. Это новый свежий импульс, мобилизующий тех, кто придет голосовать за демократов в ноябре 2019.

Чтобы держать выборщиков в тонусе, нужно изобретать все новые виды массового поражения сознания. Распространять же эти вирусы удобней всего через мОлодежь и пОдростков, наиболее слабую разумом и легко внушаемую часть населения. А там уж само пойдет, как пандемия, как лесной пожар. Любой род массового помешательства необходимо держать в статусе «модного тренда». А для этого его надо время от времени менять. Кто сегодня помнит, что лет 10-15 назад роль «изменения климата» играла «озоновая дыра»? Когда полуголых «красавиц» на конкурсах красоты» того времени спрашивали, какую общественную проблему они станут решать в первую очередь, если получат корону «Мисс Америка», все как одна отвечали, что станут «бороться с озоновой дырой».

Грета – это тревожный симптом затяжной болезни Запада, где набирают силу все виды разрушительного экстремизма – социализм, черный расизм, феминизм, а теперь вот – эко-фашизм. «Борьба с изменением климата» — это и есть последний левацкий вброс, ставший трендом, и «бесноватая Грета» – пророк его.

Накануне минувшей пятницы юная бунтарка объявила «Глобальную климатическую забастовку». По этому призыву 20 сентября сотни тысяч старшеклассников и студентов по всему миру с энтузиазмом прогуливали занятия, выставляя потом себя в Инстаграм под хештегом #Climatestrike. В Нью-Йорке на улицы вышли более 60 тысяч человек, в городах Великобритании – более 100 тысяч, в Берлине – 100 тысяч, в Австралии – около 300 тысяч. Климатические хунвейбины развлекались как могли. Где-то они козлами скакали на городских площадях, пугая прохожих истошными криками, напоминающими: «Кто не скачет, тот за уголь!» А в английском городке Эксетер мятежные школьники вышли на митинг с советским флагом.

Убедившись в успехе своей акции, Грета призвала всех, кто обеспокоен вопросами изменения климата, выходить по пятницам на акции протеста под названием «Пятницы ради будущего» бессрочно. А и вправду, зачем оно вообще нужно, это образование, если Грета сказала, что «конец света» уже наступил.

Корреспонденты CNN озабоченно спрашивали «бастующих» у входа в государственные здания школьников: «Что нужно предпринять, чтобы «остановить изменение климата, вызванное вредоносной деятельностью человека?». «Побольше митингов протеста, как наш», – отвечали молодые идиоты, оставившие после себя, как это водится на «левых протестах», тонны мусора.

Глядя на Грету Тунберг, не обманитесь ее косичками на прямой пробор и сиротским платьишком эко-активистки. Вот список ее достижений за последний 2019 год:

В принципе, достаточно ее триумфального выступления в ООН и в нижней палате Конгресса США, вкупе с фактом ее недавнего выдвижения на Нобелевскую премию мира. Ну, вот еще по мелочи:

В Ватикане она удостоилась аудиенции Папы Франциска. У нее были личные встречи с Ангелой Меркель, с Председателем Европейской Комиссии, с голливудскими звездами и с королевскими отпрысками по всей Европе. В Швеции Грета провозглашена «Женщиной года». Шведский либеральный аналитический центр Fores включил её в состав экспертного совета. Популярнейший в Америке журнал Time внес ее в список 100 наиболее влиятельных людей 2019 года. С подачи герцогини Сассекской Меган Маркл, гламурный британский Vogue поместил на своей обложке ее портрет. Организация Amnesty International вручила Грете свою высшую награду – «Посол Совесть». Она получила Премию Свободы во Франции в присутствии ветеранов высадки в Нормандии. А еще она

награждена медалью Королевского шотландского географического общества и удостоена звания почётного доктора Университета Монса в Бельгии. Недавно вышел в свет сборник ее речей. Она стала героиней документального фильма «Make the World Greta Again». Даже если бы юная экологиня не бросила в знак протеста школу в 2015 году, при таком сверхнасыщенном графике у нее вряд ли осталось бы время на скучное сидение в классе.

Список далеко не полный, но достаточный, чтобы увидеть, как вихрь хорошо организованного массового психоза на наших глазах превращается в ураган всеобщего безумия категории 5. Остатки здравомыслия устоять перед этой сокрушительной силой не могут.

Легко вообразить, как любая прыщавая старшеклассница из «протестующих» разрыдалась бы от зависти и обиды (чем она, тоже переживающая «за климат», хуже?), узнав, на каком транспортном средстве Грета прибыла в Нью-Йорк для выступления в ООН. Атлантику Грета пересекла на высокотехнологичной, спортивной, и, разумеется, экологически чистой парусной яхте. В пути ее сопровождал хозяин яхты, молодой мультимиллионер, внук князя Монако. Вопрос о плавучем средстве встал по причине «углеродного следа», оставляемого ненавидимыми Гретой Тунберг самолетами. Во время путешествия, по требованию Греты, на яхте был опечатан дизельный мотор, который в целях безопасности имеется на любом подобном плавсредстве. При ознакомлении с этим фактом у вконец ополумленного населения должно, по мысли создателей мегапроекта «Грета», возникнуть устойчивое отношение к Грете, как к современной святой. Уж если молодой миллионер, внук князя Монако, был готов при шторме уйти вместе с ней на дно морское... А вот то, что яхта вся сплошь из первоклассного пластика и оснащена кевларовыми парусами, – об этом было благоразумно умолчено. Плыть на экологический саммит под неразлагающимися в земле парусами, – какая это гомерическая глупость, напыщенная дешевка, лицемерие и пошлость, впрочем, вполне в духе того безумного века, в котором мы живем. «Мы» — это убогие смерды, норвящие где ни попадя оставить отвратительный «углеродный след». А вот «Святая Грета», по словам её матери, может видеть страшный газ CO₂ невооружённым глазом. Она его, как Шариков ненавистных ему котов, «сердцем чувствует». Тут просто сам собой напрашивается не совсем деликатный вопрос. Чем наполняется сортир в процессе опрастания гретиного кишечника? Видимо, животворным эфиром с легким оттенком океанского бриза. А что, если она, чтобы не вредить планете,

вообще не избавляется от съеденного? По рангу «святой» это ей вполне бы подошло.

Президент Трамп, демонстративно, и не в первый раз прогулявший климатический саммит на высшем уровне, не имел счастья воочию лицезреть Грету на трибуне ООН, но в своем твиттере откликнулся на ее выступление вполне адекватно. Он сказал, что Грета выглядит счастливой девочкой, которая с надеждой смотрит в свое светлое будущее. Может быть, он знал, что стоимость яхты, которая раньше принадлежала одному из членов клана Ротшильдов, составляет 4 миллиона евро, а один трансатлантический рейс оценивается всего в 40 тысяч евро. Поэтому нет ничего удивительного в том, что у большинства детей и подростков мира нет возможности совершать столь экзотические путешествия под парусами, чтобы поведать миру, что он погибает. Под проклятия либеральной прессы, обвинившей его «в издевательствах над больным ребенком», Президент Трамп в который раз явил «Городу и миру» свое неиссякаемое душевное здоровье и природное чувство юмора.

А вот «другой стороне», инсценировавшей для нас это пошлейшее эко-гламурное шоу, невдомек, что мы сходу различаем, какая невыносимая фальшь, какая умственная недостаточность прет из их проекта.

Вообще говоря, еще совсем недавно главным специалистом по климату была у нас подавальщица в баре, а ныне трудящаяся нижней палаты американского Конгресса – Александрия Оказио-Кортес (АОК). Это она год назад положила человечеству предел в 12 лет, оставшиеся до Конца Света. Если, конечно, «ради продолжения жизни на планете» не отказаться от всего, что вредит местам нашего обитания, включая деторождение. «А теперь уже осталось 11 лет, и мы все вымерем», – визжит шведская девочка, перехватившая эсхатологический факел из рук знаменитой барменши.

Предшественница обеих наших пророчиц, незабвенная Дарья Петровна, с умным видом вещала на профессорской кухне: «Истинно вам говорю: 4 мая 1925 года земля налетит на небесную ось! Верьте мне, точно говорю». Однако, ее работодателю, Филип Филипычу, никогда не пришла бы в голову безумная мысль детально обсуждать со своей кухаркой меры по борьбе с предсказанным ею светопреставлением, как ему же не пришла бы в голову мысль сделать Дарью Петровну своим ассистентом. Эта славная недалекая женщина, как ей и полагается, была и осталась кухаркой. А в наше время, бедное на государственных мужей с независимым умом булгаковского профессора, с кухаркиными затеями выходит по-другому. АОК под

прикрытием неустанных забот о климате возглавила в Конгрессе воинственный антисемитско-социалистический анклав. Ее бредовые идеи анализируют сенаторы, студенты, ученые мужи. В свою очередь, «девочку с украденным детством» принимают у себя в кабинетах сильные мира сего, обещая ей принять срочные меры по охлаждению планеты. Вокруг нее выстраиваются в очередь журналисты с микрофонами всех ведущих инфо-агентств мира. В декабре «Святая Грета», как пить дать, получит нобелевскую премию мира. Хотя... А чем она хуже других лауреатов этой же премии, Эл Гора или Барака Обамы?

Что ни говори, но в то время, когда последние строят виллы на побережье да богатеют на книгах и лекциях, она с пятого класса сидит в пикетах у шведского парламента и на веганской диете, из которой исключен даже мед. «Святая Грета» не хочет отнимать у пчел основной продукт их труда. Кроме того, она не носит кожаной обуви и не покупает одежду из материалов животного происхождения. Членов своей семьи она также заставила перейти на аскетическое существование. Мать, отец и младшая сестра Греты, вслед за старшей дочерью, сделали веганами, отказались ездить на машинах и летать на самолетах, а по земле передвигаются только в пределах достигаемых дорожными велосипедами (зимой в Швеции?). Загородную дачу семья Тунберг, по требованию «Святой Греты», безвозмездно отдала под приют для мусульманских «беженцев».

Невзирая на все перечисленное, жалость – не то чувство, которое стоит испытывать по отношению к родителям Греты. С рождения девочка жила в семье активистов-лево-либералов, помешанных на проблемах экологии, расширения иммиграции и защите прав психических больных.

А вот тут нельзя не упомянуть о том, что у Греты, так же, как у ее младшей сестры, имеется в наличии страшноватый набор психических заболеваний, главное из которых – синдром Аспергера, или аутистическая психопатия. Это обсессивно-компульсивное расстройство, характеризующееся навязчивыми мыслями и патологическими страхами.

Вы скажете, что теперь все сходится. Что навязчивая идея изменения климата и патологический страх перед Концом Света поразили несчастного ребенка именно вследствие природного недуга...

Однако, наблюдая за тем, как умело носительница этого недуга истерит, выступая на площадях перед 25-тысячной толпой или в свете бесчисленных юпитеров на подиумах мировых собраний, в столь

жуткий диагноз трудно поверить. Используя такого ребенка в политических целях, превращая его в «проект», нельзя рассчитывать на безупречную адекватность его поведения. А на Грету – можно. А вот в чем и вправду нет сомнений, так это в ее незаурядном артистическом даре. Наряду со страстью к политическому активизму, он достался девочке от родителей, которые оба – профессиональные актеры. Подтвержденный эмпирическим путем инстинкт, подсказал смышлёному тинэйджеру, что на трибунах надо стоять в немислимо допотопных платьях и с трогательными косичками, которые не носит сегодня ни одна 16-летняя девушка в мире. Лицо при этом надо держать неулыбчивым, монолитно серьезным и где-то даже злым. Слова из заранее написанной речи надо бросать в толпу бесновато-агрессивно, и вместе с тем, как бы с трудом сдерживая рыдания, за которыми изо всех сил как бы скрывается, но все-таки угадывается незаживающая душевная рана. Вот откуда взялся пленивший миллионы имидж «Бесноватой Греты». Шведская школьница поняла, что именно такой образ беспронгрышно воздействует на людей.

Прежде чем распрощаться с «мега-проектом» **Грета**, позволим себе пойти на поводу у соблазна из серии «бывают странные сближенья». У Брейгеля-Старшего есть фантазмагорическое полотно под названием «Безумная Грета». В основе сюжета лежит средневековая голландская легенда о несчастной Грете, стойко перенесшей немислимые потери и несчастья военного времени (80-летняя война с Испанией), но вошедшей в раж, когда однажды утром она обнаружила пропажу любимой сковородки, на которой готовила себе еду. С этой минуты поиск пропавшей сковородки становится навязчивой идеей бедной женщины. В поисках любимой кухонной утвари Грета пускается во все тяжкие, вплоть до путешествия в Ад, где она надеется отобрать сковородку, на которой жарят грешников, у чертей. И ей это удается. Но в сей изнурительной борьбе она теряет разум. Отсюда и название картины. Стоит заменить «сковородку» на «изменение климата»...

Здесь мы остановимся и скажем лучше несколько слов о семье Греты.

Ее отец – актёр Сванте Тунберг – потомок лауреата Нобелевской премии по химии 1903 года Сванте Аррениуса, который в свое время добился, чтобы эту самую премию не дали в 1905 гениальному Менделееву. Мать Греты – Сара Эрнман – оперная певица, участница мусорного шоу «Евровидение-2009». Ее музыкальная карьера закончилась, когда, по требованию старшей дочери, она окончательно пересела на велосипед и финские сани. Только стадо доверчивых

сетевых хомячков может поверить, что дочь может «заставить» мать жить по ее, дочери, правилам. Певица отказывается от карьеры, когда впереди ее ожидает звездная судьба матери мировой знаменитости, приглашения на либеральные тусовки для избранных и прочий светский гламур. Шустрые родители Греты быстренько написали и издали книгу под названием «Сцены из сердца», повествующую о том, как психические расстройства их дочерей еще больше увеличили их озабоченность здоровьем планеты.

Значит, в отличие от автора этих заметок, родители Греты свято верят, что у Греты шизоидное расстройство личности. Как же в таком случае, они не только допустили, но и всячески способствовали тому, чтобы их больного ребенка так нещадно эксплуатировали в совершенно определенных политических целях? В нормальном обществе чету Тумберг лишили бы по обвинению в child abuse родительских прав. А в нашем, вырождающемся, – они на книжках о больной дочери, превращенной в «проект», еще и зарабатывают.

С тем, «кто виноват», вроде бы разобрались, а вот второй насущный вопрос, «что делать?», остается открытым.

Что делать, чтобы оберечь от этой чумы, от этого, как сказал бы Бунин, «великого дурмана», наших детей? Как убедить неразумных чад, что с помощью умелого распиаривания хитроумной девочки манипулируют их неокрепшим сознанием, превращая их в замороженных дудочкой Крысолова гамельнских детей, идущих под ее чарующие звуки на свою собственную погибель.

А может быть, просто не скрывать от них всю ту фальшь, лицемерие, намеренное возвеличивание пустоты, которую сходу видим мы сами? Может быть, узнав, на какой яхте пересекла Атлантику «святая Грета», или, что на освещение и охлаждение/обогрев громадных помещений Эл Гора и Барака Обамы должна работать небольшая электростанция, они в очередную пятницу не пойдут «спасти планету» и, в худшем случае, останутся дома?

А вдобавок к этому, как антидот непомерно разросшемуся феномену «Греты Тунберг», расскажем им о Генри Дэвиде Торо. Провозвестник экологического мировоззрения, повлиявший на Толстого и Ганди, к тому же, непререкаемый гуру американских хиппи и вменяемых зеленых, он никогда не выходил на акции протеста. А просто ушел из опостылевшего ему Конкорда на берег близкого к городу, но безлюдного озера, где сам из подручных материалов построил хижину и два года наслаждался в ней книгами, природой и одиночеством. В Конкорд он приходил только за хлебом

и для того, чтобы перебить подметки на ботинках. Он жалел городских обывателей, у которых не было времени посмотреть на «звездное небо над головой». В добровольном изгнании у него не было с собой ни чая, ни кофе, и пил он только чистой озерной водой. Он не был веганом, как «Святая Грета», и питался рыбой, а когда не мог ее добыть, жарил на костре лесных крыс. Он любил играть на флейте, которую автор этих строк с умилением рассматривал в музее его имени в Конкорде. А слушали его озерные рыбы. Он, отнюдь, не был городским сумасшедшим, как могло бы показаться нашим детям. Напротив, еще задолго до начала Гражданской войны он выступал против рабства и прятал у себя беглых рабов. Он отказался платить налоги, идущие, как он считал, на плохие дела, и провел за это ночь в тюрьме. Налоги за него заплатил благожелатель-аноним. А сам Торо, выйдя на свободу, написал свой знаменитый трактат «О гражданском неповиновении». Но все-таки книга, которая, положив начало американской литературе, принесла ему всемирную славу, называется «Уолден, или Жизнь в лесу». В ней изумительно, с огромным литературным мастерством, в философско-лирическом, и вместе с тем, необычайно занимательном ключе, описана его двухлетняя робинзонада. Может быть, стоит вложить эту книгу в руки наших детей?

Перебьет ли неотразимый образ Генри Дэвида Торо искусственно сконструированный глобалистский «проект» в образе тонкогубой девочки с жутким взглядом игуаны? Трудно сказать. Наверное, нужно, ни на что не надеясь, просто следовать восходящему к античным временам девизу: «Делай, что должно, и будь, что будет!».

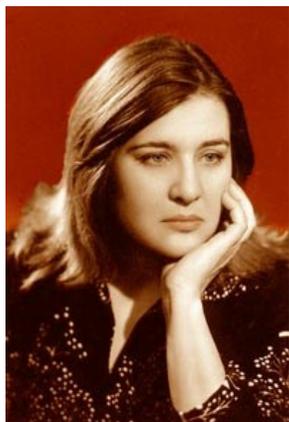
Часть 5. Кино и театр

Лев Табенкин. Трубный глас. 2007

Элеонора Мандалян

Лос-Анджелес, США

Маленькая птичка с большим резонансом: кинодрама «Щегол».

Кинообозрение от Элеоноры Мандалян

Скоро в мировой прокат выходит одна из самых ожидаемых экранизаций десятилетия – The Goldfinch («Щегол»). Абсолютно всё, что с этой птичкой связано – от первоисточника до аксессуаров, съемочной группы и актерского состава, – имеет самый высокий знак качества. Начнем с первоисточника – с одноименного романа и его автора, американской писательницы Donna Tartt.

55-летняя Донна Тартт за свою жизнь написала три романа, на каждый у нее уходит по десять лет – «Тайная история» (1992), «Маленький друг» (2002) и «Щегол» (2013). Все три стали бестселлерами. А последний («Щегол») удостоен Пулицеровской премии и признан событием десятилетия.

Душой всего романа, его путеводной и сюжетной нитью служит маленькая картина «Щегол», от которой он и получил свое название. «Щегол» – живописное творение голландского художника XVII века Карела Фабрициуса, одного из самых талантливых учеников Рембрандта, которая хранится в королевской галерее Маурицхёйс в Гааге, Нидерланды. Сам художник трагически погиб в 32 года при взрыве пороховых складов в Делфте, разрушившем целый городской квартал, и от его творчества практически ничего не осталось.

«Щегол» голландского художника XVII века Карела Фабрициуса

Творчество Донны Тартт произвело на читателей такое сильное впечатление, что, когда, к дню выхода в продажу ее третьего романа (2013), в Нью-Йорке приурочили соответствующую выставку, включив в экспозицию картину Фабрициуса, к ней буквально началось паломничество. Нью-йоркские СМИ писали, что благодаря «Щеглу» Донны Тартт маленький «Щегол» Карела Фабрициуса стал едва ли не таким же популярным, как «Мона Лиза» Леонардо да Винчи. Ну, малость перегнули, конечно.

Картина-то маленькая, зато роман получился не по временам увесистый – (830 стр в русском переводе) Говорят, книготорговцы, вручая его покупателю, шутят: «Осторожно, не уроните его себе на ногу».

О «Щегле» Донны Тартт много писали, много спорили, но больше всего им восхищались. А Стивен Кинг провозгласил его явлением десятилетия. Роман был переведен на все европейские языки, включая русский. «В этой книге столько красоты и тайны, – пишет российский

кинокритик и журналист Антон Долин, – столько пронзительного и смешного, парадоксального и первооткрывательского, но при этом уютно-классического, что у меня перехватило дух и до сих пор не отпускает.»

Николь Кидман, при всём своем суперзвездном статусе, не колеблясь, согласилась сыграть в фильме небольшую эпизодическую роль – лишь потому, что считает себя фанаткой романа: «Я полностью погрузилась в него, отдалась повествованию, словно течению реки с ее изгибами. Это редкое захватывающее удовольствие, настоящая Одиссея».

Донна Тартт

Практически сразу же после выхода романа в свет, права на его экранизацию были выкуплены у Донны Тартт киностудиями Warner Bros и RatPac (за \$3 миллиона). Позднее к Warner Bros и RatPac подключился Amazon, оплативший более трети бюджета фильма, что стало первым сотрудничеством двух гигантов. А бюджет фильма \$40 миллионов.

Кстати, согласно заключенному контракту с Тартт, сама писательница не должна была ни вмешиваться в сценарий, ни продюсировать фильм, ни даже присутствовать на съемках. Прямотаки драконовские условия. Единственное, что оставалось разгневанной Тартт, – это уволить своего литературного агента Аманду Урбан – за сговорчивость не в пользу клиента.

Продюсерами The Goldfinch стали такие знатоки своего дела, как Нина Джейкобсон и Бретт Рэтнер. Рэтнер, правда, на 99% своей

деятельности режиссер («Люди Икс. Последняя битва», «Геракл», «Белоснежка: Месть гномов» и др.) А вот продюсерская карьера Джейкобсон набирала обороты в киностудиях DreamWorks, Universal and Disney. Еще с четверть века назад в американской прессе ее называли «вундеркиндом голливудской индустрии» за ее редкий дар предвидеть судьбу будущей картины. В 27 лет Джейкобсон уже была вице-президентом по производству в Universal Pictures. В ее продюсерском портфолио «Шестое чувство», «Хроники Нарнии», «Пираты Карибского моря», все четыре фильма «Голодных игр» и много чего еще. А следовательно, ееееееееееееееееееее уже само ее присутствие в проекте о многом говорит.

Сценаристом экранного варианта «Щегла» стал Питер Строхан – британский драматург и сценарист. И попутно музыкант (бас-гитарист). Прежде чем ступить на стезю киносценариста, Строхан поставил две свои пьесы, которые, как пишут, «продемонстри-ровали его талант к написанию темных, запутанных и остроумных историй». Строхан подтвердил обнаруженный в нем талант, став сценаристом таких успешных фильмов, как «Шпион, выйди вон!», «Фрэнк», «Безумный спецназ».

«Шпион, выйди вон!», с Гэри Олдменом и Бенедиктом Камбербэтчем в главных ролях, собрал несметное количество номинаций на все возможные премии, часть из которых выиграл. А Строхан получил номинацию на Оскар и премию ВАФТА за Лучший адаптированный сценарий.

Сказать что-нибудь этакое о режиссере фильма, 50-летнем ирландце Джоне Краули, довольно проблематично, поскольку в Америке он еще мало известен. Однако и одной режиссерской работы с такой жатвой, какую собрала его кинодрама «Бруклин» (Великобритания, Канада, Ирландия), более чем достаточно. Фильм был отмечен тремя номинациями на «Оскар» и шестью номинациями на премию ВАФТА с одной победой, как Лучший британский фильм года. Похоже, «Щегол» на своих крылышках принесет ему несоизмеримо больше.

Зато оператор-постановщик «Щегла» – фигура «многозначительная». 70-летний британец Роджер Дикинс – один из самых уважаемых операторов в Голливуде, на счету которого огромное количество снятых им фильмов. Он давний любимец таких именитых режиссеров, как братья Козн, Мартин Скорсезе, Рон Ховард, Фрэнк Дарабонт.

Роджер Дикинс – тринадцатикратный номинант на премию «Оскар». В прошлом году, будучи номинированным в четырнадцатый

раз, он-таки получил заветную статуэтку – за операторскую работу в фильме «Бегущий по лезвию 2049». Среди его многочисленных наград есть и четыре премии ВАФТА. За свои заслуги в области кинематографии Роджер Дикинс был удостоен почетного звания командора ордена Британской империи.

Так о чем же, собственно, роман и его экранизация (для тех немногих, кто по какой-либо причине еще не успел его осилить)? О судьбе молодого человека, Теодора (Тео) Деккера, по воле злой судьбы, оставшегося один на один с далеко не ласковым миром. В отличие от романа с постепенным взрослением героя, в фильме через ретроспективу показаны в основном два периода его жизни. Сначала он 26-летний человек, успевший наделать кучу ошибок, вплоть до роковых, пожинаящий плоды искривления своих жизненных троп, а потом идут отсылки туда, где все начиналось. А началось все с трагедии.

13-летний Тео приходит со своей матерью в нью-йоркский Метрополитен-музей. В результате теракта в соседнем зале, куда на минутку отошла его мать, происходит взрыв. Мать гибнет. В числе жертв оказывается старик. Умирая, он просит чудом уцелевшего Тео забрать с собой и сохранить кусочек картона с изображением птички (тот самый «Щегол» Карела Фабрициуса), что оказался рядом со стариком в развороченном зале. Сняв с руки старинный перстень, своего рода ключ, старик называет ему странный адрес. С тех пор, как говорится в трейлере: «Все делится на «до» и «после». А в центре всего картина».

Службы опеки, до решения судьбы осиротевшего мальчика, временно отдают Тео в дом его школьного друга Энди – богатых нью-йоркских меценатов Барбур. Потом будет Город Греха Лас Вегас, где обитает давно бросивший семью, спившийся и никчемный отец Тео – Ларри Деккер, вместе со своей очередной «гёрлфренд» Ксандрой, дамой ну очень легкого поведения. Там мальчик подружится с веселым, умным, но насквозь порочным сыном украинских эмигрантов Борисом, который приобщит его к алкоголю и наркотикам. Отец Тео тоже погибает.

Следующим и основным «духовным пристанищем» для Тео явится скромный реставратор антикварной мебели Хоби. Через него и его лавку-мастерскую автор «Щегла» проводит линию вечно живой, одухотворенной красоты, той самой, что призвана спасти мир. Хоби становится для Тео таким духовным наставником, другом-учителем и другом-искусителем одновременно. Сам Тео – не только страдающая от одиночества душа, но и умная вдумчивая,

проницательная и глубокая личность, неосознанно идущая сквозь тернии суровой жизни и наркозависимость к подлинной Красоте. Надежно спрятанный «Щегол» постоянно с ним, куда бы не занесла его судьба.

Постоянно с ним и первая непроходящая любовь, живущая в нем со дня трагедии, к очаровательной девочке Пиппа с бронзовыми волосами, внучке того самого старика, что передал ему картину.

С повзрослевшим героем сюжетная линия становится злее и острее. Возврат в дом Барбура, пережившего свои потери. Неудавшаяся попытка создать свою собственную семью. Тео находит Борис. С появлением этого парня жизнь Тео обретает криминальный налет – похищения произведений искусства, перестрелки, наркозависимость и пьяные галлюцинации. «Щегол» выходит из тени, активно вмешиваясь в судьбу героя. Он ведет его в Голландию, где Тео ждут основные перипетии. Прочитую: «украденная картина станет для Тео тем проклятьем, что утянет его на самое дно, и той соломинкой, что поможет ему выбраться к свету».

Режиссеру и участникам кастинга явно пришлось несладко. Поскольку сюжет фильма акцентируется на двух периодах с разрывом в 13 лет, то многим персонажам пришлось подбирать по два актера – подростка и взрослого. Искусственному старению подвергли, наверное, только бедную Николь Кидман. Помимо Бориса (кстати, на мой взгляд, как и Тео, идеально подобранного), есть еще рыжеволосая Пиппа. Ее сыграли Айми Лоуренс и Эшли Каммингс. И наверняка кто-то еще.

Главного героя, Теодора Деккера, в подростковом возрасте сыграл однолетка героя Оакс Фигли (Oakes Fegley). Оаксу сейчас 14, но он уже признанный американский актёр театра, кино и телевидения. Его карьера началась с пятилетнего возраста. В 9 он сыграл одну из главных ролей в фильме «Форт Блосс».

А на роль полудикого мальчика Пита, такого Маугли, в фантастическом фильме «Пит и его дракон» (снимавшегося в лесах Новой Зеландии) было несколько тысяч (!) претендентов. Но утвердили 11-летнего Оакса Фигли. После этой роли парнишка дал около 80 больших, серьезных интервью. Кстати, достаточно взглянуть на фотографии Оакса в любом его возрасте, чтобы понять, что перед вами незаурядная личность, знающая себе цену, с не по годам серьезным и умным взглядом.

Оакс Фигли

В прошлом году Оакс Фигли снялся в фильме «Война с дедушкой», вместе с Робертом де Ниро и Умой Турман. Во время съемок «Щегла» Оаксу было 13 лет, и это его тринадцатый фильм. Чтобы мальчик не отстал в учебе от сверстников, к нему прикреплен репетитор, который повсюду его сопровождает. Несмотря на столь головокружительную карьеру и на сплошь актерскую семью (мать, отец и трое их детей), Оакс в будущем не видит себя актером. Его больше привлекает профессия инженера-электрика или архитектора.

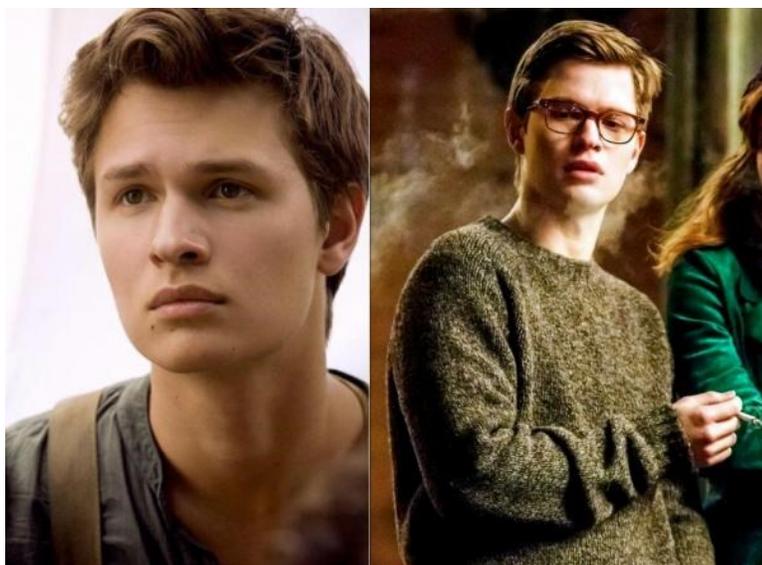
Повзрослевшего Теодора играет Энсел Эльгорт (Ansel Elgort) – американский актёр. Оба образа объединяют, в первую очередь, очки.) В этом 25-летнем юноше целый коктейль кровей – английская, шотландско-ирландская, немецкая и еврейская. Корни его (вернее, часть корней) – через деда-еврея, по отцовской линии, уходят в Россию. А бабушка-норвежка, по материнской линии, Ааз-Грет, во время Второй мировой войны помогала в Норвегии спасать евреев от Холокоста, за что сама угодила в нацистский концлагерь.

Энсел Эльгорт обаятельный и одаренный молодой человек. Он поет со сцены, работает диджеем (под именем Ansølo), пишет танцевальную музыку, посещал балетную школу, хорошо рисует. И все это – в приложении к актерской карьере. Мировую известность ему принесла главная роль в фильме «Виноваты звезды», где он сыграл больного раком юношу, влюбленного в девушку с тем же диагнозом.

Затем следующая удача – главная роль в англо-американском комедийном боевике режиссёра Эдгара Райта «Мальш на драйве» (Baby Driver), с Кевином Спейси. Фильм собрал кучу номинаций и сорвал хороший куш в прокате (\$ 227 млн при бюджете \$ 34 млн). А за Элгортом закрепилось амплу молодого кинобандита.

И вот теперь большая, серьезная работа над далеко не легкой ролью 26-летнего Теодора Деккера, пустившегося во все тяжкие, но неустанно ищущего путь к себе, настоящему... Переводчик романа «Щегол» Анастасия Завозова назвала Элгорта в роли Тео «этаким идеально прилизанным гадким мальчиком».

Удача не стоит на месте. Энсел Эльгорт уже задействован в новом проекте – в главной роли (Тони) в фильме Стивена Спилберга «Вестсайдская история», по мотивам бродвейского мюзикла. Полным ходом идут съемки. Фильм увидит свет в 2020 году. Всего же с 2013 года в фильмографии Энсея Эльгорта, как и у Оакса Фигли, 13 фильмов.

Энсел Эльгорт

Друга Теодора, Бориса, сына бедного украинского эмигранта, оказавшего на его судьбу далеко не положительное влияние, сыграл 32-летний британский (валлийский) актёр театра и кино, Анайрин Барнард (Aneurin Barnard), с традиционной для британских актёров театральной школой, лауреат премии Лоренса Оливье. Ролей в театре, кино и на телевидении было много, но поначалу все в основном второстепенные. Его первая большая роль – молодой Ричард Глостер (будущий король Ричард III) в историческом телесериале BBC «Белая королева». Потом была роль Бориса Друбецкого в британском сериале «Война и мир» и несколько главных ролей. Зритель впервые по-настоящему обратил внимание на Анайрина с выходом на экраны военного блокбастера «Дюнкерк», где он сыграл британского солдата Гибсона.

А Бориса-подростка представил 15-летний канадский актер Финн Вулфард (Finn Wolfhard), с французско-немецко-еврейскими корнями. «Поначалу мы хотели взять русского актера из какой-нибудь театральной труппы в Нью-Йорке, – рассказывает режиссер Джон Краули. – Но тут появился Финн и всех удивил. Он научился русскому акценту так, что даже наш коуч по диалектам пришла в восторг».

Кстати о «русских». В романе Донны Тартт и, соответственно, в фильме не обошлось без русской мафии.

Отца Тео, Ларри Деккера, сыграл Люк Уилсон, 47-летний комедийный актер, продюсер, режиссер, сценарист. За его плечами добрая сотня сыгранных ролей, в основном второстепенных. Но пусть лучше он сам о себе скажет: «Я редко бываю в тренажерном зале и не отказываю себе в пиве и пасте. Возможно, мне перестанут предлагать роли, как прежде. Ну и что? Я буду счастлив сыграть парня, которому за 30 и который немного не в форме. «Толстый и высокомерный» – вот что я добавлю к сценарию.» К данному фильму он добавил совсем не толстого, но очень никчемного.

А образ его примитивной подружки Ксандры воплотила Сара Полсон, 45-летняя телевизионная актриса, обаятельная женщина с нетрадиционной ориентацией. Практически всем ее ролям сопутствуют постоянные номинации и награды – «лучшая женская роль», «лучшая актриса второго плана», «лучшая телеактриса». А в 2017 году Сара Полсон стала первой в истории американского кинематографа актрисой, выигравшей за один сезон сразу все пять высших телевизионных наград – «Эмми», «Золотой глобус», «Выбор телевизионных критиков» и Премии Гильдии Киноактеров США и Ассоциации телевизионных критиков – за роль прокурора Марши Кларк в телесериале «Американская история преступлений». Как видим, даже в эпизодических ролях в фильме задействованы только «самые-самые».

В роли владельца магазина антикварной мебели, того самого духовного наставника Хоби, американский актер кино, театра и телевидения Джефффри Райт, лауреат премий «Тони», «Эмми» и «Золотой глобус». Ролей им сыграно много, но добавить к ним как-то нечего. Честно говоря, в роли «хранителя красоты» хотелось бы видеть какой-то иной, более одухотворенный, что ли, образ. Но режиссеру Краули приглянулся именно он: «Я его давний поклонник и всегда хотел с ним поработать. Он наполнил своего персонажа удивительной угрюмой теплотой».

Сара Полсон в роли Ксандры

Ну и конечно, Николь Кидман, этакий «генерал на свадьбе», на все лады разрекламированная кинопрокатчиками, несмотря на ее более чем скромную роль в «Щегле». Как упоминалось, 52-летняя австралийская актриса сыграла эпизодическую роль миссис Барбур, подруги погибшей матери Тео и матери его лучшего школьного друга Энди. После трагедии в музее миссис Барбур на время приютила осиротевшего Тео в своей фешенебельной нью-йоркской квартире на Парк Авеню, в которую Тео, повзрослев, возвращается снова, где персонаж Николь Кидман предстает в «изысканно состаренном» виде.

К тому времени миссис Барбур успеет потерять мужа и сына Энди, что ввергнет ее в глубокую депрессию. Такова роль Николь в «Щегле». А в остальном – излишне рассказывать о всем известной и всеми любимой суперзвезде Голливуда.

Итак, есть абсолютно все составляющие – от первоисточника до творческой команды, воплотившей его на экране – для того, чтобы зритель получил максимум удовольствия. А для заначки можно посмотреть второй трейлер к фильму (он лучше и полнее первого).

Александр Сиротин

Нью-Йорк, США

Нью-Йоркский театр «Фольксбине» о том, как американец Поль Робсон потерял своих еврейских друзей в СССР, а с ними и веру в социализм

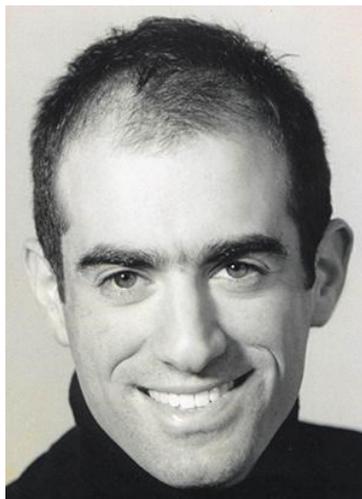
Название спектакля *When Blood Run Red* можно перевести буквально: «Когда кровь красная». Однако смысл названия гораздо многозначнее, и это становится понятно из содержания пьесы.

Автор пьесы – драматург, актёр, музыкант, продюсер Бен Гоншор. Он играл в монреальском еврейском театре под руководством Доры Вассерман (Гольдфарб), бывшей актрисы ГОСЕТа, ученицы Соломона Михоэлса. Так что, думается, трагическая судьба великого еврейского актёра не случайно стала главной темой пьесы.

Но параллельно рассматривается судьба ещё одного актёра – американского. Актёр, певец, активист борьбы за гражданские права негров, симпатизировавший Советскому Союзу и идеям коммунизма, Поль Робсон дружил с Михоэлсом, пел песни на языке идиш, выступая и в Америке, и в СССР. После того, как, по приказу Сталина, был убит Михоэлс, Робсон осознал, насколько глубоко ошибался в своей вере в социализм.

...На красном полу сцены крупными чёрными буквами выведено русское слово «ПРАВДА». Посреди сцены – рабочий стол. По краям сцены – по пять стульев в ряд. Ярко освещён задник: на нём в

гигантском полукруге серпа трое рабочих с молотами. Превалирует кроваво-красный цвет. Пока собирается и рассаживается публика, звучат песни на идише и на английском. Легко узнаваем мягкий, лирический бас-баритон Поля Робсона.

Бен Гоншор, автор пьесы

...Актёры, выходя на сцену, держат в руках текст. Это театрализованное, мизансценированное чтение пьесы по ролям. Что-то вроде репетиции на сцене. Поначалу это, казалось бы, должно смущать публику. Однако, во-первых, актёры очень убедительны, эмоциональны, и через несколько минут перестаешь обращать внимание на то, что они заглядывают в текст. А во-вторых, такой вид театрального искусства уже стал привычным, во всяком случае, в Америке.

Спектакль начинается с выхода актёров под мелодию гимна Советского Союза. Я посмотрел по сторонам: в зале никто не встал. Актёры рассаживаются на стульях по краям сцены. Высокопоставленный сотрудник органов безопасности СССР Владимир Лавров (актёр Уильям Бродерик) предлагает Соломону Михоэлсу (актёр Брюс Сабат) возглавить Еврейский антифашистский комитет и отправиться в Америку для завоевания симпатий американцев к СССР и для сбора денег в помощь Красной Армии.

С Михоэлсом отправляют журналиста Льва Аксельрода (актёр Зэл Оуэн). Михоэлс не уверен, справится ли он с задачей, на что Лавров говорит: «Вы прежде всего советский человек, и лишь потом еврей».

Личный секретарь Михоэлса Наташа Ефимова (актриса Хеиди Армбрустер) – невеста Аксельрода, волнуется и за своего руководителя, и за жениха. Лавров предлагает Аксельроду присматривать в Америке за Михоэлсом, а Наташу Ефимову заставляет присматривать за Аксельродом и докладывать о делах и словах жениха. Михоэлс понимает, что за ним следят, в том числе и «друзья». В Америке он рад встрече с Полем Робсоном.

Робсон признаётся в любви к СССР, верит, что советская система и советская власть – самая справедливая в мире и что там нет места расизму и антисемитизму. Он говорит Михоэлсу и Аксельроду, что в судьбе и в культуре американских негров и советских евреев много общего, так же, как в негритянских песнях спиричуэлс и в хасидских песнях. Оба стиля проникнуты духовностью и оптимизмом. Аксельрод пишет речь для выступления Михоэлса перед американцами. Михоэлс говорит: «Война за Волгу – это война и за Миссисипи».

Антигитлеровская коалиция выигрывает войну. В спектакле использованы документальные кадры: победная речь Франклина Рузвельта, встреча армий СССР и США на Эльбе. Война окончена. Начинается новая жизнь. Лев Аксельрод, наконец, делает предложение Наташе Ефимовой. Михоэлс рад за них. Лавров продолжает оказывать давление на Наташу. Ему нужны показания о том, что Михоэлс – американский шпион. Лавров говорит, что у Сталина есть особый план в отношении Михоэлса, который осмелился просить о создании еврейской автономной области в Крыму и уверял, что Америка эту идею поддержит.

Аксельрод возвращается из командировки в Киев, потрясённый историей Бабьего Яра, где в сентябре 1941 года только за 2 дня немцы расстреляли 33 тысячи 771 еврея. Аксельрод хочет написать об этом книгу. В Америке Поля Робсона вызывают в Комиссию Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности. Его обвиняют в симпатиях к СССР, подозревают, что он является членом Коммунистической партии США. Робсон отрицает своё членство в Компартии, но гордится дружбой с Советским Союзом, не верит, что в СССР используется рабский труд миллионов заключённых. Михоэлс на вокзале перед выездом в Минск встречает знакомого, которому говорит, что у Сталина паранойя – мания величия с манией преследования. Михоэлс понимает, что скоро будет убит. Первый акт заканчивается гибелью Михоэлса.

Во втором акте меняется задник: на нём серп и молот окутаны колючей проволокой. После смерти Михоэлса в его кабинете Наташа

Ефимова просит Льва Аксельрода отказаться от издания книги о геноциде евреев, ибо он может из-за этой книги стать жертвой кампании против «безродных космополитов». Аксельрод понимает,

Чарльз Уоллес в роли Поля Робсона и Тайлер Кент в роли театрально-концертного агента

что писать сейчас такую книгу опасно, но и не писать не может. Он не верит в официальную версию, будто Михоэлс погиб в автомобильной катастрофе. Редактор газеты вызывает к себе Аксельрода и настаивает на том, чтобы журналист писал о стремлении американцев захватить СССР, а не о погибших евреях. Главный аргумент редактора: «Ты, Аксельрод, слуга Партии и должен делать то, что нужно Партии!»

Квартира Робсона в Нью-Йорке. Продюсер сообщает артисту, что все его концерты в Америке отменены, что ФБР продолжает собирать на Робсона компромат. В Москве Наташа умоляет Аксельрода сжечь рукопись книги, говорит, что сотрудники Министерства государственной безопасности СССР следят за ним, сообщает, что она беременна и просит ради ребёнка отказаться от книги. Она признаётся, что её заставили быть осведомителем, тайно следить за собственным мужем. Аксельрод в ужасе. Теперь ему легче отказаться от жены, чем от книги. Его арестовывают.

Зэл Оуэн в роли Льва Аксельрода и Хейди Армбрустер в роли Наташи Ефимовой

В Москву прилетает Поль Робсон. Он верит, что Михоэлс стал жертвой несчастного случая. – Но где Аксельрод? – спрашивает он у Лаврова. – Если я не увижу Аксельрода, то отменю все концерты в Москве. Аксельрода привозят к Робсону. Они остаются вдвоём, вслух говорят о всякой ерунде, о погоде, но Аксельрод даёт понять Робсону, что Михоэлса убили и что самого Аксельрода и еврейских писателей ждёт та же участь. Робсон всё понимает.

Этот момент понимания, прозрения сыгран Чарльзом Уоллесом внешне сдержанно, но с такой внутренней силой, что зрительный зал замирает. Концерт Поля Робсона в Москве. Триумфальный успех. На бис артист поёт на языке идиш песню еврейских партизан – в память о Михоэлсе. Во время песни слышны выстрелы: евреев расстреливают члены Всесоюзной коммунистической партии большевиков, то есть ВКП (б), как всего несколько лет назад то же самое делали члены Национал-социалистической немецкой рабочей партии, то есть NSDAP. На заднике высвечиваются фотографии Соломона Михоэлса и Поля Робсона.

Своеобразие пьесы в том, что в ней действуют как исторические, так и вымышленные персонажи. И в сюжете есть как факты исторические, так и придуманные драматургом. В действительности не было у Михоэлса секретаря Наташи Ефимовой. Но была Фаня Ефимовна. Она не была замужем за Аксельродом, потому что безответно всю жизнь любила одного человека – Соломона

Михайловича Михоэлса. Журналиста Льва Аксельрода тоже не было среди близких друзей Михоэлса.

Но был поэт Ицик Фефер. Это его отправили с Михоэлсом в Америку. Это он сотрудничал с органами безопасности и писал рапорты о Михоэлсе и о членах Еврейского антифашистского комитета, но он же написал прекрасные стихи, ставшие одной из лучших песен в репертуаре Эмиля Горовца «Их бин а ид» («Я еврей»), и это его, Ицика Фефера, расстреляли вместе с другими деятелями еврейской культуры 12 августа 1952 года. Не было книги Льва Аксельрода, которую власти запретили печатать. Но была та же судьба у «Чёрной книги» под редакцией Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана. Не было следователя Лаврова, но был следователь Лихачёв, который вёл дело еврейских актёров и писателей. Отступление от исторических деталей, изменение некоторых фамилий никак не нарушает главного: атмосферы того страшного времени.

А ради чего написана пьеса о Михоэлсе и Робсоне? И ради чего по ней поставлен спектакль в американском театре? И почему, когда спектакль закончился, публике понадобилось время, чтобы прийти в себя, а потом обрушить на артистов шквал аплодисментов с криками «браво»? Дело в том, что автор пьесы, а за ним режиссёр и исполнители хотят, чтобы, вслед за Полем Робсоном, прозрели нынешние американцы, те, кто верит в социализм, который в Америке преподносится как «демократический социализм» или «прогрессивизм», а не национал-социализм или социализм советского, китайского, венесуэльского, кубинского, северо-корейского образца.

Поль Робсон разочаровался в социалистической системе только после трагической потери своих друзей. Прозрение оказалось долгим и болезненным. Об этом мне рассказывал его сын Поль Робсон-младший, которому я когда-то устроил в Нью-Йорке встречу со старшей дочерью Михоэлса Натальей Соломоновной.

Мой сын, будучи студентом одного американского университета, брал курс политологии. Его профессор утверждал, что советское толкование социализма было неправильным, что в Камбодже, в Китае, на Кубе социализм неправильный, плохой, но когда мы, американцы, построим у себя социализм, то он будет правильным, хорошим, настоящим...

...Грустно, что после германского национал-социализма и советского коммунизма мир не выработал иммунитета к социалистической утопии. И уж совсем удивительно, что среди

верящих в социализм попадают даже те, которые бежали от социализма в Америку, в Западную Европу, в Израиль...

...«Печально я гляжу на наше поколение!»...

P.S. Следующая работа Национального еврейского театра Фольксбине – музыкальный моноспектакль «Хана Сенеш». В пьесе, написанной и поставленной Давидом Шехтером, использованы дневники и стихи Ханы Сенеш – еврейской девушки родом из Венгрии, сионистки, поэтессы, 23-летней десантницы британской армии в звании старшего лейтенанта, казнённой нацистами в Венгрии.

Анна Филиппова

Москва, Россия

ТАБАКЕРКА: К нам возвращается «Ревизор»

Сейчас, когда я пишу эти строки, до премьеры спектакля «Ревизор» в театре Табакова остаются считанные часы. За несколько дней до важной премьеры я невольно начинаю трепетать. Ведь каждый новый спектакль несёт в себе силу, энергию, а иногда и историю. Каждый новый спектакль входит в театральный мир под действием режиссёрских и актёрских чар, закрепляется в репертуаре и радует зрителя, каждый раз даря ему самое ценное, то, ради чего он приходит в театр, – эмоцию.

Итак, премьера назначена на седьмое ноября. Она важна по нескольким причинам. Во-первых, она продолжает традицию возобновления в Табакерке исторически важных спектаклей, введённой с лёгкой подачи Владимира Машкова.

Всё началось с «Матросской тишины», премьера которой состоялась двадцать седьмого января. Когда-то это был один из ведущих спектаклей Табакерки. Как и «Ревизор». В далеком тысяча девятьсот девяносто первом году на подмостках Театра Табакова бессмертную пьесу Гоголя поставил Сергей Газаров, а в тысяча девятьсот девяносто шестом, к слову сказать, снял по ней великолепный фильм с Евгением Мироновым и Никитой Михалковым в главных ролях.

Сергей Газаров окончил актёрский факультет ГИТИСа, затем некоторое время работал в Современнике до того, как в тысяча девятьсот восемьдесят шестом его приняли в Табакерку. Постановка «Ревизора» стала его режиссёрским дебютом и, стоит отметить, весьма удачным (за спектакль Газарова удостоили премии Союза театральных деятелей России). Конечно, свою роль тут сыграла сама пьеса. Она одновременно грустная и смешная, уникальная и универсальная, беззастенчивая и трогательная. В ней показаны самые различные грани человеческой природы: цинизм, отчаяние, мечтательность, страх, наивность – всё то, что мы так часто пытаемся скрыть под маской уверенности и решительности.

Гоголь удивительным образом передал человеческие пороки, облачив их в комичную форму, и мы с удовольствием и восхищением наблюдаем за суровым и властолюбивым городничим, испытывающим страх, и молодым и наивным Хлестаковым, чьи

представления о жизни претерпевают серьёзные изменения, и вот он уже не мелкий чиновник низкого ранга, а влиятельный авторитет, ведущий светский образ жизни, пишущий оперы под псевдонимом Барон Брамбеус, получающий 40000 рублей только за то, что он «правит статьи».

Вот как отзывался о своей пьесе сам Гоголь:

В «Ревизоре» я решился собрать в одну кучу всё дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем.

Да, Николай Васильевич хотел высмеять человеческие пороки. И ему это удалось. Произведение до сих пор не теряет своей актуальности. Многогранность пьесы (её важность, острота и бессмертность) – это вторая причина, по которой важна её возобновлённая постановка.

Ну, и третья причина: Владимир Машков снова на сцене. Он вернулся на подмостки родного театра двадцать седьмого января, когда вновь, спустя двадцать лет, предстал перед зрителем в образе Абрама Шварца, но уже совсем другого: более зрелого, более мудрого, более осознанного. Что удивительно, в постановке «Ревизора» (той самой, ставшей одним из первых прорывных спектаклей Табакерки) он играл городничего. И он снова исполнит эту роль, вживётся в этот образ, показав нам драму удивительного героя, сочетающего в себе казалось бы несочетаемые черты.

Лично мне безумно интересно наблюдать за тем, как живут и взрослеют герои Владимира Машкова. Его новый городничий – вовсе не тот, что был двадцать восемь лет назад. Он изменился. Да, он являет собой всё тот же смехотворный фарс, дополненный нотками трагичности, вызывающий у нас и веселье, и слёзы, и сочувствие, но его характер откроется перед нами с новой стороны. Он будет делать всё немного по-другому: говорить, двигаться, отдавать приказы и... обманываться. Мы увидим новые грани его противоречивой и непреклонной натуры.

Я пошла на второй показ спектакля. Он состоялся девятого ноября. Прошло два дня после первого зрительского показа. Возможно, что-то уже успело измениться. Но не в этом суть. Я снова очутилась в зеркальном царстве. В волшебном зале с приглушённым светом. Там, где торжествует эстетика, яркость и фееричность. «Ревизор» можно поставить здесь. А можно и в уютном Театральном подвале на Чаплыгина. В зависимости от формата спектакля. В том формате, в котором он возобновлён Сергеем Газаровым (не без

участия Машкова, разумеется), спектакль должен идти на торжественной и праздничной сцене. Он полон эмоций, танца, фантасмагории и праздника, который может вместить лишь большой зал.

Итак, девятое ноября. Второй показ спектакля для зрителей. Занавес поднимается. На сцене Владимир Машков в образе городничего. От него исходит удивительная энергетика. Даже когда он молчит.

Далее на сцене появляются Сергей Угрюмов в образе Ляпкина-Тяпкина, Александр Фисенко в образе Земляники, Аркадий Киселёв в образе Луки Лукича, Яна Сексте в образе жены городничего, Александр Марин в образе Бобчинского и Добчинского (да, он играет две роли и справляется с ними великолепным образом, как когда-то это делал Авангард Леонтьев), ну и конечно, восходящая звезда Табакерки, молодой актёр Владислав Миллер (он дебютировал в «Матросской тишине»), в образе Хлестакова.

Едва Миллер успел окончить Школу Табакова, как тут же попал на большую сцену и играет ведущие роли. Владимир Машков видит в молодом актёре большой потенциал, и на то есть свои причины. Владислав Миллер держится на сцене бодро и уверенно, проявляет гибкость и пластичность. Он полон сил и энергии. Пожалуй, его Хлестаков – самый молодой за всю историю постановок «Ревизора», и он немного не дорос до этой роли. Но это поправимо. Он будет выходить на сцену, взаимодействовать с другими актёрами и

зрительным залом. С опытом придёт и зрелость, мудрость, столь необходимая для исполнения важных, литературно значимых ролей. Хлестакова сопровождает его слуга Осип в исполнении Сергея Беляева, несравненного мастера комичных образов.

Многие из актёров были задействованы в постановке девяносто первого года, и это придаёт новому спектаклю ещё большую значимость. Сергей Беляев играл Землянику. Сергей Угрюмов – почтмейстера. Александр Марин – Хлестакова. Они привносят в новый спектакль уже прожитые эмоции, чувства, вложенные в образы, представшие перед зрителем двадцать восемь лет назад. Вот почему новый спектакль значим не только с литературной, но и с исторической точки зрения.

Моё общее впечатление таково: мощно, стильно, празднично, феерично. Спектакль оформлен мастерски и со вкусом. Действие сопровождается красивой, торжественная музыка, чей автор известный композитор Алексей Айги. Актёры не только передают драматизм и комичность гоголевских героев, но и невероятно изящно двигаются по сцене (над движениями работал Леонид Тимцуник, актёр и профессиональный режиссёр по пластике). Действие разбавлено оригинальными режиссёрскими находками (особенно хочется отметить сцены соблазнения Хлестаковым Анны Андреевны и Марии Антоновны). Эмоциональное напряжение на пределе. Возможно, в дальнейшем это изменится. Где-то будут расставлены акценты, где-то – сделаны паузы, необходимые зрителю, чтобы перевести дух.

Как бы то ни было, я желаю новому «Ревизору» долгих лет жизни, развития, гармонии, восторженных отзывов.

Этот спектакль будет радовать зрителей ещё очень долго. Ведь он не только красив и фееричен, но и выдержан в лучших традициях Табакерки.

Фото с сайта //tabakov.ru и автора

Анна Белокопытова

Испания

«Машина Мюллер» Кирилла Серебренникова как Манифест неравнодушия в действии

«Наша восприимчивость дошла до такой степени истощения, когда стало совершенно ясно, что нужен прежде всего театр, который разбудит и наши нервы, и наше сердце».

1933 г. Антонен Арто. «Театр жестокости. 1-й манифест».

Декабрь. Обычный московский вечер, то ли дождь, то ли снег, то ли просто почудилось. Промозглость изворотливой рептилией пробиралась под одежду. Оживлённая столичная улица Казакова, вереница колоритных ресторанов. Время было ещё не позднее, кто-то шёл, кто-то бежал – каждый по своим делам. Ничто, как говорится, не предвещало... Вот только в Гоголь-центре давали «Машину Мюллер».

Если говорить о близком, не виртуальном соприкосновении с творчеством Кирилла Серебренникова, то я была и остаюсь относительным новичком. К тому времени, когда в Москве появились его постановки и о них активно заговорили, мне из России уже пришлось самоустраниться. Потому к первому свиданию с «живой» работой этого режиссёра я готовилась. Предварительно прочтённые рецензии (за пять лет со дня премьеры их накопилось немало), по большей части содержали выхолощенные аналитические, нередко полные негодования высказывания: об авторе положенных в основу текстов, об эпатажных и даже чернушных выразительных средствах,

об очередной провокационной попытке напугать публику «эклектической безвкусицей».

Филипп Григорьян. © Фото: Ира Полярная

Профессиональные критики и обычные зрители расчленили спектакль и, вооружившись лупой, въедались в его составные части. Жонглируя театральной терминологией, они старались пояснить, насколько точно ими был раскрыт режиссерский замысел, но ни один не обмолвился ни словом о том, раскрыл ли этот замысел что-то в них самих. Да это и понятно – кто признается в том, что создатели «Машины Мюллер» нашли нашу потайную кнопку?

Сложно говорить о сюжете. В классическом понимании его там не было. Сати Спивакова и Филипп Григорьян исправно и в меру похулигански вели условные линии персонажей «Опасных связей», но основная философская и эмоционально-интеллектуальная нагрузка возлагалась не на них. Их выходы напоминали интермедии перед сменой основных блюд; вынужденные паузы, пока исполнители главных ролей меняют наряды. Ирония крылась в том, что протагонисты-перформеры, на которых строилась основная вертикаль действия, в переодеваниях не нуждались – они были полностью обнажены.

Далеко не всякий режиссер способен убедить артиста выйти на сцену без одежды. Одним только обитателям Гоголь-центра известно, какая работа была проведена, чтобы привыкнуть воспринимать наготу

Константин Богомолов и Сати Спивакова. Фото: Ира Полярная

как нечто естественное и необходимое. Но мало научиться самим, надо ведь ещё и оправдать этот экстремальный способ выражения перед людьми, которыми заполнится зрительный зал: перед незнакомыми злопыхателями и ошарашенными друзьями; перед прячущими глаза родителями, перед сгорающими со стыда возлюбленными. Насколько оправданным и наполненным должно быть существование самих артистов, чтобы за два часа шокирующего лицедейства доказать зрителю правомерность их публичной наготы! Дело не в беспрекословном подчинении режиссёру. Это не стадо статистов, но сообщество личностей, неисчерпаемая психосоматическая пластичность которых очевидна. Группа исполнителей, доверившись интуиции руководителя и сделав ставку на честный, обезоруживающий язык обнаженного тела, начинает существовать, как единый, совершенный организм.

С целью переломить барьер предубежденности и заставить за банальной физиологией угадать необъятную полноту смыслов, нас подвергают откровенному генитальному штурму. Не отворачивайся, смотри, смотри! Звенящее напряжение подкрепляется кадрами документальных хроник, психоделическими монологами Александра Горчилина и проникающим в подсознание голосом Артура Васильева.

Теперь, на этом уровне откровенности, мы можем поговорить без фальшивых ужимок и прыжков? Иначе до нас, застѣгнутых на все пуговицы, не достучаться. Только взять за шиворот и бросить в прорубь и, пока мы не успели сообразить и вернуться в уютный футляр, успеть рассказать нам сразу обо всем: о преследованиях на улицах города, об арестах и судах; о социальной сегрегации инакомыслящих, любящих тех, кого любить не полагается; о людском лицемерии, о неумении противостоять гибридной пропаганде; о желании малодушно отмолчаться, о неминуемости погружения в бездну и о полном духовном самообнулении.

Антракт предусмотрен не был. Отдышаться или сбежать нам не позволили. После многократных погружений в ледяную воду нас вывели из состояния беспомощной истерии увесистым финальным подзатыльником. В течение двух часов нас пытались уверить в чистоте и незащищенности неприкрытой плоти, внушить идею о её поэтической нетривиальности. Не удивлюсь, если многим, как и мне, захотелось раздеться, чтобы не чувствовать себя лишними на этом празднике раскрепощенности. И вот, когда ураган высвобожденной энергии готов был завертеть всё вокруг, перформеров вдруг стали одевать: принудительно, вопреки их желанию, некоторых даже с применением грубой силы. Такова действительность: выживают притворщики, соблюдающие правила, не снимающие масок. Наше замусоренное сознание не готово избавиться от предрассудков, как лёгкие, мутировавшие в загазованной среде, не способны дышать чистым горным воздухом. Свобода возможна, но для рабов – это яд. Чтобы ею насладиться, нужно много и долго работать над собой. Главное – не забыть, какая она на вкус.

Если целью авторов этой двухчасовой психологической атаки без антракта была исповедальная встреча зрителя с самим собой, то вынуждена признать: со мной им это удалось. Прокусили до костей. Хотелось рыдать, но я сдерживалась, потому что пришла не одна, потому что рыдать в театре не принято. А почему было не взорваться, не завопить, не дожидаясь поклонов: «Я вас ненавижу, потому что вы в меня попали, расщепили на атомы!»? Это было бы очень в духе Гоголь-центра и живущих в нём нонконформистов. Но нет, за один раз невозможно осмелеть и разорвать все шаблоны. Назад, назад, в зону комфорта.

Когда смолкли аплодисменты и артисты покинули сценическую площадку, у меня дрожали колени. Мы какое-то время сидели в пустом зале, откинувшись в креслах с гибкими спинками, и разглядывали живописный «лоскусный» потолок. Нас уважительно

попросили удалиться – нужно было разбирать декорации. Встать не было сил, но нужно было собраться с духом, шарфом укутать на миг обнажившуюся душу и уйти в слякотную московскую ночь.

Елена Фролова

С.-Петербург, Россия

«Вишнёвый сад». Комедия. Спектакль Малого драматического театра.

Режиссёр Лев Додин

Мы сразу же вовлечены в происходящее. Раневская, едва приехав, распахивает двери и выбегает в фойе, чтобы пробежав за нашими рядами, вновь появиться с другой стороны. Из вишнёвого сада в дом, в наше теперь общее пространство.

А потом этот сад, с длинной, уходящей к реке аллеей появится на занавесе, ставшем экраном. И станет так тепло, повеет таким знакомым, близким. Лирическое настроение. Да? А при этом частые вспышки смеха. Нет, я не про тех зрителей, которым лишь бы поржать. О них не стоит. Тут другое. Чехов назвал «Вишнёвый сад» комедией (как Данте, назвавший Комедией свой поход в Ад), а мы ему не верили. Но ведь, действительно, смешно.

Причём объект насмешек не Епиходов (Артур Козин). Он, кстати, здесь застёгнутый на все пуговицы и похожий на чиновника как-то не слишком упирает на свои 22 несчастья. Недаром он становится управляющим Лопахина, женится на брошенной Яшей Дуняше и единственный остаётся в бывшем вишнёвом саду. Это и не насмешки над Шарлоттой (Татьяна Шестакова). Она так устала от своей жизни, что с явной неохотой смешит изредка своих хозяев, а на нас ей и

глядеть не хочется. Нет, смех вызывает и сама Раневская (Ксения Раппопорт). Когда, рассказывая о своей дороге из Парижа, она, подымая руку, голосом удивлённого ребёнка провозглашает: «Я люблю родину».

//mdt-dodin.ru

Ох, какая знакомая интонация, как она напоминает всех наших псевдопатриотов с дворцами на Средиземном море и детьми, обучающимися в Лондоне. И это без всяких попыток внешнего осовременивания!

Второй раз дверь в фойе распахивается во втором акте. Это Лопахин (Данила Козловский), только что купивший имение, осматривает свои владения. И мы опять внутри. А за нашими спинами топот его... Хочется сказать копыт. А затем танец. Какой-то отчаянный. И прошлое растоптать, и в будущее вскочить. И когда после такого Козловский поёт «Мой путь» Фрэнка Синатры — это уже не кажется обязательным. Хотя и не раздражает.

Вполне допустимо в комедии. А вот с чем я не могу согласиться — это когда Лопахин Варю (Елизавета Боярская) «уволок за полог». Нет, дело тут не в актёрах. Елизавета Боярская, превращаясь из монашенки в растрёпанную молодую женщину, хороша. Спору нет. Но Лопахину ещё рано. Только что он изголялся перед Петей (Олег Рязанцев).

//mdt-dodin.ru

Да, тот — «облезлый барин», но свободен, у него ничего нет и ничего нельзя отнять. За деньги он не продаётся, так что Лопехин остаётся с протянутыми купюрами в руках. Он, конечно, будет и всё покупать, и всё брать. Но ещё не теперь. Сейчас он только подымет топор на цветущие вишнёвые деревья и запрет двери, забыв в доме Фирса.

Нет, не он, конечно, главный виновник того, что человека забыли. Епиходов должен был отправить Фирса в больницу, но он занят новой должностью, матримониальными планами. Любовь Андреевна спросила о старичке, но Аня (Екатерина Тарасова), с любопытством вглядывающаяся в свою новую жизнь, заверила, что всё в порядке. А барин о старом слуге и не вспомнил.

Фирс Сергея Курышева — принципиальная удача спектакля. Стройный, негнувшийся, со знанием своего права, своего первенства перед слугами вышагивающий по дому. Он говорит так же много, как его хозяин — Гаев (Сергей Власов), и с большим напором, чем барин, отстаивает рабство — обязательная пайка, место возле хозяина... И вот забыли... Бьётся в одну дверь, в другую... Закрыты. И он кидается на сцену. И тонкий занавес, заходя за который все попадали в цветущий сад или в то идеальное прошлое, оборачивается глухим забором. А за ним в белом тени в дантовском аду — обитатели вишнёвого сада.

Точка. Комедия окончена.

Евгений Соколинский

С.-Петербург, Россия

Онегин в аквариуме. «Евгений Онегин» в С.-Петербургском театре «Приют комедианта»

«Евгений Онегин», как и «Гамлет», – материал на все режиссерские вкусы. После двух оперных «Онегиных» в Михайловском (постановки А.Жолдака и В.Бархатова), казалось бы, удивить нас нечем. И все же «школа Жолдака» дает все новые плоды. Роман Габриа – один из самых решительных экспериментаторов. Он и сам не догадывается, куда его повлечет в следующий раз. На этот раз, к Пушкину.

Пушкин в «Приюте комедианта» присутствует не только в виде стихов. И в образе мальчика – лицеиста. Шестнадцатилетний Илья Лившиц сбивчиво читает хрестоматийные строки, мило картавя. Подросток нигде актерскому искусству не учился, но режиссера и актеров радует его непрофессиональная чтецкая зажатость. Зато непосредственный. Он, скажем, лезет в рот и щиплет за нос труп Ленского на катафалке, а Онегин его отшвыривает.

Впрочем, не в Пушкине дело. Спектакль имеет подзаголовок: «Сны Татьяны». На всякий случай, чтобы мы не спутали подлинных героев, нас встречают цитатой на суперзанавесе из Достоевского (наше сегодняшнее «все»), где классик пеняет Пушкину, зачем он назвал роман именем Онегина, а не Татьяны. В духе Жолдака (точнее, его последней «Иоланты» в Михайловском) у Габриа происходящее носит сновидчески-фантазмагорический характер. Много двойников, зеркал и т.д. Естественно, конец романа переставлен в начало. Эпизоды, строфы разбросаны в прихотливом беспорядке. Габриа полагает: «так интереснее». «Жанр» снов Татьяны тоже не выдержан.

Вряд ли Татьяне могли сниться последние минуты самого Пушкина, а их описание тоже звучит.

Фото: Наталья Кореновская

Само собой, сны должны быть, в основном, эротичными или под конец мстительными. «В Татьяне чувственности и силы больше, чем в Настасье Филипповне и Анне Карениной», – поясняет режиссер в программке. В первом же эпизоде голый Онегин лежит в стеклянном аквариуме-гробу (причинное место прикрыто марлечкой), а Татьяна смотрит на него, как кот на сметану. В конце спектакля в стеклянном гробу лежит уже скелет (в той же позе), а покойный Ленский с удовлетворением смотрит на него через стекло.

Именно Ленский, сидя в кресле, встречает нас, когда мы занимаем свое место в партере. Если вы не знаете Илью Борисова по его ролям в «Мастерской» Г.Козлова (Горький в «Любовь и Ленин», Лариосик в «Днях Турбиных»), то никогда не догадаетесь, что перед вами Ленский. Пышный, кудрявый. На всякий случай, в тексте Пушкина сделано изменение: «И кудри рыжие до плеч». От изменения масти Борисов к пушкинскому герою не приблизился. Видимо, Габриа решил изобразить поэта, каким он мог бы стать при спокойной жизни (см. главу 6, строфа 39). Вообще-то этот Ленский очень спокоен. Не шелохнулся, когда Ольга вживляла в его голую грудь розочку. Но, согласитесь, и святой бы взбесился, когда его невесту повалили на пол при всем честном народе.

Фото: Наталья Кореновская

Впрочем, здесь Габриа не оригинален. В редком сегодняшнем спектакле (драматическом или оперном) с веселушкой Ольгой церемонятся жених и Онегин. Любопытно также, что развязный Онегин с микрофончиком взялся быть распорядителем на отпевании убитого им друга, хотя экономно принес на похороны одну белую гвоздичку. Уже успокоившийся Ленский в финале мстительно возвращает эту гвоздичку незадачливому скелету. Кстати, после смерти у Ленского почему-то три розочки в кудрях и напоминает он колхозного гармониста из «Свадьбы с приданным» (была такая кинокомедия в 1950-е гг.).

А что ж та самая Татьяна? В первом акте, по словам актрисы БДТ Александры Магелатовой, она – фигура комическая или трагикомическая. Внешне похожа на жалкенькую некрасивую крестьяночку, временами очень сварливую (отповедь Онегину), которая лихорадочно читает свое письмо, постепенно переходя к истерике и какому-то бульканью. Ей суют в рот леденец, и она утихомиривается. В сцене отповеди Онегина она вначале глупо, заискивающе смеется, потом ревет белугой, а позже зашивает себе рот иголкой с ниткой. Словом, лечиться, лечиться и лечиться. Это не мешает ей под финал акта исполнить песенку на плохом французском языке. Можно понять Онегина, не воспринимающего ее всерьез. Правда, все равно трудно оправдать его поразительное хамство. Во время «исповеди» он выплевывает девушке вишневые косточки чуть ли не в лицо.

Зато уж во втором акте по отношению к Онегину она берет реванш. На сей раз перед нами красавица в черном, с ярко красным ртом. На балу она протягивает серебряную печатку Онегину для поцелуя, но он ее нахально целует в намалеванные губы, за что княгиня и получает от мужа по мордасам. При объяснении, дав полюбоваться на свои голые коленки, она пинает его ножкой с туфельками на высоком каблучке. Одна юная критикесса, видя спектакль на предпремьерном показе, уверяла, будто бы Татьяна отстрелила Онегину яйца («буквально»). Признаюсь, спустя несколько месяцев я этой «операции» не видел. На моем представлении Татьяна стреляла в воздух. Разве что я по слабости зрения не видел, как яйца летят с колосников. В любом случае, Татьяна получила удовлетворение. Будем справедливы, в рамках режиссерских задач, любовной патологии Александра Магелатова играет сильно.

Фото: Наталья Кореновская

Злобный, ничтожный, душевно мертвый Онегин не идет с ней ни в какое сравнение. Критики называют его полужиголо, полумачо. На премьере Онегина играл Сергей Агафонов, талантливый неврастеник Театра на Васильевском, «Мастерской». Я видел в августе нового исполнителя, Ивана Бровина. Габриа в одном из интервью признался, что в нем самом много от этого Онегина. Что ж, он себя не пощадил.

Возможно, такой Онегин и есть герой нашего времени, но достойно сожаления время, у которого такой герой.

Семейная жизнь Татьяны, нельзя сказать, чтобы выглядела приятным сном. Никогда не забуду, как княгиня подтирала пол тряпкой под генералом, стригла ему ногти и подравнивала бороду. Гремин же – фигура загадочная. По скромной одежде, он напоминает деревенского камердинера. Рубашечка навывпуск, потрепанная жилетка. А уж о мундире, эполетах и говорить не приходится. В начале второго акта Гремин сообщает, что часто перечитывает письмо Татьяны Ютубуе (см. гл. 3. Строфа 31). Да, удовольствие изрядное для мужа. Под конец стиха генерал «заходится» на словах «Я не могу понять». К этому фрагменту резонно присоединен стих о ревности. Потом Гремину (Александр Кононец) отклеивают бакенбарды с усами, и он становится молодым, жалкеньким губошлепом. Кстати, долго ли этот старичок-юноша с трясущимися руками тиранил супругу? Ни опера, ни даже роман не дают ответа.

В конечном итоге, главным действующим лицом оказывается фигура «фантазийная» Хандра (Юлия Захаркина), придуманная режиссером. «То ли болезнь, то ли вселенская тоска, то ли спутница Онегина, то ли сама смерть» (так пишут в программке). Все это не объясняет, почему художник по костюмам Нина Штеренберг нарядила ее в кокошник, сверкающую кофту с голым пупком. Хандра во все вмешивается, читает стихи за Татьяну (и путает этим зрителя), утешает, оскорбляет, скучает, ругается, как кухонная склочница, танцует эротичный танец.

Про взаимоотношения романа Пушкина и спектакля не без гордости сказал режиссер: «Удивительно, но стихи рушатся, когда рифмованная строка Пушкина сталкивается с театром, где главное – не произносимое слово, а действие на сцене... Важнее телесное переживание, которое вырывается наружу». У критика невольно вырывается слово и не самое ласковое, но, в отличие от приютского Онегина, критик воспитан.

К счастью, в мире все уравновешено. Почти одновременно с Габриа выпустил премьеру оперы «Евгений Онегин» в Камерном музыкальном театре «Зазеркалье» Александр Петров. В новой постановке лишь один двойник Татьяны и один сон с медведем, т.ч. интерпретацию можно считать почти академической.

Для справки: режиссер Роман Габриа в этом году назначен главным режиссером Санкт-Петербургского театра «Мастерская», одного из лучших в городе. То-то натворит!

Ирина Чайковская

Москва, Россия

Гут. Пьеса для двоих

1. В джипе. Мужчина останавливается. Проходящая девушка поворачивается к нему.

Девушка. Вы русский?

Мужчина. Как вы узнали?

Девушка. Вы только что выругались по-русски.

Мужчина. Растянул мышцу, вот и ругнулся. Здесь я могу выражаться как хочу. Не вижу здесь соотечественников, вы первая.

Девушка. Да я вам не соотечественница. Я родилась не в России. Просто в семье все говорят по-русски. (указывает на ногу) Болит?

Мужчина. Денька на два придется прерваться. А так я здесь каждый день – вечерами. А вы, кажется, новенькая. Я вас не видел.

Девушка. Следите?

Мужчина. Только за хорошенькими. (медленно) Или очень хорошенькими, такими, как вы.

Девушка. Что ж вы ... так сразу. Я сконфужусь.

Мужчина. Сконфужусь. Откуда только такие слова у вас? Вы давно в Америке? Здесь родились? Пойдите. Дайте сообразить. Вон видите скамеечка в уголке, в холле? Ступайте туда и подождите меня, я только схожу в раздевалку.

Девушка. Вы что? Вы за кого меня принимаете? Идите своей дорогой. Я только пришла – и буду заниматься, по крайней мере, час.

Мужчина. Хорошо. Занимайтесь. Я вас подожду. Час так час.

Девушка. Ну, может, сорок минут для первого раза. Чао! Не скушайте!

2. Через сорок минут

Девушка. Сидите?

Мужчина. Сижу.

Девушка. Я вас должна разочаровать. Через двадцать минут за мной зайдет American boy ирландского происхождения, redheadенький такой, славный рыжик...

Так что в вашем распоряжении только двадцать минут. Хотите меня о чем-то спросить?

Мужчина. Этот boy, который зайдет, кто он вам? Друг? Муж? Roommate?

Девушка. Никто. Воздыхатель. Слышали такое слово? Или еще – поклонник? У меня мама любит такие архаические слова... (смотрит на него). А у вас – что, нет никого? Ни жены, ни подруги? Что вы домой не спешите? В Америке все всегда куда-то спешат... Вам на вид лет сорок, самый сок для мужчины.

Мужчина. Пятьдесят. Мне пятьдесят. А вам лет 18-20. У меня дочка такая.

Девушка. Вот видите, у вас дочка. Стало быть, есть и жена. Знала бы она, что вы на молоденьких заглядываетесь.

Мужчина. Я не на всех. Только на хорошеньких. Даже на Очень хорошеньких (берет ее за руку). Не хотите прошвырнуться? Здесь рядом есть один симпатичный кабак.

Девушка. Фи. Что за манера – приглашать незнакомку в кабак? Как вас зовут?

Мужчина. Питер, Петр.

Девушка. А меня Лаура. Заметьте, не ЛаУра, как обычно произносят русские, а ЛАура. Я родилась в Италии, и мама дала мне итальянское имя.

Мужчина. Папа был итальянец?

Девушка. Папы вообще не было. Они развелись. Мама уехала одна, то есть не одна, а с родителями, с моими бабушкой и дедушкой. Я родилась, когда они были в Остии, на полдороге в Штаты.

Мужчина. Так вы приехали как беженцы. Вы еврейка?

Девушка. Ну да. Завидуйте – я еврейка! А вы случайно не антисемит?

Мужчина. Случайно нет.

Девушка. Вы русский Петя. Дядя Петя. Придумала. Давайте я буду звать вас Петрарка? Я Лаура, а вы Петрарка.

Мужчина. Не понял. Вы о чем? Петрарка – это...

Девушка. Не напрягайтесь. Петрарка – это поэт. Итальянский. Жил в архаическую эпоху. И воспевал Лауру. Вы ведь влюбились в меня, так?

Мужчина. Ну, уж прямо так... вы уж как-то слишком быстро. Может, еще и не влю... Ну, хорошо, а если влюбился? То что?

Девушка. Вы женаты?

Мужчина. Женат.

Девушка. А я для чего вам? для секса?

Мужчина. Ну уж прямо так... А если для секса?

Девушка. (свистит) Ах, так. А я думала... А вот и Сэм идет. Видите. Вон паренек у входа, оглядывается, в бейсболке, она скрывает его рыжие лохмы... (убегает).

3. На следующий день

Лаура. Сидите? Вы же сказали, что пропустите два дня.

Петр. Нога уже лучше, но пока заниматься не могу. А приехал – на вас посмотреть. Подумал: вдруг мне приснилось, как вы вчера меня окликнули...

Лаура. На свою голову. Теперь будете меня преследовать. Я иду заниматься. Будете ждать?

Петр. American boy сегодня опять вас провожает?

Лаура. Сегодня нет, у него вечерняя спевка. Он поет в церковном хоре.

Петр. Вы здесь в университете учитесь? На музыкальном? Или литературе обучаетесь?

Лаура. С чего бы это? Я как все нормальные обучаюсь бизнесу – изучаю маркетинг и менеджмент. А вот насчет литературы... у меня кое-что есть для вас. Вчера специально посмотрела в Википедию. (присаживается рядом)

Итак, история Петрарки и Лауры. В свое время пропустила мимо ушей, когда мама что-то про них рассказывала, а, оказалось, занятно. Да, кстати, какое сегодня число?

Петр. Сегодня 7 апреля. Вы не хотите уйти отсюда? Из душевного зала – на воздух. Снаружи – весна, пахнет... цветами. Пойдемте! (тянет ее).

Лаура. Погодите. Сегодня -7-е, значит, вчера было 6-е. Шестое апреля.

Петр. И что? Это какой-то особый день?

Лаура. День встречи Петрарки и Лауры... и нас с вами. Он увидел ее в церкви, она прошла мимо. После этого 21 год он ее воспевал. А

потом она умерла... тоже в этот день, день их встречи. В Италии в это время тоже все цветет. А он, между прочим, продолжал ее воспевать еще 25 лет. До своей смерти. Он умер за день до своего дня рождения.

Петр. Тоже 6 апреля?

Лаура. Кажется, нет, там какая-то другая дата. Иначе я бы заподозрила эту историю в шизофрении...

Петр. Да, шизофрения. Верно, это когда человек, женщина вечно возвращается к какой-то точке, застрявшей у нее в мозгу, и все крутит, крутит по-новой... Такая история с шизофренией.

Лаура. Вы о чем?

Петр. Это так, к слову пришлось. У вас все? У меня тоже есть кое-что для вас.

Лаура. К сожалению, о мой Петрарка, должна вас покинуть. Я приехала сюда заниматься спортом..., или, как говорят на вашей родине, физ-куль-турой. Ждите... если не надоест. Через часик вернусь.

4. Через час

Лаура. Сидите? Здесь действительно удушающая атмосфера, пропитанная пахучим и стойким мужским потом. Так и быть, давайте пройдемся. (выходят) Пахнет природой (втягивает воздух). Супер! Вы что-то хотели рассказать.

Петр. Вы – москвичка? То есть я хотел спросить – ваша семья оригинально откуда?

Лаура. У бабушки и дедушки была квартира в Москве на Чистых прудах. Как вы догадались?

Петр. Я сам с Москвы. После армии решил поселиться в столице, работал в охране. Банк охранял. Знаете, банк на Покровке? Он еще потом рухнул, был громадный скандал...

Лаура. Ничего я там не знаю. Не была ни разу за двадцать лет, не интересно. Так что вы хотели рассказать?

Петр. Так я же рассказываю. Скучно на посту. Смотришь по сторонам, пялишься на девочек. Одну хорошо помню. Мимо проходила каждый вечер. Я ей честь отдавал, а она мне кивала. И улыбалась. Улыбка была такая... не могу даже передать, какая. Солнечная.

Лаура. Хорошенькая?

Петр. Что?

Лаура. Хорошенькая была девушка?

Петр. Ах, да, хорошенькая, даже очень. (медленно) На вас похожа.

Лаура. Да? Когда это было?

Петр. Да уж лет двадцать прошло.

Лаура. (свистит) Я или еще не родилась или лежала в пеленках. Но история романтическая, дорогой Петрарка! А был он, этот Франческо Петрарка, парень не промах. Лауру свою воспевал на расстоянии, а детей имел от других женщин. Жениться ему было нельзя как католическому священнику.

Петр. А у нее? У нее была семья?

Лаура. Кажется, была. Муж и очень много детей, не то 9, не то 10. И умерла она родами. А вот интересно, что делает ваша жена, в то время как вы развлекаетесь с молодыми девушками?

Петр. Жена? Ах да, жена. Что делает? Да ничего не делает. Сидит на компьютере. Сериалы смотрит. (медленно) Письма пишет.

Лаура. Письма? Кому?

Петр. А черт ее знает. Кому только не пишет. Даже президенту, но вообще-то я уже не интересуюсь. Пусть пишет. Все же занятие. А то еще начинает сама с собой разговаривать, на какие-то голоса отвечать.

Лаура. Может быть, ей нужно полечиться?

Петр. Может быть. Мне вообще советуют ее изолировать, сдать в шелтер.

Лаура. Фи. Зачем же в шелтер? В более приличное заведение нельзя?

Петр. Ну, не в шелтер, это я так. Но на более приличное, как вы говорите, заведение денежек не накопил. Работал один, платил за дочкин университет. Начинал практически с нуля. Специальности – считай никакой, разве что в армии автодело освоил. Сейчас имею свой автосервис, трое механиков, все русские ребята. Дочка выучилась, работает во Флориде в гостиничном сервисе... Это все позади. Теперь хочется пожить, счастья хочется...чтобы душа согрелась. Мне пятьдесят лет, а я не жил еще и, стыдно признаться, не любил... по-настоящему.

Лаура. Давайте начистоту. Вы, дорогой Петя, не мой кадр. У нас с вами ничего общего. Ходим в один джим – вот и все. Так что запомните: надеяться вам не на что, милый Петрарка. Чао! (убегает).

5. Через неделю. В джиме, на велосипеде он и она, крутят педали.

Петр. Вас вчера не было.

Лаура. *Здесь* не было, мало ли хороших мест?

Петр. Я ждал.

Лаура. И напрасно.

Петр. Я хотел сказать, что Ваша ЛаУра, или ЛАура умерла вовсе не родами, а от чумы. Написано «от черной чумы» в возрасте 41 года. В том году от чумы в том городке, где она жила, много народу умерло, до 60 тысяч.

Лаура. А где она жила?

Петр. Какой-то город на А, крутится в голове. А...виньон?

Лаура. Давайте проверим (смотрит в айфоне), ага, Авиньон. Это Франция, Лазурный берег. Взгляните, какая красота! Папский дворец! Какой мост через Рону, еще от римлян остался. И церковь архаическая, красота. Церковь Сен-Пьер, слышите? (читает) Здесь хранятся мощи св. Петра Люксембургского. Или вот еще деревенька супер: (читает) Сен-Реми де Прованс – причудливый прованский городок с элегантными зданиями, приятными площадями и очаровательными пешеходными улицами. Расположен всего в 20 км от Авиньона. Городок известен как место рождения Нострадамуса и памятниками археологии греко-римского периода.

Вот куда хочется, на место рождения Нострадамуса. Сен-Реми де Прованс! Отвезете меня туда? Вы же влюбленный, должны выполнять все мои желания! Петрарка? Вы заснули?

Петр. (волнуясь) А если я скажу, что отвезу вас в этот... ну в этот чертов Прованс?

Лаура. Отвезете? Правда? А я вам отвечу, что не поеду. У меня лекции, тесты, экзамены. А совсем скоро я еду в студенческий лагерь. Авиньон и Сен-Реми де Прованс откладываются... на неопределенное время. Я молода – успею. А вы, Петрарка, поспешите. Подхватите свою шизанутую женушку – и фьюить (свистит) – в Авиньон, будете с ней как два голубка, Петрарка и Лаура, Петрарка ей – фьюить, Лаура ему – фьюить.

Петр. Зачем вы так?

Лаура. Как? (что-то поняв). Сорри, я заигралась, как говорит моя мама. Я ведь вредная, люблю поддевать... поклонников, особенно женатых. Все. Побежала. Чао.

6. Через неделю. Оба в джиме. Идут по бегущей дорожке.

Лаура. Петрарка, вы сегодня жутко унылый. Давайте я вас развеселю. Помните, вы говорили, что видели похожую на меня двадцать лет назад в Москве? У меня тогда еще мысль мелькнула. – Мама, говорю, ты жила на Чистых прудах. Покровка от вас была далеко? – Рядом, – говорит. А ты проходила мимо банка, когда домой

возвращалась? – Конечно, говорит, – там еще охранник стоял, он мне всегда честь отдавал... Вы поняли?

Петр. Так это ваша мама была?

Лаура. Хотите познакомлю?

Петр (пауза) Нет, не хочу.

Лаура. Напрасно. Она у меня супер. И одинокая. Преподает детишкам американским из русских семей русский язык. Так хотите?

Петр. Не хочу. Прошлого не вернешь.

Лаура. Как знаете. А вот еще она рассказывала. Еду, говорит, в автобусе, и вдруг ко мне какой-то дебил подходит в защитной форме – и впивается губами в мои губы. Прямо в автобусе. Спиртным от него разит, губы его противные, склизкие, я вырываюсь, что-то мычу, а он держит меня как клещами и губами присосался намертво... Народ кругом, но все тихо стоят, каждый о своем задумался...

Петр. И чем кончилось?

Лаура. Автобус остановился, она с трудом вырвалась из его лап и вылетела из автобуса.

Петр. Все?

Лаура. Он помчался за ней. Догнал – и снова впился губами... Вот кошмар, скажите! Она успела крикнуть, видно, он испугался, хотя никто так и не подошел к ним. В общем она убежала (переводит дыхание).

Петр. Выдумали?

Лаура. Нет, правда, но, возможно, маме это приснилось, сон такой...

Петр. Ага. Не хотите передохнуть? Вон девочка пиццу выкладывает. Посидим? Угощайтесь (протягивает кусок пиццы).

(сидят на стульях и едят пиццу)

Лаура. Я уже многих здесь знаю. Вот та старушка в цветной тишотке моя знакомая, ее Джейн зовут, видите, поздоровалась. Похоже, она ходит сюда исключительно за общением. Подходит – и начинает общаться, вопросы разные задает. Особенно любит молодых девиц, вроде меня. Но я долго ее не выдерживаю.

А вон старичок, ну толстый такой, штаны или как их? трусики не сходятся на пузе. Он худеет. Часами сидит на велосипеде. Смотрит всегда только на педали. Кушать нужно меньше, друг, так ты не сбросишь свой жир, хоть загнишь на своем велосипеде.

А вот еще один знакомец, видите? худощавый, с сединой, такой весь из себя спортивный, глаз на меня... как это? слово забыла, поставил? (смеется), сейчас смотрит на нас с вами, ему интересно, кто

мы друг другу... улыбнитесь, не смотрите так недружелюбно. Он же вам улыбается.

Ой, мне надо позвонить. Подождите, я сейчас (убегает)

(Возвращается понуря). У меня сегодня вечер свободный (смотрит на него).

Что вы мне можете предложить?

Петр. (хмуро) Ничего. Алла болеет. Просила не поздно приехать. У вас что, свидание сорвалось?

Лаура. Вы догадливы.

Петр. С этим рыжим? С Сэмом?

Лаура (смеется) Нет, конечно, Сэм это так... для прикола... Представьте себе высокого, 70 инчей, темноволосого, в глазах чертики, в улыбку можно влюбиться... Мне казалось, что таких не бывает...

Петр. Та-ак. Влюбились?

Лаура (кивает)

Петр. Кто он? Откуда?

Лаура. Я пока мало что о нем знаю. Он перевелся к нам из Массачусетса.

Петр. Понятно. Ну, я пошел. Спасибо за компанию! (уходит)

7. Через две недели. Лаура сидит на скамеечке, Петр проходит мимо.

Лаура. Привет! Где вы пропадали две недели? Я вас ждала.

Петр. Ждали? С чего бы это?

Лаура. Привыкла. Без вас чего-то здесь не хватает.

Петр. А я думал вам не хватает того... темноволосого, из Массачусетса.

Лаура. Его зовут Ховард. Он отличный парень, легко идет на общение, знает просто кучу разных разностей, его конек американская история, любит музыку, поет, играет на гитаре...

Петр. Ну так за чем же дело? В бой!

Лаура. (опускает голову). Он не для меня... и вообще не для девушек. Он гей.

Петр. А... Но не отчаивайтесь, может, еще найдется, чтобы мог с девушками. Не все же такие, как этот Говард. Никак плачете?

Лаура. Ужасно больно, сердце разбилось. Вот хотела вам рассказать, а вас две недели не было, а рассказать больше некому, не маме же! Она у меня из девятнадцатого века, архаичная. (встряхнулась) Так где вы пропадали, дорогой Петрарка?

Петр. Дома пропадал, дома – жена сильно разболелась.

Лаура. Чем?

Петр. Все тем же. Сегодня увезли в больницу.

Лаура. В шелтер?

Петр. Пока в больницу... А я все это время, дома сидевши, знаете чем занимался? Не угадаете.

Лаура. Чем же? Кроссворды решали?

Петр. Читал. Читал про Петрарку. Он, оказывается, когда влюбился в эту свою ЛаУру, поблизости от нее поселился, под Авиньоном, место называлось Воклюз. Жил один, писал письма на латыни разным древним римлянам, уже давно умершим. Прямо как моя Алла, только она живым пишет... всякие гадости. Он-то писал благородно, с благодарностью за сочинения. А стихи свои сочинял по-итальянски, выходило очень красиво. 366 стихов, называются канцоны, очень красивые, возвышенные. Я один стих принес для вас – в записи, самому-то неловко читать (достает айфон, в исполнении артиста идет чтение 61-го сонета в переводе Вячеслава Иванова).

Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край, и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не приметил,
Как глубоко пронзен стрелой, что метил
Мне в сердце Бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя отзвучья именем Мадонны!

Благословенны вы, что столько слав
Стяжали ей, певучие канцоны, -
Дум золотых о ней, единой, сплав!

Правда, красиво?

Лаура. Красиво. А что за артист читает?

Петр. Не знаю. Если б еще пару недель, я бы сам выучил... А сейчас я другое учил...

Лаура. Другое? И что же?

Петр. Итальянский язык.

Лаура. Да? И что же вы выучили?

Петр. Вы понимаете по-итальянски?

Лаура. Немного. Я там родилась, но мы быстро уехали оттуда в Америку. Я немного понимаю по-итальянски, правда.

Петр. Я выучил две фразы, по-русски они переводятся словами, которые я ни разу не произнес за всю жизнь. Ни разу (Останавливается, произносит не глядя на Лауру).

Ti amo. Ti voglio bene.

Лаура. (тихо) Я поняла (встает). Послушайте, Петрарка! Вы говорите, вашу жену увезли в больницу? Ловите момент! Я готова. Поехали к вам.

Петр. За-зачем?

Лаура. Как зачем? Вы мужчина или нет? Вы же, помните, хотели со мной заняться сексом. Давайте займемся. Я согласна.

Петр... Я не могу... с Лаурой... Я не могу.

Лаура. Тюфяк (уходит)

8. На следующий день. Петр сидит на скамеечке, Лаура проходит мимо.

Лаура. Ждете?

Петр. Жду.

Лаура. А могли бы обидеться, я ведь назвала вас тюфяком.

Петр. Я не тюфяк. И могу вам это доказать (подходит к ней).

Лаура. Спокойно. У меня пропало настроение. Сегодня я пай-девочка (Петр отходит). Послушайте, почему мне так хочется кричать? Топать? Жизнь проходит мимо. И пройдет, если ее не перевернуть, не совершить что-то удивительное...

Петр. Что я должен сделать?

Лаура. Вы? Вам уже поздно, Петрарка. Вы уже выбрали свой путь. Будете сидеть на скамейке и ждать свою Лауру. Будете?

Петр. Буду. И верю, что дождусь.

9. Через месяц

(Петр сидит на скамейке в джиме. К нему подходит женщина, останавливается в нерешительности).

Женщина. Простите, вы случайно не русский?

Петр. Случайно русский.

Женщина. Извините меня за вопрос: вы кого-то ждете?

Петр. Жду. А что? Почему вы спрашиваете?

Женщина. Я приехала из-за вас. Я должна вам сказать, что та, кого вы ждете, не придет. Она уехала, уехала с молодым человеком, Сэмуэлем Ридом, в... Африку. В составе католической миссии. Я принесла вам письмо... от нее (протягивает письмо).

(Петр читает, звучит голос Лауры).

Петрарка, я знаю, что вы будете меня ждать. Будете приходить в джим и садиться на нашу скамейку, где мы ели пиццу и разговаривали и где вы сказали мне «Ti amo».

Но я поняла, Петрарка: вы любите не меня, а свое прошлое. Спасибо, дорогой Петрарка, за урок, который вы мне преподали. Мне бы так хотелось махнуть с вами в Авиньон и в ту деревушку, где родился Нострадамус! Но пока я уезжаю в Африку, на лето, дальше посмотрим. Страну не называю. Такие, как вы, способны броситься следом. Еду я не одна, а с Сэмом, мы с ним обручились и скоро должны пожениться. Что делать, если те, кого мы любим, любят не нас... Прощайте, мой Петрарка!

Ваша сумасбродная Лаура

Петр (к женщине). Она уехала?

Женщина. Уехала.

Петр. В Африку?

Женщина. В Африку.

Петр. Вы ее мама?

(Женщина кивает).

Петр. Вы на чем приехали?

Женщина. На убере, шофер меня ждет.

Петр. Попросите, чтобы не ждал. Я вас отвезу. И знаете, ни о чем больше не беспокойтесь. Я все беру на себя.

(Музыка)

Часть 6. Изобразительное искусство, музыка, литература

Лев Табенкин. Летающие люди. 2004

Вера Чайковская

Москва, Россия

Древние тексты, прочитанные заново. О книге «Екклесиаст» в иллюстрациях Льва Табенкина

Московская галерея «Открытый клуб» уже несколько лет проводит проект «Точка отсчета» (автор идеи Вадим Гинзбург, кураторы Вадим Гинзбург, Вера Калмыкова, Екатерина Прокошева), призванный возродить художнический и зрительский интерес к текстам Ветхого завета и к их иллюстрированию.

В сущности, огромная часть мирового художественного наследия посвящена библейской тематике. Существуют такие, сравнительно недавние блистательные примеры иллюстрирования Ветхого завета, как цветная графика, – литографии и рисунки, Марка Шагала (50-е годы 20-го века).

И все же – это уже история, а как современным российским художникам подступиться к этим древним текстам, неужели слабо?

Творческое задание уже выполнило около десятка мастеров, причем таких маститых, как Наталья Нестерова и Сергей Бархин. Но мне бы хотелось остановиться на работе одного, тоже очень известного мастера, за которым я давно слежу и могу уверенно сказать, что многое в его библейских иллюстрациях меня просто поразило. Необычное задание вызвало у Льва Табенкина прилив творческих сил, всколыхнуло кровь и обострило воображение. Какая-то титаническая работа на пределе сил!*

Но поговорим о нашем Льве подробнее.

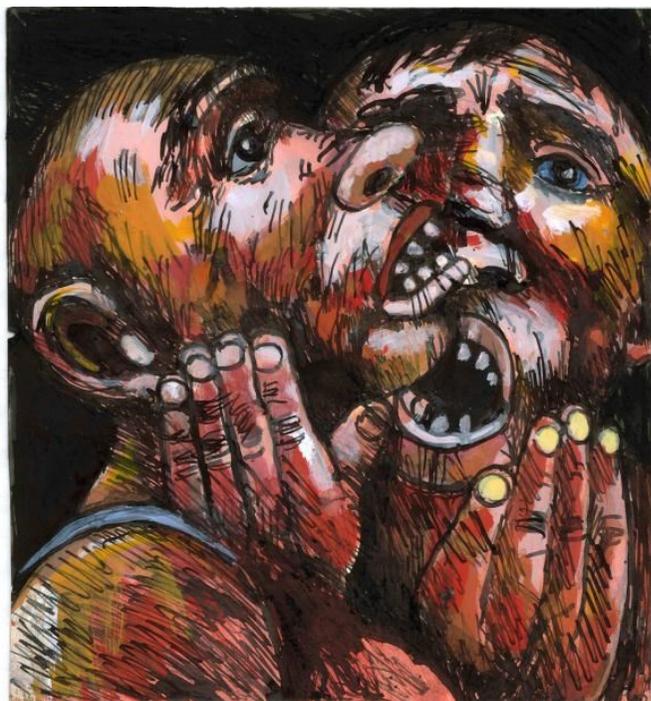
Ему достался один из самых сложных и загадочных текстов Ветхого завета, с одной стороны, заявляющий, что «все суета», с другой – воспевающий человеческое веселье, с одной, – твердящий, что человеческие усилия бессмысленны, с другой, – прекрасно различающий, где праздный, а где труженик, где правый, а где виноватый, где, корыстный, а где простодушный, где женские «сети», а где праздник любви.

И над всеми, – правыми и виноватыми, господами и слугами стоит Бог, воздающий каждому «по делу его».

Вот эту многосложность в смысловом и в стилистическом отношении и подхватил Лев Табенкин в своих работах цветной темперой и черной тушью на белых листах.

Что же меня поразило?

Поразило, что этот «предметнейший» художник, гордо несущий знамя своей «фигуративности» среди всевозможных абстракций, перфомансов, видеоартов и прочих давних и недавних новаций авангарда и поставангарда, в некоторых иллюстрациях впервые в жизни почти смыкается с беспредметной живописью.

Но это «смысловое», скажем так, сближение. В божественно-космическом замысле Творца, о котором размышляет царственный Проповедник – Екклесиаст, существуют и моменты «расподобления» человека и мира. Вот и у художника порой возникает какой-то космический «хаос», когда, положим, на одной стороне книги еще можно различить бешеную экспрессию подъятых к небу мужских лиц, разинутых красных, зубастых ртов, выпученных глаз, протянутых рук, причем пятна белил на лицах и руках подчеркивают ужас и смятение.

А на соседней странице – почти абстрактная композиция с фрагментами зубов, глаз и носов, потонувших в каком-то огненном мареве. Ох, подозреваю, что здесь не обошлось без «женского коварства», когда «сердце ее – силки, а руки ее – оковы».

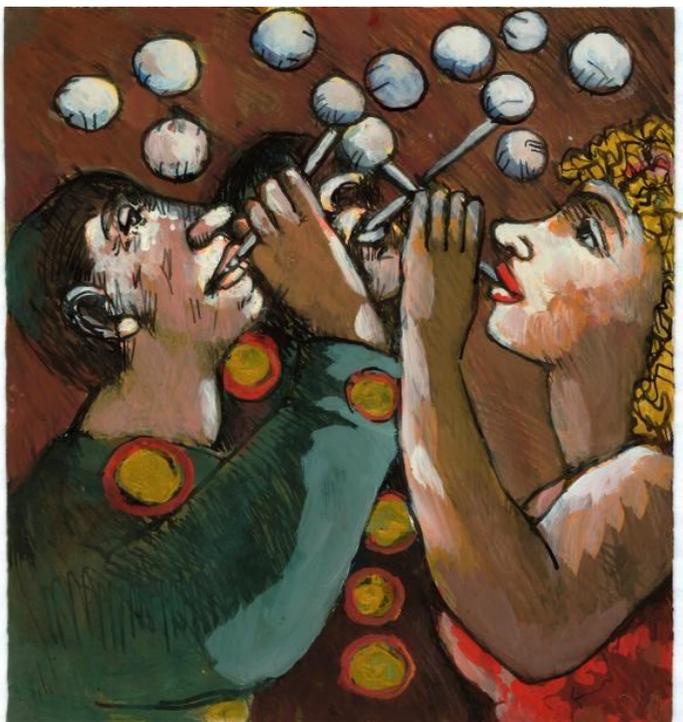
И еще почти «кубистическая» композиция с обобщенно-геометрическими телами летящих красных птиц на фоне темно-синего «плоского» пространства с солнечно – ослепительными, желто-оранжевыми, «декоративными» облаками.

«Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце», – может быть, речь об этом? И не об этой ли, столь важной в печальной книге «похвале веселью» почти не встречающийся прежде у художника «пейзаж», тоже предельно обобщенный и как бы «расподобленный», где собрана вся земная красота «под солнцем, – небо с облаками, горы с каменистыми ущельями и бурные реки? («И похвалил я веселье; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться...»).

Поразил экспрессивный накал и какая-то предельная поляризация сил зла и добра, прямо по речению «сердце мудрого – на правую сторону, а сердце глупого – на левую».

Таких страшных мужских лиц на листе, где двое мужчин с огромными зубастыми ртами, не то кусают друг друга, не то в ужасе друг к другу прижимаются, – я у художника прежде не видела. И таких мерзких красноглазых сов с красными лапами, неподвижно висящих на ветке, – тоже что-то не припомню. Это, конечно, о зле, которое Проповедник «видел под солнцем».

Но и сцен такого радостного, беззаботного веселья, когда два молодых существа – юноша и девушка, – в упоении выпускают в небо мыльные пузыри, – тоже у художника наперечет. Да, надежды, скорей всего, не сбудутся, но какое все же счастье – мечтать!

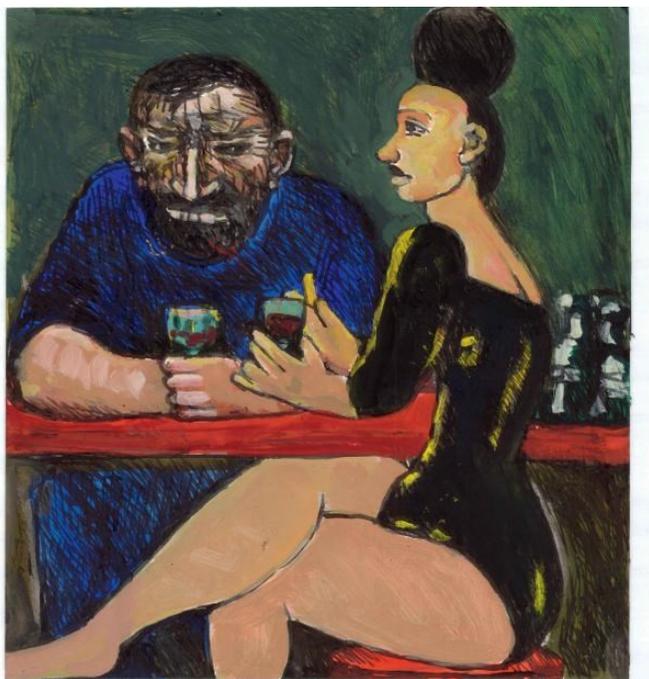

Прежде художник любил изображать взлетающих Икаров, которых, как мы понимаем, ожидало падение, а тут – настоящий, юный и сильный ангел с массой бело-голубых крыльев за спиной, словно бы плывет в космическом пространстве, взмахивая желтой палочкой, напоминающей дирижерскую. Да, в большом «космическом» хозяйстве есть свой, не всегда ясный людям порядок и своя справедливость. Может, это об «утешителе» для угнетенных, которых на земле может не случиться, но ведь разговор-то не окончен! («И обратился я и увидел всякие угнетения, которые делаются под солнцем ...»).

Одна из постоянных философических тем книги всеобщая повторяемость явлений: «Что было, то и будет»...

Табенкин нашел замечательный стилистический эквивалент этому высказыванию. На страницах книги можно встретить почти наших современников -олигархов в пиджаках и галстуках и каких-то древних богатеев в роскошных одеяниях и перстнях на каждом пальце. Но печать жадности, злости и неумеренного себялюбия проступает на лицах и у тех, и у других. А вот пирующий, с бокалом в руке современный олигарх сидит в ресторане с роскошной девицей,

у которой ноги чуть ли не от пупа. Но и тут на его лице нет того «веселья», которое восхваляет Проповедник. Одни заботы и неудовольствие! Веселье художник отдает по большей части простым людям, делающим свое скромное дело, ведь именно «мудрый бедняк» может спасти погибающий город, хотя часто «слов его не слушают». А ведь и правда, все как и сейчас!

И еще поразило, что у Табенкина в этой книге о «суете» человеческой жизни царит любовь и женщина. Прекрасна сцена объятия двух обнаженных влюбленных в каком-то райском саду. Потому что Проповедник не возбраняет трудящемуся человеку «никакого веселья».

И даже смешная сценка с тремя красотками, сидящими под зонтиками на загривах у трех мужичков, прочитывается вовсе не как притча о «женском коварстве», а как некая хвала женской красоте и притягательности. Ведь сказал же премудрый Екклесиаст, что «двоим лучше, нежели одному».

А на обложке и в самом конце книги мы встречаем крылатого ангела с прекрасным женским лицом в огненно-красном платье. Вся его пружинистая фигура словно парит в пространстве, он трубит в рог,

а другой рукой поднимает подсвечник со свечой. Сцена огромной эмоциональной силы и ликующего звучания, противостоящая идее о «суете сует» и «бесмысленности» человеческой жизни.

В иллюстрациях Табенкина можно обнаружить отсвет большой художественной традиции от Микеланджело и Брейгеля до Шагала. Но его голос вовсе не подражательный, а свой, мощный и страстный, многое говорящий о нашей сегодняшней жизни и о нашем времени.

*«Екклесиаст» в иллюстрациях Льва Табенкина. М., 2019, 64 с.

Евгения Народицкая

Род-Айленд, США

Александр Гассель: «Я свободный художник»

Александр Гассель (Alexander Gassel), художник, реставратор, автор многочисленных работ на библейские темы, родился в 1947 году в Москве. После окончания художественно-графического факультета Московского педагогического института в 1970 году работал в мастерской И. Грабаря, копируя и реставрируя иконы XVI-XIX веков. В 1980 году эмигрировал в США.

Гассель мастерски синтезирует библейские мотивы, каноническую школу иконописи и современную сюрреалистическую манеру. Картины художника поражают прозрачностью и глубиной цвета, достигающейся наложением золотой и серебряной фольги в различных комбинациях.

Живопись Гасселя оригинальная и непривычная не только для американцев, но и для русского человека.

Произведения художника находятся в музеях Ватикана, Кембриджа, Рязани. Работы Гасселя были представлены на выставках в Канаде, Германии, разных городах и музеях Америки и в Москве. Александр написал книгу «Православная икона» (издательство «Олимп»), которая переведена на английский язык.

Виктория Арутюнова, <https://www.kommersant.ru/doc/29506>
<https://www.youtube.com/watch?v=5dKHQbUAwVM>

– В 1980 году вы приехали в Америку. Как поначалу складывалась ваша судьба художника?

– Сложно складывалась. Я приехал без языка, без связей с галеристами, или, как сейчас их называют, арт-дилерами.

Надо было кормить семью, иметь медстраховку, и я первое время красил заборы, потом устроился чертежником на фирму, где проработал 5 лет. Картины рисовал по выходным и так собрал первую выставку, примерно на 20 картин. Выставлялся на конкурсе художников – новых американцев в Нью-Йорке, где получил 1-ю премию, и на местном конкурсе в Массачусетсе, где тоже получил премию. Но все это были небольшие деньги.

Постепенно ты завоевываешь известность, тебя начинают покупать, а поначалу это непросто.

– Как художник может заявить о себе в Америке?

– Рассылаешь свои резюме и предложения в разные места. Здесь нет Союза художников, здесь рынок. Есть Союз галеристов, надо с ними завязать отношения. Это мощный союз, там куча народа, кураторы, журналисты, маркетологи, которые продвигают работы художника на рынок.

У всех все складывается по-разному, главное, найти правильного дилера со связями, который будет тебя продвигать. Но при этом он забирает себе довольно большой процент или покупает полную коллекцию твоих картин задешево. Нужно сначала пройти через полное рабство, дилер говорит – я вкладываю деньги в твое продвижение и в рекламу, – и ты подписываешь с ним эксклюзивный контракт, и все идет через него.

– Почему вы решили эмигрировать?

– В Москве я работал в Центральной художественно-реставрационной мастерской И. Грабаря, занимался реставрацией икон и писал картины, которые не брали на выставки, т.к. партийные комиссии усматривали в них религиозное содержание. Ко мне домой даже один раз пришли с обыском люди в штатском.

Я, да и вся наша эмиграция, выскакивала из Союза, из той диктатуры, которая не давала возможности заниматься любимым делом, и нам было практически все равно, куда ехать.

Я уехал, чтобы стать художником.

Александр Гассель. Четыре всадника. 1991

– **Есть ли программы поддержки художников в США?**

– Есть, но они очень слабые. Устраиваются выставки, дают премии, но небольшие, на них не проживешь.

– **Вы почувствовали себя «свободным художником» в Америке?**

– Не важно, где живешь, чтобы быть свободным. Свободный – значит, имеешь право рисовать, что хочешь.

– **Что означает выражение «свободный художник»?**

– Не знаю. Жить в обществе и быть свободным от него нельзя, как говорил Ленин. Здесь рынок. Если ты способен его выдержать или сумел в него войти, значит, свободен. Если умеешь подыгрывать, везде хорошо, если нет – везде плохо, и оставайся со своей свободой, и пиши в стол.

Наше поколение можно причислить к поколению 60-десятников, тогда было очень много романтики в Советском Союзе, а романтика – это стремление послужить поиску, служение искусству, работе и все это было намного важнее коммерции. Даже в наше время был какой-то культ бедных художников, бедных поэтов и писателей. И сам момент открытия был в десять раз важнее, чем коммерция, которая так или иначе всегда связана с ложью или с удешевлением высокохудожественной цели, поскольку ты в первую очередь думаешь о продаже, а не о чистоте самого открытия. Ведь, когда ты делаешь по-настоящему серьезную вещь, она не может всем нравиться. Уровень народа разный и неподготовленные люди не

могут оценить всю красоту твоего открытия и сложность твоей работы.

Новое поколение плюс капиталистические идеалы привели к резкому падению глубины искусства. Нельзя служить одновременно двум господам – богу и мамоне. Если ты отдаешься до конца своему искусству (или науке), то ты не можешь параллельно заниматься коммерцией. Либо этим должен заниматься кто-то другой, либо ты будешь жертвовать одним во имя другого.

– У некоторых картин можешь стоять часами, они не отпускают. Мимо других проходишь равнодушно. Как вы думаете, почему?

– Любая картина заряжена энергией художника, и эта энергия либо притягивает зрителя, либо отталкивает его. Нет понятия искусства для всех, есть понятие искусства для себя, в котором каждый находит что-то свое, близкое именно ему.

– Можно ли сказать, что вы создали новый стиль в живописи?

– Новый ли это стиль – решать зрителю. В выборе сюжетов, цветов, расположения композиций большое влияние на меня оказала старая иконопись и моя работа реставратором. Все модернисты от Шагала до Эрте и Кандинского так или иначе шли от икон.

– Недавно на выставке в Майами большой ажиотаж вызвала новая работа итальянского художника Каттелана. Выглядит она как обычный банан, приклеенный скотчем к стене. Бананы купили уже два коллекционера — по \$120 тысяч. Как вы относитесь к таким новым направлениям в искусстве?

– Это не новые направления, это все жульничество, а не искусство.

– Вы написали икону Папы Иоанна Павла II, которая хранится в Ватикане. Как вам пришла в голову эта идея?

– Когда я узнал о покушении на Папу, решил написать икону, которая была на выставке моих картин в местной церкви в Массачусетсе. Священник этой церкви попросил меня подарить икону Ватикану. Я, конечно, согласился. Потом мне прислали благодарственное письмо из Ватикана.

– Вы сейчас работаете в американской музее русских икон. Как вы туда попали?

– В 2006 году американский бизнесмен и коллекционер Гордон Лэнктон, открыл «Музей русских икон», в городе Клинтон, в нашем штате. К этому времени он собрал большое количество икон, покупать которые начал в начале 90-х годов в Москве, где у него было совместное предприятие по производству пластмассовых изделий.

Часто бывая в Москве, он увлекся иконами, первую из которых он купил на московском рынке в Измайлово за 20 долларов. Лэктон искал реставратора икон и пригласил меня работать.

Александр Гассель. Манхэттен. 1995

– **Несколько слов об иконах.**

– Слово икона по-древнегречески означает образ. Самые первые иконы пошли от фаюмского портрета, так называли погребальные портреты в Римском Египте I-III веков, которые нашли в Фаюмском оазисе в 1887 году.

Иконы начали получать распространение в первом веке с проникновением христианства из Иудеи в Грецию и в Рим, где портреты были популярны. Историю возникновения христианства надо было записать. Появилось множество евангелий, из которых выбрали 4, были сделаны портреты тогда еще живых апостолов и Христа, по памяти его видевших. Первоначально это были только портреты – имиджи, потом постепенно начали появляться композиции, но в первые IV века композиции были только на ветхозаветные сюжеты.

После крещения Руси греческие иконописцы, – наиболее известный из них Феофан Грек – учили писать иконы русских умельцев. Для каждого храма делались свои иконы. И постепенно иконы вошли в каждую семью, где молились Христу, Деве Марии и святым угодникам, особенно святому Николаю.

– **Люди молились Христу, Деве Марии, святому Николаю и другим святым угодникам. Все они были евреями?**

– Конечно, все святые угодники были евреями.

– **«Без паблисити нет просперити... То, что вы открыли Америку, – еще ничего не значит. Важно, чтобы Америка открыла вас». Сбылось ли для вас это популярное высказывание Ильфа и Петрова?**

– Да, наверно. Я получал призы на американских и местных конкурсах, периодически проводятся выставки моих картин – значит, открыла. Это с одной стороны.

С другой стороны – галерея тебя продает или нет. Я сам к ним не хожу, не связываюсь. Когда мне говорят, будешь делать, что тебе сказали, это не для меня. Я хочу делать то, что я хочу.

– **То есть вы хотите оставаться свободным художником?**

Да, а за свободу надо платить. Я мамоне поклоняться не буду ни в каком случае.

– **Где можно увидеть ваши картины?**

В моей мастерской в Fenway Studios в Бостоне (30 Ipswich St. #305, Boston).

Владимир Фрумкин

Вирджиния, США

«Нашему дикому обществу нужен тиран во главе?». Булат Окуджава и сегодняшняя Россия

Статья Владимира Фрумкина об Окуджаве показалась нам необыкновенно актуальной в свете тех катастрофических событий, которые происходили в Москве летом 2019 года, когда государство воевало уже даже не с демократией и ее представителями, а – с народом. Больше тысячи задержанных росгвардией, униженных, избитых дубинками москвичей на митинге за честные выборы – это ли не торжество полицейщины и террора? И не об этом ли предупреждал Булат Окуджава в своих поздних стихах и песнях?

Вы – армия перед походом
в преддверии грозных атак.
Отставка вчерашним свободам!
Всё собрано в жёсткий кулак.

(Б. Окуджава, 1991)

Жалко лишь, что родина померкла,
что бы там ни пели про неё.

(Б. Окуджава, 1996)

Летом 1990 года Окуджава посетил Нью-Йорк. Он был тогда гостем нашей Русской школы при Норвичском университете, уютно расположившемся среди зелёных гор Вермонта. В Манхэттене Булата почему-то больше всего удивил и задел за живое

Мир компьютеров и кнопок!.. Чем же мы не угодили?
Отчего же своевременно нас не предупредили,
чтоб мы знали: что посеем, то и будем пожинать?
Отчего нас не на кнопочки учили нажимать?

Намёк прозрачен: нас всю дорогу учили нажимать не на кнопочки умных машин, а на кнопки, курки и гашетки, несущие смерть. Неисповедимы пути и причуды поэтической мысли: вид витрин с электронной техникой рождает бурный каскад новых вопросов, обращённых поэтом к читателю и к самому себе:

Кто мы есть? За что нам это? Что нас ждёт и кто поможет?
Или снова нас надежда на удачу облапошит?
Или всё же в грудь сомнений просочится тайный яд?
Или буду я, как прежде, облапошиваться рад?

Для обдумывания вопросов из стихотворения «Манхэттен» у Булата оставалось семь лет жизни. Некоторые из них были либо риторическими, либо слишком трудными и ясного ответа не получили. Самый простой задан в конце первой строки: Кто поможет? Если имеется в виду помощь извне — никто, и Окуджава это прекрасно понимал. Вопросом За что нам это? станут, надо полагать, заниматься будущие поколения историков и философов. Пойдём дальше. Наглядный ответ на то, что нас ждёт, даёт картина сегодняшней России, предсказанная поэтом в 91-м году:

Отставка вчерашним свободам!
Всё собрано в жёсткий кулак.

Есть тут и вопрос о тайном яде сомнений, целительном веществе, которое может спасти общество от новых трагических ошибок. Просочится ли оно когда-нибудь в наши души? Или нас снова и снова будет облапошивать обманчивый мираж удачи? Вопрос этот был задан поэтом не случайно. В его сознании яд сомнений, освобождающий от пустых иллюзий и напрасных ожиданий, уже

действовал всюду. И отнюдь не тайным был этот яд. Он становился всё более явным, причём настолько, что, доживи Окуджава до нашего времени, он был бы, как пить дать, зачислен в национал-предатели и пятую колонну.

Ливан или Иван?

«Запрещается распространение недостоверной информации..., умаляющей авторитет Российской империи, СССР, Российской Федерации, их Вооружённых сил», — гласил законопроект, внесённый в Госдуму депутатом от «Справедливой России» Олегом Михеевым в 2014 году. Его коллеги, «озабоченные уровнем любви россиян к родине, подготовили сразу несколько законодательных инициатив, предусматривающих наказание за недостаточный патриотизм».

За последнее десятилетие своей жизни Булат Шалвович написал, наговорил и напел немало такого, что — с точки зрения сегодняшней власти и обслуживающих её пропагандистов — умаляет авторитет России по меньшей мере в двух её ипостасях: советской и постсоветской, сегодняшней. А также авторитет российских Вооружённых сил. Примеров — хоть отбавляй. Вот, навскидку, про российскую империю советской эпохи:

Я живу в ожидании краха,
унижений и новых утрат.
Я, рождённый в империи страха,
даже празднествам светлым не рад.

Всё кончается на полуслове
раз, наверное, сорок на дно...
Я, рождённый в империи крови,
и своей-то уже не ценю.

А это — о Вооружённых силах:
Вы говорите про Ливан...
Да что уж тот Ливан, ей-богу!
Не дал бы Бог, чтобы Иван
на танке проложил дорогу.
Когда на танке он придёт,
кто знает, что ему приспичит,
куда он дула наведёт
и словно сдуру что накличет...

Так начинается стихотворение, написанное под впечатлением от разговоров с израильскими друзьями во время гастролей Окуджавы в декабре 1992 года. Речь шла об угрозах существованию этой маленькой, окружённой врагами страны, где кровью и порохом пахнет от близких границ, как сказано в другом стихотворении Булата, написанном тогда же в Иерусалиме. Как видно, чаще всего упоминался Ливан, где наращивала силу и влияние коварная и агрессивная «Хезболла». С него и начал Булат свой ответ друзьям, вылившийся в стихи. А закончил он его так:

Когда бы странником — пустяк,
что за вопрос — когда б с любовью,
пусть за деньгой — уж лучше так,
а не с будёнными и с кровью.
Тем более что в сих местах
с глухих столетий и поныне —
и мирный пламень на крестах,
и звон малиновый в пустыне.
Тем более что на Святой
Земле всегда пребудут с нами
и Мандельштам, и Лев Толстой,
и Александр Сергеич сами.

Тогда, в 92-м, многим казалось, что новая Россия уже никому не угрожает. Афганская война три года как кончилась. До первой чеченской оставалось два года, и ещё никто не мог предсказать ни её, ни — тем более — вторжения в Грузию, ни бескровного блицкрига в Крыму. С чего это вдруг вздумалось поэту припугнуть своих бывших соотечественников Иваном на танке? Советского Союза больше нет, отменена мессианская коммунистическая доктрина, отброшены имперские амбиции. Входившие в империю республики и её сателлиты, все как один, отпущены на свободу. Кому теперь придёт в голову заняться реваншем и снова ринуться на чужие земли, да ещё с будёнными и кровью?

У Окуджавы были на этот счёт свои соображения.

Я умел не обольщаться даже в юные года, — написал он в середине 1980-х. И остался верен себе и теперь, через год после распада СССР. В ту пору у него возникла такая формула: Советский Союз кончился, но советская власть осталась. Это была очень трудная для него пора расставания с последними иллюзиями и обретения нового знания о

своём отечестве. Именно в это время стал он расставаться и с некоторыми из облюбованных им издавна слов. И прежде всего – с пронизывающим его поэзию словом надежда.

Надежды маленький оркестрик

уверенно звучал у Окуджавы на протяжении 60–70-х годов, хотя и не всё в его хозяйстве было ладно: кларнет пробит, труба помята, фагот, как старый посох, стёрт, на барабанах швы разлезлись... Но он не замолкал, потому что этот поизносившийся оркестрик был в сговоре с людьми, современниками и единомышленниками поэта, романтиками-шестидесятниками, упорно верившими в чудо — в то, что стоит лишь избавиться от ненавистного дряхлеющего режима, как страна оживёт, встрепенётся и тут же начнёт обустривать свободную и нормальную жизнь.

В 80-е годы манящий голос надежды зазвучал глуше. Я ощутил это, занимаясь составлением второго сборника окуджавских песен, который вышел в «Ардисе» в 1986 году. В предисловии к нему я написал, что слово «надежда» было — до недавнего времени — «одним из наиболее заметных в поэтическом мире Окуджавы. В сознании читателя оно ассоциировалось с безусловным Добром, с тем немногим, что помогает выстоять, для чего стоит жить. Не расставайтесь с надеждой, маэстро,— не то молил, не то заклинал поэт, обращаясь к Моцарту, к себе, к своему поколению. Из окуджавской лирики 80-х годов слово «надежда» почти исчезло».

Это наблюдение дополнил впоследствии филолог М. И. Жук, заметивший, что «в дискурсе Окуджавы 80-х — 90-х годов» в концепт «надежда» всё настойчивее проникает компонент «сомнение»: «В произведениях этого времени поэт использует по отношению к слову «надежда» такие определения, как «пустая», «поздняя», «бедная», «былая», «напрасная», «робкая». (Диссертации по гуманитарным наукам — <http://cheloveknauka.com/kontsepty-vera-nadezhda-lyubov-v-idiostile-bula...>)

Одно из таких произведений Булат сочинил в Париже в марте 1987 года. Вначале это были стихи. В мае, приехав в Вашингтон по приглашению Института русских исследований имени Джорджа Кеннана, «придумал музыку», о чём сообщил перед тем, как спеть новую песню у меня дома 18 мая в городке Оберлин (штат Огайо).

На Сретенке ночной надежды голос слышен.

Он слаб и одинок, но сладок и возвышен.

Уже который раз он разрывает тьму.

И хочется верить ему...

Шла горбачёвская перестройка, и очень хотелось верить, что уж на этот-то раз что-то получится, что дело не кончится хилой короткой оттепелью, за которой — снова зимняя тьма. Но конец песни печален: верить-то хочется, но вдруг всё кончится, как кончалось всегда?

А если всё не так и всё как прежде будет,
пусть Бог меня простит, пусть сын меня осудит,
что зря я распахнул напрасные крыла.
Что ж делать? Надежда была.

Булат потом заменил напрасные крыла на счастливые. И выбросил второе четверостишие (Что нужно нам с тобой? Не горы золотые, а чистые глаза и руки молодые...). Мелодию, однако, сохранил прежнюю. Медленная, минорная, меланхоличная, она усиливает ощущение неосуществимости, безнадёжности, навеваемое последней строфой.

Та же тема — то ли верить и надеяться, то ли нет — преобладала и в наших тогдашних разговорах. «А вот интересно, если станет у нас посвободнее и начнёт меняться жизнь, кто раньше воспрянет, русские или украинцы?» — неожиданно спросил Булат, когда мы прогуливались с ним по кампусу Оберлинского колледжа. И рассказал, что в деревне Калужской области, где он преподавал в школе после фронта и Тбилисского университета, основным рационом жителей была свинина. Свиной забивали осенью. Украинцы делали из них колбасы, коптили окорока и прочие вкусности, а русские рубили туши на куски и бросали в бочки с солёной водой. «Зачем вам эта солонина сдалась, посмотрите, что ваши соседи делают!» — говорил им Булат. «Да знаем,— отвечали те.— Но... возиться неохота». «Вот такая философия!» — с горечью закончил свой рассказ Булат.

Кто мы есть?

Ни я в своём предисловии к сборнику 86-го года, ни Максим Иванович Жук в своей диссертации не вдавались в вопрос о том, что же вызвало эту нисходящую, затухающую эволюцию, выражаясь филологически, концепта «надежда» в дискурсе Окуджавы. Ответить на этот вопрос не так уж сложно, если присмотреться к другому процессу, который происходил тогда в сознании поэта,— к процессу

постижения неприятных истин о стране, в которой ему довелось родиться и жить.

«Я и раньше знал, что общество наше деградировало, но что до такой степени — не предполагал. Есть отдельные достойные сохранившиеся люди, но что они на громадную толпу?.. Не хочется ни торопиться, ни участвовать в различных процессах, происходящих в обществе. Хочется тихо, молча, смакуя, не озираясь, не надеясь, не рассчитывая...».

Это — из его письма осени 1989-го года. Помню, что меня удивила мерцающая в этих строчках нотка безнадежности. Не надеясь, не рассчитывая... Ещё больше удивило, можно сказать, поразило, стихотворение, первая строфа которого появилась в «Вечерней Москве» 4 февраля 1991 года:

Ребята, нас вновь обманули,
опять не туда завели.
Мы только всей грудью вздохнули,
да выдохнуть вновь не смогли.

Мы только всей грудью вздохнули
и по сердцу выбрали путь,
и спины едва разогнули,
да надо их снова согнуть.

Ребята, нас предали снова,
и дело как будто к зиме,
и правды короткое слово
летает, как голубь во тьме.

Эти стихи, звучащие, как сигнал тревоги, навеяны грозными событиями 1990 — начала 1991 годов. Вот некоторые из них.

1990, январь: погромы армян в Баку. В город вводятся войска, объявлен режим чрезвычайного положения. 130 погибших, около 700 раненых.

Март: для нейтрализации сторонников выхода Литвы из состава СССР власти направляют в Вильнюс танки.

Май: столкновения в Ереване между ополченцами и частями Советской Армии, 24 погибших с армянской стороны.

Декабрь: председатель КГБ СССР Крючков выступает по телевидению с заявлением о заговоре западных стран против СССР и их намерениях добиться его распада. 20 декабря уходит в отставку

министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе, заявив, что в стране существует угроза установления диктаторского режима.

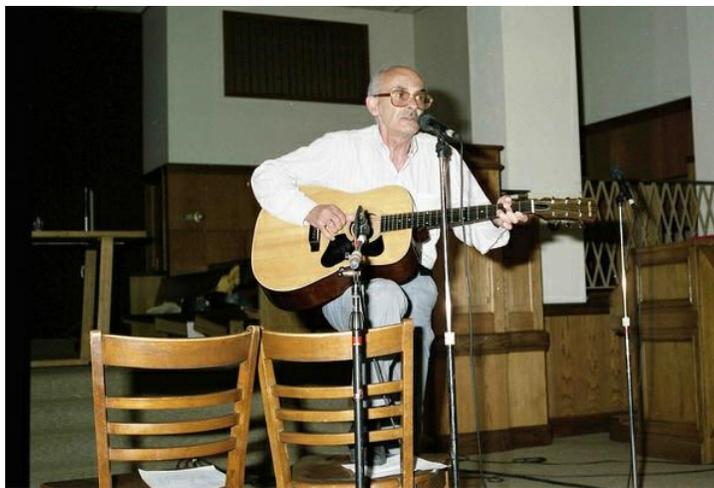
1991, в ночь с 12 на 13 января: штурм телевизионной башни в Вильнюсе.

Диагноз — большевизм

— Булат Шалвович, что кажется Вам самой страшной бедой нашей страны? — спросил у поэта в 1992 году журнал «Столица». Ответил он так:

— То, что мы строили противоестественное, противоречащее всем законам природы и истории общество и сами того не понимали. Более того, до сих пор по-настоящему степень этой беды мы не осознали... Мы по-прежнему не умеем уважать человеческую личность, не умеем видеть в ней высшую ценность жизни, и пока всё это не будет у нас в крови, ничего не изменится, психология большевизма будет и дальше губить нас и наших детей. К сожалению, она слишком сильна и разрушительна и необыкновенно живуча...

Через год тема «большевизм в постсоветской России» прозвучала вновь – в интервью Андрею Крылову для газеты «Подмосковные известия» (11 декабря 1993):

Булат Окуджава. Концерт для студентов и преподавателей Русской школы. Фото: Гомер Смит

— Но у нас, повторяюсь, нет никакого демократического общества. У нас большевистское общество, которое вознамерилось создавать демократию, и оно сейчас на ниточке подвешено.

Серьёзность диагноза — у нас большевистское общество — усугубляется тем, что к тому времени у Окуджавы не осталось никаких иллюзий относительно истинной природы этого общества. Оно, как оказалось, мало чем отличалось от другого тоталитарного монстра XX века — фашизма.

...Мы и сами были не лучше фашистов. У нас был такой же фашистский режим. Но тогда (15 лет тому назад.— В. Ф.) я этого не понимал.

Открылось поэту и то, что его сограждане, глубоко завязшие в своём тоталитарном прошлом, могут — рано или поздно — вновь возжелать над собой вождя, диктатора, тирана:

Нашему дикому обществу нужен тиран во главе?
Чем соблазнить обывателя? Тайна в его голове,
в этом сосуде, в извилинах, в недрах его вещества.
Скрыт за улыбкой умильною злобный портрет большинства...

Начальная строка этого стихотворения, опубликованного «Дружбой народов» в апрельском номере 1991 года, так и просится в пишущийся ныне «единый учебник истории». Она могла бы стать эпиграфом к его разделу, посвящённому России начала XXI века, построившей властную вертикаль с фигурой сильной личности на самом её вершине. Но не станет. Официальные историки даже Иосифа Виссарионовича Сталина, уничтожившего миллионы своих подданных, именуют не иначе как «эффективным менеджером». А на нынешнего его наследника взирают с обожанием снизу вверх.

Ну, а кто бы обнародовал сегодня, в разгар массовой патриотической истерии, трагическое стихотворение 1991 года, посвящённое поэту Владимиру Корнилову? «Новая газета»? «Грани.ру»? «Эхо Москвы»? «Ежедневный журнал»? «Дождь»? Эй, кто там ещё не утратил мужества, элементарной порядочности и остатков совести?

Хрипят призывом к схватке глотки,
могилам братским нет числа,
и вздёрнутые подбородки,
и меч в руке, и жажда зла.

Победных лозунгов круженье,
самодовольством заслан свет...
А может, надобно крушенье,

чтоб не стошнило от побед?

Нам нужен шок, простой и верный,
удар по темечку лихой.

Иначе — запах ада скверный
плывёт над нашей головой.

Неужели российская власть не может самоутвердиться другим способом?

23 июня 1995 года, стоя перед микрофоном на парижской сцене, Окуджава отвечал на вопрос, как он относится к войне в Чечне. Поэт назвал её страшным явлением,

которое будет помниться много, много десятилетий, если не столетий... Этот маленький народ, в котором нет даже миллиона,— допустим, он даже очень-очень самовлюблённый и очень сложный,— всё-таки надо считаться с национальной психологией... Тем более — такого маленького народа. (Аплодисменты) А его в прошлом веке в течение 50 лет уничтожали... В этом веке в 44-м году выслали весь народ на гибель. И сейчас опять уничтожают. Ну что такое? Неужели российская власть не может самоутвердиться другим способом? Неужели для этого нужно убивать своих же сограждан?

(Цитата по расшифровке фонограммы концерта в зале ЮНЕСКО, изданной впоследствии на двух CD под названием «Когда опустеет Париж».)

Окуджава не дожил до второй чеченской войны — очередного акта самоутверждения российской власти, за которым последовали грузинский поход 2008 года, крымская кампания 2014 года и конфликт с Украиной.

Милитаристский способ самоутверждения приносит, конечно, не только моральное удовлетворение, но и реальную пользу — приобретение территорий. «Широка страна моя родная» растеклась-расстелилась аж на девять временных поясов. Неоглядное русское приволье вызывало восторг и вдохновляло многие поколения народных певцов и профессиональных поэтов. Но почему-то стало — под конец жизни — «доставать» русского поэта Булата Окуджаву: его настигла чрезвычайно редкая для русского человека болезнь — агорафобия*.

Меня удручают размеры страны проживания.
Я с детства, представьте, гордился отчизной такой.
Не знаю, как вам, но теперь мне милей и желаннее

мой дом, мои книги, и мир, и любовь, и покой.

А то ведь послушать: хмельное, орущее, дикое, одетое в бархат и в золото, в прах и рваньё — гордится величьем! И всё-таки слово «великое» относится больше к размерам, чем к сути её...

Заметьте: величием (а на самом деле — размерами!) страны в равной мере кичатся все — и верхи, и низы. Те, кто одеты в бархат и в золото, и те, кто — в прах и рваньё. Вывод этот легко подтверждается историей императорской России. В определённые её моменты гордость за непомерно разросшуюся державу накаляется и вскипает, превращаясь в патриотическую истерию, смешанную с ненавистью к явным или потенциальным врагам Государства. В один такой момент, в дни польского восстания 1863–1864 гг., Александр Герцен писал в своём «Колоколе»: «Дворянство, литераторы, ученые и даже ученики повально заражены: в их соки и ткани всосался патриотический сифилис».

Родина померкла...

За год до кончины Окуджава написал стихотворение, в котором он размышляет о русских людях — из далёкого вчера и нынешних, сегодняшних. Звучит оно вначале тихо и проникновенно, с мягкой, певучей грустью:

Мне русские милы из давней прозы
и в пушкинских стихах.
Мне по сердцу их лень, и смех, и слёзы,
и горечь на устах.

Интонация первой строфы окрашивает и две последующие, но к концу четвёртой плавное течение стиха внезапно прерывается громким горестным возгласом:

Мне по сердцу их вера и терпенье,
неверие и раж...
Кто знал, что будет страшным пробужденье
и за окном — пейзаж?

Открылось за окном поэту нечто такое, что заставило его воспроизвести устрашающий образ диких скифов, привидевшийся в 1918 году Александру Блоку:

Что ж, век иной. Развенчаны все мифы.
Повержены умы.
Куда ни посмотреть — всё скифы, скифы, скифы.
Их тьмы, и тьмы, и тьмы.

И с грустью озираю землю эту,
где злоба и пальба.
И кажется, что русских больше нету,
а вместо них толпа...

«Мы больны, у нас дикое, болезненное общество», — не раз говорил Булат, наблюдая российскую жизнь из-за океана летом 1990 и 1992 годов. В то время теленовости из России уже можно было принимать через кружившие над планетой спутники. Окуджава и Фазиль Искандер, другой почётный гость Русской школы, ходили на ежедневные просмотры, как на работу. Новости были невесёлые: забастовки, протесты, грызня в верхах, вечная нехватка то того, то другого, выступления «красно-коричневых». Булат заметно тревожился, мрачнел. Возвращаясь на родину, делился своими тревогами и мыслями, своим пониманием обступивших страну проблем — с друзьями, со слушателями его выступлений, с читателями журналов и газет.

А вообще всё наше общество болезненное. Оно живёт ещё старыми стереотипами, старой структурой. Оно не может жить энергично, по-новому. Оно учится этому, привыкает. С болью, с кровью, с ужасом. (На концерте в Киеве, 1990.)

Мы семьдесят лет деградировали, дичали. Знаете, есть замечательный пример из Библии. Когда Моисей уводил евреев из египетского плена, он вёл их сорок лет вместо пяти дней, чтобы вымерло поколение, которое было рабами, и чтобы появились люди, свободные от чувства рабства. А мы — не просто рабы, которые страдают от тягот, мы — профессиональные рабы, которые гордятся своим рабством... (Из интервью в Донецке, февраль 1991.)

Переживаемые им «муки прозрения» прорывались у него в таких строках:

Нет, не от гриппа или умопомрачения,
не на фронте, не от пули палача —

как обидно умереть от огорчения,
раньше времени растаять, как свеча...

В 1996 году у Булата появилось четверостишие, в котором несколькими словами очерчен конечный вывод о прожитой жизни и о стране, в которой она прошла:

Ничего, что поздняя поверка.
Всё, что заработал, то твоё.
Жалко лишь, что родина померкла,
что бы там ни пели про неё.

Ниточка и ножницы

В интервью газете «Подмосковные новости», процитированном выше, Окуджава невольно воспроизвёл образ из своей ранней песенки о висящем на ниточке бумажном солдате: У нас сейчас большевистское общество, которое пытается создавать демократию, и оно сейчас на ниточке подвешено. Далее следует фраза, смысл которой понятен без объяснений лишь тем, кто помнит, что за два месяца до интервью, в октябре 1993 года, в Москве была подавлена

Булат Окуджава и Фазиль Искандер получают от Норвичского университета почетную докторскую степень. Фото: Гомер Смит

попытка коммуно-фашистского переворота. И когда мы видим, что к этой ниточке тянутся ножницы, мы должны как-то их отстранить. Иначе мы проиграем, погибнем, ничего не создадим.

Ножницы, подбивавшиеся к ниточке, на которой было подвешено будущее России, находились тогда в руках хасбулатовых, рущких и баркашовых. Увы, то, что не получилось у них, вполне удалось их преемникам, перерезавшим ниточку под одобрительные крики толпы. Страна, так и не увидев настоящего дневного света, вновь погружается во мглу. И всё же есть выход у её жителей, и подсказан он тем же Булатом Шалвовичем Окуджавой, подарившим своим согражданам под конец жизни такую вот грустную улыбку:

Дойдя до края озверения,
в минутной вспышке озарения,
последний шанс у населения —
спастись путём переселения.

Булат Шалвович любил хорошую шутку. Не сомневаюсь, что ему бы понравилась и эта, весны 2014 года, услышав которую он наверняка бы вспомнил о почудившемся ему когда-то Иване, въезжающем на танке на Святую Землю:

A Russian guy is entering the US.
He is at the customs.
Customs agent looks at his passport and asks:
— Nationality?
— Russian.
— Occupation?
— No, just visiting...**

*Агорафобия – боязнь открытого пространства.
**В американскую таможню входит пассажир из России.
Предъявляет паспорт. Чиновник:
– Национальность?
– Русский.
– Профессия? (Другое значение – «оккупация»)
– Нет, что вы! Просто погостить...

Владимир Солунский

Милуоки, США

Песни — стихи Михаила Щербакова

*«...Я ваш новый фореитор, а кто не согласен -
вот Бог, вот порог.*

Решено, что мы едем в Эдем,

это значит, мы едем в Эдем.

Занимайте места, господа вояжёры.

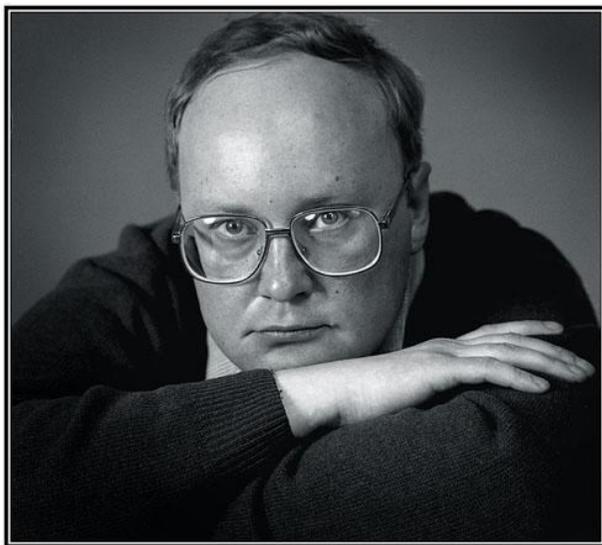
Таков эпилог...»

(М. Щербаков)

Просматривая мною написанное для «Поэтического альбома» журнала «Чайка», я заметил, что все герои моих очерков (Евтушенко, Бродский, Левитанский и другие) уже ушли от нас. Но ведь жизнь поэзии продолжается. А писать о действующих поэтах... Это в любом случае означает становиться в позу судьи, давать собственную оценку со знаком «плюс» или «минус» и т.д., и т.п.

И все же давайте рискнем и поговорим об одном ярком и странном, удивительном и спорном явлении в русской поэзии последних десятилетий, стихах Михаила Щербакова. Надо сразу сказать, что объем уже написанного по этому поводу в интернете (но не в толстых журналах!) раз в пять превышает то, что написано самим поэтом. Есть даже специальная книжка, эдак страниц на триста, – «МКЩ: Сборник работ о творчестве Михаила Щербакова». Статей с избытком терминов типа постмодернизм, деконструктивизм,

гиперреалистичность, интертекстуальность и т.д. Эти страшные слова, понятные специалистам, мало что значат для большинства из нас, «познающих мир в ощущениях».

Речь ведь идет о стихах, а стихи по своей природе должны вызывать чувства, эмоции и лишь потом, через них, становиться «материальной силой». Поэтому в дальнейшем я постараюсь дать читателю почувствовать как можно больше собственно стихов Михаила Щербакова, столько – сколько может вместить журнальный очерк, сведя свои комментарии к минимуму.

Сначала о самом поэте: Михаил Константинович Щербаков (МКЩ) родился в 1963 году недалеко от Москвы в г. Обнинске, городке ученых, там, кстати, была построена первая в СССР атомная электростанция. Окончил филологический факультет МГУ (1988 г.). Пишет стихи – баллады, которые сам же исполняет. Когда-то, говорят, играл на гитаре в концертах Ю.Кима, уже давно выступает самостоятельно. Выпускает книги, альбомы и диски. Ну вот, тоже мне биография!

Е. Евтушенко провозгласил: «Поэт в России – больше, чем поэт!» Щербаков, к счастью для него и для страны, просто поэт. К счастью для страны, потому что ей повезло получить передышку. (Надолго ли? Кажется, что эта передышка почти окончилась.) К счастью для Щербакова, потому что это его собственный выбор и у него была возможность сделать этот выбор.

Впервые я попал на концерт М. Щербакова в Чикаго где-то в 2000 году по приглашению моих молодых друзей. Как человек обстоятельный, еще до концерта почитал его стихи. От первого же прочитанного пришел в полный восторг:

*«Помнишь, как оно бывало?
Все горело, все светилось,
Утром солнце как вставало,
Так до ночи не садилось.
А когда оно садилось,
Ты звонила мне и пела:
«Приходи, мол, сделай милость,
Рассказать, что солнце село ...»
(Аллилуга, 1986)*

Ну, ребята, тут умри – лучше не напишешь! Это гимн радости с учетом ироничности конца 20-го века и с полной погруженностью в классическую русскую поэзию.

И вот на концерте я увидел усталого сорокалетнего мужчину, который спел:

*«Теперь на пристани толпа и гомонит, и рукоплещет:
Из дальних стран пришел корабль, его весь город ожидал.
Горит восторгом каждый лик, и каждый взор восторгом
блещет,
Гремит салют, вздыхает трап, матросы сходят на причал...*

*...Ты знаешь, я не утерплю, я побегу полюбоваться.
Я ненадолго пропаду, – я попаду на торжество.
Ну сколько можно день и ночь с тобой рядом оставаться?
И любоваться день и ночь тобой – и больше ничего!...*

*...Вот так идет за годом год. Вокруг царит столпотворенье.
И век за веком растворен в водовороте суеты.
А ты ужасно занята, ты ешь вишневое варенье.
И на Земле его никто не ест красивее, чем ты.*

*Изгиб божественной руки всегда один и вечно новый,
И в ложке ягодка блестит, не донесенная до рта...
Не кровь, не слезы, не вино – всего лишь только сок вишневый,
Но не уйди мне от тебя и никуда, и никогда.»*

(Вишневое варенье, 1984)

Ну, что ж! Это действительно так. Да, любовь, даже счастливая, это все равно рабство, пусть даже добровольное, желанное, но рабство!

А потом он спел о корчме. (Я чуть не сказал о «корчме на польской границе» — не знаю, на какой границе):

*«Ни сном, ни духом, ни днем, ни ночью
Стрельбе не внемлю – сижусь, сдаю.
Рука не дрогнет: мне все равно, чью
Попортят шкуру, пусть хоть мою...»*

*...Ребята с юга пришли князьями,
Рискуют с чувством. Пока вничью.
Они в набеге неплохо взяли,
Вернулись целы. Сижусь, сдаю.*

*Упал направо валет червонный.
Плюсуем двести, пятьсот в уме.
Стрельба стрельбою – вопрос решенный:
Уж раз издохнуть, то здесь, в корчме...»
(Корчма, 1996)*

И вот вам бывший романтик, ныне превратившийся в карточного шулера. Когда-то молодой Щербаков, речь, конечно, идет не о самом поэте, а о его, так сказать, «лирическом герое», утверждал свой путь «фантастическим загагом по неведомой спирали (Аллилуя)». На деле путь «лирического героя» всегда предопределен, сошлюсь хотя бы на стихи очень старого поэта Дж.Г.Байрона в моем переводе:

*«Нет радостей, что может дать нам жизнь,
В замену тех, какие отнимает,
Когда жар первых мыслей остывает
И грустно вянут чувства миражи.
Румянец щек бледнеет, но скорее -
Румянец сердца...»*

В общем, впечатление от концерта осталось очень и очень приятное, если не сказать — восторженное. Радовала гитара, особенно

заключительные аккорды; в остальное время гитара как бы уходит на второй план, там главное — текст.

Выяснилось, что стихи (Щербаков называет их песнями), диски и концертная деятельность — единственный его заработок. Что ж, стихами сейчас в России не прокормишься, а вот концертами прокормиться можно, тем более, что и его мелодии хороши. Не нужно думать, что так называемая авторская песня — это нечто новое, возникшее во второй половине прошлого века. Это просто хорошо забытое старое — до конца пятнадцатого века стихи произносились только пол музыку, их пели. В чем Михаил, по-моему, ошибается, так это в том, что его стихи неразрывны с его музыкой. Не думаю, что это так. Щербаковские речетативы не таковы, чтобы петь их за столом. Поэтому постепенно они забудутся. Что-то при этом потеряется. Но вот сами стихи (какая-то их часть) останутся!

Хотя, может быть, я здесь ошибаюсь. В одной компании, как раз «за столом», я услышал фразу: — Что бы спеть бы нам такого, только не из Щербакова?

Значит, есть и компании, поющие «только Щербакова».

Затем с перерывами в несколько лет Щербаков приезжал к нам в Милуоки. Концерты проходили в семейных домах при тридцатисорока слушателях, и там удалось перемолвиться несколькими фразами. Помню в разговоре о «Вишневом варенье», когда я спросил Михаила, знает ли он еще что-нибудь написанное в таком размере, он сразу ответил:—Ну, что вы! Конечно есть!

Но потом, в перерыве, мы уже вместе искали такой пример, но так и не нашли. Жизнь поэзии продолжается!

Кстати, по поводу размера стихотворной строки. Щербаков большой любитель поиграть длинной, свехдлинной строкой. Вот один пример:

*Предположим, герой-
молодой человек,
холостой кавалер -
должен ехать в провинцию,
дней этак на десять,
делать дела.
Расставаясь с избранницей,
он орошает слезой интерьер
и, пожалуй, не врёт,
говоря, что разлука ему тяжела.
— Заклинает богами земли и морей
без него не подмигивать здесь никому.*

*В сотый раз напоследок, уже у дверей,
умоляет писать ему, что бы там ни было,
в день по письму,
рисовать голубка на конверте
и слать непременно скорей.
И красавица тем же
вполне от души
отвечает ему:
обещает писать,
ободряет кивком,
одаряет цветком,
наконец отпускает -
и в десять минут забывает о нём...
(1995)*

Ну вот, взгляните! Какой удивительно свободный язык, несмотря на сверхдлинную строку. Тут бы и сам Александр Сергеевич мог позавидовать. Михаил Щербаков — поющий поэт. Свои публикации он сопровождает записью аккордов, но поскольку не все, даже музыканты, обладают знаниями в этой специфической музыкальной гитарной грамоте, разбивкой строк я попытался хотя бы приблизительно передать ритмику стихотворения.

Мастерство здесь, как и в тех стихах, что я вам цитировал раньше, несомненно. Но вот, что же такое мы прочли? Некие милые отрывочные картины чужой жизни, неизвестно из каких времен (всего комфортнее ему, по-моему, где-то в середине девятнадцатого века) и неизвестно из каких стран.

Иногда где-то поблизости:

*«Когда надежды поют, как трубы,
Их зов дурманит, как сладкий дым.
Они предельны, они сугубы,
И так несложно поверить им.*

*И вот дорога, и вот стоянка.
Вокзал и площадь – в цветах, в цветах.
Восток дымится. Прощай, славянка!
Трубоч смеется, шинель в крестах...*

*...Пройдет полвека, другие губы
Обнимут страстно мундштук другой.*

*И вновь надежды поют, как трубы.
Поди попробуй, поспорь с трубой.*

*А век не кончен. Поход не начат.
Вокзал и площадь – в цветах, в цветах.
Трубач смеется, славянка плачет.
Восток дымится. Земля в крестах.»
(Прощание славянки, 1987)*

А что по поводу поэзии Михаила Щербакова говорят уважаемые люди? Вот передо мной переключка Льва Аннинского и Дмитрия Быкова. По их мнению, весь Щербаков — это отраженная трагедия поколения. «Ни одно поколение (в обозримой памяти), кажется, еще не рождалось в ощущении того, что норма — это когда не на что опереться.» (Лев Аннинский)

Действительно, и поэты-фронтовики, и последующие шестидесятники были носителями идеи. Да, идея оказалась ложной, но не иметь никакой идеи — это еще в сто раз хуже. Это — пустота, «бездна», по выражению классиков. А стихи Щербакова — это «забалтывание» или «заговаривание» бездны. Правда, Быков добавляет, что Щербаков — это не только «бездна» но еще и «пейзаж», а пейзаж не бывает плохим или хорошим, а «бездна» порой превращается в «небо». А я бы в этот пейзаж где-нибудь в уголке добавил бы еще и маленького человечка.

Если считать поэтов-шестидесятников обобщенным Пушкиным, то Щербаков исполняет роль Лермонтова. (*Печально я гляжу на наше поколенье! Его грядущее иль пусто, иль темно...*). Кстати, по уровню цитирования в сегодняшнем интернете Щербаков уже догоняет Лермонтова — до Пушкина еще работать и работать!

Но давайте еще почитаем стихи Щербакова, в которых он изредка забредает в наше время:

*«Не жалко двуногих. Кому их возня
важна, антр ну суа ди?
Я также не нужен. Не жалко меня,
хоть пропадом я пропади.*

*Напрасно усталый страдающий брат
взывает о помощи днесь:
не жалко и брата. Он сам виноват,
впредь будет рождаться не здесь...»*

(Автопародия, 1993)

(«Антр ну суа ди» означает– «между нами говоря». Не подумайте плохого, я тоже должен был посмотреть в словарь.)

А вот еще:

*...А мой герой был скромный малый,
Существовал по мере сил.
Не познакомился с опалой,
Но и фавора не вкусил;*

*Юнцом не ползал по окопу,
Не лазил к барышням в альков.
Не эмигрировал в Европу
Из-за незнания языков;*

*Был самоучка по культуре
А по натуре – робинзон,
Чему в реальной конъюнктуре
Едва ли сыщется резон....*

*...Когда кругом волненья тысяч
И политический процесс,
Кого ни тронь – Иван Денисыч,
Куда ни плюнь — КПСС,*

*Он размышлял об Эмпедокле...» и т. д.
(1989)*

Время идет, но нет ничего, ничего не было и ничего не будет...

*«Что изменилось в эти двенадцать месяцев,
угадай с налёта.*

Правильно, ничего почти или очень мало.

Пустой был срок.

Публика шевелилась довольно вяло,

пыхтя созидала что-то,

после пыхтя ломала. В итоге минус,

но он не весьма глубок...»

(Целое лето, 1996)

И вообще...

*«Чепуха. Чепуха. Говорю тебе, всё чепуха.
И Ньютон чепуха. И законы его чепуха.
Я сперва возражал, сомневался: а вдруг да не этак.
Но потом возмужал и нашёл, что таки чепуха.*

*Я вперёд поглядел. Увидал впереди горизонт.
И назад повернул. Но и там полыхал горизонт.
Повезло, но потом. Повезло, повезло, да не очень.
Я словарь языка развернул, но и там горизонт.*

*Мы с тобой мотыльки. Мы всё время ползли не туда.
Я то знал, я не полз. Я и всем говорил: не туда.
Мы никто, мы нигде. Мы с обеих сторон горизонта.
Мы туда повернём, где окажется, что не туда...
(Чепуха, чепуха, 1996)*

А как вам вот такое?

*«...Сосед-флейтист обломки флейты в печке сжег. Анета
влюблена.*

*К чему теперь турецкий марш, какой такой еще скрипичный
ключ?*

Извлек из замиши вещь, всего-то дел, нажал покрепче и сломал.

Когда-то стройный клен, потом умельца труд, зола, зола теперь.

*В столице нынче сложный день, венки, повозки, траур, медный
звон.*

Тиран скончался, город слезы льет по нем, Анета влюблена.

*Ведь вот привел Господь родиться! Что за город? Право, я
дивлюсь.*

*Седьмой покойник за семь лет, привыкнуть бы, а он все слезы
льет...»*

(Анета, 1995)

Да, похоже, что уважаемые классики правы, дело здесь в трагедии
целого поколения.

«Какое мне дело до вас, до всех, а вам до меня?» пелось в одном
старом кинофильме («Последний дюйм», кажется).

—Что нам эти ваши похороны, тираны и генеральные секретари,
когда тут настоящее горе: Анета влюблена!

Вот только вопрос, не попадаем ли мы в очередную ловушку,
заготовленную для нас поэтом?

*«Когда, закончив школу, я расстался с Подмосковьем
и в техникум столичный поступил, набравши балл,*

*я к новой жизни, жертвуя здоровьем (ежечасно),
тропою просвещенья зашагал.
Была тропа терниста, но зерниста.
За курсом курс отважно просвещался я. И вот
мне выдали диплом специалиста (тёмно-синий)
и вытолкали в люди из ворот.
Я отпуск получил и отпускных – не помню, много ль,
и резво мог на родину катиться кувырком,
в село, чтоб там расхаживать как гоголь (две недели),
селянкам демонстрируя диплом.
Домой, где ждали роща и пригорок,
родня в ассортименте и компот из ревеня...
Но я пошёл в кино на 10.40 (про индейцев).
И там диплом украла у меня....»
(Кино-метро, 2004)*

Ну, что? Поверили, что у Михаила украла диплом об окончании техникума? Как же он теперь будет, без диплома? Да, ерунда это – очередной «прикол»! В своих «пейзажах» автор нарочито отстранен — это вы относитесь к описываемому так или эдак — его дело придумать картинку.

И вообще, Михаил Щербаков человек очень закрытый, не дающий никаких интервью. Если по стихам Бориса Чичибабина или Бориса Слуцкого можно восстановить всю их биографию, то о самом Щербакове из его стихов мы не узнаем почти ничего. И это, в общем, правильно. «Я поэт, этим и интересен»,— говорил Маяковский. Читайте стихи..

И все же, как будто бы, его один раз прорвало:

*«Неосторожно взяв почин
впредь обходиться без личин,
склеить пытаюсь два словца
от своего лица.*

*Битые сутки с тяжким лбом
сиднем сижусь, гляжу в альбом.
Что до словес – язык не враг.
Что до лица — никак.*

Вот гувернантка, с ней дитя,

*милый ребенок. Но, хотя
брезжит повадка в нем моя,
все-таки он не я...*

*...Дальше не лучше. Вот, кляня -
тоже себя, но не меня, -
он на одной стоит ноге
в очень большой тайге.*

*В обувь ему, зловец и дик,
вирусоносный клещ проник.
Знаешь ли ты, что значит «клещ»?*

Это такая вещь.

*Снова не я, а тот, другой,
перед микрофоном гнет дугой
корпус и разевает рот,
думая, что поет...*

*...Снимок за снимком, дым, клочки.
Скулы, виски, очки, зрачки.
Дети, отцы, мужья, зятья.
Кто же из оных я?...»
(Это не я, 1996)*

Говорят, уверенности в этом нет, что до МГУ Щербаков пару лет поучился в «Институте Нефти и Газа». Отсюда тайга и клещ в ботинке. Среди почитателей поэта этот клещ стал «притчей во языцех». Сталкиваясь с очередной неожиданностью, они понимающе разводят руками, мол, что поделаешь – клещ есть клещ, хотя, возможно, это очередная мистификация.

Границы журнального очерка неумолимо придвигаются. И все же мне очень хочется познакомить читателя еще с одним стихотворением:

*«Юго-Восток – ненастная страна.
Сезон дождей здесь тянется полгода,
и день за днём, с восхода до восхода,
лишь непогода царствует одна...
...Течение вод, бескрайний караван,
не разобрать, где дно, а где поверхность...
Сезон дождей в смятение поверг нас,*

*затяев свой унылый балаган.
Далёкий город облик корабля
приобретает в этой непогоде.
Но там никто по палубам не ходит
и не стоит на вахте у руля.
Матросы спят, им горе не беда.
В сезон дождей предписано уставом
всё время спать, прикинувшись усталым...
Корабль дымит, но с места — никуда...
(Сезон Дождей, 1987)*

Полубуйтесь, какие вкусные рифмы: «предписано уставом – прикинувшись усталым», «поверхность – поверг нас»! В последние годы Щербаков все чаще прибегает к нерифмованному стиху, что ближе к современной англоязычной поэзии. Нет, я не против, например, «Анета» мне очень даже по душе. Но когда нерифмованность накладывается на усложненный ритм...

Да и с изысканными рифмами жалко расставаться.

Вот все сказанное позволяет уважаемому Дмитрию Быкову, который тоже «не из последних удальцов», сделать заключение: «Щербаков сегодня едва ли не в одиночестве двигает русскую поэзию вперед».

И еще цитата из того же Д. Быкова: «Перед нами новый род словесного искусства — искусства, ничего не сообщающего, ничему не учащего и ничего не открывающего. Но в искусстве созидания таких величественных и просторных словесно-музыкальных ландшафтов, которые каждому говрят о своем, Щербакову действительно нет равных».

Это было написано Быковым в 2006 году.

Но время идет. Вот взгляните на стихотворение Щербакова «Разминка» 2015 года:

*«Шесть, семь, восемь,
два, три, раз,
объявляем
детский час.
Пять, четыре,
три, два, ноль,
мы в эфире
– входим в роль.
Грянул, дети,
с неба чёрный кризис,*

*под угрозой
наша хлеб да соль.
Точит когти
интервент,
хочет сделать
инцидент.
Нужен против
интервента
крепкий контингент.
Девять, десять,
сорок, сто,
вы уж, дети,
если что,
нас пойдите,
защитите –
больше ведь никто.*

*Ни соседей,
ни родни,
пусто, мальчик,
мы одни.
Если плохо
кашу ешь
-не осилишь
зарубеж...
...Ешьте кашу
вашу так,
чтобы дрогнул
лютый враг.
Как-никак вы
племя или
семя, или как?...»
(Разминка, 2015)*

А вот еще:

*«...По Красной площади брожу,
от нетерпения дрожу,
однако слышу лишь порой короткий ропот.
Затем короткую пальбу,
и снова тихо, как в гробу,
но я надеюсь каждый раз, как и сейчас.
Ходил на исповедь, пока*

*не подглядел исподтишка,
как исповедник диктофон под рясу прячет.
Платил психологу, но с ним,
когда бедой назвал я Крым,
случился шок, и я уж больше не платил...»
(Такие школы есть в Москве, 2019)*

Как-то это уже не совсем похоже на прежнюю отстраненность Михаила от всяких политических дел. Поживем — увидим!

А для читателя, ухитрившегося дочитать этот очерк до конца, хочу сделать подарок. Вот наберите этот сайт (<http://blackalpinist.com/scherbakov/alphabetic.html>), и там можно найти тексты всех стихов-песен, написанных Михаилом Щербаковым. Но хочу предупредить — это чтение не из легких. Если гитарных аккордов вы не знаете, попытайтесь поймать ритм, вот так, как я рискнул сделать в нескольких местах, расчленив стихотворную строку. Желаю удачи!

Евсей Цейтлин

Чикаго, США

О Ефиме Чеповецком

В издательстве «Алетейа» (С-Петербург) готовится к печати новая книга Евсея Цейтлина – эссеиста, литературоведа и прозаика. «Откуда и куда» – название сборника. А маршрут литературных путешествий автора проясняет подзаголовок: «Писатель на дорогах Исхода». Евсей Цейтлин не раз повторит: «Мы все еще идем по символической пустыне». В дороге читатель откроет для себя «землю неизвестную»: будни, проблемы, лица сегодняшней

литературной эмиграции. Предлагаем вниманию читателей эссе Евсея Цейтлина о прекрасном детском поэте Ефиме Чеповецком, который последние годы своей жизни провел в Чикаго.

1

...Но сначала вернусь в прошлое. Было это почти полвека тому назад. Я жил тогда в Сибири, писал свою первую книгу, посвященную одному из самых ярких представителей русского литературного авангарда двадцатых годов Всеволоду Иванову. «Неожиданный Иванов!» – не раз восклицали его современники. Всю свою жизнь этот «оппозиционный классик» советской литературы уходил не только от догм соцреализма – от самого себя прежнего. «Умер очень большой, не прочтенный нами писатель», – как всегда, парадоксально и пронзительно закончил свои воспоминания о нем Виктор Шкловский. Здесь все правда. Иванов оставил после себя целое собрание неопубликованных, во многом экспериментальных книг.

«Неожиданный Всеволод Иванов!» – повторил и я, когда в одном из московских архивов обнаружил около трехсот не известных читателю рецензий мастера на произведения молодых авторов. Оказалось, Иванов был зорким и мудрым литературным наставником. Он учил начинающих писателей многому – в том числе и художественному поиску, вечному сомнению, которое так важно в искусстве.

Одна из самых интересных рецензий Всеволода Иванова была посвящена творчеству детского поэта и драматурга Ефима Чеповецкого. Перечитывая этот отзыв, я и оглянулся сейчас в прошлое.

Вскоре, в феврале семьдесят второго года, я опубликовал некоторые из рецензий в «Литературной газете». Причем решил не называть имена тех, о ком писал Иванов, полностью: мнение знаменитого писателя, казалось мне, не должно давить на его питомцев, которые к тому времени уже активно работали в литературе.

Однако случилось неожиданное. Познакомившись с самым первым из опубликованных отзывов, читатели ничуть не усомнились в том, кто именно подразумевается под инициалами Е.Ч. Помню телефонные звонки, письма, смысл которых был столь очевиден: Иванов, конечно, не ошибся, предрекая Ефиму Чеповецкому яркое литературное будущее.

Да, уже к тому времени его популярность у малышей (а значит, и их родителей) была без преувеличения огромной. Между тем годы шли. Появлялись новые книги, мультфильмы, спектакли по пьесам Чеповецкого. Даже одни названия самых известных его сказок отзываются сейчас – словно эхо детства – в памяти нескольких поколений: «Непоседа, Мякиш и Нетак», «Приключения шахматного солдата Пешкина», «Проделки веселого Мышонка Мыцька», «Про славную коровну Настурцию Петровну»... Прав был Лев Кассиль, написавший еще в давние шестидесятые: «Неистошимый выдумщик, веселый фантаст, знаток ребячьих душ, Ефим Чеповецкий внес свой приметный вклад в нашу советскую литературу для детей».

Пусть не смущает сегодняшнего читателя формула «советская литература для детей»: ее лицо и достоинство определяли Корней Чуковский, Самуил Маршак, Рувим Фраерман, тот же Лев Кассиль.

...Я пишу все это, а за окном – Чикаго. Эмиграция. Она всегда подвергает творчество литератора серьезному испытанию.

Эмиграция неожиданно свела нас с Ефимом Чеповецким в одном городе.

2.

Я вновь перечитываю две его вышедшие в Америке книги. На этот раз – книги, обращенные к взрослым.

Конечно, сразу возникает вопрос: почему автор вдруг изменил своему главному читателю? На первый взгляд, причина ясна. Все та же грустная реальность эмиграции: дети здесь, как правило, говорят по-английски – ну зачем же им русский поэт, на книжках которого выросли еще дедушки и бабушки?

Все же, думаю, дело в ином. И совсем другая жизненная коллизия определила «сверхзадачу» этих сборников Ефима Чеповецкого.

Автор осмысляет прожитую жизнь, в какой-то степени подводит ее итоги...

Я написал эти слова с красной строки, однако спешу уточнить: поэт вовсе не прощается с нами. Впереди по-прежнему остается дорога. Но эмиграция заставляет литератора приступить к «переоценке ценностей». Иногда трудно ответить на самые простые вопросы. «Так чем же вы здесь собираетесь заниматься?» – спросили в Америке Ефима Чеповецкого. Как наверняка спрашивали тысячи людей до него. Позже Чеповецкий признался: «Я уже в первые недели пребывания в стране Свободы понял, что сочинение и писание рассказов, стихотворений и пьес здесь не профессия, а нечто вроде

хобби. Сочиняй, пиши себе на здоровье, но за это тебе никто платить не будет. Наоборот – за издание твоих произведений ты должен платить сам и ... продавать тоже сам».

Увы, этот ответ абсолютно точен. Если не забыть: отвечает не сценарист из Голливуда, а писатель-эмигрант, не знающий английского языка.

Сомнений, однако, не было. На его столе по-прежнему стояла и стоит привезенная из Киева пишущая машинка с русским шрифтом...

В сутолоке эмигрантского быта, в чертополохе перемен хочется – по-особому, остро – разглядеть вечный смысл бытия. Я думаю, именно так родилась автобиографическая повесть Ефима Чеповецкого «Колесо, вперед! Колесо, назад!»: первая часть ее посвящена детству и юности, вторая – смешные, а иногда печальные зарисовки эмигрантской жизни. Так появились и его притчи, его рассказы о герое еврейского фольклора, плуте и озорнике Гершеле Острополере.

...Осмыслять «бег времени» можно по-разному. Ефим Чеповецкий строит свою книгу «Шут с вами», как строят театральное представление. Не случайно в начале каждого раздела сборника «раздвигается» занавес. И – на подмостки выходит поэт. Он не только не скрывает, напротив – подчеркивает свою роль. На многих страницах «разбросаны» клоунские колпаки и маски. С обложки смотрят на нас смеющиеся глаза автора. «Шут с вами», – говорит Ефим Чеповецкий читателю-зрителю. Повторю: это название книги.

Конечно, оно звучит необычно. Так и хочется переспросить, подобно Феликсу Кривину, написавшему остроумное предисловие к сборнику: «Шут с нами?! Почему? За что?.. Мой друг, я принял это на свой счет и чуть было не обиделся, но, зная тебя, воздержался, вник в суть тобой написанного и стал от души смеяться. Оказывается, шут – это ты сам! И в этом привлекательном качестве хочешь остаться с читателем от первой и до последней страницы – не отделаться от него, а наоборот, соединиться, открыть ему свою душу и развлекать его всю дорогу».

Неожиданно, странно? Припомним однако: такая трактовка образа поэта достаточно традиционна в мировой культуре. И, кстати, – с детства близка Ефиму Чеповецкому. В повести «Колесо, вперед! Колесо, назад!» автор расскажет об уроках бабушки, местечкового книгодея, которого фашисты сожгли в 1942-м вместе с другими евреями в колхозном сарае: терпеливо и настойчиво он «учил меня шуткам, перевертышам и загадкам, требовал, чтобы я сам решал и догадывался, где правда, а где вымысел».

К тому же, выходя к зрителям, шут не только развлекал и веселил. Вот и сейчас он путешествует во времени. Вот и сейчас мы слышим, к примеру, такой монолог:

*Учась премудростям весь век,
Узнал я в беге дней,
Что я снаружи человек
И весь внутри – еврей.*

Развивая эту тему, Ефим Чеповецкий, как и положено шуту, «наивно» не замечает многовековых заблуждений человечества, кровавых страниц истории – с простодушным упрямством произносит:

*Наши корни в Галилее,
Это в Библии дано...
Люди все вокруг евреи,
Только из дому давно.*

Хочу особо обратить внимание читателя на неповторимый, как у любого настоящего поэта, тембр голоса. Кстати, именно об этом говорил когда-то Всеволод Иванов. Как всегда, он выделил главное – литературный характер, который ничуть не изменился спустя годы. Ефим Чеповецкий, с некоторым удивлением замечал Иванов, пишет «так непринужденно, что мне захотелось взглянуть на него, услышать его голос и тем самым в какой-то степени объяснить себе эту непринужденность, которая удается автору и в прозе, и в стихах, и в водевилях. По-видимому, непринужденность эта не литературная поза, не подражание..., а природный дар...»

Итак, поэт стоит на подмостках жизненного театра. Конечно, он знает: рано или поздно придется прощаться со зрителем:

*Уходят дети.
Улетают птицы.
И вертится без усталости земля.
Все в мире к завершению стремится
И небо дышит, звездами пыля.*

Рано или поздно занавес закрывается? Но пока – представление в самом разгаре.

В книге «Предварительных итогов» нашлось место и для басен, и для романсов, и для прекрасных песен к мультфильму «Приключение

капитана Врунгеля». Произведения разных жанров естественно объединяет в «сборнике-спектакле» образ автора. Поэта. Как когда-то говорили – шута.

Я не раз думал и о другом: почему так органичны в общем строе книги детские стихи Ефима Чеповецкого? Наугад выбираю сейчас одну строфу:

*Скажу вам по секрету,
Что утром, сев за стол,
Смешную сказку эту
Я в молоке нашел.*

Разумеется, здесь другая – по сравнению со стихами для взрослых – интонация. Но все тот же творческий принцип: писать «для взрослых, как для детей, а для детей – как для взрослых». Это хорошо подметил, читая Ефима Чеповецкого, Феликс Кривин. А я бы вспомнил еще новеллу «Как песочные часы» – мудрую притчу о странных и повторяющихся ритмах человеческого бытия: здесь выросшие дети вдруг ощущают себя родителями ... собственных матерей и отцов, старики же медленно, но очевидно возвращаются в детство.

Образ песочных часов – это и символ времени. Символ ускользающей, тающей, как песок в часах, нашей жизни. Сколько же лет прошло с тех пор, как автор придумал своего Непоседу? Сколько минуло с того дня, как Всеволод Иванов радостно встретил Ефима Чеповецкого «у порога» литературы? Я думаю об этом, но почему-то вспоминаю не даты – многочисленные книги, точно корабли, отправившиеся в плавание.

Вспомнил вдруг и веселую песенку нашего Шута:

*В море синем, как в аптеке,
Все имеет суть и вес –
Кораблю, как человеку,
Имя нужно позарез.
Имя вы не зря даете.
Я скажу вам наперед:
Как вы шхуну назовете,
Так она и поплывет!*

У кораблей этих славное имя: Ефим Чеповецкий.

Наши дискуссии: В науке

Александр Рабинович

Москва, Россия

Фантомы общей теории относительности

Одним из наиболее значительных достижений физики начала XX века было создание Альбертом Эйнштейном в 1905 году специальной теории относительности, открывшей удивительные свойства пространства и времени, пропорциональность энергии массе тел и многие другие замечательные закономерности.

Специальной же эта теория была названа по той причине, что ее законы справедливы только для инерциальных систем отсчета, связанных с поступательно и равномерно движущимися телами.*

Поэтому следующим важным шагом должно было стать создание более общей теории, которая позволила бы описать свойства пространства и времени по отношению не только к инерциальным, но и к произвольным неинерциальным, ускоренно движущимся системам отсчета. В результате непрерывных поисков в 1915-1916 годах Эйнштейн представил миру свое второе эпохальное творение – общую теорию относительности.

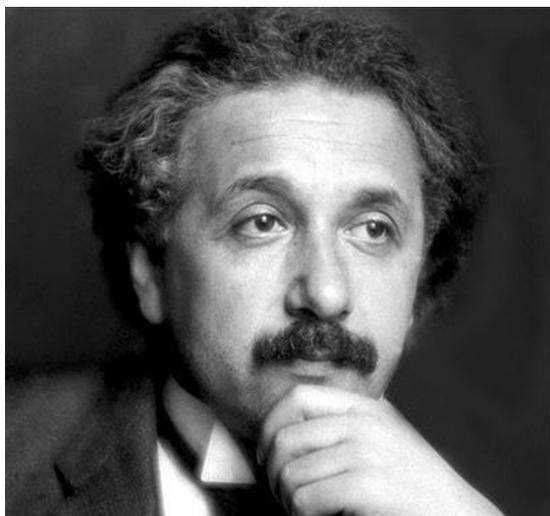
Эта теория была важнейшим шагом вперед по сравнению с ньютоновской теорией и привела к принципиально новому взгляду на гравитационные явления.

Но является ли она полной и действительно ли она обобщила специальную теорию относительности для случая неинерциальных систем отсчета? По этому поводу существовали разные мнения. О них и пойдет у нас речь.

1. Путь Эйнштейна от специальной к общей теории относительности

В 1905 году Альберт Эйнштейн опубликовал три замечательные статьи, сделавшие его имя знаменитым. Одна из них была посвящена специальной теории относительности, произведшей сенсацию в научном мире. Сейчас она глубоко вошла в сознание интересующихся физикой людей, но тогда мало кто всерьез верил в ее предсказания, казавшиеся фантастическими.

В специальной теории относительности (СТО) рассматривались свойства пространства и времени относительно различных инерциальных систем отсчета, то есть движущихся поступательно по инерции с разными, но постоянными скоростями.

Альберт Эйнштейн (1879-1955)

Опираясь на постулаты о равноправии различных инерциальных систем отсчета и предельности скорости света, Эйнштейн пришел к поистине сногшибательным выводам. Например, к относительности понятия одновременности в разных системах отсчета, замедлению времени в движущихся телах и сокращению их размеров вдоль направления движения. В то время подавляющее большинство физиков посчитали теорию Эйнштейна абсурдной, лишь единицы из них отнеслись к ней всерьез.

Однако многочисленные экспериментальные проверки СТО полностью подтвердили ее удивительные предсказания. В результате

СТО превратилась в классическую теорию, признанную мировым физическим сообществом.

Следующей проблемой, которая встала перед Эйнштейном, была задача обобщения СТО на случай ускоренно движущихся неинерциальных систем отсчета. Проблема оказалась весьма сложной, потребовавшей от Эйнштейна десятилетия напряженного труда. В конце концов, он и опубликовал в 1915-1916 годах новую теорию, названную им общей теорией относительности. Одним из ключевых моментов этой теории была подмеченная им общность между ускоренно движущимися системами отсчета и неподвижными системами, в которых действует гравитационное поле.

Если, например, взять Солнечную систему, то движение в ней планет не зависит от их массы. Оно определяется их начальным положением и скоростью. То же самое касается падающих на Землю тел, когда можно пренебречь сопротивлением воздуха.

Если же рассмотреть ускоренную систему отсчета, то движение тел относительно нее также не будет зависеть от их массы. В результате Эйнштейн пришел к выводу, что ускоренная система отсчета аналогична неподвижной системе, в которой действует некоторое гравитационное поле. Эта мысль привела его к идее построения новой теории гравитационного поля, обобщающей теорию Ньютона, уравнения которой должны быть справедливы в произвольно движущихся неинерциальных системах отсчета.

В теории, созданной им после многолетних усилий, гравитация предстала как результат влияния массивных тел на искривление пространства и времени. Движение же тел небольшого размера в искривленном пространстве-времени происходит по линиям, названным геодезическими и являющимися аналогом прямых линий в неискривленном пространстве [1].

Геометрической основой эйнштейновской теории была теория великого немецкого математика Бернхарда Римана (1826-1866).

Она была представлена Риманом в 1853 году в его историческом докладе под названием «О гипотезах, лежащих в основании геометрии». Эта работа Римана оказала огромное влияние на последующее развитие как математики, так и физики. Риман прожил короткую, но очень яркую жизнь, обогатив своими идеями самые различные разделы математики. Умер он в Италии от туберкулеза в возрасте неполных сорока лет.

Бернхард Риман (1826-1866)

Основанная на римановой геометрии, эйнштейновская общая теория относительности описывается системой исключительно красивых уравнений, поражающих своей гармонией. Ее по праву считают вершиной теоретической мысли в физической науке. При этом проведенные по ее проверке эксперименты позволили подтвердить правильность ряда сделанных на ее основе предсказаний.

Уравнения общей теории относительности Эйнштейна описывают гравитационное поле с точки зрения абсолютно произвольных систем отсчета, причем при произвольных способах измерения в них как пространственных, так и временной координат. Однако в этой «всеобщности» обнаруживаются как несомненные достоинства, так и определенные недостатки. Поговорим о них.

2. Академик В.А. Фок и его критика общей теории относительности

Академик Владимир Александрович Фок (1898-1974) был выдающимся советским физиком-теоретиком, ученым с мировым именем, внесшим значительный вклад как в квантовую, так и в классическую физику.

Он был большим знатоком и ценителем эйнштейновской теории гравитации и в ней получил ряд очень важных результатов.

Его книга по общей теории относительности [2] до сих пор пользуется заслуженным успехом, являясь прекрасным учебником

для студентов, знакомящихся с основами современной теории гравитации.

В то же время Фок считал, что общая теория относительности (ОТО) Эйнштейна имеет ряд недостатков, говорящих о необходимости ее дальнейшего развития. Его претензии к эйнштейновской теории сводились к следующим:

1) ОТО – замечательная теория гравитационного поля, но она не оправдывает своего названия, так как не содержит явного описания ускоренно движущихся неинерциальных систем отсчета.

2) Уравнения ОТО справедливы в произвольных системах пространственно-временных координат. Но это достоинство оборачивается неоднозначностью их решений.

Владимир Фок (1898-1974)

Сделаю пояснения к этим замечаниям Фока.

Действительно, если мы выберем конкретную неинерциальную систему отсчета, то совершенно не ясно, как описать ее специфику. Сами уравнения ОТО не различают разные системы отсчета и не могут нам в этом деле помочь. Поэтому и нельзя не согласиться с первым замечанием Фока.

В качестве интересного примера, рассмотрим неинерциальную систему отсчета, связанную с быстро вращающимся вокруг своей оси с постоянной угловой скоростью твердым диском. Если бы мы

применили к ней СТО, то пришли бы к выводу, что в ней должны иметь место замедление времени, сокращение длин в направлениях вращения диска и их неизменность вдоль его радиусов. Но тогда возникало бы противоречие, так как отношение длины окружности диска к его радиусу не равнялось бы известному из евклидовой геометрии числу 2π .

Данное противоречие снимается тем, что СТО здесь неприменимо, так как точки вращающегося диска имеют центростремительное ускорение. Возникает вопрос, как можно было бы учесть это ускорение? Однако ОТО не дает никаких указаний на этот счет. Таким образом, эта проблема остается неразрешимой ни в СТО, ни в ОТО.

Данная задача была рассмотрена в широко известной книге Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица [3]. Но удалось ли им ее решить? Вначале ими было установлено, что никакого замедления времени в равномерно вращающемся диске нет. Иначе его состояние оказывалось бы зависящим от времени, чего не должно быть. Что же касается размера диска, то они предположили, что его изменения быть не должно. Но никакой мотивировки этому не дали. В результате задача о вращающемся диске так и не получила обоснованного решения. А это лишь один из самых простых случаев ускоренного движения!

Обратимся теперь ко второму замечанию Фока. В самом деле, в гравитационной теории Эйнштейна отсутствует описание систем отсчета. В то же время, в различных системах отсчета гравитационное поле проявляет себя по-разному. Но ОТО не позволяет понять, как описать координаты, которые соответствуют конкретной системе отсчета. В результате возникает то, что называется координатным произволом, – допустимых вариантов описания выбранной системы отсчета оказывается бесчисленное множество и непонятно, какой из них единственно верный.

Если у Ньютона были выделенные системы отсчета – покоящиеся относительно звезд или движущиеся относительно них равномерно и поступательно, то в эйнштейновской гравитационной теории все системы отсчета равноправны. С точки зрения Эйнштейна, отсутствует принципиальная разница в позициях Птолемея и Коперника. То есть, можно считать, что Солнце вращается вокруг Земли, а можно утверждать, что Земля вращается вокруг Солнца – обе точки зрения правильные. Что же касается Фока, то он полностью на стороне Коперника – именно Земля вращается вокруг Солнца.

Фок, соглашаясь с Ньютоном, считал, что при описании гравитационных полей нужно сохранить выделенные системы отсчета. Для описания таких систем отсчета Фок предложил использовать специальные условия, описывающие так называемые гармонические координаты. Эти координаты были хорошо известны. Они позволяют в случае слабых гравитационных полей придать простой и удобный вид уравнениям ОТО. Их как раз применял Эйнштейн при описании гравитационных волн и их до сих пор широко используют.

Если для Эйнштейна они были просто удобными координатными условиями, то для Фока они приобретали особый физический смысл. Они, по его мысли, отвечали ньютоновским выделенным системам отсчета.

Точка зрения Фока столкнулась с резким неприятием со стороны ортодоксальных сторонников ОТО. Он надеялся встретиться с Эйнштейном и переубедить его. Но их встреча так и не состоялась.

После смерти Фока критику ОТО продолжил академик А.А. Логунов (1926-2015), полтора десятилетия возглавлявший Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. В противовес Эйнштейну, он выдвинул свою «Релятивистскую теорию гравитации». Его позиция была близка к фокской, в его теории гармонические координаты также играли важную роль. Однако он считал, что именно в его теории им придается важный физический смысл.

Точка зрения Логунова, также как и Фока, встретила с ожесточенной критикой. В результате идея введения дополнительных физических условий к уравнениям ОТО, для устранения неопределенности в их решениях, оказалась похороненной ортодоксами гравитационной теории.

3. Описание неинерциальных систем отсчета

Как бы там ни было, но критика Фока эйнштейновской ОТО – более чем серьезна. Все-таки ОТО не позволяет однозначно описать пространство и время относительно неинерциальных систем отсчета и, значит, не решает задачу обобщения СТО, в которой рассматриваются лишь инерциальные системы отсчета.

С целью разобраться с этим вопросом, я стал изучать условия, которые могли бы соответствовать неинерциальным системам отсчета и которые нужно было бы добавить к уравнениям ОТО в качестве дополнительных уравнений. Я нашел общий вид этих уравнений, куда входил один параметр, значение которого было неизвестно.

Гармоническим же координатам соответствовало его значение, равное $\frac{1}{2}$. Но является ли оно верным?

Для ответа на этот вопрос я рассмотрел случай расширяющейся системы отсчета в результате повышения температуры окружающей среды. Для данного случая нашлось точное решение рассматриваемых уравнений. Применяя к нему условие, что время протекания процессов в некотором объеме (например, кипения в нем воды) пропорционально его величине, я пришел к значению параметра уравнений, равному $\frac{3}{4}$. Таким образом, рассматриваемые уравнения с параметром $\frac{1}{2}$, которые описывают гармонические координаты, не отвечают неинерциальным системам отсчета. Им соответствует именно параметр $\frac{3}{4}$.

Данные уравнения с параметром $\frac{3}{4}$, дополняющие уравнения ОТО, были применены в моих работах [4–6] для описания свойств неинерциальных систем отсчета в ряде важных случаев. Одним из них была рассмотренная выше задача о системе отсчета, связанной с равномерно вращающимся вокруг своей оси твердым диском. Она свелась к крайне сложному уравнению, для которого удалось найти удивительное точное решение.

Оказалось, что вращение диска не приводит к замедлению времени, как и считали Ландау и Лифшиц, но, вопреки их предположению, радиус вращающегося диска приобретает некоторое увеличение по сравнению с неподвижным диском.

Другой исследовавшийся случай, на котором хочется остановиться, касался применения дополнительных уравнений к ОТО в задаче о гравитационном поле вне сферической массы в состоянии покоя, называемой задачей Шварцшильда. Она, как и в предыдущем случае, свелась к предельно сложному уравнению, которое, тем не менее, удалось также точно решить.

Интересным следствием полученного решения оказалась невозможность существования черных дыр (о них рассказывалось в моей предыдущей статье в [«Чайке»](#)). Это означает, что гравитационное поле звезд со сколь угодно большой массой не может препятствовать излучению ими света. Любопытно, что к такому результату приводят именно используемые дополнительные уравнения с параметром, равным $\frac{3}{4}$.

Проведенный анализ показывает, что ОТО Эйнштейна нельзя считать завершенной теорией. Она нуждается в дальнейшем развитии, которое может привести к новым и неожиданным результатам

[1] А Эйнштейн «Сущность теории относительности», Москва, ИЛ, 1955.

[2] В.А. Фок «Теория пространства, времени и тяготения», Москва, ГИТТЛ, 1955.

[3] Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшиц «Теория поля», Москва, Наука, 1967.

[4] A.S. Rabinowitch “Noninertial Frames of Reference in General Relativity”, Physics Essays, 1996, Vol. 9, No. 3, pp. 387-392.

[5] A.S. Rabinowitch “Nonlinear Physical Fields and Anomalous Phenomena”, New York, Nova Science Publishers, 2009.

[6] А.С. Рабинович «Математические основы малоизученных аномальных физических явлений. Нелинейная электродинамика. Ядерная физика. Общая теория относительности. Космология», Москва, УРСС, Кн. дом «Либроком», 2015.

*Под системой отсчета понимается система пространственных координат и часов, связанных с телом, относительно которого изучается движение (прим. автора).

Григорий Яблонский

Сент-Луис, США

Из нашей почты. О научно-популярных статьях: по поводу текстов Александра Рабиновича в журнале «Чайка»

Журнал «Чайка» напечатал 6 текстов (одно интервью и пять статей) доктора физико-математических наук Александра Рабиновича. Все тексты – о спорных вопросах современной астрономии.

Простой вопрос: надо ли знакомить «широкого читателя», отнюдь не специалиста, с новейшими идеями науки и её спорами? Несомненно! Наука -становой хребет современного общества.

«Литературная Газета» и «Известия» – в пору их расцвета – имели научные странички, освещавшие новости науки. Журнал «Химия и жизнь» прославился печатанием «крамольных» статей гуманитарного направления. Знаменитый «New York Review of Books» регулярно печатает проблемные статьи на научные темы.

Александр Рабинович – эксперт и энтузиаст, знаток истории науки. Статьи написаны содержательно и дерзко, следовательно, интересно. Это важно, «все жанры хороши, кроме скучного».

Меня особенно заинтересовала статья «Древние затмения и загадки астрономии». В ней речь идёт о так называемой «новой хронологии», идеи которой придуманы народовольцем Морозовым и развиты уже в наше время математиком Фоменко. Основываясь на датах затмений, «новая хронология» радикально сократила человеческую историю – не менее чем на 1000 лет. Например, древнегреческий историк Фукидид был помещён в XII-й век н.э. вместо V-ого до н.э., Александр Невский был отождествлён с ханом Батыем и т.д. Кажется бредом, не правда ли?

Конечно, такие утверждения шокировали традиционных историков, но у «новой хронологии» нашлись и сторонники, среди них великий шахматист Гарри Каспаров. Конечный вывод статьи: поправки «новой космологии», изложенной в двух книгах автора, «могут сыграть ключевую роль» в снятии противоречий между описаниями затмений, приводимых историками – Фукидидом, Титом Ливием и др., и их астрономическими характеристиками. «Могут сыграть», а могут и не сыграть... В общем, говоря о «новой хронологии», автор достаточно осторожен и не употребляет обычного в литературе термина «псевдо-наука». Ну что ж, имеет право ...

По-моему, он считает заслугой «новой хронологии» саму постановку вопроса о необходимости совершенствования хронологии.

В остальных, четырёх, статьях автор куда менее осторожен.

Все они посвящены разоблачению того, что автор считает «мифами» современной космологии и – более того – её «предсмертными муками». Смысл статей – тотальное «Нет».

Нет тёмной энергии...Нет тёмной материи... Нет разбега галактик... И Большого Взрыва (Big Bang) тоже нет...

Прочитав три статьи, я задался вопросом: «А есть ли чёрные дыры»? После четвёртой статьи стало, ясно, что и «чёрных дыр» тоже нет... Ну, на нет и суда нет...

А что же всё-таки, по мнению автора, есть? Есть слабое сопротивление физического вакуума движению тел. Есть «старение» фотонов при движении в пространстве.

Я – исследователь в области физической химии, не специалист в космологии. В любой науке возникает вопрос: «Факт или не факт?» Тёмная материя-факт или не факт? Слабое сопротивление вакуума – факт или не факт?

Автор указывает на полное отсутствие экспериментальных данных о тёмной энергии и тёмном веществе, считая это большим недостатком и свидетельством близкого краха теории. А вот к отсутствию экспериментальных данных о сопротивлении вакуума он куда более снисходителен.

Было бы важно пригласить «классического космолога» прокомментировать эти статьи. Конечно, истина в науке доказывается не консилиумом, но для широкого читателя «second opinion» необходим.

Напомню, что доказательства существования атомов ждали две с половиной тысячи лет, а увидели атомы в прямых экспериментах только лет 40 тому назад. 50 лет тому назад была опубликована блестящая статья Юлиа Анатольевича Шрейдера «Наука -источник знаний и суеверий» («Новый Мир», 10,1969).

По-моему, «тёмная материя» – не факт, не суеверие, не «миф», а некоторая «модель», которая может быть заменена другой, более совершенной моделью. В современной науке поиск «универсальных законов» сменился другим трендом, поиском «моделей». Надолго ли ...бог весть...

Выскажу несколько общих соображений.

В знании всегда есть разные уровни. Знание меняется во времени. То есть знание всегда иерархично и динамично.

Можно, например, выделить такие уровни:

- «Сплетни» (бессистемные факты, интересные лишь специфически)
- Информация (факты, в какой-то степени систематизированные, например, хронологические даты, географические координаты)
- Знание (факты, систематизированные концептуально)
- Откровение (предположим, что оно есть, кто знает)

Переход с одного уровня знания на другой – особая задача. Вот тут-то и возникают «трудности перевода», так же, как при переводе с одного языка на другой, тут-то и возможна ситуация «lost in translation».

В этом и состоит главная трудность научно-популярной литературы, её парадокс. Строго говоря, сделать науку популярной, до конца понятной широкому читателю, в принципе невозможно, но популяризовать – надо.

Тут есть два обстоятельства, которые следует иметь в виду.

Первое. «Широкий читатель» пуглив. Он мечется между полным доверием (легковерием) к безлично-общей или иерархически защищённой точке зрения («наука доказала», «английские учёные доказали», «академик Х доказал»...) и полным недоверием (настороженностью) по отношению к эксперту, который ему неизвестен. Поэтому ссылки только на собственные результаты, статьи и книги могут не возыметь действия. Сами по себе необходимые, ссылки эти – в научно-популярном тексте – могут быть восприняты читателем как избыточные и даже подозрительные.

Второе. Пушкинский совет Музе/Музам «Не оспаривай глупца», по-видимому, дан Музам поэзии – Эрато, Эвтерпе, Каллиопе.

Что касается Музы науки (астрономии), Урании, ей должны быть даны другие советы: «Говори! Просвещай!» Гибрид содержательности и занимательности – фирменный знак научного просвещения.

Научного просветителя должно отличать бесконечное терпение.

В идеале просветитель воспринимает незнание и даже невежество читателя как некий вызов («challenge») его, автора, способности объяснить. В идеале...

В заключение я хотел бы поздравить автора, Александра Рабиновича: его познавательные и дерзкие тексты могут стать ядром книги. Я советую включить в эту книгу выдержки из оригинальных работ автора – в качестве приложений.

Григорий Яблонский,
доктор химических наук, физхимик
25 августа 2019 года

Наши дискуссии: В литературе

Александр Орфис

Царство Божие внутри вас, или Великий барин земли русской^[1]

Очерк Александра Орфиса наверняка вызовет в читателях бурю разнообразных эмоций – все же он касается дорогого для всех имени – Лев Толстой. Редакция сочла возможным его публикацию, ибо при явном «обвинительном уклоне», не учитывающем очень многих обстоятельств в жизни писателя и при цитировании его высказываний вне контекста, он коснулся редко поднимаемого вопроса: «Толстой и евреи». Надеемся, что полемический запал автора пробудит ответную реакцию в его оппонентах и развернется дискуссия, которая так нужна нашему литературоведению.

Редакция журнала

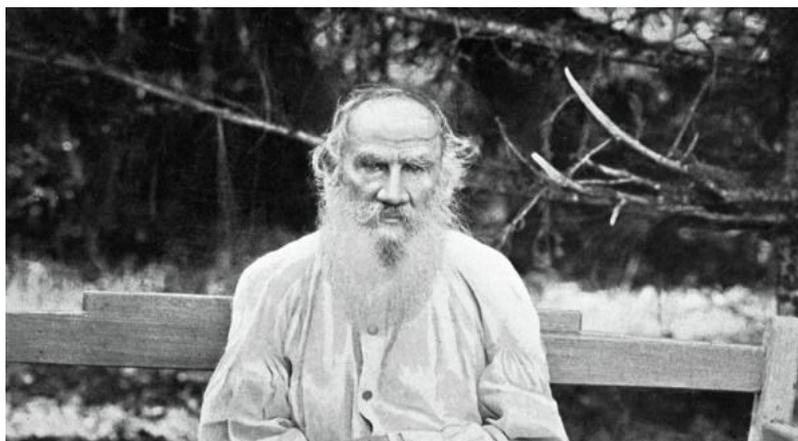
Посвящается Николаю Ивановичу Блинову(1881–1905)*

Путь обмана, путь лицемерия – путь смерти.^[2]
Лев Толстой

*Так ничего гнусней и мерзостнее нет,
Чем рвенья ложного поддельно яркий цвет,
Чем эти ловкачи, продажные святоши,
Которые, наряд напялив скомороший,
Играют, не страшась на свете ничего,
Тем, что для смертного священнее всего;
Чем люди, полные своекорыстным жаром,
Которые, кормясь молитвой, как товаром,
И славу и почет купить себе хотят
Ценой умильных глаз и вздохов напрокат;
Чем люди, говорю, которые со страстью
Небесною стезей бегут к земному счастью,
Канючат каждый день, взор возведя горе,
К пустынножительству взывают при дворе,
Умеют святостью прикрыть свои пороки,
Проворны, мстительны, бессовестны, жестоки
И, чтобы погубить другого, рады влесть*

Небесный промысел в свою слепую месть...

Жан-Батист Мольер «Тартюф, или Обманщик»[3]

Тощие мужицкие лошадёнки уныло трусили по разбитой весенней слякотью сельской дороге.

– Скажите пожалуйста, когда мы приедем в Ясную Поляну? – я обратился с нетерпением к ямщику.

– Потерпи. Скоро к барину юродивому доберёмся, – равнодушно ответил седобородый мужик.

От такой наглости я чуть было не набросился на него с кулаками.

– Как ты... как Вы назвали Льва Николаевича? – я почти заорал.

Мужик на мгновение взглянул на меня полупрезрительным и полусочувствующим взглядом.

– Ты, парень, тае, сколько годков с барином знаком? – Я к нему сегодня... в первый раз еду...–пробормотал я, смутившись.

– Ну то-то. А я его, почитай, уже седьмой десяток годков знаю. Он, тае, сначала был барин как барин – пил, в карты играл, с мужиков семь шкур драл, девок и баб портил.[4] Ну ещё, тае, в Крыму да на Кавказе басурманов воевал – и что с ними творил, шут его знает. А годкам к пятидесяти, тае, рехнулся. Не виноватый я! Асударство, тае виноватое, армия виноватая, суды виноватые, деньги виноватые! Дороги железные виноватые, винцо виноватое, убоинка[5] виноватая! А також Церковь и апостол Павел. Кеспир[6] какой-то аглицкий и тот виноватый. А сам я, тае, аки агнец чистый. Вот и плетёт дурь уже почти три десятка годков. Ну да того гляди весь одуреет, что как

детя малое из дому убежит. Али бабу свою до смерти зашибёт. Она у него, сердешная, тож виноватая.

И тут он с любопытством взглянул на меня:

– А ты, тае, из Бердичева будешь или из Одессы?

– Нет!–я резко ответил ему.– Я журналист... из Петербурга.

Но мужик уже утратил ко мне интерес

– Ой много вас, бердичевских, к барину ездят, а на кой ляд...Вы–то для него, тае, самые виноватые и есть.

Из-за угла показался высокий дом.

– Ну, тае, приехали. Плати полтину и прощай.

Роскошная помещицья усадьба. Дорогая мебель. Изысканные зеркала и ковры. И на каждом шагу–Толстой. Толстой в бюстах, портретах и статуях. Толстой за столом, Толстой верхом, Толстой за рукописью.[7]

«И так живёт проповедник прощения!»–пронеслось у меня в голове, но я тут же заставил себя подумать иначе: «Достойный человек, знает себе цену!»

Бирюков[8] встретил меня очень дружелюбно

– Добрый день! Как добрались ? Были проблемы с полицией? Вы не голодны? Распорядиться накрыть стол? – он буквально засыпал меня вопросами.

Но прежде чем я успел ответить, из соседней комнаты раздался громкий крик, и я увидел трёх здоровенных бородатых мужиков в толстовках, очевидно из дворни, грубо тащивших к выходу щуплую девочку–подростка в убогом заплатанном платьице.

–Пустите, пустите меня к Толстому! – жалобно умоляла она. – У меня мать больная...чахоточная. Я просила письмом на лечение десять рублей ...ну хоть восемь, а он даже не ответил....[9]

Движимый состраданием я потянулся к бумажнику, но Бирюков резко схватил меня за руку:

– А чего отвечать?– почти выкрикнул он каким-то вымученно–жестоким голосом. –Лев Николаевич давно разъяснил в газетах, что он всё имущество наследникам отписал и теперь всё равно, что мертвец. Так что денег у него нет![10]

– Нет денег?!—с ужасом воскликнула девочка, но дворня уже поволокла её дальше.

– Напрасно Вы хотели помочь этой побирушке, —грубовато обратился ко мне всё ещё разгорячённый Бирюков, когда они скрылись из виду.—Это могло не понравиться Льву Николаевичу...и повредить успеху вашей миссии.

Заметив моё смущение, он несколько сменил тему

– Вот нахалы! Лев Николаевич ещё 17 лет назад объяснил, что доброе дело не в том, чтобы накормить хлебом голодных, а в том, чтобы любить и голодных, и сытых.[11] А в прошлом сентябре добавил, что решительно никакого имущества не имеет.[12] А те небольшие суммы, которые предоставляют ему некоторые, он в ближайшей округе вдовам, сиротам, погорельцам и прочим беднякам распределяет.[13] А эти шерамыжники всё равно клячат. Вот недавно вдова какая-то три рубля выпрашивала, чтобы ей видете-ли «от голода спастись».[14] Старуха полоумная пару рублей вымаливала, пока её в богадельню не пристроят.[15] И уж совсем мерзость – калека какой-то милостыню клянчил и руку свою беспалую в письме обвёл.[16] Думаете, Льву Николаевичу, было такое приятно читать?

– Но неужели он никогда не может помочь?... Хотя бы нескольким, хотя бы в особых случаях...– робко пробормотал я.

Бирюков снова вспыхнул.

– Лев Николаевич всегда помогает людям! Своими гениальными творениями, указующими им дорогу в будущее, дорогу к царству Божьему на земле – и внутри себя!

Причём он свои сочинения бескорыстно рассылает по всему миру— за свои деньги...то есть за деньги наследников...то есть за деньги, которые ему присылают... но в любом случае за свой счёт! Вот недавно он их на английском языке в Индию отправил[17]— и куда больше истратил, чем три рубля! А людям, которым помощь действительно нужна, Лев Николаевич готов отдать последнюю рубашку. К примеру, безработным толстовцам братьям Мироновым сто рублей дал.[18] Канадским духоборам для покупки лошадей тысячу целковых выделил.[19] А когда в прошлом июле журналиста Фельтена за распространение сочинений Толстого арестовали, то Лев Николаевич целых 2400 рублей не пожалел, чтобы своего **верного последователя** (Бирюков с надрывом произнёс эти слова) из тюрьмы выволить.[20]

Прежде чем я успел собраться с мыслями из дальней комнаты раздался оклик:

– Господин Гордон! Лев Николаевич готов вас принять!

В просторном кабинете, обставленном не хуже других комнат, меня встретил высокий и стройный старик с острым пронизательным взором и глубокими морщинами на угловато очерченном лице.[21]

«Так выглядели наши древние пророки», – с благоговением подумал я и застыл в священном трепете, из которого меня вывел мягкий и добрый голос Толстого.

–Пожалуйста, садитесь, Александр Дмитриевич! – Д-давидович...–заикаясь пробормотал я, – Александр Давидович Гордон, журналист еженедельной еврейской газеты «Рассвет».

При слове «еврейской» лёгкая тень промелькнула на сияющем лице Толстого.

–Скажите, вы еврей набожный или светский ?

– Совершенно светский, Лев Николаевич, – ответил я, несколько удившись странному вопросу.

Толстой посмотрел на меня со странной, но ярко выраженной надеждой.

–Учение Христа не может не быть принято теми верующими иудеями, буддистами, магометанами и другими, которые усомнились бы в истинности своего закона.[22]

Я удивился ещё больше

– Лев Николаевич, вы хотите сказать, что светские евреи должны креститься ?

– Да нет же, – с жаром возразил Толстой. – Речь идёт о религии Христа, но очищенной от веры и таинственности; религии практической, не обещающей будущего блаженства, но дающей блаженство на земле.[23] А для того, чтобы человек мог жить по учению Христа, ему прежде всего нужно освободиться от обмана веры, в которой он воспитался, — всё равно, будет ли это обман веры еврейский, буддийский, японский, конфуцианский или христианский.[24]

«А ведь Лютер возненавидел евреев, когда они отказались «освободиться от обмана» своей веры и принять его «очищенное» им христианство!»– вдруг пронеслось у меня в голове, но я отогнал эту мысль.

– Лев Николаевич, я к вам приехал...по другой причине. Уже почти полтора века евреи Российской империи подвергаются

чудовищным гонениям, а в последние годы жизнь стала совсем невыносимой...

–Знаю, знаю. – поморщился Толстой. – После кишинёвского события (sic!)[25] пять лет назад ко мне уже обращались с письмами. И я вот что я им посоветовал:

Тут он с поднял со стола очевидно заранее приготовленный пожелтевший обрывок бумаги и с пафосом прочёл: «Если же вы спросите меня: что, по моему мнению, нужно делать евреям, то ответ мой тоже сам собой вытекает из того христианского учения, которое я стараюсь понимать и которому стараюсь следовать. Евреям, как и всем людям, для их блага нужно одно: как можно более в жизни следовать всемирному правилу – поступать с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой, и бороться с правительством не насилием – это средство надо предоставить правительству – а доброю жизнью, исключаящей не только всякое насилие над ближним, но и участие в насилии и пользование для своих выгод орудиями насилия, учрежденными правительством. Вот всё – очень старое и известное, что я имею сказать по случаю ужасного кишиневского события.»[26]

Я был до того поражён, что еле собрался с мыслями

– И как же, согласно вашему совету, евреи должны вести себя при погромах?

Толстой снова просиял и заговорил с видом пророка.

– Вот в *старом законе*[27] сказано: око за око и зуб за зуб. А Иисус сказал, что не надо платить злом за зло, и око за око, и зуб за зуб. И если кто ударит тебя в одну щеку, лучше подставить другую щеку, чем за удар отвечать ударом. И кто захочет взять у тебя рубашку, то лучше отдать и кафтан, чем враждовать и драться с братом. Не надо злом противиться злу.[28]

Я постарался ответить как можно более вежливо.

– Лев Николаевич, ещё Иосиф Флавий заметил, что евреи не обсуждают религии других людей![29]

Но Толстой продолжал гнуть своё:

–Вот я с еврейским раввином Соломоном Минором читал V главу Матфея. Почти при всяком изречении раввин говорил: это есть в Библии, это есть в Талмуде, и указывал мне в Библии и Талмуде весьма близкие изречения к изречениям нагорной проповеди. Но когда мы дошли до стиха о непротивлении злу, он не сказал: и это есть в Талмуде.[30]

Мной снова овладело страшное подозрение.

–Лев Николаевич! В Исходе сказано: «Если найдешь вола врага твоего, или осла его заблудившегося, приведи его к нему. Если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его; развьючь вместе с ним», а Талмуд замечает: «если одновременно надо развьючить осла врага (что тяжелее) и навьючить осла друга (что легче), ты обязан оказать в первую очередь услугу своему врагу.» В Книге Притчей Соломоновых, написано: «Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою». А Талмуд добавляет: «Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой водою, даже в том случае, если он хотел убить тебя и пришел в твой дом голодным и чувствующим жажду, накорми и напой его»[31]

А в еврейской Библии, в книге «Плач Иеремии», которую иудеи ежегодно в память о разрушении Храма читают, есть слова: «Благо человеку, когда он ... подставляет щеку свою бьющему его, пресыщается поношением, ибо не навек оставляет Господь».

Рабби Минор этого не мог не знать... Он один из самых образованных иудейских богословов...

– Да что ж, я солгал?!– злобно выкрикнул Толстой внезапно утратив своё возвышенное спокойствие.

– Нет-нет, Лев Николаевич,– испуганно забормотал я. – Вы – образец правдолюбия, – великий гуманист, – совесть человечества. Вы...

–Ну то-то, – довольно ответил Толстой, вновь становясь подчеркнуто дружелюбным – Да и вообще изучать веру иудеев для того, чтобы понять христианскую, всё равно, что изучать состояние свечи до зажигания ее, чтобы понять значение света, происшедшего от горящей свечи. Одно, что можно сказать, это то, что свойство, характер света может зависеть от самой свечи, как и форма выражений Нового Завета может зависеть от связи с иудейством, но свет не может быть объяснен тем, что он загорелся на той, а не на этой свече.[32] Тем более, что Иисус вполне и ясно отрекся от иудейства и признал, что он ближе к язычникам, чем к иудеям.[33]

И с пафосом добавил:

– А утверждение Чемберлена,[34] о том, что Христос не был по расе евреем, совершенно справедливое и неопровержимо им доказанное, составляет только маленькую часть его превосходно задуманной книги «Основания девятнадцатого столетия».[35] Мне одно время захотелось написать об этом, о том, как было подставлено под учение не еврея Христа чуждое ему учение Павла еврея, но едва ли напишу,[36] хотя эта тема важная и прекрасная.[37]

Огромным усилием воли я заставил себя промолчать на эту мерзость.

– Лев Николаевич! Они не просто евреев по щекам бьют! Они в жертв гвозди вбивают, девушек и детей насилуют, у беременных женщин животы разрезают! [38] И на Западе дела не намного лучше, а могут стать ещё хуже. Вспомните дело Дрейфуса.

– Я не знаю Дрейфуса, но я знаю многих Дрейфусов, и все они были виноваты. [39] – презрительно отмахнулся Толстой.

Я впервые утратил самообладание:

– И в чём же были виноваты известные вам «Дрейфусы»?!

Толстой уклонился от ответа:

– Я был сам офицером, я знаю военный быт, и мне тяжело представить себе, чтобы товарищи судьи могли осудить Дрейфуса без достаточных улик, тем более что все они знали, что обвинение в государственной измене – самое тяжелое из обвинений и влечет за собой, в большинстве случаев, смертную казнь виновного. [40]

– И это говорите вы, проповедник антимилитаризма, ненавистник судов вообще и военных судов в частности!

– Мне, по моим убеждениям, очень противна эта жидофобия во Франции и ее современный шовинизм, крики за армию, – вяло оправдывался Толстой – и признаюсь, я сочувствовал этому движению, которое, казалось, добивалось оправдания невинно осужденного; но вот вмешалась молодежь, студенты, всюду чуткая ко всему хорошему; она за правительство, и я начинаю сомневаться, и меня смущает – как бы правда не на их стороне? [41]

– Вы отлично знаете, что Дрейфуса как раз французское правительство и осудило! А студенты и прочие люди, защищавшие Дрейфуса, тем самым боролись с правительством!

Толстой совсем запутался:

– Да и вообще, нам, русским, странно заступаться за Дрейфуса, человека ничем не замечательного, когда у нас столько исключительно хороших людей было повешено, сослано, заключено на всю жизнь в одиночные тюрьмы. [42]

– 12 лет назад Вы написали гневный памфлет «Приближение конца» [43] в защиту Джона Ван-дер-Вера. [44] А он тоже не русский, и вовсе не был повешен, сослан, или заключен на всю жизнь, а всего лишь оказался в тюрьме на два месяца, а не пожизненно на каторге,

как Альфред Дрейфус. Хотя Ван-дер-Вер – тоже человек ничем не замечательный!

– Мой дорогой друг[45] Джон Ван-дер-Вер замечателен отказом от воинской службы! – гордо возразил Толстой.

– Вы написали Файвелю Гецу,[46] что равенство всех людей для вас аксиома.[47] Всех людей, а не только людей, которых вы считаете своими друзьями!

Толстой смутился и нехотя пробормотал:

– Да, да, Дрейфус невиновен. Это доказано. Я читал материалы процесса. Он невиновен, опровергнуть это теперь невозможно.[48]

– Лев Николаевич, – продолжил я, – ваше отважное выступление в защиту духоборов...

– Духоборы государство отвергают и в армии не служат! – ответил Толстой с гордым видом барина, хвалящего хорошо вымуштрованную дворню.

Я снова не сдержался.– Вы платите налоги...причём налоги немалые. И эти налоги идут на то, что вы так рьяно ругаете. На армию, на суды, на тюрьмы, на виселицы!

Сказав это, я страшно испугался. Но Толстой, казалось, испугался ещё больше и жалобно забормотал:

– Иисус Христос платил подати не ради обязанности, а чтобы ему не делали притеснения в его учении[49]... Не отдавать подать потому, что она несправедлива, значило бы отдаться соблазну рассуждения о том, что справедливо и несправедливо[50].... Мы признаем, что, ради возможного избежания вражды против нас, нам следует исполнять и государственные законы той страны, в которой мы живем[51]...Мы ищем нашего блага, но далеко не вполне и различно, каждый по-своему, достигаем его[52] ... Применение учения на практике всегда есть компромисс, но учение в теории не должно допускать компромиссов[53]... А им приятно думать, что все, что я говорил и говорю о христианстве, ложь и лицемерие, так что можно на это не обращать внимания.[54]

Я почти взмолился:

–Лев Николаевич! 700 погромов, тысячи убитых, десятки тысяч изувеченных или ограбленных!

– Надо не осуждать людей, а видеть всё дурное в себе (а этого много во всех нас) и всеми силами стараться быть лучше, значит добрее и любовнее ко всем людям, и в особенности к тем, которые кажутся нам неприятными,[55] – высокомерно ответил Толстой. –

Улучшение жизни происходит не от внешних условий, а от внутреннего духовного совершенствования.[56]

– Один очерк, одно открытое письмо, одну статью,..ну хотя бы одну единственную заметку!

– Недоразумение состоит в том, что от меня требуется деятельность публициста, тогда как я человек, весь занятый одним очень определенным вопросом, не имеющим ничего общего с современными событиями: именно, вопросом религиозным и его приложением к жизни,[57] – ответил Толстой.

–Лев Николаевич! Неужели не раздастся ваш мощный голос теперь, когда позор и беда постигли нашу общую родину, и, больше всех, они коснулись нас, несчастных евреев?! ...6 миллионов евреев в России и около миллиона моих братьев в Америке ждут от Вас хотя бы слова утешения...[58]

–Я жалею о стеснениях, которым подвергаются евреи, считаю их не только несправедливыми и жестокими, но и безумными, но предмет этот не занимает исключительно или предпочтительно перед другими моих чувств и мыслей, – произнёс Толстой. – Есть много предметов, более волнующих меня, чем этот, и потому я бы не мог ничего написать об этом предмете такого, что бы тронуло людей.[59]

А впрочем, я уже объяснил, что одна из главных причин зла нашей жизни есть воспитываемая в нашем христианском мире вера в грубого еврейского бога.[60]

Я еле сдерживал себя:

– Лев Николаевич! Проявите если не милосердие, то хотя бы благодарность!

Вспомните, сколько евреев расхваливают, печатают, распространяют и переводят ваши произведения! Вспомните еврея–доктора Альтшуллера,[61] который спас Вам жизнь в Ялте шесть лет назад!

– В так называемой научной и художественной деятельности еврей-нехристиане действительно побили всех христиан во всех государствах и вызвали к себе всеобщую зависть и ненависть,[62]– изрёк Толстой с многозначительным видом.

И ехидно добавил:

– У евреев нет никаких идеалов выше богатства или для них богатство есть благословение божие[63] ... А попробуй рабочий, как это прорывается при еврейских погромах, отобрать от богачей хоть часть того, что отнято у него по законам![64]... Еврей – первый блюститель порядка.[65]

Тут я окончательно понял, с кем имею дело, и спросил с холодным презрением:

– Ну а какой предмет *предпочтительно* занимает и *больше всего* волнует его сиятельство графа Льва Толстого? Барская усадьба в Ясной Поляне, собственными портретами заваленная? А может быть, тугая мошна, из которой он своих холопов золотом осыпает, а нищим калекам ломаный грош дать отказывается?

Толстой вскочил. Куда девалась его снисходительное благодушие? Он, скорее, напоминал пьяного или сумасшедшего или ...погромщика:

– По Евангелию от Иоанна, все они, враги Христа, прямо называются иудеи. И они не согласны с учением Христа и противны ему только потому, что они иудеи,[66]– завыл проповедник добра и милосердия. – Иисус сказал, что всё богопочитание евреев ложное, что Моисеев закон исполнен противоречий и есть ложь и что они не знают Бога и служат похоти дьявола, называя его Богом, а что он дает им учение истинного служения Богу делом[67]... Церковная вера...есть не что иное, как очень грубая еврейская секта[68]... Мелкая, сектантская, случайная и задорная проповедь непросвещенного, самоуверенного и мелко-тщеславного, хвастливого и ловкого еврея Павла![69]

Тут он совершенно вошёл в раж:

– Евреи не хотят отказаться от своей безобразной,[70] самой нерелигиозной[71]...самой отжившей[72] веры! От этой вонючей грязи![73] Не хотят принять моё учение...новое учение... истинное учение Христа! Нееврея, ими оклеветанного[74]... и распятого[75]! За то, что запретил им делать то, что делается теперь его именем в церкви![76] Не хотят отказаться от веры в грубого, личного Бога![77] Прилагают еврейство к детям![78] Грабят рабочих! Пользуются орудиями насилия, служат в армии и вообще доброй жизнью не живут! А живут законом своим талмудистско-павловским![79] Грубым, жестоким, безбожным учением Моисеевых книг, которые мы все знаем. Там об убийстве, о свинье, об обрезании — ряд безобразий![80]

Толстой, видимо, ожидал, что я в порыве раскаянья упаду перед ним на колени, но выглядел до того нелепо, что я громко расхохотался – здоровым и задорным, почти детским смехом. Этот смех сразил его – как внезапный удар молота в лоб поражает взбесившегося быка; он опустился, почти рухнул на бархатное кресло и жалобно раскрыл рот, не в состоянии произнести ни слова.

– Не всё то золото, что блестит, – беззлобно произнёс я, спокойно надел пальто и медленно направился к двери.

– Вот такое поведение..производит антисемитизм и вызывают недобрые чувства к евреям, [81]– пробормотал Толстой, но я даже не обернулся.

Толстой внезапно вскочил и преградил мне дорогу.

– Есть старинная шутка о споре жидовина с христианином, – злобно прошипел проповедник ненасилия. – Рассказывается, как христианин, отвечая на запутанные тонкости жидовина, ударил его ладонью по плещи так, что шелконуло, и задал вопрос:от чего шелконуло? от ладони или от плещи?[82]

И он занёс руку, явно собираясь меня ударить.

Я не столько испугался, столько растерялся, – ведь предо мною стоял гений! Но тут же подумал, что гениальность не делает человека порядочным, крепко сжал кулаки и громко сказал, не стесняясь грубых слов:

– Прочь с дороги!

Толстой побледнел, быстро опустил руку, отшатнулся в сторону и растерянно забормотал, когда я уже закрывал дверь:

– Одумайтесь! Неужели это так надо?... Пора понять... Время пришло... Конец близок...Неизбежный переворот.[83] Братья, будем любить друг друга.[84]

Когда я уже был в прихожей из глубины дома раздались сумбурные крики Толстого:

–Евреи, казнившие Христа![85] Весь народ его по щекам бил![86] Мне отмщение, и аз воздам![87] Эй, Петька, Сенька, Васька!

Мужики из дворни бегом бросились к своему господину.

Я ускорил шаг, опасаясь, что сумасбродный помещик прикажет им вернуть меня назад силой, а то и хуже.

Эпилог

Два с половиной года спустя я вспомнил слова ямщика, узнав про жалкий конец совершенно обезумевшего яснополянского Тартюфа.[88] И был единственным жителем галилейского киббуца, абсолютно не огорчившимся из-за его смерти.

Но и сейчас произведения одного из величайших писателей мира занимают почётное место в моём книжном шкафу; другое дело, что я знаю цену их автору.

*Николай Иванович Блинов (6 декабря 1881, Житомир — 24 апреля 1905, Житомир) — русский студент, пытавшийся остановить житомирский еврейский погром 1905 года и убитый погромщиками (ВИКИПЕДИЯ, прим.ред.)

[1] О происхождении эпитета «великий барин земли русской» см. Жданов В. А.: Из писем к Толстому.

[2] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 45 С. 222.

[3] Перевод Михаила Лозинского.

[4] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 23 С.5.

«Я убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтоб убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодеяния всех родов, пьянство, насилие,убийство...»

[5] Мясоеденье

[6] Шекспир

[7] Чезаре Ломброзо, Моё посещение Толстого.

[8] Павел Иванович Бирюков (1860—1931) – секретарь и биограф Толстого.

Известен симпатией к евреям.

[9] Жданов В. А.: Из писем к Толстому

[10] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 77 С. 198–199.

[11] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 66 С. 12.

Написано и напечатано во время голода 1891-1892 годов. Общественное возмущение этим „советом“ было так велико, что Толстому пришлось начать сбор пожертвований для помощи голодающим. Но из своих **собственных** денег он всё равно ничего не дал.

См. Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 29 С. 152.

[12] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 77 С. 199.

[13] Там же.

[14] Жданов В. А.: Из писем к Толстому.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 78 С. 32–33.

[18] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 77 С. 265.

[19] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 88 С. 180.

[20] См. Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 77 С. 160-161.

[21] Чезаре Ломброзо, Моё посещение Толстого.

[22] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 23 С. 451.

Из произведения, написанного и опубликованного во время погромов 1881-1884 гг.

[23] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 47 С. 36.

[24] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 39 С. 158.

[25] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 74 С. 107.

[26] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 74 С. 108.

[27] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 37С. 103 (выделено в оригинале).

[28] Там же.

[29] «Ведь предками нам заповедано хранить наши собственные законы и не нападать на чужие. Тем более что наш законодатель именем Самого Бога однозначно запретил насмехаться и хулить почитаемых у других народов богов» (Иосиф Флавий «Против Апиона»)

[30] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 23 С. 315–316.

Из произведения, написанного и опубликованного во время погромов 1881-1884 гг.

[31] Савелий Дудаков; «Этюды любви и ненависти»

[32] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 24 С. 15.

Из произведения, написанного во время погромов 1881-1884 гг., предназначенного для печати и опубликованного в 1890 годах

[33] См. Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 24 С. 680.

Из того же произведения.

[34] Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855—1927) — англо-немецкий писатель, зять Рихарда Вагнера, один из основателей расизма – и расистского антисемитизма. Оказал сильное влияние на германский нацизм – и на самого Гитлера.

[35] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 77 С. 258.

[36] „Чемберлен никогда не узнал, что у него появился такой знаменитый последователь: недостаток времени не позволил Толстому запятнать свое творчество трактатом по расистскому богословию“ Леон Поляков «История антисемитизма. Эпоха знаний»

[37] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 77 С. 258.

[38] Владимир Эрн «Пастырь нового типа». Москва, 1907. С. 3–4.

[39] Я – в. «У графа Л. Н. Толстого» Курьер, 1898. 8 февраля, No 39.

[40] Там же.

[41] Д. Оболенский: В Москве у графа Л. Н. Толстого. Камско-Волжский край, 1898, 20 января, No 639

[42] Слова Толстого своей дочери Татьяне

Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. М., 1979, с. 408.

[43] Т Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 31 С. 78-86.

[44] Нидерландский публицист (1869–1928). Впоследствии назвал учение Толстого «прямой дорогой к смерти в нищете, безумию или самоубийству».

[45] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 70 С. 62.

[46] Известный еврейский еврейско-русский публицист (1853– 1931).

[47] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 65 С. 117 (из письма Файвелю Гецу).

[48] Беседа с французским публицистом Ж. Бурденом (март 1904 г.)

[49] Беседа с Тимофеем Мулыкиным (июль 1883 г.)

[50] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 24 С. 596.

[51] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 26 С. 293.

[52] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 26 С. 276.

[53] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 64 С. 273.

[54] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 56 С. 73.

[55] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 80 С. 197.

Ответ еврейскому мальчику Исааку Храшову, который писал о тяжелой жизни своей семьи и спрашивал, что делать, чтобы выбраться из этого трудного положения.

[56] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 81 С. 176.

Ответ Толстого ещё одному гонимому еврею.

[57] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 74 С. 107.

Из ответа Эммануилу Липецкому, умолявшему его осудить Кишиневский погром.

[58] Письмо Шолом-Алейхема Толстому от 30 октября 1905 года.

[59] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 65 С. 98.

Из ответа Файвелю Гецу.

[60] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 42 С. 430.

Из произведения, написанного и напечатанного во время погромов 1905-1907 гг.

[61] Исаак Наумович Альтшуллер (1870–1943).

[62] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 55 С. 147.

[63] См. Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 76 С. 54.

«Как бы плохо и превратно ни толковалось христианство, христианин (и чем более он христианин, тем более) сознает, что богатство не есть высшее благо и потому не может положить на него все свои силы, как делает это тот, у кого нет никаких идеалов выше богатства, или тот, для кого богатство есть благословение божие. От этого и вызывающий во всем мире такую зависть успех в денежных делах евреев»
Написано во время погромов 1905-1907 гг. Предназначалось для печати. Вымарано из статьи «Конец века» по требованию Ивана Горбунова-Посадова.

[64] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 34 С. 228.

Из произведения, написанного в 1900 году, предназначенного для печати и опубликованного во время погромов 1905-1907 гг.

[65] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 49 С. 139.

Дневниковый комментарий о погромах, написанный в 1881 году.

[66] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 23 С. 341.

Из произведения, написанного и опубликованного во время погромов 1881-1884 гг. Причём такого утверждения в Евангелии от Иоанна нет!

[67] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 24 С. 476.

Из произведения, написанного во время погромов 1881-1884 гг, предназначенного для печати и опубликованного в 1890 годах. Причём таких утверждений в Евангелии нет!

[68] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 37 С. 350.

Из произведения, написанного во время погромов 1905-1907 гг ., предназначавшегося для печати, однако не окончено и опубликовано в 1917 году.

[69] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 37 С. 352.

Из произведения, написанного во время погромов 1905-1907 гг ., предназначавшегося для печати, однако не окончено и опубликовано в 1917 году.

[70] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 24 С. 807.

Из произведения, написанного, предназначенного для печати и нелегально распространявшегося во время погромов 1881-1884 гг.

[71] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 55 С. 180.

[72] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 56 С. 73.

[73] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 24 С. 807.

Из произведения, написанного, предназначенного для печати и нелегально распространявшегося во время погромов 1881-1884 гг.

[74] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 23 С. 164.

Из произведения, написанного во время погромов 1881-1884 гг , предназначенного для печати и опубликованного в 1890 годах.

[75] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 23 С. 341 (из произведения написанного и опубликованного во время погромов 1881-1884 гг.), а также Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 33 С. 169, т. 45 С. 350.

[76] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 33 С. 169.

[77] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 53 С. 232.

[78] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 54 С. 79.

[79] См. Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 56 С. 221.

[80] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч.Т. 24 С. 641.

Из произведения, написанного во время погромов 1881-1884 гг., предназначенного для печати и опубликованного в 1890 годах

[81] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 82 С. 253.

Ответ человеку, упрекавшему Толстого за то, что он недостаточно борется с антисемитизмом, и вследствие этого «великие слова» его «превращаются в пошлые сентенции»

[82] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 26 С. 315

[83] „Апокалиптические“ названия толстовских статей, написанных в последние годы его жизни.

[84] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 45 С. 74. Из трактата «Путь жизни»

[85] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 45 С. 350.

Из **того же** произведения. Царский цензор (!) заменил в первом издании книги «Путь жизни» слово «евреи» на «тогдашние насильники», см. Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 45 С. 582.

[86] Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 37 С. 143.

[87] Эпиграф «Анны Карениной»

[88] Так называли Льва Толстого уже в 1890 году.

См. Лев Толстой. Полн. Собр. Соч. Т. 51 С. 115.

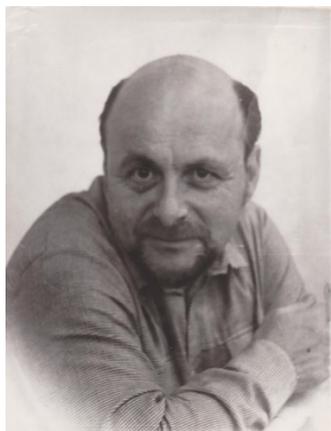
Часть 7. Путешествия

Лев Табенкин. Рыбный стол. 2015

Семен Белкин

Б.Вашингтон

Я, капитан, обещаю... Из истории эмиграции в Америку

«Земля!» – воскликнул матрос каравеллы «Нинья» Родриго де Трианс 12 октября 1492 г. Так состоялось открытие Америки великой экспедицией Христофора Колумба, и День Колумба отмечается и сегодня как замечательный праздник в США и Испании. Прошло немного времени, и ко вновь открытой земле устремились пионеры-первооткрыватели, первые колонисты, завоеватели– конкистадоры, а затем началась массовая эмиграция. Атлантика стала тем самым нерукотворным грандиозным мостом, через который в сравнительно короткий исторический период был заселен и освоен американский континент, и на протяжении нескольких столетий единственным средством достижения желанного берега были парусники.

Долгое время перевозка грузов и пассажиров в Америку осуществлялась на случайных судах-парусниках (тогда их называли пакетботы), капитаны которых сначала набирали достаточное количество грузов и пассажиров и, дождавшись благоприятных ветров, уходили в рейс, выбирая наиболее опасные штормовые районы, где поднимали все паруса и мчались через океан. В случае удачи, эти парусники добирались до порта назначения очень быстро.

Естественно, такие случайные рейсы мало устраивали пассажиров и грузоотправителей, которые требовали, чтобы суда отправлялись не

когда пожелает капитан, а по определенному расписанию. Однако развитию регулярного судоходства в немалой степени препятствовали сильные юго-западные ветры, которые, особенно в зимний период, настолько ухудшали условия плавания парусных судов, что о соблюдении какого-либо графика нельзя было и думать.

Пакетбот начала XIX в.

Кроме того, владельцы судов с большим трудом находили груз, предназначенный для отправки в Европу. Возвращаться же порожнём было невыгодно, поэтому капитаны месяцами курсировали вдоль американского побережья в поисках партии хлопка, который в те далекие времена был едва ли не единственным товаром, вывозимым из Америки.

Предпосылки для создания регулярного судоходства на Атлантике появились, только когда четко наметились основные порты, через которые американские товары стали постоянно отправляться в Европу. Одним из первых таких портов стал Нью-Йорк, прозванный «Ворота нации».

Сразу же появилось несколько судоходных компаний, которые обещали своим клиентам регулярное сообщение между Европой и Америкой. Первой такой компанией стала Блэк Болл Лайн, которая построила четыре парусника. Регулярность рейсов и отличные мореходные качества этих судов завоевали симпатии пассажиров, благодаря чему компания быстро разбогатела. Естественно, другие

судовладельцы не могли оставаться равнодушными к успехам Блэк Болл Лайн, и очень быстро на Атлантике появились еще три компании: Ред Стар Лайн, Суоллоутейл Лайн и Драматик Лайн. Между этими компаниями завязалась острая конкурентная борьба.

Первоначально парусники были рассчитаны в основном на состоятельных пассажиров, готовых за комфортные условия и хорошее обслуживание платить большие деньги: от 120 до 140 долларов, что в те времена было весьма изрядной суммой. Как правило, суда были двухпалубными. Под нижней палубой располагались вместительные трюмы, а в межпалубном пространстве – так называемом твиндеке – находились жилые помещения для пассажиров и экипажа, причем, исстари существовало разделение пространства: кормовая часть – для пассажиров и офицеров, носовая – для матросов. Из кормовой части твиндека на верхнюю палубу можно было подняться по трапу, где на свежем воздухе стояло несколько скамеек – импровизированный курительный салон. В твиндеке, рядом с этим трапом, располагался обеденный салон длиной 20 – 25 м. Вдоль салона шли длинные столы и скамейки. По обеим сторонам от салона находились крошечные каморки – двухместные каюты размером 2,4 x 3,0 м, освещаемые через иллюминаторы. Всего этих «пеналов» было около 20: по десять с каждого борта.

Помещение для эмигрантов на пакетботе

Оборудование кают было спартанским: две койки с матрасами, умывальник и помойное ведро, Будущий пассажир заранее приходил в свою каюту, обмерял ее и приносил собственный коврик, занавески, постельные принадлежности и полотенца. Газеты пестрели

огромными объявлениями о том, какие большие и «элегантные» корабли предлагаются к услугам трансатлантических пассажиров, какие на эти судах роскошные столы из красного дерева, какая изящная драпировка. Чтобы обеспечить хорошее питание, часть верхней палубы превращали в загон, набитый всяческой живностью: курами, утками, свиньями и даже... коровами. Уже в те времена судовладельцы строили свою политику на трех китах: скорость, безопасность и сервис. Обслуживание состоятельных пассажиров было на столь высоком уровне, что даже с появлением пароходов парусники еще несколько десятилетий успешно выдерживали конкуренцию.

Пакетботы строили не торопясь и добротнo. Лес тщательно отбирали и хорошо выдерживали – иногда в течение нескольких лет; швы добросовестно проконопачивали и просмаливали; к строительству привлекали лучших мастеров. В результате корабли получались настолько прочными, что, несмотря на деревянный корпус, они исправно служили в самых суровых условиях по несколько десятилетий. Так, атлантические пакетботы «Салли» и «Франсуа 1» работали между Европой и Америкой около 20 лет, а пакетбот «Ливерпуль» – 37 лет!

Нельзя не сказать несколько слов о безопасности пакетботов. Вроде бы, как можно говорить о безопасности маленьких (с высот нашего времени) суденышек, на которых не было ни пеленгаторов, ни локаторов, ни радио? Да, некоторые суда находили вечный покой на дне Атлантики, особенно во времена зимних штормов, но приходится констатировать, что число морских катастроф было не так велико: из 6000 зарегистрированных рейсов пакетботов трагически окончилось только 22 рейса, т.е. 0,37%. Для справки: сегодня, уже в XXI веке аварийность морского флота, вооруженного самыми современными навигационными средствами, лежит примерно в тех же пределах – есть о чем задуматься и морякам, и судостроителям.

Конечно, высокая безопасность пакетботов была, в первую очередь, обеспечена их отличными прочностными и мореходными качествами. Но была еще одна причина – высочайший профессионализм капитанов – то, что мы сегодня называем человеческий фактор.

На современных громадных кораблях капитана во время работы практически не видно. Он стоит на высоте многоэтажного дома в закрытой рубке, его голос слышит только вахтенный штурман и рулевой, судно, как правило, выводят на оперативный простор

мощные буксиры, так что ни пассажиры, ни провожающие не могут оценить мастерства капитана.

На парусниках XIX века капитан стоял на открытой палубе, на небольшом возвышении и у всех на виду громко отдавал команды, которые слышны были всем: и пассажирам, и провожающим. В те времена значительно больше людей, чем сегодня, знали толк в морском деле, и могли достаточно профессионально судить, как капитан выводит судно из порта, как ведет себя во время рейса. В море капитан неизменно находился среди богатых пассажиров, обедал с ними за одним столом, поддерживал с ними светскую беседу (кстати, эта традиция сохранилась на пассажирских лайнерах и по сей день).

Таким образом, капитан пакетбота должен был обладать самыми разнообразными способностями. Он вел свой корабль, не имея элементарных приборов и не располагая никакой связью с берегом, он должен был стараться пересечь Атлантику за минимальное время, ибо трансатлантическая публика издавна любила подобного рода рекорды. К тому же капитан очень зависел от богатых путешественников, потому что если рейс оканчивался успешно, помимо премии от судовладельца, он получал от пассажиров богатые подарки. Естественно, он старался быть очень обходительным с пассажирами, найти с ними общий язык, если надо – успокоить, решить конфликтную ситуацию. К тому же, капитан должен был обладать огромным мужеством, волей, способностью подчинить себе весьма своеобразный коллектив – экипаж парусника, поскольку моряки того времени отличались своей независимостью и необузданностью, так что капитана пакетбота можно было сравнить с укротителем диких зверей с той лишь разницей, что он находился в деревянной клетке, именуемой судном, и огороженной со всех сторон водной преградой, не часы, а дни и недели.

Короче, капитан пакетбота, безусловно, был легендарной личностью, и таких капитанов знали, как имена первых космонавтов. Немало знаменитых людей командовало пакетботами. Среди них был Н. Пальмер, который в молодости сделал важные открытия в Антарктиде, и по сей день ряд географических объектов носит его имя. Широко были известны бывший прославленный китобой К.Маршал и Дж. Делано – по утверждению некоторых авторов, предок американского президента Франклина Делано Рузвельта. Этот лихой капитан на своем пакетботе преодолел Атлантику с востока на запад за 15 суток 18 часов – рекорд, который долго не могли побить трансатлантические суда, уже оснащенные паровыми машинами.

Первоначально судовладельцы делали ставку на богатых путешественников, но когда эмиграция в Америку стала нарастать бурными темпами, руководители компаний поняли, что и на бедноте можно заработать большие деньги, и тогда появились чисто эмигрантские суда, которые принимали на борт уже не десятки, а многие сотни пассажиров.

Современному читателю очень трудно представить себе путешествие на паруснике, скажем, 200 лет назад, в первой половине XIX века. Поэтому попробуем воспроизвести самую обычную для того времени картину.

Небольшой заштатный городок в центральном районе Англии. Бедная семья разорившегося ремесленника, отчаявшись найти счастье у себя на родине, принимает решение продать свою лачугу и всё, что представляет хоть какую-нибудь ценность, и отправиться в Америку, где, как говорили, всё зависит от тебя самого, твоих способностей и рук.

И вот в одно прекрасное раннее утро вся семья усаживается в наемный экипаж, до отказа набитый нехитрым скарбом, и несколько дней трясется по бездорожью до того портового города, откуда должна начаться морская часть пути. Наконец, измученные лошади доставляют не менее измученное семейство до пристани, над которой возвышаются мачты парусного судна компании Блэк Болл Лайн.

Редко кому удавалось покинуть порт в тот же день. Во-первых, зачастую по несколько суток, а порой и недель, не было попутного ветра, а, во-вторых, компания не выпускала судно в рейс до тех пор, пока не набирала достаточного количества пассажиров и грузов.

В ожидании отправки наши путешественники расходовали значительную часть своих припасов. Для их пополнения приходилось обращаться к местным лавочникам, беззастенчиво обиравшим своих покупателей. А продовольствия в дорогу нужно было запастись много, поскольку ни пассажиры, ни сам капитан не имели ни малейшего представления о том, сколько будет продолжаться рейс. Например, зимой 1836-37 гг. парусник «Даймонд» шел из Ливерпуля в Нью-Йорк 100 дней. Из 180 пассажиров 17 умерло от истощения. Немало людей умирало на парусниках и от эпидемий, особенно от холеры.

Перед нами пожелтевшая от времени газета Нью-Йорк Гералд Трибюн от 26 октября 1853 г. Автор статьи пишет:

«Сообщают, что на ряде прибывших в Нью-Йорк эмигрантских судов имели место многочисленные случаи смерти пассажиров. На одном из пакетботов «Чарлз Спрейг» на переходе из Бремена в Нью-Йорк умерло 45 человек, на паруснике «Уинчестер» из Ливерпуля –

79 человек. За период с 11 сентября по 21 октября 1853 г на судах, прибывших в Нью-Йорк, из 4282 человек умерло 330!

Хотя капитаны в своих отчетах просто фиксируют количество смертных случаев, ясно, что причина этих смертей – холера – роковая болезнь, которая наносит такой урон судоходству Европы. Возможно, что некоторые пассажиры умерли от обычных болезней, но нет сомнения, что на борту многих судов свирепствовала холера, и это подтверждается тем фактом, что из эмигрантов, помещенных на карантин, 33 человека были больны холерой».

В связи с этим Американская медицинская ассоциация обратилась в Конгресс с памятной запиской, в которой указывается на необходимость включать в экипаж каждого эмигрантского пакетбота судового врача.

Но что мог сделать врач даже самой высокой квалификации на паруснике, где в твиндеке – длиной около 45 м и высотой всего 1,8 м в течение всего рейса ютилось до 500 человек – грязных, измученных от духоты, качки, скверной пищи. Спали на койках, расположенных в три яруса (это при высоте твиндека 1,8 м!). На каждого эмигранта приходилось не более полутора метров жизненного пространства.

Свет с трудом пробивался через люк в верхней палубе, через этот люк поступал свежий воздух. Но в штормовую погоду люк задривали, и из душного темного твиндека глухо доносились на разных языках крики, мольбы и проклятия. Недаром эмигрантские суда называли плавучим адом и плавучими гробами.

Однако, вернемся к нашим путешественникам. Настал день, когда на пакетботе подняли паруса и судно вышло в море. Как всегда, капитан постарался на славу: все подходящие и неподходящие помещения были забиты пассажирами до отказа, а проходы были завалены багажом, ели и спали тут же. В это трудно поверить, но в одной из спасательных шлюпок капитан разместил шесть семей, которые жили безвылазно на этой шлюпке до конца рейса. Духота и зловоние на судне не поддавалось никакому описанию. И это объясняется не только отсутствием современной сантехники, вентиляции и т.д., но и тем, что, боясь умереть от голода, все: и члены экипажа, и пассажиры старались взять с собой как можно больше продуктов. Через некоторое время из-за отсутствия холодильников эти продукты начинали гнить, но никто не смел выбросить ни крошки – ведь даже господь бог не мог знать, когда кончится это страшное путешествие, поскольку парусное судно находилось в полной зависимости от попутного ветра.

Самой острой была проблема питьевой воды. Ее хранили в бочках и выдавали по кварте (т.е. около 1 литра) в день на человека. Через некоторое время вода тоже начинала протухать. Чтобы замедлить этот процесс, в воду добавляли хинин (кстати, современный тоник – это та самая вода, которую брали с собой в рейсы моряки – с примесью хинина). За неимением воды пили спиртные напитки, которые, увы, не портились. Постепенно даже у самых уживчивых пассажиров резко ухудшался характер, нередко на судне возникали ссоры и драки. Особенно много конфликтов возникало на крошечном камбузе (обычно размером 3,6 x 1,8 м), ибо он был один, а желающих сварить или разогреть пищу – много. Если страсти накалялись до предела, нарушителей спокойствия пытался усмирить сам капитан, который бегал по палубе размахивая пистолетом, и только таким способом мог добиться некоторого порядка.

Когда участились случаи смерти людей на судах от истощения, в Англии и США были приняты законы, по которым судовладельцам настоятельно рекомендовалось обеспечивать пассажиров пищей во время перехода через океан. После принятия этих законов появились любопытные документы – контракты, которые подписывали капитан и все пассажиры, ступившие на борт трансатлантического пакетбота. Ниже приводится образец такого контракта:

«Мы пассажиры, обещаем быть спокойными, покорными людьми, обещаем быть довольными нормами пищи и воды, указанными в настоящем контракте, также обещаем согласиться с уменьшением норм воды, которые определит капитан судна в случае неблагоприятных погодных условий и в связи с затянувшимся рейсом.

Я, капитан судна, добросовестно обещаю подписавшимся ниже пассажирам, если бог даст благополучный рейс, доставить их из Европы в Филадельфию в Северной Америке. Обещаю им во время плавания предоставить им возможные удобства на судне и постараюсь выдавать им ежедневно оговоренный в настоящем контракте паек, который устанавливается в следующем количестве:

Воскресенье. 1 фунт говядины с ячменем, 2 супа.

Понедельник. 1 фунт муки и 1 фунт масла на всю неделю.

Вторник. 0,5 фунта сала с вареным горохом.

Среда. 1 фунт муки.

Четверг. 1 фунт говядины с картошкой.

Пятница. 0,5 фунта риса.

Суббота. 0,5 фунта сала (нарезанного) с горохом, 3 супа, 1 фунт сыра и 8

фунтов хлеба на всю неделю.

Кроме того, ежедневно будет выдаваться по кварте пива и питьевой воды».

Наш путешественник родился под счастливой звездой: он вместе со своим семейством благополучно добрался до обетованной земли, но до конца жизни он помнил те муки, которые его семья испытала во время плавания, и наказал детям и внукам никогда не садиться на корабль.

Но каким бы трудным ни был этот путь для миллионов переселенцев, приходилось терпеть, поскольку других способов пересечь Атлантику еще не было.

Олег Щекотихин

Запорожье, Украина

Мурены

Вот как описывает этих морских обитателей, с которыми приходится встречаться любителям подводного плавания, Б. Холстед в книге «Опасные морские животные»:

«Мурены пользуются дурной славой сильных и злобных тварей, но они редко нападают, если не спровоцированы. Раненые, они могут наносить жестокие рваные раны, их узкие мускулистые челюсти вооружены крепкими, похожими на ножи зубами. Вцепившись бульдожьей хваткой, они не разжимают челюсти до смерти. Их мощное мускулистое тело покрыто плотной кожей, которую нелегко пробить ножом. Некоторые крупные виды достигают в длину свыше

3 метров при толщине 30 сантиметров. Они живут на дне, обычно скрываясь в расщелинах, под кораллами и камнями.»

С муренами мне многократно приходилось встречаться на Кубе. Обычно это были безобидные встречи при очередном погружении за раковиной или кораллом, или просто при погружении на дно. Это были встречи с одиночными тварями, сидевшими в расщелинах каменистого дна. Всё тело мурены помещалось в углублении скалы или рифа, а на поверхности была только уродливая голова с двумя маленькими глазами, расположенными с краю. При приближении к мурене она на треть или на половину выскакивала навстречу, совершая пугающее движение, как бы предупреждая – не приближайся к моим владениям. При этом иногда открывалась пасть, обнажая ряд острых зубов. Взглянув на эту омерзительную тварь и не желая с ней вступать в более близкие отношения, я обычно всплывал и обходил логово мурены стороной.

Неприятная встреча с муренами, грозившая закончиться не совсем счастливым исходом, состоялась в Южном Йемене в окрестностях города Мукалла. Этот район, где обитают арабы и выходящие из пустыни бедуины, долгое время был закрыт для европейцев. Первым, кому удалось побывать там и описать природу и быт обитателей Мукаллы, был известный путешественник средневековья Марко Поло.

Наш теплоход «Джузеппе ди Витторио» пришел в Мукаллу и производил выгрузку грузов для Южного Йемена на рейдовой стоянке, так как причалов и порта в этом городе нет. Рано утром к теплоходу подплывали длинные вместительные деревянные лодки и принимали наш груз. В окрестностях Мукаллы располагалась советская рыболовная экспедиция, которая, по просьбе правительства Южного Йемена, занималась изучением рыбных запасов этого региона. Единственным доступным развлечением экипажей советских судов в годы «холодной войны» был просмотр советских кинофильмов, которыми в большом количестве снабжались суда культурбазами пароходств. Увольнение на берег разрешалось на несколько часов в светлое время суток в составе группы не менее трех человек под руководством кого-нибудь из комсостава. А после вечернего чая все собирались в столовой команды и в длительных рейсах по нескольку раз просматривали одни и те же фильмы. Особенной популярностью пользовались «Чапаев» и «Когда казаки плачут», которые крутили чуть ли не каждый вечер.

У рыбаков поломался киноаппарат, и они попросили нашего капитана, добрейшей души человека, помочь его починить. Нашим нештатным добровольным киномехаником был отличный электрик Володя Пошилов, крутивший кино еще при службе на крейсере «Красный Кавказ» и хорошо разбиравшийся в устройстве киноаппаратуры. А так как его одного послать на берег было нельзя, меня электромеханика и непосредственного командира Володи капитан послал старшим. Пропустить возможность понырять в Аденском заливе я не мог и захватил с собой маску и трубку. Пока Володя занимался ремонтом киноаппарата, я отправился за пределы арабской деревни к берегу моря.

Моё продвижение к морю началось с того, что меня окружила свора собак в несколько десятков средних размеров между овчаркой и дворняжкой. Собаки злобно лаяли и, оскалив зубы, пытались напасть на меня со всех сторон. Изрядно испугавшись, я, исполняя танец Святого Витта, подпрыгивал то на правой, то на левой ноге, увертываясь от злобных тварей. Выручил меня араб, большущим веслом начавший разгонять злобную, громко лаявшую стаю. Благополучно добравшись до берега, усеянного большими камнями, упавшими с гористого склона, я, вооружившись трубкой и маской и надев рабочие рукавицы, погрузился впервые в жизни в воды Индийского океана.

Дно возле берега оказалось каменистым и лишенным какой-либо живности. Несмотря на предупреждение, услышанное от рыбаков, что

в этом районе много акул, решил немного отплыть от берега. Охота пуще неволи. На какой только неразумный шаг пойдешь, чтобы увидеть что-то необычное в морских глубинах. Проплыв несколько десятков метров, я увидел небольшую ракушку-конус. Какой подводный охотник откажется от возможности пополнить коллекцию морских трофеев этой необычайно красивой и смертельно опасной раковиной!

Брюхоногих моллюсков рода Конус коллекционеры любят за красивый узор их конической раковины. Существует более 400 видов конусов, и все они имеют хорошо развитый ядовитый аппарат. Конусы обычно держатся под камнями, кораллами или ползают по песку. Яд многих тропических видов бывает причиной гибели людей. Готовясь уколоть, моллюск выдвигает зубы радулы, чтобы вонзить их в тело жертвы. Конус наносит колотые раны. В тяжелых случаях у пораженного ныряльщика может возникнуть паралич, последовать обморок и в результате – прекращение деятельности сердца и смерть.

Раковины с живыми моллюсками следует брать осторожно, стараясь не прикасаться к мягким тканям животного.

Я осторожно взял конуса, удерживая его за основание и вершину раковины со стороны, обратной отверстию, и опустил его в рукавицу, используя ее как мешочек для подводной добычи. Воодушевленный редкой находкой, впервые встретившейся мне в моих подводных прогулках, я устремился дальше от берега. В расселине между двумя большими камнями на песчаном дне лежала большая раковина конуса. Устремляюсь в проем между камнями – и конус в моей рукавице. Пытаюсь развернуться и выплыть из расселины, но не тут-то было. Стены двух больших камней, почти достигавших поверхности, усеяны прикрепившимися к ним морскими ежами. Развернуться негде, не зацепив этих мерзких тварей.

Одно из ныряний на Кубе, когда я задел сваю, на которой находилось несколько ежей, ногой, не защищенной ластом, закончилось попаданием в нее десятка иголок, снабженных множеством зазубрин, по форме напоминающих рыболовный крючок, да к тому же еще и ядовитых. Первое ощущение – жгучая боль и одеревенение пораженного участка ноги. Вытащить иголки, не разрезав ногу, невозможно. Поэтому судовой врач сказал, чтоб я проковылял на больной ноге пару недель, пока остатки игл не рассосутся. Стоять вахту на такой раненой ноге, как говорят в Одессе, удовольствие ниже среднего. Но куда денешься – «бачили очі, що купували, їжте, хоч повилазьте».

Вот как описывает этих иглокожих Б. Холстед: «У ежей иглы длинные, тонкие, полые и острые, касаться их чрезвычайно опасно. Благодаря острым концам и бороздкам эти иглы проникают глубоко в тело, а из-за своей хрупкости легко обламываются в ранке, и извлечь их оттуда очень трудно, иглы некоторых морских ежей ядовиты. Проникающие в тело шипы морского ежа немедленно вызывают ощущение сильного жжения. Вскоре появляется покраснение, опухоль и ноющая боль. Шипы морского ежа чрезвычайно трудно извлекать из тела, но они сами легко рассасываются через 24–48 часов. Не следует трогать руками никаких морских ежей с длинными иглами».

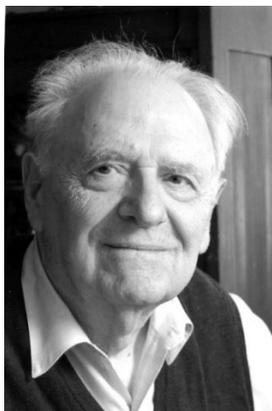
Однажды поймав с десяток иголок в ногу, я четко представлял, во что может обернуться попытка развернуться в узкой расщелине и поэтому решил продолжить движение вперед вдоль узкого коридора, образованного огромными валунами. Проплыв несколько метров, я увидел, что песчаное дно сменилось на каменистое со многими отверстиями, в которых на каждом квадратном метре виднелось по несколько отвратительных голов мурен. Продолжаю двигаться вперед. Небольшие волны, которые я раньше не замечал, плавно поднимают меня, а затем опускают на головы мурен, которые при приближении моего тела к ним дружно высовываются с приоткрытыми пастьями. Маленькие желтые глаза злобно наблюдают за моими движениями.

Самочувствие препоганое, но куда денешься, надо двигаться вперед, чтоб вырваться из этой западни, тем более, что до выскакивающих мурен не менее полуметра. Еще несколько метров, и я с ужасом вижу, что дно стало ближе ко мне, – глубина уменьшилась, а гнусные твари, количество которых не уменьшается, почти подсакивают к моему животу. Состояние ужасное, но стараюсь собраться, не паниковать и продолжаю плыть к уже видимому впереди окончанию узкого коридора. Еще несколько метров – и глубина стала больше, а расстояние между мной и подсакивающими вверх гнусными тварями увеличилось и стало безопасным. Наконец, я на чистой воде, а западня осталась со стороны берега. Как можно быстрее гребу к спасительному берегу, а оказавшись на нем, извергаю, в дань Нептуну, содержимое съеденного на судне обеда – такая реакция организма на пережитое волнение. Посидев некоторое время на берегу и придя в себя, направляюсь на базу рыбаков. В рукавице две раковины конуса. Из большой раковины с трудом извлекаю на судне тело моллюска и по приходе из рейса водружаю ее в состав моей многочисленной морской коллекции – как память о

неприятном погружении в негостеприимные воды Индийского океана.

Сергей Голлербах

Нью-Йорк, США

Путевые заметки. Финляндия

В Финляндии я побывал два раза, первый раз в 1940 году, а второй раз ровно пятьдесят лет спустя, в 1996 году. Наибольшее впечатление на меня произвел первый визит, и это потому, что я впервые в жизни вступил на территорию бывшей «заграницы».

Как известно, зимой 1939 года Советский Союз предпринял военные действия против Финляндии на том основании, что она угрожала безопасности города Ленинграда, находящегося в трех километрах от финской границы. Военные действия начал, как сказано было в прессе, военный округ Ленинградской области под командованием генерала Мерецкова.

Мне было тогда четырнадцать лет, но я многое хорошо запомнил. Военные действия велись бездарно, надеясь на молниеносную победу, генерал Мерецков послал бойцов в кожаных сапогах, в то время как финны в белом камуфляже были в валенках и на лыжах. Потери советских войск оказались велики, причем масса солдат – с обмороженными конечностями.

Все больницы Ленинграда и окрестностей были полны этими несчастными. Конечно, маленькая Финляндия, несмотря на героическое сопротивление, не смогла устоять перед Советским

Союзом, и пришлось отдать ему Карельский перешеек. А там, в местечке Куоккала, находился дом нашего знаменитого художника Ильи Ефимовича Репина, оставшегося в эмиграции, несмотря на многочисленные призывы вернуться в Россию. Много лет спустя в Нью-Йорке одна престарелая эстонка, хорошо говорившая по-русски и встречавшая в молодости Репина, говорила мне, что ему писал Ворошилов с призывом вернуться на родину. Репин отвечал отказом, причем в письмах часто «выражался».

1910-1911 гг. Дом И.Е.Репина в усадьбе «Пенаты».

Весной 1940 года родители решили поехать со мной в Куоккала. Если не изменяет мне память, надо было сделать пересадку на маленькой станции Териоки, уже на территории бывшей Финляндии. Таким образом, я впервые вступил на «заграничную землю» и она произвела на меня большое впечатление, маленький вокзал Териоки был чист, на дверях в зале ожидания были медные ручки, начищенные и блестящие.

А финские домики были покрашены в светлые тона и выглядели как-то весело на фоне темной зелени хвойных деревьев. Ничего серого, унылого, запущенного. Да, это была бывшая таинственная граница, про которую мы читали много небылиц в советской прессе. Сам домик Репина меня разочаровал. Не знаю, чего я ожидал, но скорей всего какого-то круглого стола и вегетарьянской еды, которой

кормила художника его жена; а также отсутствие больших картин – это было не то, что я думал увидеть. Главное, что осталось в памяти – я был на бывшей заграничной земле.

Второй мой визит в Финляндию состоялся в 1996 году. Вместе с женой я был тогда в Москве, и ожидалось какие-то выборы. Думая о возможности беспорядков, мы решили поехать в Хельсинки и там провести несколько дней. Остановились мы в отеле Интерконтиненталь уже под вечер. Хочу тут сказать, что все люди, как известно, делятся на сладкоежек и кислоежек, и я принадлежу к этой второй категории.

Люблю по утрам закусывать чем-то кисленьким и соленным, а не сладкими булочками, которые подают обычно в западноевропейских отелях. И вот тут в Хельсинки я мог насладиться утром селедочкой, копченой рыбой, икрой. В городе мы осмотрели музей, в котором были полотна Репина, но, увы, это был престарелый Репин. Его лучшие полотна остались в России. Совершили мы также поездку на катере вокруг многочисленных островов. К сожалению, гид давал объяснения сначала по-фински, потом по-шведски и под конец по-английски. К этому времени описываемый остров был уже позади. В городе движения было мало, но дисциплинироованные финны ждали зеленого огня для перехода улицы даже тогда, когда ни трамвая, ни автомашины нигде не было.

Заграница! Выборы в России прошли спокойно, и через Стокгольм мы вернулись домой в Нью-Йорк. Ничего более интересного об этих двух визитах в Финляндию рассказать не могу. Однако, в связи со скандинавскими странами мне вспоминается одна история о Петре Великом и его войне со Швецией.

Не помню сейчас, где я о ней читал, но вот что произошло в 1703 году. Петр Великий остановился под Нарвой в маленьком постоялом дворе, принадлежавшем еврею по имени Шапиро. Шапиро знал русский, немецкий, финский и шведский языки, и русский царь сразу взял его своим толмачом, то есть переводчиком. Русские войска потерпели под Нарвой поражение, но Петр попросил Шапиро остаться с ним, так как тот оказался человеком дельным. Шапиро передал постоялый двор своему родственнику и последовал за русским царем, занимаясь также денежными делами.

После победы над шведами под Полтавой в 1709 году Петр Великий сказал Шапиро: «Останься при мне, я сделаю тебя министром финансов. Но ты для этого должен креститься, а я дам тебе титул графа Шафировова.» Шапиро крестился, стал графом Шафировым, министром финансов, и женился на русской. У него

родилось несколько дочерей, но мальчика не было – и род графов Шафировых не продолжился.

Но дочери его, красавицы-девушки, повыходили замуж за знатных русских, и в роду князей Трубецких и одной из ветвей графов Толстых находится пра-прадедушка граф Шафиров-Шапиро. Еще один слух – отцом Петра Великого был не «тишайший» царь Алексей Михайлович, а патриарх Никон, мужчина громадного роста и жестокого характера. Вспомним преследования староверов. Кроме того, Никон по национальности был мордвин.

Вернусь снова к Финляндии. Живущих под Ленинградом финнов называли чухонцами, они торговали молоком и работали на дровяных складах. В годы моего раннего детства на Масленице были еще «вейки», сани с лошадьми, украшенными лентами и бубенцами. Один раз я катался на них. Были также финские санки, кресло с ручками и длинные полозья. На таких можно было возить девушек.

Таких санок у меня не было. Наконец, гордостью всех мальчишек были «финки», финские ножи, имелись они чаще всего у хулиганов. В заключение скажу, что с годами я полюбил юг Европы, в особенности Лазурный берег Франции, но «финские болота» Петербурга, суровые северные зимы, снега и треск горящих дров в печке остались моей первой любовью.

Ольга Соловьева

Санкт-Петербург, Россия

Новогодняя Вена. Из записок на коленке

Праздники Рождество и Новый год популярны во всем мире, а во многих странах приобрели статус государственных. Рождество имеет глубокие корни, которые скрываются во мраке времен, намного более давних, чем возникновение христианства. К примеру, в древнем Риме в это время отмечали Сатурналии, весьма любимые народом, а с воцарением новой монорелигии адаптированные под нее.

К рождественско-новогодним праздникам начинают готовиться заранее. В социальных сетях появляются эффектные изображения всевозможных наряженных елок, символа праздника, традиционных живых лесных красавиц или искусственных. А также изготовленных из подручных, порой самых неожиданных материалов, как-то: винных бутылок или старой одежды и тряпья. Креативненько, с фантазией.

Но главное – создать праздничное настроение. И лучше загодя. Например, без спешки, с удовольствием выбрать себе правильное платье. В этом году бутики и сетевые магазины дружно предлагают женщинам стать самим подобием елочных игрушек, а именно – нарядиться в блестящие наряды. Ими в изобилии украшены витрины и ими же увешаны соответствующие секции торговых залов. Слегка разбавили весь этот режущий глаз блеск черные бархатные платья. Признаться, стать одной из елочных игрушек как-то нет особого желания. Да и похожие наряды у меня есть (как, впрочем, и черный бархат), к тому же неоднократно «выгуленные в свет».

Но на границе осени и зимы, в «черную пятницу», настоящий подарок своим клиенткам сделал «Лабиринт» во Владимирском

Пассаже, предоставив большие скидки на аутентичные наряды, сочетающие классическую женственность с необычными принтами и оригинальными элементами кроя. Вот там я и нашла себе подходящее платье. Наряд есть, правильное настроение создается. Бинго!

Осталось решить вопрос, где провести праздники. Многие приезжают в нашу Северную столицу. Для них это «роскошный город», как выразилась одна моя знакомая, проживающая в Стокгольме и частенько навещающая в Санкт-Петербург. Для нее Стокгольм – «домашний», там «не особо интересно». Я бы о Стокгольме так не сказал. В столице Швеции очень даже интересно. «Домашним» для меня как раз является Питер. Ну, это понятно. Мы видим «кухню», гости – шикарно оформленный зал «туристического ресторана» с эффектными «блюдами».

Но мне-то хочется сказки, а не кухни. Вот я и решила исполнить свою давнюю мечту – провести новогодние праздники в Вене. В Вену я влюбилась заранее. С чем ассоциируется, в первую очередь, столица Австрии, а ранее столица – шикарной Австро-Венгерской империи Габсбургов? Конечно, с музыкой, с Венской Оперой.

Как Мекка является центром паломничества для одной из религий, так и Венская опера, пожалуй, считается культовым местом для любителей классической музыки, оперы и балета.

С музыкой Вены я начала знакомиться с раннего детства. Моя бабушка, большая поклонница музыкального театра, приучила меня к ней, регулярно беря с собой в театр на оперетты и музыку Штрауса, чарующие мелодии Моцарта и т.п. Во взрослом возрасте определенную роль сыграл великолепный Венский мюзикл «Бал вампиров», который по лицензионному договору представлялся и на театральной площадке в Санкт-Петербурге.

Благодаря этому мюзиклу, я познакомилась с такими интересными людьми, как Кевин Тарт – первый исполнитель графа Фон Кролока, которого на эту роль выбрал сам Роман Полански, Марком Зайбертом, одним из самых ярких и красивых актеров музыкальных театров Европы, и его директором – очаровательной Мадлен. Интервью с Кевином и Марком были опубликованы здесь, в Seagull Magazine.

Итак, решено: еду в Вену. Тур через московского оператора «БиАл» мне помогла подобрать менеджер Катя Борисова, очень приятная девушка, она из тех, про работу которых, чем бы человек ни занимался, говорят: «Это работа художника». Знаете, как в «Хануме»: «← Хороший портной – художник, хороший сапожник – художник. – А плохой? – Сапожник. Что о нем говорить?». Как оказалось, Катя

закончила и музыкальный колледж, параллельно продолжает заниматься музыкой. И тут музыка.

По прибытии в столицу Австрии бросилось в глаза изрядное количество арабов – результат сомнительной политики допуска мигрантов в Европу, начало которой положила Франция и подхватила Швеция. Теперь результаты ее расхлебывает вся Европа. Как рассказали позднее, в Австрии ситуация более-менее нормализовалась, мигрантов стараются оперативно переправлять в Германию. Много туристов-китайцев, но не в таком обилии, как в нашей Северной Столице.

Я заказывала еще и трансфер. Так что вопрос, как добраться из аэропорта до отеля, отпал естественным образом. Водителем оказался русский Максим, который давно уже живет в Вене, по пути рассказал о венских катакомбах, существующих еще со времен римлян, об интересных местах, мало знакомых туристам, типа Музея копья, обратил внимание на монумент советским воинам, ухоженный, в позолоте, – настоящий укор некоторым государствам, ранее входившим в состав СССР, да и политике нынешнего лидера РФ.

Мерседес, который вез меня из аэропорта, вначале проехал промзону, затем традиционные австрийские частные домики с черепичными крышами, и наконец, сбоку шоссе возникли два высотных здания современной постройки, которые, как стражи, охраняли дорогу. Еще немного – и мы оказались у моего отеля Kolping Wien Zentral, расположенного в центре Вены, в пешей доступности – Музейный квартал, венская Опера, Ратуша, собор Святого Стефана, а знаменитый рынок Нашмарк – так совсем «под боком».

Номер просторный, чистый, светлый, более чем достаточно удобных шкафов и тумбочек для вещей, имеется сейф, WiFi, большой телевизор и т.д. Забегая вперед, скажу, что завтраки оказались вкусными, разнообразными, отличный кофе, столы гостей ждут уже с сервировкой, которая в процессе использования оперативно обновляется – даже 1 января. Те, кто дошли-таки до завтрака, оценили.

Устроившись, я пошла знакомиться со столицей Австрии, в недавнем прошлом – столице империи Габсбургов. Конечно, было интересно сравнить два имперских города – Питер и Вену. Они отличаются. Элеонора из Стокгольма определила Санкт-Петербург, как роскошный. Ну а я бы назвала прекрасную Вену одновременно величественной и изысканной. Наполненную особым шармом.

Вена... Стойкие ассоциации – венский вальс, венская опера, кофе по-венски, венские сладости... Музыка в жизни Вены занимает совершенно особое место. Здесь родились и развивались все основные направления западноевропейской музыки, возникшие за последние 200 лет. Тут жили и творили Гайдн и Моцарт, Бетховен и Брамс, Шуберт и Штраус, Глюк и т.д.

Пожалуй, трудно в мире найти другой город, с которым была бы связана жизнь и судьба такого количества величайших композиторов XVIII-XIX веков. Венцы даже шутят, что по количеству музыкальных классиков на душу населения их город уже давно надо вносить в «Книгу рекордов Гиннеса». Собственно, я и первые фотографии сделала рядом со скульптурами Моцарта. Не специально, так получилось.

Достопримечательностей, музеев и интересных мест в центре города более чем достаточно. Возникает проблема выбора. На все времени просто не хватит, да и не музеями едиными жив в человек в новогодний период. Я начала с музея Альбертина. Во-первых, первым попался на пути, во-вторых, там проходила выставка гравюр Дюрера, которые хранятся в запасниках и выставляются крайне редко.

Была очередь, но стоять в ней было совершенно не тяжело, она быстро двигалась, не требовалось проходить через металлоискатели и

прочие препоны для туристов. Очередь разветвляется на несколько ветвей у касс, потом снова сливается, быстро проходим через билетный контроль, по желанию – оставляем вещи в шкафчиках. Но последнее совсем не обязательно. Стоит заметить, что Вена, по сравнению с Питером, весьма демократичный город. И при этом никаких особых проблем не возникает, по крайней мере, мы о таковых не знаем. По контрасту с нашей Северной столицей.

Побывав в столице Австрии, невольно делаешь вывод, что нынешний лидер России, имевший в прошлом некоторое отношение к спецслужбам, сознательно нагнетает обстановку, в том числе и с целью обеспечить высокооплачиваемой работой своих бывших коллег.

В музее Альбертина можно полюбоваться интерьерами дворцовых покоев. Питерцев этим, конечно, удивить сложно. Скорее, нам интересно сравнить стилистику. В Северной столице для монарших интерьеров характерна более бросающаяся в глаза роскошь, изобилие позолоты и т.п. Имперская роскошь венских интерьеров соответствует архитектуре, она величественная. Особую теплоту, жилой вид придавала наряженная старыми игрушками большая елка, установленная в центре одной из зал. Конечно, в экспозиции представлены и такие предметы искусства, как скульптура и живопись, относящиеся к разным эпохам – и к Возрождению, и к 19-20 веку...

Лично для меня были очень интересны работы Franz Sedlacek, хотя бы потому, что воочию ранее я с ними почти не знакомилась. Чем-то его живопись перекликается с темой музыки мистического «Бала вампиров».

И конечно, отдельного внимания заслуживает обширная выставка работ Дюрера. Тематика, преимущественно, религиозного характера. Но за такую художественную трактовку, полагаю, легко можно было угодить на костер. Волей-неволей на память пришли гравюры из «Девяти врат», авторство которых приписывалось самому Люциферу. Что касается техники исполнения, обращает на себя внимание тщательно выполненный рисунок. Как говорят сами художники, рисунок – и есть самое сложное. Все остальное – раскраска, достаточно освоить методику и добавить что-то новое.

Из музеев я еще посетила музей Сиси, расположенный во дворце Хофбург. Туда, как правило, большая очередь, на которую боязно смотреть. Но вот удача, в первый день 2020 года Sisi-Museum работал, и днем не было очереди во вполне понятным причинам. Чем я и воспользовалась. Но народу было все равно много. В Вене

присутствуют некий культ императрицы Сиси, сувениры с ее изображением, шоколадки, памятники и прочее, прочее, прочее.

После смерти образ прекрасной женщины, вышедшей замуж по любви, и при этом очень несчастной, приобрел мистический оттенок. С ней стали связывать некоего ангела смерти. Эта тема прослеживается и в мюзикле, посвященном Сиси, – «Элизабет», к слову, в нем Смерть эффектно сыграл Марк Зайберт, его я уже упоминала. Поводы для окружения образа императрицы неким ореолом таинственности были.

Она «увела» жениха у старшей сестры, считалась для своего времени довольно эксцентричной особой, притягивала к себе взгляды современников, при этом не любила общества и официальных приемов, писала стихи, искала средство «вечной молодости», прибегала ради сохранения красоты к довольно странным рецептам. Элизабет пережила смерти близких – маленькой дочки, сына, сестер, друга-кузена Людвига Баварского и сама погибла от рук террориста. По легенде, она обладала даром предвидения, к ней являлся дух ее покойного кузена и предсказал убийство Франца Фердинанда.

Так это или нет, кто знает. Но людям нужны легенды. Вот такой легендой стала и Сиси. На первом этаже музея демонстрировались хрустальные, фарфоровые, серебряные сервизы, предметы дворцового интерьера. Но самое интересное ожидало на втором этаже, экспозиция которого посвящена непосредственно Сиси. Каждому посетителю выдавался «аудиогид» на языке по его выбору. Достаточно было нажать кнопку с номером зала и слушать.

Маршрут организован логично, в первых залах нам рассказывают историю замужества Сиси, демонстрируются ее наряды, картины, принадлежащие ей предметы. Поражает стройность фигуры юной императрицы. Далее мы знакомимся с историей ее жизни, а попутно и с интерьером дворца и предметами, принадлежащими лично Элизабет. Стоит отметить продуманное цветовое и световой оформление, соответствующее таинственному образу Сиси. Например, в центре круглого темно-фиолетового, почти черного зала, который венчает прозрачный черный купол, установлена черная скульптура – императрица, наряженная в копию одного из ее нарядов траурного цвета. Аж жуть охватывает.

Большинство жилых покоев императрицы отделаны в бардовый цвет, наряды Элизабет элегантны, красивы. Эффектны живописные и скульптурные портреты. Самое интересное, что скульптур Сиси в Будапеште больше, чем в самой Вене. По окончании осмотра музея, на выходе, можно зайти в сувенирный магазинчик и что-то купить на память. Таких сувенирных лавочек много, само собой, и в самой Вене.

Собственно, торопиться запастись сувенирами ни к чему. В аэропорту после прохождения контроля их достаточно, да и подешевле будут.

Хорошо и просто гулять по улицам Вены, наслаждаться музыкой архитектуры, застывшей в камне, в каждой линии, в каждом очертании, проходить под сводами величественных соборов, мимо роскошных дворцов и витрин, толкаться на распродажах, впитывать рождественско-новогоднюю музыку улиц, ярмарок, вдыхать аромат горячей смеси вина с пряностями – глювайна (глинтвейна). В это время глювайн вытесняет знаменитое австрийское пиво. И не только вдыхать. Пряный напиток согревает своим теплом, а небольшая доза алкоголя слегка расширяет сосуды. Пять минут – и чувствуешь себя заново родившейся.

Если проголодаешься, можно закусить вкусной сочной венской сосиской. Так постепенно и становишься частью яркого и очень разнообразного города, где уместно переплетаются классическая музыка и высокое искусство с развесёлой тусовкой. В новогодний период музыка улиц звучит не только в переносном, но и в прямом смысле. Самая разная. Современная, тусовочная, классическая, знаменитые венские вальсы. Недаром называют Вену городом – вальсом. Перед Новым годом вальсы звучат во многих местах, а пары на улицах, не актеры, обычные прохожие, кружатся в этом танце.

Уличная музыка – это замечательно, но побывать в столице Австрии и не посетить профессиональный музыкальный театр, было бы неппростительно.

В праздники это проблема. Ну да ищущий обрящет. На мюзикл Cats я не попала, но зато вечер предпоследнего дня уходящего года провела в знаменитой Венской Опере, смотрела «Ганзель и Гретель» и на хорошем месте. Прекрасная постановка, голоса, сценография. Роскошное здание и интерьер. Посетила буфет, откушала чудного австрийского вина. Кстати, буфет здесь в среднем дешевле питерских театральных. Да и на билеты цены не «зашкаливают». Для тех, кто не может посетить Оперу, проходит трансляция постановок в режиме on-line на большом экране, установленном на фасаде здания. На обширной площадке перед фасадом устанавливаются скамейки и стулья для удобства уличных зрителей. Здесь высокое искусство доступно для всех слоев населения.

Однако, не единой духовной пищей сыт человек. Перейдем к музыке венской кухни. Столица империи Габсбургов – настоящий рай для любителей вкусностей. Помимо традиционного штруделя, знаменитых венских сосисок, шницеля и гуляша, с Веной стойко

ассоциируется торт Захер. «Захер» в 1832 году придумал венский кондитер еврей Франц Захер. Состоит он из бисквитного коржа, абрикосового конфитюра, шоколада и взбитых сливок. Эти четыре ингредиента сделали торт символом целой страны. Отличительная особенность и ноу-хау этого лакомства – слой абрикосового конфитюра под шоколадной глазурью. Именно вторая прослойка которого, а точнее ее отсутствие, помогла когда-то разрешить судебный спор между двумя сторонами: кафе-отелем «Захер» и кондитерской «Демель». Кафе «Захер» находится позади здания Оперы. Сравнительно неподалеку, образуя треугольник, расположены еще два статусных кафе «Моцарт» и «Демель». Выбираю «Захер».

Пришлось отстоять очередь в знаменитое место. Но время пролетело незаметно, обстановка была непринужденная, ожидающие «пофоткались», пообщались, было интересно. Говорят, что это исключительно туристическое место, но это не совсем так. Иностранных туристов, конечно, много. Со мной рядом оказались итальянцы. Но и австрийцы, и жители столицы не пренебрегают знаменитым кафе.

Некоторые заказывают столик заранее. Когда подходит очередь, столики уже убраны и сервированы. Вначале вас приглашают в фойе, где располагаются гарбероб, туалетные комнаты. Последние, даже если нет необходимости, обязательно надо посетить, полюбоваться их шикарной мраморной отделкой, большим букетом свежих цветов, посмотреть на свое отражение в огромных зеркалах,... Приведя себя в порядок, занимаем место за убраным и сервированным столиком. Роскошная обстановка, позолота и красный бархат, вышколенные официанты, улыбчивая распорядительница в элегантной черно-белой форме.

Элегантно оформленное меню. Я, не мудрствуя лукаво, заказываю фирменный «Захер», капучино, официант приносит еще и бутылочку воды. Очень красиво и вкусно! Конечно, цены выше среднестатистических. Но оно того стоит.

А вот венский яблочный штрудель я отведала уже в другой день и в другом месте – вечером первого дня нового года в кафе Aida, что находится перед зданием Оперы. Никуда, как видите, от музыки в Вене не деться. Мне попалось еще одно кафе этой сети, неподалеку от Собора Святого Стефана, но судя по публике, оно стало туристическим местом. А заведение поменьше, которое я облюбовала, посещают преимущественно местные. Туда и пошла. Весьма бюджетно.

Штрудель, эспрессо и стакан воды мне обошлись всего в какие-то три с половиной евро. Тесновато. Но сидишь за столиком, тебя обслуживают вежливые официантки. Тарелочки, кофейные чашечки, ложечки-вилочки, салфеточки – все как полагается... Бело– розовая униформа персонала гармонирует с цветом блеклой розы столешниц. Миленько. Кофе крепкий, отлично сваренный, штрудель вкусный, не вчерашний.

С интересом наблюдаю за публикой. Троица за два столика от меня что-то воодушевленно обсуждает, при этом мужчина-доминант активно жестикулирует. Не совсем типично для венцев. Они чаще всего спокойны и улыбкивы. Пара за соседним столиком существует в двух мирах – виртуальном своих гаджетов и материальном – тортиков – кофе. Достая блокнот, начинаю делать заметки для этой статьи. Официантка и парень за стойкой заметно занервничали. Может, пожалели, что штрудель подали не с «пылу-жару». Да все и так хорошо.

Ну и как было не познакомиться с атмосферой центрального рынка Нашмарк, коли он в «двух шагах» от отеля. К тому же несколько раз оказывался по пути. Проходила через него. Людно, шумно, разнообразные товары, сыры, колбасы, вино, пряности-сладости, стойки с фирменными шоколадом, сладостями, много ресторанчиков. Рынок не дешевый, цены в ресторанах, пожалуй, будут повыше, чем в ряде кафе-ресторанчиках в городе. Посетителей, однако, много. Местечко для любителей соответствующей атмосферы. Как и на любом рынке, можно торговаться, можно и нужно пробовать. Собственно, можно пройти через весь рынок и попробовать-наесться, не потратив ни цента. Что я пару раз и проделала.

В Вене встретилось довольно много русскоговорящих, которые здесь живут-работают. Я уже рассказала о Максиме, везшем меня из Аэропорта. На рынке встретила прекрасно говоривших по-русски Адела из Сирии, который учился в сельско-хозяйственном институте в Екатеринбурге, и украинцев из Львова. Познакомилась в столице Австрии с русскими актерами, работающими здесь в новогодний период, Владимиром, родом из города Черновцы, и Русланом из Красноярска. Гардеробщик в знаменитом «Захере», выходец из бывшего СССР, прокомментировал мое удивление: «А чему удивляться? Все мы славяне».

Действительно, зачем нас всех ссорят? Мы хотим дружить, а не враждовать. Руслан, который работал по всей Европе, от Норвегии до

Испании, вывел простую формулу, как стать своим в любой стране: «Учи язык, не лги и не воруй. И тебя примут». А ведь так и есть. Я бы еще добавила к этому фразу, украшающую стену кафе моего отеля: «Do what you love. Love what you do» (Делай, что ты любишь. Люби, что ты делаешь). Все просто.

Ну и наконец, о самом Новом годе. В Вене это сказка, это феерия. На фасаде Оперы – демонстрация «Летучей мыши». По направлению к площади Св.Стефана – множество ярмарочных ларьков, различные музыкальные шоу. Близлежащие улицы запружены народом. Люди веселятся, танцуют. Здесь же можно купить шампанское или глювайн, разнообразные закуски. Праздничная иллюминация... Встречаем Новый Год в симпатичном кафе-ресторанчике рядом с собором Св. Стефана. В полночь выходим на улицу, наблюдаем шикарное световое шоу... Новогодняя Вена – это праздник, который хочется увезти с собой!

И в заключение мой ответ тем, кто нелестно отозвался о столице Австрии на страницах этого журнала: побывав здесь, я влюбилась в Вену окончательно и бесповоротно и жду новой встречи с ней.

Юрий Бриль

Екатеринбург, Россия

Правила сёрфера. Из рубрики «Путешествия без границ». Часть 1

Плохие парни

Хороший денек обещался, не совсем обычный. Серега протянул таксисту 10 миль песо, а он сказал, нет сдачи, и денег не взял.

– Не верю! – восклицал мой друг режиссер. Мы шли по одной из центральных авеню Вальдивии и пытались осмыслить это

невероятное событие. – Не верю в таксистов, которые возят бесплатно.

– Наш таксист поступил бы иначе.

– Даже если бы было чем сдать.

– Вот-вот!.. Что-то здесь не так...

– Может, он коммунист?.. Ну и в знак солидарности, узнав, что мы из России...

– Спроси у Пиночета, где эти коммунисты.

Как, неужели не всех?.. Трам-та-та-та-там! – на этот сакраментальный вопрос ответили барабаны. Весело молотят, пританцовывая на ходу, юные, и не очень, барабанщики, вокруг них вьются, крутят попками девочки топлес. Улицу заполонил народ: взрослые и дети, мужчины и женщины, собаки... Я было подумал: вакхическое шествие или какой-то чудом сохранившийся ритуал, уходящий корнями в далекое индейское прошлое. Нет, демонстрация трудящихся! Пригляделись к стикини – такие маленькие наклейки на сосках у девочек – там серп и молот. После чего обратили внимание на красные знамена – те же серпы и молоты. Какие еще вопросы? Правильная ориентация: «Верной дорогой идете, товарищи!»

Больше всего на свете латиносы любят стучать в барабаны.

Мама барабанщика Педро рассказывает, что свои первые самба-ритмы он начал выстукивать у нее в животе на седьмом месяце.

Иногда просто так стучат, но чаще с определенной целью. Сначала стучат где-нибудь в парке под раскидистой секвойей, собирают толпу. Потом выстраиваются в колонну и идут на центральную площадь. Митинг, как правило, скучный. Какая-то пародия! Где пафос в речах, где проклятия буржуйам, где клятва верности ленинизму, где, наконец, «Марсельеза», хотя бы тихонечко, вполголоса?.. Наши коммунисты, увидев такое, сплюнули бы и отмежевались.

– Не понимаю, что вам еще надо? – недоумевал Серега, – у вас стейк подадут – 500 грамм. Куда больше?

– И какой стейк, заметь!

Коровки, не зная комбикормов, пасутся по всей Патагонии и нагуливают стейки превосходного качества. Со стейками мы разобрались: распиливали один на двоих – и нам хватало. А вино?!.. Прилавки рушатся – сотни бутылок от полутора доллара – какую выбрать? Мы подходили к владельцу магазина: «Пердонас, сеньор, сам-то ты какое пьешь?» В какую бутылку он тыкал, ту и покупали. И ни разу не ошиблись. Удивительно – вино из винограда! Наш в меру изысканный, воспитанный на портвейне «три семерки», вкус зашкаливало. Нам говорили: вино с надписью *rezerva* (резервное) – хорошее вино, бутылки с глубокой жопкой (вогнутым доньшком) содержат более качественное вино, чем с плоской. Не такие простачки, чтобы на слово верить, – проверяли на практике. В чем и преуспели.

На широких улицах-полянах накрыты столики, дамы и сеньоры потягивают пивко (тоже, между прочим, отличного качества), витрины магазинов зазывают *oferta*(ми) (товар по выгодной цене). И что характерно, цены соответствуют нашим возможностям – да весь магазин могли бы сгрести! (А нам это надо!?) За спиной у Сереги рюкзачок, в нем видео и фотоаппаратура, пачки перетянутых резинкой аргентинских песо, ну и доллары, разумеется.

– Флаги, обрати внимание, не побитые молью, не выцветшие.

– Уровень протеста соответствует уровню жизни.

Все классно, все соответствует. Послушайте, какого рожна вам еще надо?!.. Политические требования? Вот оно что?! Но это же абсурд! И в Чили, и в Аргентине на выборах победили социалисты. Невероятно, но факт, оба президента – бабы! (К слову, в Коста-Рике и Бразилии – тоже). Ребята, успокойтесь, вы уже добились всего, что только возможно.

Южная Америка радушно обнимала нас. На все мы смотрели сверху и вскользь, ни на чем особо не останавливая взгляда. Мы –

путешественники, уехали от своих проблем, и не для того, чтобы вникать в – чужие, тем более, которых нет и не может быть.

Как учил меня мой наставник по сёрфингу Балу, выбирай волну, которую можешь оседлать – и догоняй. И научись предчувствовать момент, когда волна подхватит тебя. Не упускай его. А когда ты на гребне и волна понесла, получай удовольствие. Получать удовольствие – это и есть главное в жизни.

В тот день мы еще сплавали на прогулочном катамаране. Обещанных интернетом фьордов в Вальдивии не оказалось, зато лиман выглядел весьма живописно, мы сидели в каюте у открытого окна, любовались красотами, пили вино и услаждали свой слух музыкой и пением, что негромко доносилось с палубы. Два певца, сменяя друг друга, пели про любовь и кровь. Принесли куранто. Опять! Куда столько?! Пару часов назад мы уже боролись с этим удивительным блюдом. В тазаках, что нам подали, было три десятка ракушек, мидии и трубача; увесистый кусок копченой свинины, полкурицы, макароны, початки кукурузы молочной спелости, картошка и прочие овощи. Победив куранто, мы как нельзя лучше разобрались в особенностях чилийской национальной кухни. Особенность-то одна: всего – да побольше. А нас еще удивляло, почему в Чили так много толстяков и толстух.

Пешатываясь и широко по-маримански расставляя ноги, мы сошли на берег. Оглядели заплывшими глазами набережную...

Тут кипела праздная жизнь. Толпы гуляющих, музыканты, клоуны, жонглеры...

Нам бы вернуться домой, в хостел, – назавтра билеты в Сантьяго, следовало приготовиться к дороге: зарядить аккумуляторы, сбросить отснятое на хард диск. Но мы увидели морских львов и котиков и нас повело опять снимать. Даже не знаю, почему. На островах Огненной Земли наснимались мы этих ластоногих до изжоги.

В Вальдивии, конечно, иной поворот, львы и котики особые – городские, как собаки или кошки. Днями они нежатся на сделанных для них плотиках, а плюхаются в воду только для того, чтобы поплавать в удовольствие или подхарчиться.

На набережной, у самой воды, удачно расположился рыбный рынок. Рынок, надо сказать, исключительно богатый, такого разнообразия морских гадов я не видел даже в Акко. Разделявая рыбу, торговцы бросают животным потроха и головы. Ни к чему теперь им гоняться в море за рыбой. Полагаю, они уже и забыли, как это делается. Эти ластоногие ленивцы казались нам весьма забавными.

Надо сказать, и люди, которые нам в тот день встречались, были трогательно милы: молодая пара приглашала нас в гости, обещая угостить настоящим поила маринас (супчик из морепродуктов), молодой человек приятной наружности и манерами английского аристократа предлагал нам прогулку по лиману на своем катере и совершенно бесплатно. И мы со всеми братались, всем тоже чего-то обещали и чувствовали себя обласканными всеобщей любовью гражданами мира.

Сергея, гражданин Израиля, говаривал: «В любой стране я чувствую себя как дома». Никаких сомнений, Вальдивия подтверждала его высокий статус бродяги, помощника ветра. Ну и мой тоже, поскольку я находился рядом с ним, хотя бы в какой-то мере. Наши камеры были нацелены на морских львов, которые с удовольствием нам позировали. Шлеп! – из воды на камень набережной выплюхивался этакий килограммов под триста мешок с усатой мордой, туго набитый отходами рынка. Львы забавно почесывались, протяжно зевали, жмурились на солнце... И мы, рады стараться, в упор палили изо всех камер.

Один из 40000 островов Огненной Земли

Я уже заглянул своим Canon в самую пасть зевающего жирняги – фу, как она смердила рыбьим перегаром, даже отнесло! Баста, хватит, дальше некуда – гланды. И нехотя отклеил глаз от камеры. И тут передо мной – уже как в тумане – возник Сергей.

– Рюкзак украли! – тихо, без всякого выражения сказал он. Но весь его вид кричал, особенно громко и нелепо вопила вздыбленная шляпа. «Не верю!» – хотел я крикнуть моему другу режиссеру, но вместо этого снял с него шляпу – волосы торчали, как пружины у лопнувшего дивана.

А ведь нас предупреждали. Да мы и сами знали, сами других предупреждали и были предельно осторожны. Серега в туалет ходил с рюкзаком, штаны снимал, но рюкзак оставался на плечах. В каком-то приступе идиотского охотничьего азарта, в минутном помутнение рассудка – память в камерах кончилась, а он продолжал строчить смартфоном... Будто Луна вдруг повернулась оборотной стороной, задницей, – и все ахнули, увидев какая она... О-о, такое увидели!.. Словом, мир враз померк, стылый антарктический ветерок просквозил в ветвях тысячелетней секвойи – и беззаботно щebetавшие в ее кроне мелкие пичужки попадали на землю мерзлыми комочками... Весь этот праздно шатающийся бомонд враз исчез, подобрался клоун Родриго вместе со своими клоунскими шариками, пищалками и надувашками, убрался восвояси саксофонист Педро, растаяли в предвечерней дымке кружившие голову его фиоритуры, морские львы уплыли, птицы улетели. Где эти милые приветливые сеньоры? Где эти дамы с многообещающими улыбками? Пропал рюкзак – их след простыл. Похоже, все они участники постановки, разыгранной специально для нас. Отработали – свалили, теперь получают гонорар. Из нашего рюкзака. Да, сыграли как по нотам. Подозреваю, что и эти морские ленивцы исполняли далеко не последнюю роль.

– Халявщик! – крикнул я вслед уплывающему льву, который еще успел сглотнуть с лету рыбку-требуху, не глядя брошенную торговцем.

Владелица кафе по нашей просьбе позвонила в полицию. Минут через десять подъехал джип, в нем трое карабинеров в зелененьких, чистеньких формах с пистолетами на боку. Начали составлять протокол.

– Итак, что украдено?

– Всё.

– Всё – это что?

– Всё – это фоторюкзак.

Такой рюкзачок – мечта любого фотографа (чилийский, разумеется, не исключение). Продукт высоких израильских технологий цвета голубоватой березовой дымки с искоркой. Всем своим видом он говорил: надень меня. И устоять невозможно. Гибкими ляпочками, опушенными изнутри сереньким девственным

пушком, он нежно обнимал плечи. Надев его однажды, уже ни за что не хотелось снимать. Каждый раз, как впервые, Серга с трепетом

растегивал молнию, раздвигал дрожащими пальцами телесного цвета мягкое и вместе с тем упругое лоно, вставлял кеноновскую «эльку» 30 на 70. Или доставал, оглядывал ее, щуя глаз, дышал на просветленное, отливающее синевой стеклышко, пока не проступала на нем влага, тогда легким нежным касанием подбирал ее стерильной салфеткой. Или опять вставлял. Там еще в потаенных глубинах нежились фото и видеокамера, цейсовский ширик, японский «sigma», телевик, профессиональные диктофон и микрофон. И уже на самом дне 4 тысячи баксов, 10 пачек аргентинских песо, обменных по исключительно выгодному курсу.

Но даже не это самое ценное, что было в рюкзаке. Там упакованные в хард диск хранились полтора месяца съемочной работы, 800 гигабайт фото- и видеоматериала. Мы пропахали Огненную Землю, совершили несколько треков по Андам: поднимались на Фицрой и Торрес дель Пайне, исколесили Патагонию вдоль и поперек. Наши труды, казалось, были вознаграждены: представьте, плывем по озеру на Огненной Земле с нашим другом Франциско – навстречу рептилия, раза в три больше нашей лодчонки. Включили «соньку» – все засняли, как шумно дышит, как гребет лапами, как отплеывает воду. Потрясающий план! И где он теперь? Какие свидетельства мы

можем предъявить научному миру? Бла-бла-бла? Кто поверит? Украли сенсацию гады!..

Список украденного составлялся около часа с особой тщательностью. Все переписали, вплоть до китайских салфеток и жидкости для протирки оптики. Затем мы сели с карабинерами в джип и поехали в их ментовку, в одно отделение, потом в другое; сидели, чего-то выжидая. Тут старшему позвонили на сотик – карабинеры сорвались с места, прыгнули в джип; мы тоже. Прямоком к набережной через парк, перескакивая через бордюры, по траве, пугая птиц и зайцев... Во работают: уже и след нашупали, очевидно, где-то тут в кустах, в зарослях ежевики прятался преступник. Будем брать! Впереди с кольцом в руке, грациозно потрясывая пузцом, бежал капитан Валентино. Слева и справа от него, стволы наизготовку, два карабинера, за ними Серега, потрясая набухшими от ярости кулаками – ну, хана тебе, жалкий воришка! Я прикрывал группу захвата, на спине болтался мой рюкзачок, в одной руке Canon 7D, в другой – Серегина шляпа – в машине оставлять вещи я поостерегся, мало ли. Красиво бежали, жаль, никто нас не снимал на пленку, получился бы полноценный детективный план. Пробежали, сделали круг, вернулись к машине и уехали. В итоге нам выписали справку о том, что мы лохи и нас обокрали.

– Ну и что в сухом остатке? – я достал свои личные баксы, надежно, как советовала Ольга Ивановна, зашитые в трусы, пересчитал – тысяча, плюс кредитная карточка, на ней еще тысячи полторы. – А ты говоришь, всё. Твой рюкзачок – далеко еще не всё.

– Хорошо, что я права положил в штаны, – обрадовался Серега, сунув руку в карман.

– А паспорт?

– Паспорт меня меньше всего волнует. Приедем в Сантьяго, найдем посольство, и мне за 15 минут выпишут новый.

В магазине, не сговариваясь, подошли к полке с вином в коробочках, купили за полтора доллара, а в хостеле на ужин сварили макарон.

После дешевого вина и соответствующей закуски потянуло на философию.

– Наше счастье, что нас только ограбили, а ведь могли еще и убить.

– Убить, а потом, что гораздо хуже, еще и ограбить.

– Удивительно: даже не покалечили. Вернуться в инвалидной коляске – что хорошего? А тут сидим, пьем вино, – руки, ноги, голова

целы, – будто не веря своему счастью, ощупывал себя Серега. – Скажи, что нам повезло!

– Еще как повезло! – соглашался я. – Да... Хорошо, что бывает хуже! Но было бы лучше, если на этом все и кончилось.

– Что ты имеешь в виду?

– Так, чего-то вспомнил притчу об Иове.

– И зря. Не надо вспоминать, – пророчески вздохнул Серега.

– Почему нет? Сценарий поучительный. Библейский Иов сначала утратил стада – мор напал на тельцов и овнов, потом сам заболел проказой, покрылся струпьями, затем болезнь выкосила родных. Что называется, черная полоса. За всем за этим, конечно же, стоял сатана. Легко любить Господа, когда у тебя все есть: и тучные стада, и крепкое здоровье. А вот так: несчастным, убогим и сирым – полюбишь ли?

– Сравнил: любовь к Господу – и шило в заднице. Не сиделось тебе на месте, хотел приключений – вот и получай!

Нам было крайне необходимо подвести философскую базу, докопаться до первопричины, почему так обошлась с нами судьба и есть ли в этом какой-то поучительный смысл.

– Это потому, что мы не послушали Ольгу Ивановну, – высказал я новое предположение. – Она посмотрела в лунный календарь и сказала: не покупайте билет на пятое число. Эту женщину я знаю уже много лет. Не поверишь, какие урожаи морковки она выращивает, а все потому, что каждое свое действие сверяет с лунным календарем. Я с ней всегда советуюсь, когда надо предпринять какое-либо важное решение, а тут проигнорировал – ни за что я себе этого не прошу!

– О чем ты говоришь, мы с тобой полгода составляли маршрутную карту, расписали все до минуты.

– Заметь, Вальдивия не входила в наши планы.

– Повелись на интернетовскую дезу – фьорды захотели посмотреть. И где эти фьорды? Где? Покажите мне их!..

– Сами – дураки!

– Вот тут я с тобой совершенно согласен. – Мы чокнулись и выпили за это.

Ошибиться может каждый, – сказал бы мой наставник, опытный сёрфер и мастер жизни Балу, – но работу над ошибками выполняют далеко не все. А ведь ошибки для того и случаются, чтобы учиться на них. Первая ошибка: не знали особенности спота и выдвинулись на лайн ап ловить волну. Спот выглядел привлекательным, дул окрыляющий ветерок, красиво накатывали волны, но никто не подсказал, что под водой камни и рифы. Вторая ошибка: выбрали не

ту волну. Переоценили свои возможности. По себе надо выбирать, в соответствии с опытом и умением. В итоге – накрыло гребнем, замесило с галькой и песком, но не выбросило на берег, а поволокло каналом в открытый океан. Теперь соображайте, что делать.

Плоды хваленной демократии

В каждой стране есть плохие парни, но когда такое случается, обижаешься на всю страну в целом. Обидевшись, мы решили немедленно покинуть Воровскую Республику Чили. Выпишем Сереге новый паспорт – и адью!

В холле высотного офисного здания нам подтвердили, что именно здесь находится израильское посольство, и предоставили телефон позвонить. Ответили по-испански.

– Дайте кого-нибудь, кто говорит на иврите, – законно потребовал мой друг, гражданин Израиля, – Я позвонил в посольство?..

– В посольстве никого нет, – ответили опять же по-испански. Тогда он повторил свой вопрос по-английски.

– Мы в Чили разговариваем по-испански, – вежливо объяснили ему.

Как это никого? Понедельник, 11 часов – должны работать. Три часа мы торчали у дверей, периодически названивая. Ничего нового нам не сообщили. Тогда мы заказали кофе в кафешке с Free Wi-Fi и начали шарить по интернету в поисках какой-либо информации.

– Нашел! – рука дернулась, чашка с кофе опрокинулась, горячая кофейная жижа скапывала Сереге на штаны, но он не замечал этого. – «Профсоюзный комитет решил приостановить выполнение служебных обязанностей»... Они объявили забастовку! Какое у нас число?.. Как раз сегодня.

– Чтобы работники посольства?!.. Такого не может быть!

– У нас демократическая страна – все имеют право.

– Поздравляю! Вот она – хваленая демократия! Уж лучше, как у нас. А что они требуют?

– Ничего особенного: достойной заработной платы, такой, например, как у врачей или учителей.

– Попробовали бы у нас забастовать, знаешь, что с ними было бы?..

Оставалось по моему паспорту устроиться в отель. На день, на два... Ну сколько они будут бастовать? Без документа здесь не продадут даже билет на автобус.

Целуй, целуй меня крепче!..

Не так просто найти в большом городе хорошее пристанище. Чаще мы заказывали гостиницу через интернет, но на этот раз потащились по городу с вещами. Наудачу. Пошли по главной авениде Бернардо О'Хиггинса и сразу же увидели отель.

– Зайдем?

– Ни в коем случае.

– Почему?

– Видишь, на окнах нет решеток?

– Согласен. В высшей степени легкомысленно оставлять мои раритетные желтые шорты в комнате, где нет на окнах решеток.

– Шорты, в которых ты щеголял на пляже в Эйлате, и в тебя влюбилась креолка. А если еще вывести пятно от кетчупа, я полагаю, ты бы мог рассчитывать на взаимность принцессы Беатрис Йоркской.

Прошли еще несколько хостелей и отелей, в каждом мы видели какой-то недостаток. Однако, тяжела поклажа! Мои два рюкзака, большой и маленький, огромная Серегина сумка на колесиках, которые натужно скрипели, предупреждая, что на такие переезды не рассчитаны. Зашли еще в один отель под названием El Desierto («Пустыня»).

– Ну а тут, что тебе не понравилось?

– Видел, горничная вышла из номера? Заметил, взгляд у нее какой-то бегающий? Я не могу доверить мои горные немецкие ботинки отелю, где работают такие сомнительные горничные.

– Ботинки, в которых ты топтал снега Килиманджаро... Подклеить еще подошву – и на Эверест не слабо забежать.

Отели перестали попадаться, и мы подумывали о том, чтобы повернуть назад и пойти на риск, устроиться в «Пустыню», но встречный прохожий подсказал, что нужно пройти авениду Бразиль, где дальше, в переулках, располагаются сразу несколько хостелей. Все хостели, как на подбор, оказались сомнительными за исключением одного, который выглядел вполне прилично, поэтому тем более подозрительно. Но поскольку он был последний в этом районе, позвонили, вошли. Хостел чистенький, номер не тесный, но опять же недостаток: хозяйка Ана Мария чересчур вежливая. Уж так готова услужить, уж так... No pasaran! – научены горьким опытом. Невольно закралось подозрение:

– А чего она от нас хочет?

– Ничего особенного – денег, – раскрыл мои опасения Серега.

Спросили, сколько. 48 баксов. Приемлемая цена. Можно найти и дешевле, долларов 10–12 с носа будет стоить комната с кроватями в два этажа на шесть неприхотливых персон. Ладно, решили мы,

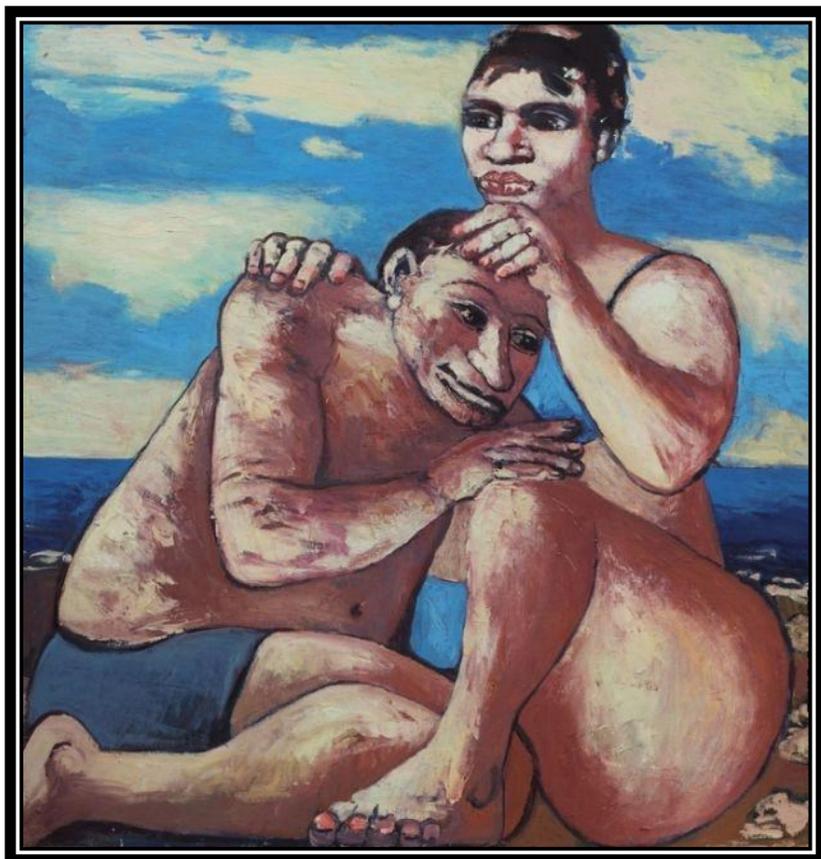
устраиваемся. А вежливости и предупредительности мы противопоставим нашу чекистскую бдительность и рабоче-крестьянское хамство. Но дальше – больше. Утром следующего дня вообще произошло из ряда вон выходящее событие. Мы вошли на кухню, где нас ожидал скромный завтрак. Сделали бутерброды с маслом, заварили кофеек... И тут услышали песню. Клянусь, это была «Калинка»! За «Калинкой» последовали «Катюша» и «Подмосковные вечера».

– Вы даже не представляете, как вы нам угодили, – утирал слезы умиления Серега. – Как свалил из России, только эти песни и слушаю.

– Да, – вторил я ему, – это самые лучшие наши песни, золотой запас. Должен вам признаться, каждое утро, прежде чем сделать зарядку или почистить зубы, я включаю «Калинку», а вечером, если ко мне приходят гости, мы душевно поем «Подмосковные вечера». Эх, Ана Мария, если б знали вы, как мне дороги подмосковные вечера! Именно подмосковные, а не какие-нибудь там тюменские или ебургские. Так вот, если б знали вы, тогда бы поняли, что ничего другого петь и не стоит. А «Катюшу» поем в корпоративном хоре по праздникам. Например, на День защитника отечества.

В отместку мы с Серегой исполнили, как могли, приблизительно: «Besame, besame mucho!...» («Целуй, целуй меня крепче!...»)

Часть 8. Рассказы

Лев Табенкин. Любовь. 2008

Лариса Берман

Стамфорд, Коннектикут

Лара

Она родилась намного раньше меня.

Красивая, успешная, уверенная в себе, она занимала довольно высокую позицию на Центральном телевидении. И муж её, известный талантливый оператор, тоже работал на телевидении. Судьба свела нас в Москве, в наши отказные годы. Правда, отказ у нас был по разным причинам: они утаили брак своей дочери с американцем, а такое партия не прощала. Пришлось им положить на стол партийные билеты и навсегда покинуть стены Останкина, где проработали более 25 лет, где прошла их молодость и где они, проверенные евреи, сумели состояться и подняться по службе. Связь с телестудией, которая была их детищем, их любовью, их жизнью, теперь утеряна полностью. Как пережить этот стресс, как справиться с болью и обидой, с предательством коллег, боявшихся общаться с «врагами народа»? Безысходная, угнетающая тишина...

Молчит телефон, никто уже не забегает на огонёк, на чашечку кофе, никуда не надо спешить, да и некому больше звонить. Долгими бессонными ночами принимали решение перекроить свою жизнь, изменить накатанный жизненный маршрут. Подали документы на выезд из Союза, на воссоединение с дочерью. Но... получили отказ, потом ещё один. Теперь, когда они обрели статус отказников, их жизнь потекла по иному руслу.

Годы отказа для каждого из нас оказались нелёгкими, тянулись они долго. Много всего в них было намешано: отъезды, разрушенные семьи, сломанные судьбы, неподвиженные расставания и столь же неожиданные встречи. Мы познакомились через поэта Е.А. Евтушенко, который, будучи другом их дочери, молодой преуспевающей поэтессы, старался помочь им покинуть страну. А в те годы занималась с больным ребёнком Е.А., учила его говорить.

Так случайно, оказавшись в одном отказном эшелоне, мы сразу же подружились, хотя пришли из разных миров и были настолько разные, что трудно понять, почему потянулись друг к другу. Они – такие звёздные, такие правильные советские евреи, слепо преданные партии. А мы с мужем – жуткие антисоветчики, получившие «отказ навсегда», но из года в год неустанно подающие документы на выезд в Израиль.

Отказные годы – годы особые, непредсказуемые, многое пришлось пережить в отказе, многому научиться, многому удивляться. Давние друзья по непонятным причинам разбежались в разные стороны, а едва познакомившись, люди мгновенно сближались. Вот и нам казалось, что мы знаем друг друга целую вечность, потому что была удивительная гармония, лёгкость общения. Лара обладала какой-то необычайной способностью притягивать к себе людей, излучать столько тепла и добра, что люди невольно тянулись к ней. Тянулась и я, полностью погружаясь в её увлекательные рассказы о работе на телевидении, о подготовке передач, об актёрах. Необыкновенно приятный мягкий голос, богатая эмоциональная речь, утончённое чувство юмора.

С ней мы могли говорить обо всём на свете, могли вместе плакать и вместе смеяться, вместе мечтать или грустить. И хотя наша московская дружба длилась всего несколько лет, она стала для меня не только верным другом, но и сестрой, и наставником и редактором. Долго ждали они разрешения на выезд, а получив его, поняли, что к нему совсем не готовы. Суетливые сборы, прощание с родными и наконец-то день отъезда. Нет слов описать последние минуты расставания с Москвой, облитый слезами аэропорт Шереметьево, ведь мы тогда прощались навсегда и не было никакой надежды на будущие встречи. Они улетели ..., теперь моя подруга была где-то далеко за океаном и мне очень и очень её не хватало.

Спустя несколько лет, после девяти лет отказа, мы тоже покинули Союз. К моменту нашего приезда в Америку они считали себя почти старожилками, оберегали нас от ошибок, всячески помогали, хотя нас разделял шестичасовой перелёт из Калифорнии в Бостон. Говорят,

расстояние не сближает, но оно совсем не мешало нам видеться часто, каждый день говорить по телефону, вместе отдыхать, путешествовать. Но годы не стояли на месте, а вслед за ними торопилась старость, да и болезни без спроса и разрешения назойливо стучались в её дверь. Полёты в Бостон становились для неё всё сложнее и сложнее и практически свелись к нулю.

Но вдруг такая ностальгия накатила, так захотелось ей попасть в снежную зиму, побродить по дорожкам, запорошенным снегом, увидеть вновь, как снежинки, кружась, опускаются на землю. Долгожданная поездка, как назло, никак не складывалась. То подводила погода – и наступало резкое потепление, то я не могла оставить своих больных и взять дни на работе. В день приезда, неожиданный снегопад надолго задержал рейс и домой мы добрались только к ночи.

А раннее утро началось с наводнения. Вода прибывала с небывалой скоростью, пол во всех комнатах был покрыт водой на сантиметров пятнадцать. Вызвали аварийную, несколько часов подряд бригада откачивала воду. На первый этаж разбудить моих гостей пока вода не затопила их спальню я спускалась по щиколотку в ледяной воде: Странно, я ведь перед сном обошла весь дом и плотно закрыла все краны, всё проверила. Но... все находящиеся в доме краны, включая кухню, две ванны, раковины и душевые были открыты на полную катушку.

Теперь мои опасения и догадки, которые я так долго и усердно отметала, обрели чёткую реальность. Не помню, с какой минуты, какого дня я стала замечать неадекватности её поведения, изменения личности, запутанную речь. Но я запрещала себе думать о плохом, хотя отчаяние не покидало меня ни днём, ни ночью. Как часто я хватала телефонную трубку поговорить с её родными о моей постоянной тревоге, но... телефонная трубка беззвучно опускалась на рычаг. А в висках стучало: зачем? Они сами всё видят и всё понимают. Зачем понапрасну тревожить, ведь мы бессильны остановить эту жестокую болезнь.

Неделя пролетела незаметно, пора было возвращаться домой. Мы отвозили их в аэропорт, мужчины спустились в гараж укладывать вещи, а я, стараясь оградить подругу от всяких казусов, усадила её в кресло, вручив в руки её же сумку с напутствием: держи крепко, чтобы не забыть.

И вот мы в аэропорту, выходим из машины: - Лар, а где твоя сумка?

- Какая сумка? У меня нет никакой сумки, я вообще сумок не ношу. Была чёрная, но она осталась у тебя дома. Зачем она мне? Там всего лишь билеты на самолёт и документы, ну, можно другие купить, только новые ключи надо найти. Они вернулись домой и жизнь вроде бы пошла своим чередом. Да только болезнь спешила, с каждым днём становясь всё агрессивнее и злее. Вскоре Лара начала терять баланс и совсем не могла ходить, забывчивость и сбои в речи нарастали с каждым днём. А ещё через некоторое время она полностью утратила способность говорить и проглатывать пищу. Болезнь не давала нам никакой передышки, она мчалась с небывалой скоростью, словно хотела чем можно скорее отнять её у нас. Со слезами на глазах мы наблюдали, как день за днём и час за часом к ней подкрадывается смерть. Спустя неделю Лара навсегда ушла из жизни.

Я часто возвращаюсь в те давние годы, копаюсь в памяти пытаюсь найти объяснение, почему же очевидный диагноз болезни Альцгеймера я не могла приблизить к своей подруге. Почему, видя все симптомы болезни: изменение личности, странности поведения, провалы памяти, речь, лишённая всякого смысла, я закрывала глаза и убегала прочь. Быть может, потому, что слишком любила её и знала, что эта болезнь неизлечима. А может, потому, что вся литература тех лет утверждала, что люди высокого интеллекта и образования не подвержены этому страшному заболеванию. Это сегодня наука стала говорить, что стресс и травмы провоцирует развитие болезни, это сегодня учёные нашли связь между стрессом и болезнью Альцгеймера. А ведь расставание с телестудией, вынужденная безработица, отъезд из Союза – было для них чудовищным стрессом.

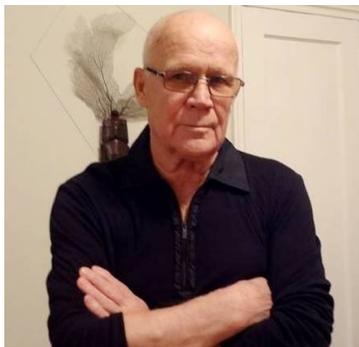
В Америке мы никогда не вспоминали их работу в Останкино, как и никогда не обсуждали с её родными зловещие признаки болезни. Это была недозволенная тема и, наверное, каждый из нас должен был прожить эту беду в одиночку. Уже давно нет в живых моей подруги, но каждый день, во время утреннего обхода в отделении Dementia / Alzheimer's disease я вспоминаю её улыбочное лицо, лучистые глаза, мягкий взгляд .

А потом... как с каждым днём нарастали симптомы болезни: как менялась походка и тускнели глаза, как угасала память и блестяще отточенная речь превращалась в словесную крошку. Много людей сегодня страдают этой жестокой болезнью, не помнят свой возраст, имена детей, внуков, не узнают своих друзей. Смотреть на них больно, за десятки лет работы я так и не научилась привыкнуть к чужой беде. А она за каждой дверью, в каждой палате.

Количество больных во всём мире растёт, и растёт катастрофически, а магических таблеток, способных остановить болезнь и навсегда избавить человека от этого недуга, всё нет и нет. Есть множество лекарственных препаратов, способных частично замедлить темпы развития, приглушить течение болезни. Учёные всего мира продолжают свои исследования, ищут пути эффективного лечения и предупреждения болезни Альцгеймера.

И хочется верить, что скоро, очень скоро, мир справится с этой суровой болезнью. А пока мы, специалисты по реабилитации, проводим терапию по стимуляции мозга больного, чтобы приостановить угасание его умственных и физических способностей, замедлить нарушения речи и потерю памяти.

Вадим Чирков

Нью-Йорк, США

Четвертый хозяин

Я был у спаниеля Чарли четвертым хозяином, и, понятно, что особой любви он ко мне не испытывал. Мышление его (выразимся так о собаке) сменой очень разных хозяев было раскрепощено, он смотрел на меня без подобострастия и без страха, встречал мои глаза спокойным взглядом, в котором я видел небольшую долю любопытства, большую – недоверия и спокойной уверенности в правильности любого своего поведения.

А я, в отличие от собаки, верил в то, что пес ко мне привяжется, что мы полюбим друг друга, что будем – не разлей вода...

Надо Чарли обрисовать. Черная, с благороднейшим серебром спина, умеренной длины шерсть, черные, лохмато-кудрявые, нет,

просто кудрявые, как волосы красотки, длинные, чуть не до земли, уши, красивой лепки недлинные лапы, темно-коричневые умнящие глаза, небольшой чуткий нос, выразительнейшая морда – ну как не полюбить с первого взгляда такую псину!

Собаку мне подарила одна взбалмошная дева, она сперва в нее без памяти втрескалась, а потом не знала, как от Чарли, требующего заботы и ухода, избавиться. Вернее, не знала, как от собаки избавиться ее работающая мама, на которую пали в конце концов все заботы о животном в доме.

Я жил тогда возле лесопарка, ежедневно бегал (трусцой) по дорожке вдоль стены деревьев, ясно, что брал на пробежку Чарли. И вот что первое, малоприятное, я заметил. Чарли начинал бег со мной, бежал рядом (я из уважения к умному псу не надевал на него поводка), бежал, по моему мнению, радуясь – и движению, и тому, что шаг в шаг с хозяином. Но чуть он замечал что-то интересное для себя в стороне – другую собаку, откатившийся от стайки ребятни мяч, еще что-то, привлекавшее его рассеянное внимание, – он запросто бросал меня и давал волю своему любопытству. Обо мне, кажется, пес начисто забывал. Мне приходилось прерывать пробежку, идти за Чарли, звать его, принуждать, как сейчас говорят к порядку. Дальнейший бег был уже с изрядной горчинкой: экая у меня «сама-по-себе-шная» собака! Не ценит ни моей дружбы, ни моей к ней расположенности.

Я знал, что спаниели – охотничьи собаки, «специализирующиеся» по болотной и речной дичи. Будь я с ружьем, ходил бы вместе с Чарли на охоту – и та, может быть, связала бы нас узами единой страсти. Но я охотником не был, а те связи, что предлагались псу, – совместные пробежки, хождение шаг в шаг по лесопарку, его устраивали лишь в малой степени. Собственные его интересы были для него, повидавшего троих разных хозяев, уже гораздо важнее моих, четвертого хозяина. Пес, по природе своей, призванный признавать в человеке вожака, повелителя, научился за пять лет своей сложной жизни уважать только себя...

Как-то мы с Чарли шли по травянистой низине с кустами свидины и снежноточника, рядом с лесопарком. Поверх травы белели на одном уровне блюдечки морковника, оглядывая луг, я заметил на другом его краю женскую фигуру и собаку рядом с ней. Я пошел было по направлению к ним, но вдруг заметил, что Чарли опять рядом со мной нет. Я оглянулся: Чарли стоял не двигаясь и не сводил глаз с человека и собаки вдали.

-В чем дело, Чарли? – спросил я.

Выразительности этому псу было не занимать, да и я научился уже понимать живой его взгляд и весьма очеловеченную пластику – и вот что я прочитал в ответе, что он мне продемонстрировал:

-Разве ты не видишь, «хозяин» (это слово было явно в кавычках, даже кавычки читались), – там же ЛАЙКА!

Я кинул взгляд через луг – действительно лайка. В той боевой позе (она тоже видела нас), которая отличает эту породу собак: вздернутая голова, пышный хвост над спиной.

-Ну и что, Чарли, – сказал я. – она же на поводке.

Чарли снова ответил мне – и так, что я легко перевел в слова его пластику:

-Хозяин, ты просто не знаешь лаек. Удивляюсь твоей доверчивости.

-Чарли, да что ты?! Эта собака не крупнее тебя, она, повторю, на поводке – пройдем мимо без всякого опасения.

Чарли мотнул головой и даже, по-моему, снисходительно усмехнулся. Слова, что он мне передал, были как произнесенные:

-Удивляюсь твоему легкомыслию, хозяин! Я знаю характер лаек. Если хочешь, иди, но учти, я за твою жизнь не отвечаю.

Не смогу объяснить, каким способом он изобразил «...я за твою жизнь не отвечаю», но я это легко – и с немалым огорчением – увидел. И не стал больше спорить с упрямым псом и, чтобы доказать свою правоту, пошел прямо на лайку и женщину, что держала ее на поводке. Оглянувшись, я увидел, что Чарли двинулся, поджав хвост и проверяюще посматривая в сторону луга, далеко в обход опасного места.

Мы встретились минут через десять за лугом, на дорожке, что вела домой.

-Как тебе не стыдно, Чарли! – выговаривал я псу. – Бросить хозяина! Сделать такой круг! И потом смотреть на меня как ни в чем ни бывало! Да ты просто трус, Чарли!

Чарли ответил мне так же ясно, как ясно я сейчас пишу на бумаге его «слова»:

-Хозяин! Знай, что мне моя шкура дороже, чем твои дурацкие эксперименты. Я повторяю: это была лайка, молодая и сильная, ее намерения я видел: разорвать нас обоих в клочья. Тебе еще повезло, что ты остался жив. А я просто принял меры предосторожности. Мне, повторю, моя шкура дороже...

Мы возвращались домой. Чарли вел себя как обычно: бросал меня, шастая по кустам по своим надобностям, останавливался возле каких-то запахов на сколько угодно времени – и ни капельки вины не

было во всем его облике! Только, пожалуй, вот что я прочитывал, когда он на меня взглядывал:

-Мы с тобой поговорили, обменялись мнениями, к согласию не пришли – ну да это дело такое: ты свое доказывал, а я, извини, конечно («извини» он изображал чуть заметным движением хвоста), я имею и свое мнение по тому или другому поводу...

«Ну и сукин же ты сын, Чарли», – только и оставалось мне бормотать по дороге, – ну и сукин же сын... »

Наверное, после этого эпизода я немного охладел к собаке, наверное, пес это заметил...

Вскоре Чарли покинул меня – на прогулке он свернул в гущу деревьев, свернул – и исчез. Сколько я его ни искал, сколько ни бегал по лесу, сколько ни звал – все было напрасно. Домой я вернулся один.

Потом мне сказали, что, кажется, видели моего спаниеля на автобусной остановке. Он вскочил в открывшуюся дверь, она захлопнулась, автобус отошел... ищи-свищи теперь черно-серебряного красавца.

Не сомневаюсь, что и пятый хозяин собаки озадачится поведением пса; а если найдет с ним общий язык, – тогда повезет и ему, и собаке. Своеволье ведь и для себя не всегда приятная штука.

Впрочем, это суждение только человеческое...

Семен Биговский

Чебоксары, Россия

Луша

Мне было девять лет, и я шел по школьному коридору во время перемены, читая книжку на ходу. Неожиданно я столкнулся с чем-то мягким, но от неожиданности удар получился резким и я упал на жесткий и холодный, бетонный пол. Я больно ударился затылком, в голове все зазвенело, разом оглохло и смешалось, а следом мне на лицо упала книжка.

– Ой, извини, прости, с тобой все в порядке, не ушибся? Ничего не болит? Ты в каком классе учишься? В пятом? Ну да, ты же уже такой большой, ты, наверное, учишься в шестом классе? Да?

И все в том же духе, без остановки, а у меня все плывет, кружится и двоится, и я никак не могу ухватиться за этот мир. Мутит, то ли от удара, то ли от мира, то ли от ее бредовых речей и бессмысленных вопросов – сногшибательная встреча.

– Тебя как зовут? А меня – Лукерья Эдвардовна Сульц, но ты зови меня Луша. Давай дружить? Только не рассказывай никому, что я тебя сбила, ладно? Очень, очень стыдно. Извини меня, пожалуйста...

Так я познакомился с Лушей – она работала у нас библиотекарем. Ей было чуть за двадцать, высокая и мягкая, словно облако – в легком белом платье и с большой копной кудрявых золотых волос. Мне она напомнила свежую школьную булочку – такая же пышная и румяная.

– Сеня...

– Что?

– Мама называет меня Сеня, – я приподнялся и присел, поднял книжку.

– Здорово, а я у вас библиотекарь. Ты книжки любишь читать? Я вот люблю. Ты что любишь? – а я вот Тарзана обожаю...

- А кто это?
- А приходи в мой кружок – узнаешь.
- Какой кружок?

Я насторожился – никогда я не любил других мальчиков, а заодно и девочек, ибо особой разницы между ними не обнаруживал.

– «КЮБ», – сказала она.

– Куб? – переспросил я.

– КЮБ – «Кружок Юного Библиотекаря», – ответила мне Луша.

– Надо подумать, – ответил я, и, поправив несуществующие очки, уточнил. – А кто еще там будет?

– Ну, мы посмотрим – кто придет.

Луша лгала, никакого кружка не существовало – она его только что выдумала.

– Надо подумать, у меня много дел и мало времени, – я тоже лгал.

Потом сходили в медкабинет – сестра осмотрела меня и заключила:

- Ерунда, шишка – до свадьбы доживет.
- В смысле заживет? – переспросила Луша.
- Определенно.

В общем, в библиотеке появился кружок и, кроме меня, никто там не появился. Ведь именно мне Лукерья Эдвардовна поручила пригласить кого-нибудь, чтобы не было скучно. Разумеется, я никого не пригласил, ибо, во-первых, я все еще боялся детей, во-вторых они меня недолюбливали, в-третьих, выговорить Лукерья Эдвардовна мог только я.

Так я оказался в библиотеке Луши, а заодно и в ее жизни.

Лет с пяти я читал нещадно, поглощая одну книгу за другой, – читал везде и все, до чего дотягивались мои руки: странные фантастические романы, таблицу Менделеева, Эрнеста Сетона-Томпсона, подшивку журнала «Наука и Жизнь» за 86 год, газеты, марки, инструкции. Читал в свободное время, вместо сна и на переменах, иногда прямо на уроках. Поэтому оказаться в библиотеке для меня было все равно, что коту попасть в лавку мясника.

Теперь после уроков я смело оставался в библиотеке – якобы в кружке. Сразу от входа и налево стояло несколько парт, за которыми я иногда читал книжки, а чуть глубже, перегораживая проход вглубь, – стол Луши. Но я теперь имел доступ в святая святых – к стеллажам с книгами, где чаще всего и обретался. По правде говоря, здесь мне нравилось больше – тут было немного сумрачно и тихо, иногда немного пыльно и пахло бумагой. Идеальное место для побега от реальности.

Луша же чаще всего сидела за своим столом и болтала с медсестрой из соседнего кабинета. Когда не работали, они пили чай и болтали. Их болтовню я, конечно, не слушал, но всегда находился где-то рядом и потому все слышал. С учетом того, что Луша была ужасно болтлива и докучала своей болтовней всем вокруг, а медсестра любила пить чай, то я был в курсе всего, что происходило в ее жизни.

Луша была мастер перекуса и чаепития – она знала десятка полтора вариаций бутербродов и обожала сладкий чай. Никогда больше ни один человек не сумел впечатлить меня бутербродом, а Луша могла. Бутерброды были то горячие, то маленькие канапе, то хрустящие, и, по-моему, даже сэндвичи были. Школьную столовую Луша отчего-то избегала – любила там только выпечку – свежие горячие булочки, которые разрезала напополам и мазала сливочным маслом, отчего оно таяло и пропитывало мякиш. Как правило, чаепития растягивались на полдня.

Обычно все происходило так – Луша приносила из дома пять-шесть видов бутербродов, количеством около десятка, приглашала медсестру – Луизу:

– Загляни на пять минуточек.

– Ага, сейчас.

Луша ставила большой электрический самовар, ополаскивала кипятком пузатый, белый заварник с ситечком на носике, раскладывала бутерброды.

– Сеня, угощайся.

– Спасибо, – я выныривал из-за стеллажа, забирал два бутерброда и маленькую чашку чая и удалялся к книгам.

Приходила медсестра, начинался процесс общения – Луша говорила, соседка по кабинету пила чай из блюдца и поддакивала. Они походили на двух купчих – румяные и потные от горячего чая. Иногда медсестре приходилось снимать шапочку – становилось жарко.

Я допивал чай, благодарил, уходил на урок, возвращался – все было по-прежнему. В среднем рабочий день равнялся одному самовару. В библиотеке я проводил практически все свободное время – приходил на переменах, оставался после школы, однажды даже прогулял урок – физкультуру. Участие в кружке и некоторая социализация придали мне уверенности в себе, поэтому для солидности я стал ходить с дипломатом, который выпросил у дяди.

Луша была девушка молодая и одинокая, парня не было, отца тоже – жила с матерью. Но при этом у нее завелся поклонник – сантехник Силаев, который обслуживал школу. Началось с того, что из

вежливости его угостили бутербродом, а потом он начал заходить сам и ухмыляться рыжими усами. Глаза при этом у него были желто-зеленые, как у кота. Работал он в местном ЖЭКе, но в школу стал заходить все чаще и чаще. Как и все мы, он, в сущности, был не плохой человек, но в частности – вел себя по-свински, за что однажды и получил сотрясение мозга.

Было это так.

Накануне у Силаева был праздник, и тем утром организм его требовал продолжения банкета. Сантехник не стал противиться природе и как выразился сам – «смазал серость будня, плеснувши водки из стакана», ради чего пришлось занять пятерку у секретарши. Видимо, ему стало заметно лучше, потому что во второй половине дня он стал гораздо веселее и теперь сходство с котом было совершенным.

Видимо, он шел по школе, по обычным своим сантехническим делам, когда явилось ЭТО – ангел во плоти.

Лукерья стояла на стремянке, как всегда что-то переставляя на полках. В кремовом платье, которое совершенно не скрывало подколенных ямочек, а в некоторые моменты, когда приходилось тянуться на верхнюю полку... О-о-о! Этой пытки Силаев вынести не мог, ему почудились праздничный звон колоколов, зима, тройка, он – барин, она – в шубе, он целует невесту...

И он ринулся! Очень медленно и тихо, конечно, но по его ощущениям, быстрее ветра. Он понесся к своей мечте и утонул лицом в безмерной мягкости ее «бытия».

От испуга Лукерья присела, причем ровно сантехнику на лицо. Что оно выражало в тот момент – неизвестно, ибо было закрыто от посторонних взоров, а сам герой-любовник находился на небесах и вразумительного ответа все равно бы не дал. Вместо этого, он издал стон блаженства. Луша поняла, что то, на чем она сидит, – это человек и, судя по запаху, – сантехник Силаев.

И тут же время возвратило свою скорость и обрушилось на голову влюбленного «Толковым словарем живого великорусского языка» Даля. Свет померк, и незаслуженно вторгшийся в пределы рая сантехник Силаев был изгнан оттуда прямо в Городскую клиническую больницу № 2, что возле Хлопчато-Бумажного комбината.

Сам же сантехник Силаев впредь ненавидел как самого Даля, так и слово даль, не видя между ними особой разницы. Но он жестоко отомстил – украл где-то огромный словарь и использовал его каждый раз, когда требовалось «смазать серость будня» – вырывал из него листы, дабы разложить селедку, колбасу, сало и прочую «закуску». Я затем несколько лет видел, как он таскается возле моего дома с этим

словарем в сумке через плечо, как с символом его разбитого сердца и потрясенного мозга

После инцидента стало как-то неловко, и мы сели пить чай. Тогда Луша рассказала мне историю своей первой любви. Однажды ей приснилось, что она влюблена в одноклассника, и вот она пробудилась: оглушенная, со странным томлением и жжением в груди.

Сначала никто ничего не заметил, потому что все привыкли воспринимать ее фоном, как шум листвы, а через некоторое время до всех дошло – что-то не так. Это было непонятное, и где-то даже пугающее явление в жизни класса – Луша молчала!

Когда она рассказывала мне об этом, я спросил ее:

– А что, он был красив?

– Да нет.

– Умен?

– Нет.

– А за что ты его полюбила?

– Я не знаю, мне приснилось, что я его люблю. Подумалось, что сон вещей.

Сначала она никому ничего не рассказывала, но потом решила поделиться с Мамитой – так она называла свою маму. Мамита выслушала ее, но ничего не сказала – просто рассмеялась и смеялась, смеялась, без остановки.

Иллюзия исчезла так же тихо и внезапно, как и появилась, не было никакого грохота падающих декораций и треска разрывающейся ткани существования.

– Это не было больно, это ощущалось как атмосферное давление, – продолжала она. – Тупое, непрерывное давление – простое механическое воздействие. Пустота внутри ничему не сопротивлялась, и я почувствовала себя раздавленной. Со временем я научилась заполнять эту пустоту внутри: едой, болтовней, чтением, но все это было настолько мелко и незначительно, что сгорало как хворост, а потому мне все время требовалось еще.

Она продолжила:

– Мы живем, будто мы родились для того, чтобы умереть, но ведь это не так – мы рождены, чтобы жить, так отчего мы не живем, а боимся?

На миг глаза Луши загорелись и стали живыми, но потом потухли.

Она взглянула на меня пустым взглядом и сказала:

– Но я думаю, все будет хорошо, ведь иначе не бывает, правда?

Хорошо не стало, но и плохо тоже – все было как обычно, каждый день.

Следующей весной ленивое дребезжание жизни школы несколько изменилось.

– Деваньки-и-и-и! Вы зна-и-ти? В школу к нам учителя присылают!

– Давно пора! А то один Гундаренко в школе – старый хрыч!

– Лампочка то?

– Перегорела лампочка, толку от него никакого. Лысый как колено.

– Зато, ведь офицер бывший.

– Не столько офицер, сколько бывший.

Однако воображение у дам разыгралось не на шутку, каждая мечтала о Мужчине. И эта фантазия, словно зараза, с бешеной скоростью распространилась по государственному образовательному учреждению и захватила все умы. Никто, ни о чем думать больше не мог. Только Луша молчала, но захваченные позывами вечно похотливого тела, педагоги женского пола перестали замечать что-либо, кроме себя.

Иногда, попивая чай в учительской, они все разом замолкали, а потом насладившись иллюзией, приходили в себя, и каждая начинала излагать, что там ей привиделось.

В действительности же, явилось то, чего они даже представить не могли. Они уже были готовы ко всему: военный, моряк, спортсмен, красавец, Джеймс Бонд, бабник, в конце концов.

А явился просто Кузнецов Петр Николаевич.

Когда он зашел в учительскую – его попросту не заметили, все были заняты обсуждением.

– Здравствуйте, я Петр Николаевич – новый учитель информатики.

Надо сказать, новый учитель немного растерялся – на него никто не обратил внимания, он, конечно, к этому привык, но с таким явным игнорированием собственной личности еще не сталкивался.

– Здравствуйте! Я Петр Николаевич – новый учитель информатики!

Некоторые дамы насторожились – им что-то померещилось, но головы никто не поднял.

– Здравствуйте, вы наш новый учитель информатики? – спросила Луша, подошедшая из-за спины.

– Да. Здравствуйте, меня зовут Петр Николаевич – я ваш новый учитель информатики.

Множественно повторенная фраза о том, что он учитель информатики, потеряла всякий смысл, и никто ничего не понял.

Наконец он сообразил и сказал:

– Я у вас информатику преподавать буду...

– А-а-а... – только и смогла протянуть Лукерья, странное чувство охватило ее – казалось, будто она его уже где-то видела.

Петр Николаевич был счастлив от того, что наконец-то его кто-то заметил и потому схватил Лушу за руку и стал ее трясти, она выдернула ее и обратилась к остальным, крикнув через его голову:

– Девочки! Вот ваш новый учитель.

Девочки, даже те, кому было далеко за пятьдесят, встрепенились и оглядели пришельца, затем на некоторое время впали в ступор, а потом все разом отвернулись и только кто-то тихо сказал:

– А... здравствуйте.

И все.

Дело в том, что Петр Николаевич имел зауряднейшую внешность, ну совершенно обыкновенную, он был как спецгент – его невозможно было заметить или описать. Мозг искал – за что бы зацепиться, но ничего не находил. Можно было десять минут кряду разглядывать его в упор, а через минуту не вспомнить, как он выглядит. Он был настолько неприметен, что в голове не укладывалось.

При этом создавалось впечатление, что подобное положение вещей его совершенно не угнетало. К Петру Николаевичу с первого дня стали относиться так, будто он всю жизнь здесь работал, а ему, видимо, только того и надо было.

Жизнь пошла своим чередом. Луша оставалась все той же взбалмошной библиотечаршей, продолжая смущать людей своей откровенностью. К сожалению, вскоре это обернулось для нее не самым лучшим образом, но узнал я об этом чуть позже.

Проходило обычное собрание, директор школы – огромная женщина с башней из рыжих кудрей снова готовилась стать депутатом. По этому поводу и шло собрание – присутствующим предлагалось убедить родителей школьников голосовать за нее. Слушали все в основном вполуха, физкультурник Шарыпкин дремал, изредка кивая головой, Петр Николаевич Евграфов (новый учитель информатики) – сидел ровно и улыбался, военрук Гундаренко слушал внимательно, насупившись. Женская часть коллектива безучастно внимала.

Сначала речь шла плавно: перестройка, гласность, выборы, демократия. Но в какой-то момент что-то пошло не так – судя по

всему, машинописный текст кончился, и директору пришлось импровизировать. Она начала заговариваться и повторяться, возникла неловкая пауза, но все делали вид, что все в порядке.

В этот момент Луша дружелюбно улыбнулась и на всю учительскую громко произнесла:

– Раиса Александровна, вы, наверное, уже и сами не понимаете, что нам объясняете?

Луше хотелось поддержать директора и сгладить момент, но что-то пошло не так. Лицо директора побагровело, секретарша Люда открыла было рот, но не решилась ничего сказать. Гундаренко молча повернул голову и сурово взглянул на Лушу, Шарышкин проснулся и глядел на всех красными, ничего не понимающими глазами. Петр Николаевич улыбался. Женская часть коллектива застыла еще больше. Секретарша нервно улыбнулась, кивнула головой и пожала плечами.

Раиса Александровна молча покинула учительскую.

Так в истории Луши начались темные дни. Если раньше ее недолюбливали, но общались, хоть и снисходительно, теперь же ей объявили бойкот от имени всего правительства, партии и школы.

С Лукерьей перестали разговаривать даже школьники, а что еще хуже, люди перестали делать вид, что слушают. Правда, первую неделю ее это нисколько не смущало – она просто ничего не заметила. Но потом добрые люди объяснили, что ей объявлен бойкот, и тут Лукерья расстроилась – она знала значение этого слова.

Однако выяснилось, что есть в школе человек, который готов общаться с ней, несмотря ни на что, – это был наш учитель информатики. О нем просто не вспомнили, когда собирали педсовет.

Далее известно, что, когда он принес заявление об увольнении, директор спросила:

– А вы, собственно, кто?

Он ответил. Директор удивилась, но бумагу подписала.

– Людик, а что у нас была информатика? Это что за предмет такой?

– Ну, это, знаете, компьютеры такие, там еще магнитофон с кассетой вставляешь...

– А-а-а... Свободен! – Раиса Александровна улыбнулась и поставила подпись.

Так ушел Петр Николаевич, а вслед за ним из школы исчезла и Лукерья.

Я прожил еще сколько-то лет, школа кончилась, пролетело студенчество – друзей так и не появилось, а книги уже не помогали. Меня целиком охватило ощущение внутренней пустоты, оно ощущалось как атмосферное давление – тупое и непреходящее. Пытаясь ухватиться хоть за что-то, – я вспомнил Лукерью Эдвардовну. Выяснилось, что никогда и ни с кем я не дружил больше, чем с ней, никогда никого столько не слушал и ни с кем, больше, чем с ней, не разговаривал. Даже в гостях я был лишь у нее – правда, всего раз.

В тот день Луша купила торт «Рыжик» с кремом из вареного сгущенного молока. Мы торжественно несли его мимо старых пятиэтажных домов и обрезанных тополей. Наверно, был июнь, потому что пуха было очень много. Лукерья жила на улице 50 лет Октября, в 19 доме, на четвертом этаже.

В квартире нас встретила Мамита – это была большая старая женщина. Квартира была однокомнатная и очень маленькая, с такой же маленькой кухней и балконом, в окна которого упирались ветви старого клена. Мы сели на кухне и стали пить чай и есть торт. Нам с Лушей досталось по кусочку.

Мамита оказалась такой же болтливой, как и ее дочь, – за час с небольшим она рассказала всю историю их небольшой семьи: что отец Луши бросил их, когда она еще не родилась, что в юности она была туристкой и познакомилась с ним в походе. Его звали Эдвард, потому что он из Риги, а ее он называл «Солнышко лесное» – этот кусок она мелодично пропела.

Воспоминания навеяли на меня грустные мысли: мне уже за двадцать, а ведь это уже почти тридцать, а я и не жил до сих пор. Вся жизнь – там в памяти, как было бы хорошо туда вернуться. Чем я занимался все эти двенадцать лет? Зачем? Кто я, в конце концов?

Я ощутил себя так, будто очнулся после тяжелого сна и порадовался, что не очнулся перед смертью.

Отягощенный невеселыми мыслями я брел по улицам, пока ноги не привели к дому Луши. Вечно открытая старая деревянная дверь подъезда, отшлифованные ступени лестницы. Поднялся на четвертый этаж – дверь все такая же: обита поролоном и искусственной кожей. Затейливый геометрический рисунок был выбит с помощью гвоздиков с широкими шляпками и проволоки.

Абсолютно то же – ничего не изменилось. А жильцы те же?

Нажал на кнопку звонка, но звука не слышал.

Дверь открыл, какой-то мальчик лет 12.

– Здравьсте.

- Здравствуй...те.
- Илюша, кто там? – послышался женский голос.
- Не знаю, мам, – упырь какой-то.
- А что он хочет?
- Че те надо?
- Лукерья Эдвардовна здесь живет?
- Ой, Сеня, это ты? Откуда здесь?

Странно, она узнала меня быстрее, чем я ее. Луша превратилась в большую круглую женщину, такую же, как когда-то была ее мать.

– Я так и думала, что не узнаешь – я тебя на улице встречала, но ты меня ни разу не узнал.

– Это ваш? – спросил я, глядя вслед удаляющемуся мальчику.

– Мой.

– Откуда? – я покраснел. – В смысле от кого? – я позеленел от собственной бестактности.

– От мужа.

– Вы замужем были?

– Да. За Петром Николаевичем.

Я посмотрел в ее голубые, когда-то ясные глаза, теперь они были словно в дымке.

– Пойдем на кухню, – добавила она.

Мы прошли мимо комнаты, в которой Илюша играл во что-то на приставке. Присели на табуретки.

– Как у вас дела, как Мамита?

– Умерла давным-давно.

– Соболезную.

– Ничего. В жизни все бывает, даже старость и смерть, и даже если в них не веришь, они все равно находят тебя. Помнишь, она рассказывала про моего отца, который бросил нас, пока я не родилась?

– Помню.

– Так вот – он нас нашел случайно, оказалось, Мамита даже не сказала ему, что беременна и он и не знал про меня. Потом писал ей письма, но она не отвечала, хотел даже приехать, но в тот год она и умерла.

– От горя?

– Я думаю, от осознания собственной глупости – вся жизнь сплошная выдумка и вранье.

– А вы не общаетесь с отцом?

– Переписывались немного, но как-то не срослось, что-то не то – чужой мне человек, про которого я не знаю ничего, и он про меня. Может, Илюша съездит к нему.

– Как так случилось, что вы с Петром Николаевичем... Он, кстати, придет?

– Нет его, и не придет он.

– А где же он?

– А черт его знает – провалился в пустоту, из которой явился. Дематериализовался! – засмеялась Луша, и на мгновение мне привиделась та молодая веселая девушка, но нет – все мираж.

– Помнишь, в школе объявили бойкот? – сказала она, наливая мне сладкий чай.

– Конечно.

– Так вот, тогда же со мной никто не разговаривал, кроме него. А он меня даже слушал – я сама иногда удивлялась.

И Лукерья стала рассказывать – выяснилось, что Петр Николаевич и есть тот самый Петя – ее первая любовь. Потом у них что-то началось, наверно даже роман, она забеременела, и они поженились, родился Илья. А когда ему исполнился год, Петр Николаевич вышел в магазин и пропал – просто исчез.

– Куда?!

– К маме ушел жить – а на развод подать ему смелости не хватило – так и не развелись, но и вместе не живем. Видела его несколько раз в городе – от меня прятался.

Посидели в тишине.

– Мам! Принеси мне кофе!

– Бегу сынок.

Она побежала – и понесла кофе и булочки.

«Исчезают иллюзии, а вместе с ними исчезают и люди», – подумал я.

Тихо вышел из квартиры не попрощавшись, захлопнул дверь и пошел, а потом побежал по дворам, уже смеркалось.

Иллюзии, фантазии, мечты – вот она вся жизнь. Хочешь найти жизнь, схватить ее, а ничего не находишь – не за что ее хватать, нет ее, одни сны. Всю жизнь создаешь иллюзии, потом борешься с ними, а лишаешься последней и гибнешь.

Кто же я? Всего лишь иллюзия.

Багровое солнце опускалось за горизонт, заливая пустынные улицы червонным золотом, затем резко нырнуло за дом и исчезло.

Я проснулся, как всегда, от шума, возни, и криков выведенной из себя жены.

– Мам, мам, а ты игрушку взяла? Куклу взяла?

– Взяла, взяла...

– А шарики мы возьмем? – пережевывая бутерброд.

– Возьмем, возьмем! Ешь быстрее и хватит болтать – а то на зарядку не успеем.

Луша, моя дочь, не замолкала ни на минуту, ей всего четыре года, но это ей нисколько не мешает. Вечером она не хочет спать, а утром встает первой, всех будит и никогда ничего не стесняется.

– Баба Леля, а ты ведь скоро умрешь? – спрашивает она у своей прабабушки, в квартире которой мы живем. И у старухи начинается паранойя, что мы ждем ее смерти, дабы захватить ее сокровища, которые она собирала у всех соседей.

Моя Луша целыми днями бегает и плачет, поет, балуется и кричит, бьет игрушки, требует, новых, прыгает с дивана, ест конфеты, катается с горок, выводит всех из себя – живет.

Та, настоящая Лукерья Эдвардовна, несколько лет назад растворилась в пустоте, тело, правда, осталось, и его похоронили, но сама Луша исчезла, а на похоронах я не был.

Потом я был в школе и узнал, что у нее были проблемы с сыном – он воровал и пил, выносил из дома вещи. Жил за счет матери, которая его безмерно любила. После ее смерти он сразу продал квартиру, а потом и сам пропал.

Так не стало старой Луши. Но она появилась снова – и это уже была Моя Луша.

Луша была так же ужасно болтлива – чем донимала домочадцев и всех кто с нею сталкивался. Она так же спешила раздать свою душу всему миру. Луша тут же выкладывала первому встречному все, что происходило в ее жизни и в жизни родителей, и даже по телефону, и даже тем, кто просто ошибся номером.

– Алло, это квартира Петровых?

– Нет, это Луша. А вы знаете, что мама с папой поругались, а баба Леля собирает деньги и складывает их в трехлитровую банку?!

– А много собрала?

– Много! Почти полная! – радуется Луша – А сегодня на дачу едет.

– Молодец, девочка ...

– Луша!!! – это уже кричит моя жена, – Сколько раз тебе повторять – не смей ничего рассказывать чужим людям!

И я гляжу на свою дочь и вижу другую Лушу, и она теперь смотрит на меня изнутри. Но вот она убежала, и я могу продолжать.

Лукерья умерла, а Луша родилась. И, наверное, это хорошо – неизменная, холодная вечность – это так скучно.

Вечная Жизнь играет с нами в прятки – она порой исчезает на мгновение, и мы думаем, что ее нет, но так не бывает. В этом мире

жизнь появляется и исчезает лишь для того, чтобы сменить костюм. И нет у нее конца, а начала я не вижу, так что, видимо, и начала нет. Так было, так есть и так будет.

– Мы ушли, дверь за нами закрой.

– Папа, я в садик ушла!

– Луша, давай уже быстрее, ты на зарядку опаздываешь! Мы же еще ни разу вовремя не пришли, Луша!!!

Их крики слышны даже из коридора, но ниже третьего этажа уже не так отчетливо.

Тишина. Тикают часы, поскрипывают половицы, прошла прабабушка, у нее на шее серый глупый кот Васька.

Обычный день. Все как всегда.

Простая обыденная Вечность.

Олег Воробьев

Москва, Россия

Основы безопасного поведения на воде

Водосброс регулируется дубовыми досками двадцатисантиметровой толщины – створками шлюзов. Первый шлюз закрыт, он нужен лишь в моменты половодья или затяжных ливней, когда ключи переполняют водоём; в сухую и жаркую погоду переливающаяся через дубовую створку вода образует лишь небольшой водопад. Второй шлюз – рабочий. Он открыт, и десятки ванн ежесекундно выливаются с верхнего уровня водохранилища в бетонную коробку двумя метрами ниже, из которой вода с рёвом и

пеной попадает в русло реки. Шлюзы находятся под дорогой, идущей по плотине и насыпной дамбе.

Плотина старая, но построена на века и постоянно никем не наблюдается, хотя яростной силе падающей воды постепенно поддается даже она. Перед плотинной удобный спуск к воде, песчаное дно, здесь любят купаться жители соседних поселков. Обычно все неспешно плавают до островка, нежатся на солнышке; этот кусочек земли с несколькими ивами остался на поверхности после возведения дамбы и плотины. Но нашим героям всё это скучно.

Четыре мальчика, летние не разлей вода друзья-товарищи, всякий раз на каникулах собирались, гуляли и играли вместе. В учебном году ребята возвращались в свои школы, и осенью, зимою и весной они не общались. А летом снова радостно встречались и шумно, и весело дружили, будто не расставались вовсе. Они катались на велосипедах, пиратски ловили рыбу в частном рыбохозяйстве. Но любимое их развлечение – прыжки в воду. Сначала с поручней плотины вниз, в водохранилище, а затем, проплыв под дорогой к первому шлюзу, в полумраке и шуме падающей воды отчаянные прыжки вниз в бурлящую от водопада реку.

Необходимо заметить, что прыгать в шлюз опасно. Можно получить серьезную травму, ударившись о стенки бетонной коробки, или нечаянно оскользнувшись на влажных дубовых створках. Пенная воздушная взвесь, бурлящая внизу, имеет меньшую плотность, чем обычная вода, в ней трудно плыть, а если в неё прыгнуть солдатиком, то можно больно ушибить пятки о бетонное дно. На дне же встречается мусор – осколки бутылок, проволока, палки – всё, что сюда приносит течение. Также в одном месте из бетона вымыло арматуру...

Но эти опасности давно известны мальчикам. Они знали наизусть невидимые скрытые водой стенки, торчащую арматуру. Кочующий мусор презирали: «Подумаешь, царापина! Ерунда!». И целый день напролёт прыгали в первый шлюз, выплывали из пенного чрева плотины, взбирались на песчаную дамбу, перебежали дорогу и снова вниз. Вот такое развлечение, где риск лишь подогревал интерес и азарт.

– Смотрите! Смотрите! Эй! Я сейчас кое-что покажу! – кричал своим друзьям смуглый парнишка лет двенадцати.

Итак, их было четверо. Звал к себе своих друзей Мелкий. Он действительно был меньше ростом и немного младше остальных, но брал своё активностью и характером. И хотя над ним часто подтрунивали, считаться с ним приходилось. Мелкий замёрз стоя на

дубовой заслонке. Он держался за металлические балки, чтобы не упасть вниз, и хотел быстрее прыгнуть в воду, находиться в которой было теплее.

– Эй! Ну? Где вы там? Смотрите, что покажу! Дрон! Серый!

Серый и Дрон неподалеку на насыпи вместе разбирали снасти для лова – донки. Их ребята рассчитывали установить до купания, а забрать снасти и улов на обратном пути, вдоволь поплавав. Но бдительный сторож заметил ребят, и пришлось собирать снасти кое-как, спасаясь бегством.

– Я говорил, что надо было через овраг идти, а вы!.. Эх! – сердито ворчал Старший.

– А что мы? Что мы?! Это всё Мелкий предложил! Почему он распутывать не помогает? – Серый огляделся.

– Мелкий уже вниз, кажется, сиганул... – сказал Дрон.

– Пусть леску сам и распутывает! Айда купаться! – Старший сбросил штаны и футболку и побежал к воде.

Однажды родители, отпуская его с друзьями гулять, сказали: «Не балуйся, веди себя как старший! Ты должен быть умнее». Мелкий с тех пор стал дразнить его так, прозвище и приклеилось. Старший несколько воображал и задавался, ему было почти четырнадцать лет, он занимался самбо, был атлетически сложен и был самым сильным из ребят. Серый и Дрон спокойно к этим качествам относились, а Мелкий со Старшим дружил, но, если тот задавался, – не терпел и давал Старшему отпор.

– Эй, пацаны! Алло, гараж! Где вы? Я сейчас показывать не буду! – кричал Мелкий, когда к нему подплывали ребята.

– Сам будешь распутывать, понял? – сказал Серый.

– Я не виноват, что нас заметили! – отмахнулся Мелкий.

– Кто поверху идти предложил, а? – спросил Старший.

– Через овраг нас запалили бы точно!

– Я тебе помогу разобрать... – примирительно предложил Дрон.

– Ладно... Гляньте, что покажу!

Ребята подплыли к шлюзу, течение прижало их к створкам, они стали карабкаться наверх к Мелкому. Забраться было трудно, под водой древесина покрылась водорослями, ноги скользили. Со стороны казалось, что Мелкий стоит на воде, а за ним пустота, будто он у грани земного диска, с которого вниз к слонам и черепахе ниспадает водопад. Мелкий дрожал; не от страха, а от холода, но терпеливо ждал, когда ребята поднимутся, чтобы всем было хорошо виден его прыжок. Наконец, когда поднялся даже неловкий Дрон, Мелкий

заорал: «Смотрите, как могу!», и, крепко оттолкнувшись от заслонки, солдатиком прыгнул вниз.

Друзья его смотрели за прыжком; каждый из них думал про себя, что это ерунда, что это ничего не стоит. Но Мелкий канул в воду и не появлялся. Никто из ребят особенно не волновался: они думали, что этот трюк стар, как мир. Нужно хорошо набрать воздуха, прыгнуть, но не вынырнуть, а у дна проплыть вперёд, не открывая глаз, оставив шум падающей воды за спиной. Плыть нужно быстро и как можно дальше. Когда же пузырьки воздуха перестанут щекотать тело, нужно забрать влево и только здесь можно выныривать на поверхность. Со шлюза этого уже не будет видно, а бурление скроет весь подводный манёвр от наблюдателей. После нужно бегом взобраться на дамбу, перебежать дорогу и плюхнуться к ребятам наверху, застав тем самым их врасплох. Обеспечен смех, молчаливое одобрение, или завистливые возгласы: «Я тоже так могу!» Но в этот раз Мелкий отсутствовал уже необычно долго.

– Ну, где он там? – Дрон начал переживать и спросил первый, хотя знал, что его могут засмеять.

– Да прикалывается, сейчас прибежит...

– А вдруг что? Уже долго! Что ему ждать-то?

– Думаю, он помариновать хочет, оттого и не бежит сюда.

– Ну а если? – теперь засомневался и Серый.

– Мелкий хорошо плавает, всё в порядке – сурово сказал Старший, который даже немного воспитывал своих друзей; Старший считал, что в друге сомневаться нельзя. – Давайте лучше сами прыгать.

– Да, давай! – горячо поддержал Дрон. Он хотел быстрее оказаться внизу и убедиться, что Мелкий в порядке.

Старший резко оттолкнулся и, сгруппировавшись, плюхнулся с мириадами брызг. Серый и Дрон молча завидовали – у них так не получалось.

– Сигаем вместе. Только, чур, честно! Подожди меня! – сказал Дрон.

– Стой! Там Мелкий внизу!

Мелкий, гогоча и брызгаясь в Старшего, орал: «Поняли?! Поняли?!». Он после прыжка под водой проплыл не вперёд, а назад, спрятался под водопадом и ждал, когда кто-нибудь прыгнет сверху.

Наконец, все оказались внизу. Мелкий излучал гордость, Дрон и Серый одобряли выдумку, Старший был снисходителен к этой шалости. Все устроили небольшой бой, брызгаясь и хохоча.

Наконец, они выбрались на берег и стали забираться наверх на дорогу коротким путём – по почти отвесному склону насыпи.

Существовал более пологий путь, но он был длиннее и презирался, так как там ходили взрослые.

– Пока внизу сидел – я там заждался вас... Чего не прыгали, а? – спросил сияющий Мелкий.

– Мы думали... – начал Дрон.

– Слушайте! Это всё скучно. Я и не так могу, – прервал Старший, – я вот во второй шлюз прыгну!

– Ты что? Это же опасно! – возразил Серый.

– Туда никто не прыгает. – подтвердил Мелкий.

Дрон молчал. Они перелезли через ограждение плотины, под ними, под решетчатым полом ревел второй шлюз. В каменной коробке, куда падала вода, не было места, где не было бы пены; страшно бурлило и дыбилось всё. Все знали, что так делать не надо, но их захлестнул азарт опасного приключения, что уже даже Дрон в глубине души захотел, чтобы Старший прыгнул.

– Ты можешь утонуть, не стоит пытаться. Не надо. Так никто не делает. – рассуждал Мелкий.

– Я туда точно не полезу! – сказал Серый.

– И я, – добавил Дрон.

– Вы просто трусы. А я не боюсь. Говорю прыгну – значит прыгну!

– Мы не боимся! Просто это правильно – туда не сигать! Дурак! – Мелкий говорил так, но и сам уже был заморожен зрелищем падающей воды.

Все они уже не раз стояли здесь и смотрели вниз на второй шлюз, но никогда ещё они представляли, как по-настоящему туда прыгнет человек.

– Я не дурак! И ничего не опасно! Я знаю, как туда можно прыгнуть. Главное – уметь! Смотрите!

Старший перелез через перила, прыгнул в воду и поплыл к заслонкам внутри плотины, а ребята остались наверху наблюдать за ним сквозь решетку пола.

– Как думаешь, он сможет? – вполголоса спросил у Серого Дрон.

– Не знаю... – ответил Серый.

– Дурак он, ой дура-ак... – тихо протянул Мелкий, мрачно глядя на своего товарища плывущего к водопаду.

Старший по мере приближения к открытым заслонкам – тут они были утоплены гораздо глубже, чем в первом шлюзе – начал ощущать, как его стало всё сильнее тянуть вперёд. Он намеревался встать на одну из заслонок, но быстро понял, что это невозможно. Теперь ощущалось не просто течение, внутрь засасывало; чем ближе он подплывал, тем сильнее и сильнее его тащило вперёд. У самого края

Старший изловчился и ему удалось вцепиться в несущую балку. Он подтянул себя к ней, и его чувствительно ударило о дубовые доски, но он даже глазом не повёл. Напрягая все мускулы, чтобы надёжно удержаться и не быть сброшенным вниз, он стал карабкаться. Дотянулся до решетчатого потолка и повис на руках над водой.

Ребята, наблюдавшие за Старшим сверху, сквозь решётку закричали ему:

– Эй! Выбирайся назад! Подальше от шлюза! Не надо прыгать! Ты сдурел? Давай назад!

Но Старший не отозвался. Он прошёл на руках, цепляясь за решётку вперёд, так что он уже висел над пенным бурлением, местом падения двухметрового водопада. Он осмотрел балки и заслонки с наружной стороны, нашёл уступочек, аккуратно встал на него. Здесь прямо под ним внизу кипели и бурлили огромные силы, звук от падающей воды, множась эхом о своды, был столь громок, что до него еле-еле доносились крики друзей. Уступок был маленький и очень скользкий, Старшему пришлось продолжить держаться руками за решётку потолка. Руки стали затекать, нужно было срочно на что-то решиться. Вдруг, сверху, сквозь решётки Старшего схватили. Он поднял голову и увидел Дрона и Серого, которые держали его.

– Не мешайте!!! – заорал Старший, сиюсья перекричать реку.

Его тут же отпустили. Мелкий стоял молча и недвижимо, губы его были сжаты в нитку.

Старший потоптался на уступке, пытаясь получше понять и выучить эту скользкую опору. Затем несколько раз глубоко вздохнул и часто-часто подышал низом живота. Все мышцы вздулись, он отпустил потолок, раскинул в стороны руки. В полупадении мощно оттолкнулся от балки и, ласточкой перемахнув все бурления, угодил в уже более спокойную воду.

Мелкий, Серый и Дрон перелезли через ограждения. Они побежали на другую сторону дороги, не обратив никакого внимания на сигналивший им автомобиль. На той стороне их безрассудный товарищ уже стоял на мелководье и как ни в чём не бывало вытряхивал воду из ушей, прыгая на одной ноге.

– С ума можно сойти! Вот это класс! Ты прыгнул! – закричали Серый с Дроном.

– Просто уметь нужно. – неспешно и с достоинством ответил Старший. – А вы всё: «Не надо! Не надо!».

Он медленно пошёл к берегу.

– Да не! Мы что? Это круто! – не унимались Дрон и Серый.

Мелкий молчал. В момент прыжка он, как и Старший, напрягся всем телом и крепко закусил себе губу. Теперь же он дышал часто-часто, смотрел на Старшего, который неспешно вразвалочку шёл по длинной тропинке на насыпь. Длинный путь они презирали, так ходили взрослые. А теперь длинным путём шёл Старший.

Мелкий резко развернулся и побежал назад.

– Эй! Ты-то куда? Ты что?! – закричали Дрон и Серый.

Они попытались догнать Мелкого, но куда там! Мелкий уже перелез ограждение, взобрался на металлические перила, махнул в воду не снимая сандалий, вынырнул и поспешил к шумящему второму шлюзу.

– Мелкий! Ты что?! Вылезай! – орали сверху двое его друзей. Старший меж тем, не подозревая ни о чём, неспешно шёл на насыпь.

Мелкий торопился доплыть, он чувствовал, что течение недобро ускорилося, но это его не пугало, этому он даже радовался. Увидев, что Старший не смог удержаться на заслонке стоя, он сразу поплыл к опорной балке и вцепился в неё. Течение всей массой движущихся вод придавило его к дубовым доскам и железу, силясь перекатить его через заслонки шлюза и сбросить вниз. Мелкий нащупал под водой опору и, оскальзываясь, взобрался наверх, оказавшись над водопадом. Пыхтя и царапая руки, он обнимал стальную опорную балку; переполз наружу, углядел уступок, с которого прыгал Старший и встал на него. Но Мелкий не вышел ростом, чтобы как Старший достать до потолка, поэтому он вынужден был остаться спиной к бурлящим водам реки, страшно пенящимся сразу под ним и много дальше. Мелкий отнял одну руку от балки и повис вполоборота. Он не умел прыгать ласточкой, да это он и не считал нужным. Он всегда прыгал либо группируясь, либо солдатиком.

– Остановись! – кричали ему сверху ребята.

– Ты сдурел?! Вылезай! – отчетливо даже сквозь страшный шум низвергающихся потоков можно было расслышать голос Старшего, который сейчас прибежал и увидел своего безрассудного последователя.

Мелкий даже не посмотрел на них. Он не обращал никакого внимания на звуки. Он не слышал шума водопада. Он охотничьи сосредоточился на цели: «Прыгнуть! Сам! Туда! Не как Старший, а сам! Вперёд!». Он хорошо плавал и не волновался, ведь вода всё отсюда выносит дальше, значит, и его течение вынесет. Он весь напрягся, снова закусил себе губу, на этот раз до крови, чего не заметил. Время умерило свой ход, мгновения сменяли друг друга всё

неспешней, пальцы перестали ощущать железо, за которое держались. Мелкий даже не вспомнил о том, что не снял сандалий.

Вдруг в мыслях промелькнуло решение: «Пора!». И Мелкий аккуратно оттолкнувшись, отпустив руки и обхватив ими колени, ухнул в пену чуть далее того места, куда падала вся масса воды из водохранилища.

В воде он вдруг услышал оглушительный грохот, который был не где-то далеко, а сразу за ним, рядом, за спиной. Правую ногу его вдруг дёрнуло, с неё сорвало сандалию и тут же в ступню будто вонзились гвозди. Инстинктивно и молниеносно он понял одновременно многое. Что это так ощущается падающая вода; что он в этот поток под водой нечаянно угодил своей ступнёй; что под этот водопад попадать никак нельзя. Мелкий что есть силы оттолкнулся от бетонного дна, чтобы всплыть на поверхность. К своему удивлению, он не допрыгнул до воздуха и снова провалился на дно. Что-то держало его и тянуло вниз. Вдруг Мелкий вспомнил про оставшуюся сандалию; попытался сбросить её – не вышло – и как только он потянулся руками расстегнуть пряжку, его сразу поволокло под водопад.

Он оставил затею снять обувь и снова сильно-сильно оттолкнулся от дна; помогая себе руками и работая ногами, он, наконец, оказался на секунду на поверхности и вдохнул воздуха. Но тут же опять провалился в пену и опустился на дно. Мелкий не испугался, мысль о том, что он не струсил и смог прыгнуть, что он смелый и может совершать поступки сам, придавала сил. Здесь-то чего ему опасаться? Он оттолкнулся от дна и, не раскрывая глаз, поплыл вперёд в пене. Потом остановился, чтобы дать мышцам отдохнуть, прыгнул и, достав до воздуха, успел заметить, что всё то время, что он плыл вперёд, на самом деле он не продвигался ни на шаг. Мелкий был всё там же. Попробовав погрести ещё, он обнаружил, что вокруг него невидимые стены течений, преодолеть которые не получается; он как бы в огромном стакане, который держал его, не желая отпускать наружу. Мелкий собрал все силы и попытался вырваться из мягких оков, влекущих его под воду.

Лучше всего он плавал по-мальчишески саженками; Мелкий гордился своей скоростью, у него и правда получалось хорошо. Но тут он хлебнул пены, закашлялся, и его опять утянуло на дно. Он ещё раз пытался прыгать, но его словно держали за ноги, всякий раз ему не доставало чуть-чуть, чтобы достать до поверхности, руки проваливались в пене, не в силах от неё оттолкнуться. Наконец, он, наглотавшись воды, нечаянно вдохнул бурлящей взвеси.

Мелкий был спокоен, он стал видеть себя будто со стороны и с интересом наблюдал себя. Вот плотина, вот шлюз, вот он, вернее его макушка, то появляется так, что можно даже заметить её, то исчезает в непроницаемой пене. Он стал задыхаться, а тело от прыжков стало уставать. Вокруг него стало сгущаться что-то серое.

«Это – смерть. Смерть серого цвета», – понял Мелкий. А ещё он подумал, что сейчас утонет: «Как странно, никогда не думал о том, что утону...». Вдруг он вспомнил, как ему говорили: «Если попадаешь в водоворот, то не нужно пытаться его пересилить, нужно как бы утонуть. Под водой водоворот слабеет и из него можно выплыть».

Усилием воли Мелкий заставил бездействовать судорожное тело, которое произвольно хаотично двигалось в борьбе за жизнь. Его тут же увлекло на дно, протащило по бетону, но под водопад он не попал. Мелкого несколько раз перевернуло и вдруг выбросило наружу из невидимого стакана. Он сразу почувствовал и понял, что теперь свободен и его больше не держат силы течений. Сквозь пену и что-то сгущавшееся серое он выплыл на поверхность к голубому и ясному небу, к солнцу, к лучам и музыке мира, мира такого яркого, радостного и живого. Воздух был таким вкусным, таким сладким, таким важным и нужным! Мелкий кашлял и дышал – и не мог надыхаться. Не помня себя, добрался до берега, сел на камень. Его трясло. Неожиданно он заметил Серого перед собой. Тот стоял по колено в воде и протягивал ему сандалию.

– Вот, ты потерял. Я сплавал, достал... Уж думал за тобой туда прыгать...

– Спасибо.

Мелкий обулся, вдруг резко встал и быстро-быстро кратчайшим путём стал карабкаться наверх.

– Ты куда? – крикнул ему вслед Серый.

– Домой.

Старший и Дрон молча стояли наверху. Мелкий почувствовал себя ужасно усталым, но понял, что именно сейчас ему обязательно нужно оказаться дома. Немедленно. И он побежал.

Добравшись, он, запыхавшийся, взбежал на крыльцо.

– Мама! Я только что почти утонул!

Мама посмотрела внимательно на сына.

– Ты, наверное, голодный. Садись обедать.

Михаил Гаузнер

Одесса, Украина

Ёлка

Недавно, за два дня до Нового года, мы с моим 8-летним правнуком наряжали ёлку. Вернее, наряжал он, а я вынимал игрушки и помогал ему (или мешал?) советами.

В первый день января он, как обычно, нашёл под ёлкой подарки и немедленно стал их осваивать. А я, бросив взгляд на оголившуюся площадку, увидел на ней довольно много упавших иголок. Жаль, подумал я, недолго простоит, слишком рано срубили эту ёлку.

«Срубили ёлку... Срубили ёлку...» – эти слова какое-то время не покидали меня. И вдруг перед глазами как будто появился кадр очень старой фотографии: мои руки, пилящие ножом ствол заснеженной ёлки, и одновременно два разных ощущения – пальцы, сведенные холодом до боли, и чувство липкого, подавляющего страха. Через одно-два мгновения я понял, что это за картинка...

После войны мы оставались в большом уральском городе, откуда моего отца не отпускали с военного завода в нашу родную Одессу, а уволиться «по собственному желанию» тогда было невозможно.

Вместе со Славкой Пивоваровым, приятелем и соседом, жившим в соседнем подъезде (чудеса – его имя помню более 70 лет, хоть он и не был близким другом) мы два дня перед новым 1949 годом мотались по городу в надежде купить ёлки. Но нам не везло – то буквально перед носом они заканчивались, то оставались только почти голые палки, то вообще было пусто. Уставшие и замёрзшие, мы возвращались домой очень разочарованными.

И вдруг Славка говорит: «Слушай, а на фига нам их покупать? Лес начинается недалеко от насыпи. Рванули туда и срубим себе ёлки, какие захотим!»

Действительно, недалеко от нашего дома была железнодорожная насыпь, по которой иногда на небольшой скорости проходили товарные поезда. Мы их не опасались и зимой съезжали по обращённому в нашу сторону склону насыпи на санках, а потом и на лыжах.

Я воспринял Славкину идею с сомнением:

– Уже середина дня, пока дойдём домой, пока соберёмся, начнёт темнеть, – видимо, не очень хотелось мне туда идти. – И вообще...

– Что вообще? Струсил? (на самом деле он употребил другое слово, более естественное для 12-13-летних пацанов).

Конечно, я не мог допустить такого страшного обвинения.

– Кто... я?

– Кто же ещё? Я не хочу остаться на новый год без ёлки, а ты ...!

– Я не ...! А – пошли!

– Тогда погнали! Только возьми, чем рубить.

Мы быстро прибежали домой. Хорошо, что родители ещё не вернулись с работы. Я знал, что ёлку надо рубить, но топорика у нас, по-видимому, не было, а время поджимало. Схватил большой кухонный нож («авось пригодится, всё равно ничего другого нет»), спрятал его за пазуху и выскочил во двор. Там уже ждал Славка:

– Чего так долго копался?

– Искал топор.

– Нашёл?

– Нет...

– И я не нашёл. У отца где-то был; наверное, он заныкал от меня. Я тоже нож взял.

– Погнали!

Быстрым шагом дошли до насыпи, перелезли через неё. Лес казался почти рядом, но глубокий, по колено, снег замедлял ходьбу. Признаваться друг другу в явной неразумности этого похода было для нас, мальчишек, совершенно невозможно. Мы упрямо шли вперёд, а лес всё не приближался.

Когда наконец добрались до опушки, начало чуть смеркаться. И никаких признаков ёлок – кустики, пеньки.

– Надо идти поглубже, там найдём.

Я заколебался, но опасение быть снова обвинённым в трусости взяло верх.

– Пошли!

Оказавшись между молодыми сосенками, мы в поисках ёлок безуспешно рыскали в разные стороны. Наконец Славка закричал:

– Есть!

Не обращая внимания на давно набившийся в голенища валенок снег, я ринулся к товарищу. Действительно, перед ним стояла небольшая пушистая красавица-ёлочка, засыпанная снегом. Мы наклонились, утоптали снег и начали с двух сторон пилить ствол нашими ножами. Но замёрзшее дерево, увы, почти не поддавалось.

Руки устали, пальцы уже практически не слушались, снег с веток набился обоим за шиворот, но мы иступлённо продолжали пилить. Казалось, это никогда не закончится. Наконец, очередная попытка сломать ствол по распилу удалась.

– Ура!!!

– Чур моя, я нашёл! – отдышавшись, выдал из себя Славик.

– Законно!

– А теперь ищем тебе, – благородно сказал товарищ.

Снова начались поиски. К тому времени мы уже были в довольно густом подлеске, практически в лесу. Быстро темнело. Хорошо, что белый снег вокруг давал слабый отсвет и мы могли что-то видеть.

На наше счастье, довольно скоро нашлась и для меня ёлочка – не такая красивая, как первая, но вполне подходящая. С не меньшим трудом надпилили её и тоже общими усилиями сломали.

Когда азарт прошёл, мы поняли, что не знаем, куда идти. Луну не было видно за деревьями (или за облаками), да мы и не сумели бы по ней сориентироваться. Вот тогда нам стало окончательно страшно.

Пошли наугад, но скоро стало ясно, что углубляемся в лес, и повернули назад. Ёлки волочились по снегу, цеплялись за что-то и затрудняли ходьбу; пальцы, державшие их, совсем задубели. Мы поняли, что заблудились...

А тут ещё что-то блеснуло на снегу, как будто пара глаз сверкнула.

Столько лет прошло, а я до сих пор ощущаю это позорное чувство ужаса, этот мороз по коже в районе спины: «Волки? Тогда всё...»

Ноги от усталости и страха подкашивались, но мы упрямо шли. Меняли направление, стискивали губы, чтобы не вырвался наружу с трудом сдерживаемый плач – нельзя, стыдно перед товарищем, ведь мужчины не плачут.

И вдруг между деревьями мелькнула какое-то свободное пространство. Мы с надеждой двинулись туда, но за ним опять были деревья...

Как долго мы так блуждали, неизвестно. Ноги, казалось, весили пуды и переставлялись с трудом, вытягивать их из снега было всё труднее. Азарт сменился апатией, появилась предательская мысль – сесть в снег, прислониться спиной к стволу дерева...

Когда мы уже практически потеряли надежду, справа раздался паровозный гудок.

– Там железная дорога, а мы про неё совсем забыли!

– Вот мы дураки! А так испугались...

– Кто испугался?!

– Я... А ты, только честно?

– Ну... и я немного...

– Пошли!

Откуда-то появились силы, мы довольно быстро выбрались на прогалину, прошли подлесок, увидели насыпь и одновременно закричали:

– Ура-а-а!!! –

Когда мы пришли домой, не помню. Отца я таким сердитым никогда не видел; он даже кричал, к чему я не привык. Мама молчала, крепко стискивая руками щёки. А бабушка твёрдо сказала:

– Наш мальчик молодец, не ругайте его – ведь он сам добыл себе ёлку. Конечно, плохо, что задержался, но ведь у него нет часов – верно, Мишенька?

Я вижу их всех троих, как живых...

Лейла Александер-Гарретт

Лондон, Великобритания

Мышонок

В тот морозный воскресный день в начале февраля, а февраль в Лондоне самый противный месяц: сырой, промозглый, ветреный, – мы с дочкой возвращались из гостей у бабушки и дедушки, мечтая поскорей добраться домой. Земля была покрыта тонкой коркой льда, и холод пронизывал до костей. Недалеко от дома я заметила на обочине дороги мышонка: он лежал без движения, покрытый инеем. Мы склонились над ним, чтобы проверить – живой ли он, и хотели поскорее убрать мышонка с дороги, так как первый паркующийся автомобиль мог его раздавить. Разыскав поблизости сухую веточку, мы легонько дотронулись до него. Тельце мышонка вздрогнуло. Лена тут же решила взять его домой, а я замахала на нее руками: «Ты с ума сошла! Тащить мышонка в дом! Он же у нас поселится!» После этих слов мне стало стыдно: будь вместо мышонка птенец или котенок, я бы, не раздумывая, принялась его выхаживать. Почему же такая дискриминация?

Лена сняла с себя вязаную шапку и хотела положить в нее мышонка. Я снова запротестовала: мышонок, непременно, запутается когтями в пряже, как мы его потом вытащим? Ножницами будем вырезать?

В детстве у меня были длинные косы, и вот однажды, среди бела дня, мне в волосы вцепилась летучая мышь. По сей день я помню прохладу ее бархатных крыльев с тонкими перепонками и ее судорожное трепыхание. Она кусалась и царапалась. Истерика случилась у нас обеих. Пытаясь отодрать этого рукокрылого зверька, я орала так, что сбежался весь двор. Окружившие меня жильцы

нашего многоэтажного дома тыкали в мою сторону пальцами и морщились от отвращения при виде обезумевшей от страха летучей мыши и вопящей семилетней девчонки. В конце концов, нашлись смельчаки – новоиспеченные цирюльники, которые выстригли ее у меня из волос, оставив на макушке плешь, размером с блюдце. Над моей новой прической смеялась вся школа.

Полевые мыши не пугают меня, в жаркие дни я нередко вижу их у себя в саду: они прибегают попить воды из миски, оставленной для птиц. Какая-нибудь коричневая или серенькая шубка усядется рядом с миской и сканирует меня своими глазками-бусинками, пока я стучу одним пальцем по клавишам компьютера. Иногда я оставляю на ночь экологическую мышеловку с кусочком шоколада внутри, а на шоколад и зверь бежит! Утром я обнаруживаю острые усики и коготки, торчащие из дырочек мышеловки. Усатый «клад» я отношу в близлежащий парк Примроуз-хилл и выпускаю на все четыре стороны. Порой насытившиеся шоколадом мышки застревают в мышеловке и вытрясти их оттуда не просто.

Между тем, замерзший мышонок лежал на дороге, и с ним нужно было что-то делать. Я вытащила из кармана носовой платок и передала его Лене: она смелей меня. Дочь подняла мышонка с земли и стала дышать на его круглую спинку. Через минуту он зашевелился и совсем не испугался. Своим дыханием Лена отогрела окоченевшего мышонка. Мы переглянулись и заулыбались. Оставалось придумать, куда бы его пристроить? Нести домой я категорически отказалась. Как быть? Подбросить мышонка кому-нибудь под дверь? И такие коварные мысли приходили в голову.

Минут двадцать мы стояли на улице, попеременно обогревая мышонка своим дыханием. Я пыхла изо всех сил, чувствую себя виноватой. Редкие прохожие недоуменно оборачивались на нас, хотя мы прикрыли свою находку платком. Стоящие просто так люди почему-то вызывают подозрение. Я снова подумала, что будь мышонок котенком, бельчонком или птенцом, я бы, несомненно, забрала его домой, но он тот, кто есть, и я бросаю его одного замерзать на улице. Мы положили завернутый в платок комочек на кирпичное ограждение под ветки какого-то вечнозеленого куста, накрыли сухими листьями для маскировки и поспешили домой за кормом. Вернувшись, обнаружили, что мышонок исчез.

Ночью я не могла заснуть, думая о несчастном грызуне, подыскивая в мыслях себе оправдание. И не находила. Сейчас на дворе лето, солнышко – всем божьим созданиям раздолье. Я

вспомнила о мышонке: как он там? Жив? Хотя бы мышонок остался жив, ведь живут они на воле всего-то год или полтора.

Яков Фрейдин

США

Золотых Дел Мастер

Давным-давно, ещё в прошлой жизни, когда было мне лет 12 или 13, моя бабушка Берта неожиданно сообщила, что у неё, оказывается, был брат-близнец, который умер в Москве около двух лет назад. Прикинув её возраст, я сообразил что ему было тогда где-то под семьдесят. «Ну был близнец, так был, что с того?» — подумал я. Никогда я про него не слышал, на моей памяти в нашей семье его не упоминали. Моя подростковая жизнь была до предела заполнена разными интересами, и потому родственники, особенно которых я никогда не видел, меня мало занимали. Бабушка взяла со стола конверт, протянула его мне и сказала:

— Я письмо получила от Симы, его вдовы. Тебе будет интересно узнать, что здесь написано. Но прежде, чем ты это прочтёшь, я тебе должна кое-что рассказать про моего брата. Когда мы с ним родились в морозный январский день, небо было чистое и светило яркое солнце. Поэтому меня назвали Берта, то есть «ясная», а его — Меир, что по-еврейски значит «сияющий». Мы жили в Чернигове; до революции у меня была своя маленькая мастерская дамских шляп, а у Меира ювелирная мастерская. Он потом и при советской власти работал ювелиром. Жили они с Симой недалеко от нас, детей у них не было. Мы дружили, ходили друг к другу в гости, вместе праздники справляли. Он много работал, но зарплата была маленькая и жили они скромно. До позднего вечера Меир сидел в крохотной мастерской,

изготавливал украшения, чинил бижутерию и часы, а потом он неожиданно исчез. Это был страшный 1937 год. Он исчез и жена его Сима тоже исчезла. Мы сначала не понимали, что произошло; я пошла к ним домой и увидела, что дверь опечатана. Тогда стало ясно, что их арестовали, а наводить справки в те времена было опасно, да и бессмысленно. С тех пор мы о них ничего не знали, думали, что пропали они навсегда. Но вот на прошлой неделе я получила от Симы это письмо. Двадцать лет прошло, как они исчезли, и вдруг — письмо. Прочти...

Я взял конверт, не читая положил его в карман и убежал по своим делам, а когда вечером вернулся домой, вспомнил про него, достал и стал читать. Про 1937 год я тогда мало что знал, и письмо меня поразило. Долго читал и перечитывал, стараясь понять, как такое могло произойти. С тех пор прошло более шестидесяти лет, давно нет в живых ни моих бабушек-дедушек, ни родителей. Тот разговор почти стёрся из моей памяти, как вдруг прошлым январём в 130-й день рождения бабушки Берты я вспомнил её рассказ о брате-близнеце и про то, что я прочитал в письме.

Меира взяли первого июня среди бела дня. Дверь в мастерскую резко распахнулась, вошли три НКВДешника с пистолетами в руках. Ничего не сказали, только спросили имя, скрутили руки за спиной и затолкали в машину. Симу арестовали дома в тот же самый день, всё обыскали, увезли её в тюрьму, а дверь квартиры опечатали. Допрашивали Меира по ночам. Следователь с красными от бессонницы глазами и сам безумно уставший от непрерывных допросов расспрашивал его про друзей и родственников, но особенно интересовался двоюродным братом Семёном Туровским, который служил заместителем командующего Харьковским военным округом, имел звание комбрига и дружил с командармом Якиром. Меир сказал, что он Семёна видел с полгода назад, когда тот приезжал из Харькова в Чернигов повидаться, а потом уехал в Ленинград, вот и всё. Но следователю этого было мало. В тёмном углу комнаты сидел его помощник, здоровенный детина, работа которого была только бить. Следователь кивал ему, тот вставал со стула, лениво подходил к Меиру, хватал за волосы, запрокидывал его голову назад и с размаху бил кулаком по лицу. Потом возвращался к себе в угол ждать следующего кивка, а следователь задавал новый вопрос. Он требовал чтобы Меир подробно рассказал о встречах с Туровским, говорил ли тот про Якира, просил ли о чём, были ли разговоры о товарище Сталине, о военной технике и прочих вещах, о которых бедный Меир

не имел ни малейшего понятия. В первую же ночь ему выбили два передних зуба; он утирал кровь, сочившуюся изо рта, и не понимал, что от него хотят. Протокол подписал не читая. Особое совещание объявило ему приговор — 10 лет лагерей.

Симу не допрашивали, но продержали в тюрьме с полгода; потом привели в какой-то кабинет, где сидел хмурый человек в военной форме. Он протянул ей листок и сказал: «Распишитесь». Там было написано, что Серафима Рогинская приговорена к пяти годам лагеря как член семьи изменника родины. Отбывать срок отправили в АЛЖИР, то есть в «Акмолинский Лагерь Жён Изменников Родины», посреди казахской степи. В том лагере содержали женщин всех возрастов: молодых, совсем девчонок, старух, были беременные и даже матери с детьми. Вскоре среди заключённых Сима нашла себе пару приятельниц, таких же несчастных, мужей которых расстреляли за «измену родине». О судьбе Меира она ничего не знала и полагала, что его тоже нет в живых. В АЛЖИРе она пробыла до ноября 43-го года; после освобождения сразу же поехала в Чернигов, из которого только что были изгнаны немцы. Надеялась узнать о судьбе родственников. Никого не нашла, а увиденное так её потрясло, что пробыв в родном городе всего три дня, Сима уехала в Москву к двоюродной сестре. Вскоре удалось там прописаться, найти работу и даже получить крохотную комнатку в коммунальной квартире.

Что касается Меира, отбывать срок его отправили на Колыму. С пересылками этап занял месяца три; в бухту Нагаева пароход из Владивостока пришёл к концу лета. Было ещё тепло, после недельного путешествия в тёмном трюме северное солнце казалось особенно ярким, а склоны сопок к западу от Магадана кроваво-красными. Сведущие эски объяснили — это от спелой брусники, которой в тот год было изобилие. Сразу же попал он на общие работы добывать оловянную руду. Без малого два года катал в шахте тачку, но затем начальство заметило его способности к смекалистой работе — мог ловко чинить водяные насосы, точить пилы, ладить колёса к тачкам, проводить электрическое освещение, а потому перевели его в «придурки», то есть в обслугу. На общих работах мало кому везло прожить более трёх-четырёх лет, а у «придурков» труд был всё же полегче и выживали они чаще.

К началу 1942 года на шахте, где работал Меир, оловянная выработка была пройдена и всех эсков оттуда перевели на добычу золота в лагпункт прииска имени Ворошилова, что в Тенькинском разведрайоне в 150 км на северо-запад от Магадана. Эски вскрывали торфа, то есть били грунт ломками, взрывали мёрзлую породу и по

ледяной дорожке в коробах вывозили её за контур карьера, всё вручную. Когда наступала весна и сходил лёд на речушке Наталка, начинали промывку золотоносного песка из измельчённой породы. Где-то через год Меиру опять повезло — назначили его ремонтником. В 1943 году для подачи к речке породы приспособили двигатель с конвейером. Это оборудование постоянно ломалось, особенно зимой, а кроме Меира, чинить его никто не умел. Работа была ой как тяжела — в 40-градусный мороз пальцы примерзали к металлу, смазка твердела, и её надо было разогревать огнём, бушлат мало защищал от пронизывающего ветра. Но всё же это лучше, чем колотить ломом по мерзлоте, особенно когда тебе уже сильно за пятьдесят. Так проработал он на золотых приисках до самого конца срока, но по освобождению уехать ему не позволили — сначала жил за зоной как вольнонаёмный механик, а потом смог перебраться в Магадан, где, несмотря на то, что стукнуло ему уже шестьдесят, решил вернуться к своему старому ремеслу. Возраст, конечно, был пенсионный, да и здоровье стало никудышное: опухали ноги, часто болело сердце и не хватало дыхания, но надо было на что-то жить — не помирать же с голоду под забором. Устроился он на работу в часовую мастерскую. Сначала ремонтировал будильники и часы, а затем там же стал изготавливать золотые украшения для жён городского и лагерного начальства.

Золото — удивительный металл. Он красивый, мягкий, не ржавеет, не стареет, его можно выколотить в тончайшие листки для покрытия куполов храмов, а ещё у золота есть странное свойство — оно липкое: пристаёт к рукам тех, кто с ним имеет дело. На колымских приисках золотые песчинки нередко «прилипали» к заскорузлым ладоням зэков, а затем оседали в карманах охраны и лагерного начальства. За золотую крупницу можно было откосить от работы, получить дополнительную пайку или ещё какую поблажку. С приисков неучтённое золото тайно перетекало к женскому населению Колымы. Разумеется, доставалось оно не несчастным зэчкам, а сытым наложницам и жёнам ВОХРы, то есть вооружённой охраны. Но вот незадача — что за радость хранить его в кубышках и сахарницах? Золото должно украшать пальчики, уши и шеи дородных вохровских жён и любовниц! Однако, превратить золотой песок и мелкие самородки в кольца, броши и серьги совсем не просто. Это высокое ювелирное искусство, которое требует художественного вкуса, терпения и главное — умелых рук. Именно такие руки были у Меира Рогинского, единственного золотых дел мастера Колымы.

Живя в Магадане, Меир постоянно пытался разыскать жену, но все его письма в Чернигов возвращались с пометкой «Адресат выбыл». Писал он знакомым, родственникам и сестре, то есть моей бабушке Берте — всё впустую. Письма приходили назад. Многие из нашей родни погибли в мясорубке сталинских репрессий и огне войны, а моя бабушка в то время жила на Урале, куда ей посчастливилось попасть в эвакуацию. Через два года после смерти Сталина, летом 1955 года, Меира вызвали в местное управление КГБ и сообщили, что он полностью реабилитирован и может ехать на все четыре стороны. Впрочем, сторона была там только одна — сначала на юг парходом во Владивосток, а оттуда поездом на запад. Как раз в это время он догадался написать письмо в Москву своим старым знакомым, которые разыскали двоюродную сестру Симы и передали ей письмо. К великой своей радости, Меир наконец узнал, что его жена жива.

Собрал он свои нехитрые пожитки, которых и было-то всего-ничего: две пары старого латаного-перелатаного белья, подбитые валенки, подержанный двубортный костюм, купленный в Магадане по случаю, телогрейка с пятном на спине от споротого лагерного номера, старые часы «Брегет», да ящичек с ювелирными инструментами: щипчики, молоточки, наковальни, тисочки и прочие профессиональные приспособления. Сложил всё в картонный чемодан; когда парход пришёл во Владивосток, сел там в общий вагон поезда дальнего следования и поехал в Москву.

Сима встретила его на вокзале, привезла в свою комнату, отогрела, накормила, и надеялись они начать жить сначала, хотя обоим было уже под семьдесят. Но не сложилось — судьба-злодейка распорядилась иначе. Где-то через неделю после приезда ему ночью сжало сердце, стал задыхаться. Сима побежала на улицу к телефону-автомату вызывать скорую, а когда вернулась домой, увидела, что бедный Меир уже не дышал.

Похоронила она его и осталась опять одна, как прежде. Жила бедно, пенсия у неё была мизерная, 350 рублей в месяц, это ещё в дореформенных деньгах, и стала она носить на барахолку свои пожитки, чтобы продать их хоть за какие-то деньги. Продала костюм покойного мужа, карманные часы «Брегет», а потом нашла под кроватью ящичек с ювелирными инструментами. Снесла и его на рынок. Инструменты долго никто брать не хотел, но однажды подошёл к ней подвыпивший мастерской и сторговал их за 50 рублей. Сима просила 100, но он тыкал пальцем в ящичек и ворчал: «Старые, ржавые, им вообще грош цена...». Продала...

После Меира осталась у неё одна лишь телогрейка со следом на спине от спортивного номера — кому такая нужна? Старая, вся в заплатках, пропитанная холодом и страхом. Где-то через полгода решила она выбросить её на помойку, сняла с гвоздя и тут во внутреннем кармане заметила конверт. На конверте была надпись: «Для Симы от Меира лично. Открыть в случае моей смерти». Внутри лежал небольшой листок, на котором почерком Меира было написано:

«Я в Магадане мастерил ювелирку для вертухайских жён. За работу они иногда расплачивались со мной золотым песком. За эти годы набралось у меня почти 2 кг золота. Держать его при себе было опасно, поэтому для маскировки я из него сделал набор ювелирных инструментов и чтобы придать им неприметный вид покрыл золото слоем железа. Сима, береги эти инструменты, никому не говори и не показывай. Если сможешь найти надёжного покупателя, продавай, только не все сразу. Меир»

Юрий Смирнов

Луга, Ленинградской обл., Россия

Ужин в Астории

Памяти моего друга Нодара Челидзе

В СССР безработных не было. Если работник «отдыхал» от работы более месяца, он автоматически, минуя стадию безработного, зачислялся в антиобщественную группу «тунеядцы», коими занималась милиция, и можно было запросто «схлопотать» административный арест от трёх до 15-ти суток.

У меня в тот момент оставалось три дня до окончания месячного срока, но уже была договорённость на следующий день оформлять документы на работу в питерский Политехнический институт.

До этого я работал в п/я (почтовом ящике. Все секретные организации именно так именовались с добавлением номера и, иногда, буквы.) «Мой» ящик именовался 626-а. Располагался он в ... Свято-Троицкой Александро-Невской лавре в Ленинграде. С площади Александра Невского следовало войти в ворота и оставить справа захоронения великих русских художников и композиторов. Подойдя к Благовещенскому собору, сделать поворот «левое плечо вперёд» и подойти к монашеским кельям. В кельях и располагался наш п/я 626-а. Это были научно-исследовательские «горячие камеры» с достаточно мощными радиоактивными источниками. Толстые и прочные стены келий служили отличной защитой супротив проникающих излучений, метко названных в народе радиацией. Строители-монахи, как в воду глядели во время созидания – предвидели, для чего могут понадобиться такие стены.

Должность у меня была хорошая: начальник службы РБ (Радиационной Безопасности.) Мне было уже 27 лет. За плечами я имел достаточно большой опыт в 10 лет небезуспешной борьбы, а точнее, сотрудничества, с нею – радиоактивностью. Я знал, что бороться с Природой и бесполезно, и небезопасно, и глупо. Матушку-Природу следует уважать, изучать и уметь с нею ладить.

Но всё хорошее когда-нибудь кончается. Особенно быстро заканчивается что-то очень хорошее. Организация собралась переезжать в Гатчину, в 47 км. к югу от Ленинграда, составной частью института ядерных исследований. Начальник отдела предложил мне ехать в Гатчину, где обещал однокомнатную квартиру. Мы с ним работали в прежние годы на атомном ледоколе «Ленин» и полностью доверяли друг другу. В Ленинграде у меня была комната в коммуналке.

– Николай Робертович, – взмолился я, – не хочу уезжать из Ленинграда. Обратю я никогда не попаду. А что я видел в прошлые годы: арктические льды, Мурманск, Диксон?

–Тебе решать, смотри сам. Я своё слово сказал, – ответил начальник.

И я остался в Питере.

Был 1966 год. С работой по специальности было сложно. Посетив несколько организаций, я, наконец, договорился идти работать в Политехнический институт, в лабораторию по ядерной физике: проводить лабораторные работы с радиоактивными источниками.

Но человек предполагает и только Бог располагает. К примеру, ни один капитан не даст радиogramму в порт с моря, что он «будет тогда-

то и во столько». Он всегда употребит выражение «полагаю быть». И с морем не всегда удаётся договориться.

Неожиданно позвонила моя давняя знакомая, дочь профессора. Зная моё положение, которое даже сухопутные люди определяют выражением «на мели», предложила угостить меня ужином. Сомнений у меня не было. Я знал, что халява часто не бывает и следует пользоваться первой попавшейся возможностью. Ибо, если вам повезло, вы держите дьявола за хвост, а при неудаче дьявол держит вас за горло.

Шиковать, так шиковать! И мы пошли в Асторию. Спокойно нашли два места за столом у колонны. Сделали заказ. За столом оказалась молодая супружеская пара, которая с радостью сообщила, что через пару дней они едут за рубеж, в англоязычную страну. В то время поездка за рубеж была большим событием. Я задал им два-три вопроса на английском, уровня второгодника из 5 «Г» класса. Мы дружно посмеялись. Принесли заказ. Мой ссохшийся желудок не поверил в реальность происходящего, и я вышел в туалет. Обратил внимание на кафельную плиту с красовавшимся на ней жуком-скарabeem, символом счастья и удачи ещё с древнеегипетских времён. И точно!

Через несколько лет работал я в Проектно-Монтажном Тресте ПМТ – 5 (пьяных много, трезвых – пять). Рассказывали мне работники этого треста, что когда-то они устанавливали в столах и колоннах зала ресторана «Астории» «жучки – микрофоны». С гордостью говорили, как однажды, в понедельник, офицер-гэбэшник, курировавший их работу, принёс им на подносе по 50 граммов коньяка, чтобы у них не дрожали руки при монтажных работах.

На выходе из туалета меня встретили два милиционера и предложили проехать с ними. Я даже не спросил о причине. Зачем задавать дурацкие вопросы, если точно знаешь, что ответа на них не получишь? Как говорил герой одного польского кинофильма: «Я живу в свободной стране и имею право чего угодно бояться». Я спросил разрешения попрощаться с дамой и поблагодарить её за столь прекрасный, но не состоявшийся ужин. Милиционеры улыбнулись, но не разрешили. Я был абсолютно трезв и никаких противоправных действий не совершал. Милиционеры с этим согласились. Мы сели в милицейский УАЗик, доехали до Садовой (а я жил рядом на Лермонтовском проспекте, который пересекает Садовую улицу). Меня поместили в камеру. Никто ничего не объяснял. Сказали, что всё узнаю утром.

Утром нас, несколько человек, привезли на заседание суда. Судья щедро раздавала, кому пять, кому десять суток, в зависимости от объяснения и представленного протокола милиции. Когда она пригласила меня, то не дала мне раскрыть рот, не объяснила причину задержания и назначила пятнадцать суток ареста, без права обжалования.

Вспомнился анекдот, когда в «предварилке» сидят арестованные и их по одному вызывают в суд. При возвращении все интересуются, кому сколько «припаяли». Кто говорит десять лет, кто пятнадцать. Возвращается из суда улыбающийся чукча: – Я, наверное, вас охранять буду. Мне сказали: «Вышка!»

Нас повезли на Каляева, 4, бывшая Захарьевская. В Советском Союзе большинство улиц и площадей носило (да и сейчас носят) имена преступников, коммунистов-вождей, предателей интересов России. К числу таковых относится улица имени террориста Каляева. Троечник в гимназии (единственная пятёрка – по закону Божьему), недоучившийся студент. В феврале 1905 на территории Московского Кремля бросил бомбу и убил Великого Князя Сергея Александровича, губернатора Москвы, дяди Николая Второго. Примечательно, что за несколько минут до взрыва Великий Князь встретил Владимира Дмитриевича Набокова, видного политика, отца знаменитого писателя Владимира Владимировича Набокова, и предложил подвезти его. Набоков отказался, сказав, что прогуляется пешком. Совсем удивительно то, что Набоков-старший в 1912 сдал билет на «Титаник».

А Владимир Владимирович, русско – американский писатель, всю жизнь не покупал себе дома. На вопрос «почему?», отвечал, что у него в Петрограде есть отличный дом на Большой Морской, 47. Там, на первом этаже, теперь музей Набокова. Был я там и беседовал с экскурсоводом. А Владимир Владимирович ещё запомнился фразой: «Два Ильича погубили Россию. Один из них – Обломов».

Каляева, 4 – это боковая часть здания на Литейном, 4, про которое говорили в народе, что из его подвалов виден Магадан. Вход сбоку, с правой стороны. Много лет позже я проходил мимо этого здания, которое рабочие очищали от грязи и пыли. Проходивший мимо мужик процедил сквозь зубы: «Чёрного кобеля не отмоешь добела».

Нас распределили по камерам. Утром было построение и всех остригли наголо и отправили в город на работы. Всех, кроме меня. И я понял, что я не «суточник», а просто сидящий в следственном изоляторе КГБ.

Я вспомнил, как после моего предложения в 1962 году на ледоколе «Ленин» инструктору цк влксм Масленникову ликвидировать комсомол как изжившую себя и оболванивающую молодёжь организацию меня отстоял экипаж и главный механик. Тогда мне один умный человек сказал, чтобы я не заблуждался и не считал, что всё кончилось: «Они этого тебе никогда не забудут и не простят. И при первой возможности нагадят тебе в твою некомсомольскую душу».

Я подметал камеры, а потом был выпущен на тюремный двор, где под навесом была небольшая мастерская по сколачиванию ящиков. Ночью меня вызвали на допрос. (Только в 2017 году я узнал, что ночные допросы запрещены. Не знаю, действовало ли это правило в тот 1966-ой год?) Никто не говорил, в чём я подозреваюсь или обвиняюсь. Допрашивающие сидели за настольной лампой, а мне свет бил прямо в лицо. Их лиц я не видел. Я понял: боятся. Спрашивали, где я был такого-то числа, кого знаю на Невском проспекте, что читал в последнее время, где и у кого получал книги и т.п.? Ночевал я в другой камере. Свет в камерах не выключался, и никаких постельных принадлежностей не полагалось. Спали на голых досках. Говорили, что при кровавом царском режиме эти камеры были одиночными. Теперь, при коммунистической свободе, в камеру набивали и по восемь человек. Так как нар на всех не хватало, то на ночь ставили дополнительные нары в проходе и все спали вповалку.

Несколькими годами позже были мы семьёй на экскурсии в казематах Петропавловской крепости. Экскурсовод объяснила, что каждая одиночная камера имеет площадь 22 кв. м. Такой размер, по расчётам немецких учёных, производит на заключённого самое удручающее впечатление и давит на его психику. До этого момента я очень часто задумывался о знаменитом узнике Петропавловки Морозове, который, отсидев в ужасных условиях лет 20, прожил каких-то 90 лет. Теперь я точно знал, ЧТО так сильно подкосило духовные и физические силы зэка царских времён. Доконали хорошего человека эти проклятые 22 метра. А ведь мог бы жить да жить, хотя бы ещё несколько десятков годочков. Я спросил экскурсовода, не влияет ли нравственно и физически на нашу семью жизнь вчетвером в комнате площадью 14,56 кв. м.? Мне показалось, что экскурсовод даже обиделась. Только я не мог определить, на кого и за что?

– Зачем вы задаёте глупые вопросы?

– Разным людям я задаю разные вопросы. Умным людям – умные, а вам – вот этот.

– Вы что, хотите сказать...?

– Нет, нет! Я сказал только то, что сказал. Но мне нравится ход ваших мыслей.

(Тогда мне было 35 лет. Сейчас мне 80. Моя семья живёт всё в той же коммуналке, и мы 38 лет стоим в очереди на улучшение жилищных условий. Магия чисел: я проработал 52 года и на каждого в семье приходится по 5,2 м.кв.).

На следующий день меня опять оставили в изоляторе. Снова я подметал камеры и читал надписи на стенах, кто и за что здесь сидел. Найдя обрывок газеты, я начал читать «голосом диктора». Прибежал надзиратель: – Где-то работает радио? Я сделал «морду топором» и продолжал шваброй чистить камеру.

На тюремном дворе работал здоровенный грузин, про которого говорили, что охрана хотела бы его избить, но он мастер спорта по какой-то борьбе и всегда ходил вдоль стен, чтобы никто не мог зайти сзади, а спереди наезжать на «танк» смысла нет никакого. Как-то, работая рядом с ним, я вполголоса стал напевать: «Тбилисо» на грузинском. Он подхватил песню, и мы спели её до конца.

– Откуда слова знаешь?

– Друг у меня в Тбилиси, Нодар Челидзе. Когда ездил к нему в гости, выучил слова. Хоть одну грузинскую песню могу петь вместе с грузинами.

Мы с ним сдружились и, выходя на тюремный двор, я кричал ему «Гамарджоба», и он рычал мне в ответ: «Гамарджоба, генацвале».

Почти каждую ночь вызывали меня на допросы, но ничего конкретного не говорили – старались среди массы вопросов незаметно подsunуть основные, которые их интересовали. Постоянно переселяли из одной камеры в другую, и я понял, что там могут быть «подсадные утки» и в разговоры не пускался, а на вопросы сокамерников отвечал односложно.

Операция по убийству Троцкого в Мексике Меркадером (получил звание Героя Советского Союза) носила кодовое название «Утка».

Видел, как из одной части здания вели заключённого в другую часть здания через тюремный двор, воткнув в спину ствол пистолета.

Однажды повезло – меня взяли на разгрузку продуктов для тюремной столовой. В то время для меня любой мешок не был большой тяжестью и я с удовольствием таскал их. Почему-то в СИЗО считалась большой ценностью соль. В столовой я прихватил в карман пару пригоршней соли и мне за работу дали две селёдки. Всё это я принёс в камеру ко всеобщей радости.

Когда приходит баландёр и начинает раздавать баланду, надо сразу, у амбразуры, перекрыть ему обзор, чтобы он не смог пересчитать количество находящихся в камере. И дать ему все алюминиевые миски, которые есть в камере. Кого-то переселяли в другие камеры или они ушли на суд и не вернулись, их миски оставались в камерах, и ими можно было воспользоваться. Некоторые теряли аппетит из-за расстройств – их баланду съедали другие. Баландёры, из числа таких же, ожидающих суда или окончания срока наказания, тем не менее, вели себя, как принято там говорить, «как суки». Они наливали баланды только половину порции, за полную порцию требовали или сигареты, или деньги. Чай наливали только полкружки. Удивительное дело – не успеет русский человек получить самую маленькую должность, как начинает издеваться над другими, такими же, каким он был сам ещё вчера. Оставшуюся баланду они не раздавали заключённым, а сливали её в парашу (в унитаз). Вспоминаются слова Фёдора Достоевского из романа «Бесы», в котором он предсказал нашествие на Россию коммунистического ига. (Цитирую по памяти): «У нас в России как заведено: поставьте самую последнюю бездарность, к примеру, продавать перронные билеты – и тут же эта бездарность начинает на вас смотреть Юпитером: дай, дескать, поиздеваюсь, дай, дескать, покажу свою власть».

Странное дело, но в один из дней меня назначили баландёром. У баландёра есть большие преимущества – на время раздачи баланды его камера не закрывается и он свободно ходит от одной камеры к другой, раздавая баланду. Я сразу установил новые порядки: наливал по полной миске, никого не пересчитывал и чай и хлеб выдавал по норме. Дело в том, что каждому узнику положено полбуханки хлеба в день. Что делает обычно баландёр? Он вырезает из середины буханки кусок хлеба и даёт каждому хотя и с горбушкой, но не полбуханки, а меньше. Вырезанный кусок он продаёт за деньги или сигареты.

Когда я наливал полные порции и раздавал хлеб по полбуханки – мне предлагали деньги – я не брал, а от сигарет отказывался, говоря, что не курю. Сначала они недоверчиво смотрели на меня, но потом кто-то сказал, что это политический, а все политические «сдвинутые». В следующие разы они уже улыбались мне, здоровались и ничего не предлагали.

Через несколько лет, выступал я с рассказом о себе в «Ротари-клубе» в Питере, в Доме учёных, во дворце Великого Князя Владимира Александровича, на набережной Невы.. Этот клуб занимается помощью сиротам и голодным детям. В него входили уважаемые люди: доктора наук, призёры Олимпийских игр, актёры,

музыканты и т.п. «Ротари» – потому, что ротация председателей этого клуба происходит каждые полгода, как капитанов-регентов в Светлейшей Республике Сан-Марино, где избирают их, двоих, на полгода и подпись одного не действительна без подписи другого.

Члены клуба делились своими проблемами. Например, можно было получить в дар детскую одежду от друзей в Финляндии, но главная трудность начиналась на советской границе – таможенники страны, где единственным привилегированным классом являлись дети, требовали оплатить ввоз этой детской одежды. Никакие справки не помогали, и члены клуба расплачивались собственными деньгами.

Я попал в Ротари-Клуб случайно и надеялся, что всё обойдётся. Но меня попросили выступить – в их рядах никогда не было человека, добровольно многие годы работающего в Арктике. Когда я дошёл в повествовании до момента моего назначения баландёром, в клубе воцарилась тишина. Никто не знал, кто это такой. Но один член клуба воскликнул: -А я знаю, кто такой баландёр! – А откуда ты, доктор физико-математических наук, знаешь? – упрекнули его. – Книжки нужно читать не только по специальности, – парировал учёный, – и объяснил, кто такой баландёр. На него смотрели с большим уважением.. Но когда я рассказал об урагане в Арктике, в Хатангском заливе, где ветер срывал гребни волн и нёсся со скоростью более 100 км/час, а над нами было чистое, голубое небо, редактор какого-то журнала предложила мне написать об этом рассказ. Я по своей «скромности» (забитости с детства), отказался. Потом секретарь клуба, оперная певица, села за рояль и исполнила романс «Не пробуждай воспоминаний». Никогда я не слышал так близко такого чудесного исполнения. Голос заполнял весь зал и казался нереальным.

Большим испытанием было отсутствие чтения. Читать не позволялось. Я просил «суточников» что-нибудь принести из города почитать. Любую газету или даже отдельные листы. Один из надзирателей часто заглядывал в нашу камеру и, если видел, что я читаю какой-нибудь обрывок газеты, все время грозил мне карцером. Я молчал. В это время важно не смотреть ему в лицо – он это примет как вызов. Потом я его встретил на улице, он притворился, что не узнал меня.

В каждой камере есть «светофор». Это такое устройство, при нажатии на кнопку внутри камеры, – в коридоре выскакивает небольшой жезл, означающий, что в камере есть какое-то пожелание или что-то случилось. Обычно дежурный надзиратель, увидев такой светофор, просто устанавливает его на прежнее место, даже не заглянув в камеру и не поинтересовавшись, в чем дело. Однажды мы

сидели вместе с парнем, который оказался эпилептиком. Мы все перепугались во время приступа и стали колотить в дверь, чтобы вызвали врача. Меня вскоре вызвали на допрос и переселили в другую камеру. Эпилептика я больше не видел.

Долго ли, коротко, но вдруг слышу: «Смирнову с вещами на выход». А какие у меня вещи? Я был на тюремном дворе – и решил зайти в камеру. Знакомый милиционер остановил меня: – Не ходи в камеру, не возвращайся. Плохая примета. И я не пошёл. Вышел за ворота и оказался на свободе. Можно идти в любую сторону. Я пошёл к станции метро «Чернышевская». Меня научили: подойдя к дежурной, нужно провести себе ладонью по лысой башке вперёд-назад – и контролёр пропустит без денег. А со шрамами на голове, может пропустить и без этого ритуала. А шрамов на голове у меня предостаточно. О шрамах на душе я не говорю – это никому не интересно.

Наталия Замулка-Дюбуше

Франция

Улыбайтесь, господа!

Давно это было, научило улыбаться меня общество, здесь, в Европе. Тут улыбки приклеены на лица людей. На них должно быть написано: все хорошо с нами, никаких проблем, чего и вам желаем. Уверенность в себе от этого стрелкой ввысь, к небесам. Урок от индивидуалистов, нам-коллективистам с эмоциями, славянам то бишь.

Теперь я своих в Европе, особенно тех, кто первый раз в путешествиях, сразу вижу по вытянутому, грустному лицу, брендовой

одежде, недоверчивых глазах и думаю: а чем виноваты они? Это отпечаток тех наших будней, когда мы были закрыты в счастливом построении коммунизма от печальной исторической памяти и вообще – оценка самому государству, которое о людях своих не думало. Вернее, думало как об управляемом стаде.

Несколько лет прошло. Оказывается, у нас дома приватизация прошла. Еду в родной город, квартиру свою надо продать. В агенство захожу с этой европейской улыбкой и приветствием. За «бруствером» перегородки смурная агентша: – И чего вы, женщина, улыбаетесь?

– Да ничего, – отвечаю, наверное, адресом ошиблась.

Предполагаемая сделка закончилась не начавшись.

Позже невестка продаст квартиру за символическую цену, в рассрочку на 3 года. Рухнул рынок, страна развалилась, ни мне пользы, ни детям. Не до жиру, быть бы живу. У отца, как и у всех, на сберкнижке деньги пропали. Их пересчитали по новому курсу временных купонов, которые ветром носило по тротуарам страны, миллионами. Дырка от бублика осталась и мудрое завещание отца не помогло. Вот такие из народа «капиталисты» хреновые при такой же власти.

А вот тянет меня домой к друзьям по жизни. Кровь не вода! Мы смеяться умели, любить искренне и горевать вместе.

Любочка, подруга моя, давно уже Васильевна, учительница украинского языка в сельской школе. Память у нее хорошая, множество стихов, текстов знает и всего Шевченка наизусть, да и сама легка на перо. Удочерила одну девочку, по просьбе дочери, ее подружку. Мать той девочки непутевая была при восьмерых детях, редкость в Украине. Оставит детей – и пропадет из дома на месяцы.

Вырастили с мужем обеих, свою и приемную дочь. Последней судьба выпала турчанкой стать, замуж вышла за турка, сына родила. Не смиряется ее душа, язык турецкий учить не хочет, а как без него на работу устроиться, в чужое общество вписаться? Благо ее турок, слабо, но говорит по-русски, так и живут, может быть, до очередной «революции», которая грянет, украинки на них способны. Ох, не знают инородные женихи: нам в седло вскочить – что раз плюнуть. Им же наша красота глаза застила, да хозяйственность.

Любочке, так муж ее называет всегда, пришла пора ехать в гости в Турцию, к дочке приемной.

Муж на хозяйстве остался, гуси, куры у них, собаки, огород, да и на работу без отпусков ходить надо. Уникальный муж Любе попался, русский, из Донбаса, голубоглазый, крепкий, даже резкий. Его бритоголового, даже побаиваются здесь, босяк какой-то с виду. Он

охотник и рыболлов, хозяин с золотыми руками, защитник, одним словом. Язык выучил давно, застрял в украинском селе ради своей Любочки. А уж смеется-то как! Без оглядки и тормозов, долго и искренне, как ребенок.

Привыкал к хозяйству постепенно, как косою орудовать. Ему, городскому жителю, вначале скучновато было. Косу точить – это наука целая. Рвал руки и спину, косил, старался. Оказалось, не в ту сторону лезвие заточил, опытные старики наши за головы ухватились, при заточке такой, один раз не проведешь ею низко, под корень, не то что три дня косить. Сила есть – ума не надо, посмеивались. Но лиха беда – начало. Что не сделаешь ради любимой женщины?

Колхозы с тех давних советских времен упразднились. Теперь фермерские хозяйства везде на украинских полях, вот и работай на хозяина, который о земле особо не думает, ему бы денег побольше взять за монокультуру. Картошку, к примеру. Наставили в полях, вразлет, как крылья альбатросов, поливальные агрегаты, посредине дыркающий моторчик на колесах, с сидением для поливальщика. Вода с Днепра на поля подведена по трубам. И всеми этими сооружениями муж Любочки управляет. Сутки работает и поливает в жару эту проклятую картошку без остановки. Поест спокойно некогда, на ходу жевать надо. А еще бывают и ночные дежурства в вагончике среди поля, с фонарем да собаками. Это на случай, чтобы не разобрали на металлолом поливальные системы. Одним словом, занят ее Володя выше крыши. Если что, соседка подменит – покормит их домашнее хозяйство.

А Любочка в Стамбуле парится. Нет, не в знаменитых турецких банях. Ей энергия нужна охватить взором да понять этот мир инакоговорящий с его обычаями, едой, взаимоотношениями. Внук турецкий бегаёт и лопочет по-английски, по-турецки, запутался в языках, бедный ребенок. Не перемолвиться с ним словечком. Тут ей в образе глухонемой пребывать, ладошками прихлопывать, бегая за ним, вроде моль ловит – не поймать живчика.

Вечерами, вытянувшись на своей одинокой, гостевой постели, переносится Люба взором домой, вспоминает старого гуся, качуром его называют в их местах, миссия его, гусынь топтать, а он не может, старый. Петух этим делом занялся, качур, как увидит такую наглость и кровосмешение, крылья растопырит, шипит «Каххх это, каххх?!» – умора, хозяйке жалуется. Ох, и далеко за морем отсюда ее село! Наконец-то, три недели истекли.

Замордованный указами по делам текущим от жены, турецкий зять оставил Любочку на вокзале, с которого электрички в аэропорт уходят со словами:

– Падождите, мамочка, меня здесь, я вернусь через полчаса, отлучиться по делам срочно надо, время еще есть.

Любочка и ждет на скамейке в зале гомонящем всеми языками. Страшно ей, ну вроде на Марсе одна очутилась. Обошла всех, а хоть бы кто слово на родном или похожем языке говорил! Взор ее скользнул на часы огромные на стене. Батюшки – светы! Там время указано, ее самолет вот-вот поднимется в небо. Да где же этот турок запропастился?! И как же ей одной добраться в тот аэропорт? Господи, ведь не дура же, учитель, уважаемый человек дома, а тут одна, песчинка, никому не нужная! И Любочка встает со скамейки в последнем, неистовом порыве и начинает громко читать «Отче, наш!» с поклонами, широко осеняя себя крестным знаменем. Так двенадцать раз и прочитала. Если и опешил народ вокруг, она это не видела, вся в молитве была. И что вы думаете, объявился этот зять-турок со словами:

– Извините, в пробку попал.

– Это ты ходячая пробка, – возопила Любочка. – Мы на самолет опоздаем!

– Да что вы кричите, мамочка? Это наше местное время на часах. У вас в билете стоит украинское время прибытия в Борисполь, обсчитались вы.

Долго ее Вовочка дома хохотал над рассказом жены об ее отлете из Турции. Такая вот она у него жена. Нестандартные решения принимает. А сам хозяйство дома призапустил, некогда было, да и странным показался ему пустой дом без Любочки, никакого тебе стимула для работы.

Зашли в зиму. Какая-то ядреная получилась она. Чего с планетой-то делается?

У Вовочки дежурства ночные остались на поле, в вагончике, без электричества и отопления. Тоже работа. Но он не сильно переживал, вместо света фонарь переносной, шахтерский, буржуйка топится дровами, насобирает в лесосмуге заранее. На буржуйке сварганить еду можно себе и собакам. Главное, не один, да и ружьецо есть, чтобы охранять замерзшие в поле поливальные машины. Вот только мобильник плохо работает, подзарядки на сутки от силы хватает. Снег повалил без остановки. Метель. Все сравнялось в белую мглу, ни тебе машин не видно, ни полосок лесосмуг. Дорогу битую в поле замело.

Чего-то собаки занервничали. Открыл дверь вагончика, метет снег и звук, вроде кошка мяукает, слышался такой слабый. Но одна собака помчалась вперед, выскакивая из свеженаметенного снега стрелой. Залаяла вдали, Любочку отгребала, она застряла в снегу. Пробился и Володенька к ним, вытащил жену.

– Я так и знал, что ты припрешься!

– А как мне не прийти, тебя трое суток нет дома, телефон молчит, вот и пошла 7 км от села в поле, в пургу, к твоей работе. Гребла по снегу, ни дорог ни лесосмуг не видно, благо что мигнул огонек твоего вагончика. А дальше застряла по пояс, не сдвинуться, кричать стала: Во-ло-дя-ааа...

– Значит, это ты мяукала? – сказал муж-смехотунчик, раздевая жену возле буржуйки... Украиночка ты моя незабвенная! И смеялся счастливым смехом ребенка...

Вот в таких страстях и переживаниях мои земляки пребывали на фоне общей жизни державы.

Про «котлы» Иловайские уже и не говорю. Не смешно совсем. С людей налог на войну государство дерет. Забыли спросить у них, нужна им война или нет? Еще сыновей на ней убивают.

У Шевченка все наперед написано давно. «Доборолась Україна до самого краю. Гірше ляха свої діти її розпинають». Это из послания поэта «І мертвим, і живим».

А я, тем временем, с улыбкой приклеенной, европейской, за рулем машины пребывала на узких дорогах Франции.

Стоп! Замаечили жандармы с палочкой светящейся, прямо восклицательный знак. Остановилась.

– Ваши документы, маленькая дама! – вежливо и с улыбкой спрашивают.

Протягиваю им бумаги нужные. А сама думаю: где они «маленькую даму» видели с нашей славянской косточкой?

Спрашивала потом у друзей здесь, что это было? Улыбаются.

– Это фигура речи такая у нас. На всякий случай, остановить, проверить документы и мило отпустить. Водитель предупрежденный, значит, вооруженный – против непредвиденной ситуации на дороге.

Вот такая голубая, холодная кровь в жилах латынян. Им и в страшном сне не приснятся наши страсти, печали и радости. Зачем? Нам же латыняне не снятся? И никто никому ничего не должен.

Вывод отсюда напрашивается о славянской, загадочной душе и ее шарме. Нам с ней жить. С душой этой.

Улыбайтесь, Господа, на здоровье!

Лия Припштейн
Штат Нью-Йорк, США

Смерть моего обидчика

Когда я служила в Армии Обороны Израиля, большое внимание уделялось технике безопасности в обращении с оружием и снаряжением. Первая Ливанская война с её ежедневными потерями окончилась несколько лет назад, а палестинская интифада только началась. Несчастные случаи по халатности сделались основной причиной смертности среди военнослужащих, и крик обеспокоенных родителей достиг ушей премьер-министра.

Армия отреагировала усиленным обучением, которое состояло из чтения брошюр о том, что можно и чего нельзя делать, и из показов предостерегающих видеофильмов, на которых мы все должны были высидеть.

Вот во время такого обязательного просмотра и возникло имя Иоси.

Его фамилия довольно распространена в Израиле, и сначала, когда рассказывалось о убившей его аварии, я не была уверена, что это тот самый Иоси, которого я знала. Но когда показали интервью с его отцом в духане на иерусалимском базаре Махане Иегуда, я поняла, что это он и есть.

Иоси, который травил меня в средних классах школы.

Из всех хулиганов, проживавших в нашем рабочем районе, Иоси был самым ненавистным. Признаю, что я была лёгкой мишенью: репатриантка из России, книжница с толстыми очками на носу и тонкими косичками по сторонам бледного лица. Я была аутсайдером, и Иоси, рост и телосложение которого внушали страх даже мальчишкам, не давал мне забыть об этом.

Были прозвища – «четырёхглазая, русская» и более индивидуальные: «конский хвост» – из-за косичек и «шекспир» – за чтение книг на переменках. Ко всему этому Иоси угрожал мне физически. Он преграждал мне путь в коридоре и шепотом грозил поймать после школы или подстеречь вечером на улице. Я летела домой, как только прозвенит последний звонок, а когда попала в больницу с воспалением лёгких, то готова была вынести любые процедуры лишь бы не возвращаться в школу.

Иоси погиб по нелепой случайности. Будучи радистом, он шёл позади группы, неся рацию на спине. Во время ночного передвижения радиоантенна задела за обнаженный электропровод. Когда в подразделении заметили отсутствие радиста, удар тока уже остановил его сердце.

В Израиле принято освящать погибших. Средства информации рисуют павших солдат безупречными людьми: верный товарищ, преданный сын, пытливый ученик. Я никогда не подвергала сомнению эти идеализированные описания. Более того, я часто бывала тронута до слёз безвременной гибелью таких замечательных молодых людей. Но в этот раз сакрализация Иоси вызвала у меня тошноту. Парень, которого описывал в видео отец Иоси, был совсем непохож на того, кого я хорошо помнила. Он говорил о доброте Иоси, о его благородстве, о его нежной душе, о всех высоких качествах, сделавших его смерть безутешной утратой для семьи. Это вопиющее искажение истины погасило какое-либо сочувствие, которое я, возможно, смогла бы наскрести в себе по поводу Иосиной смерти.

Я не могла согласиться, что смерть очищает от грехов. Он был моим обидчиком и гонителем, и считать его смерть утратой было бы лицемерием.

Правота придала мне уверенности, и я даже позволила себе рассуждать в библейских категориях: он это заслужил, зло наказуемо и тому подобное. Во время просмотра я, усмехаясь, помалкивала, сидя на последнем ряду, но как только нас отпустили и мы двинулись в казармы, я принялась исправлять искажённую характеристику Иоси.

Ко времени моей службы в Армии я уже не была тем беспомощным существом, каким являлась в средней школе. Мой опыт с Иоси закалил меня, и в старших классах я сделала всё возможное, чтобы утвердить себя как жёсткую и самоуверенную особу, с мнением которой нельзя не считаться. И хотя я часто с апломбом рассуждала о вещах, в которых не слишком разбиралась, мой острый язык и убойный сарказм заставляли замолчать моих оппонентов.

В тот день на базе, когда я заявила, что гибель Иоси не такая уж большая потеря, никто из моих друзей не упрекнул меня в неуважении к мёртвому. Только одна девушка, недавно к нам поступившая, которая была не в курсе наших взаимоотношений, вступилась за него.

«Но как же, – пролепетала она, – ведь он такой молодой... это так ужасно...»

Она была робкой и неуверенной, и её аргумент было не трудно опровергнуть. При чём тут возраст? Парень был дерьмовый, и все дела.

Прошло более двадцати пяти лет, когда я снова вспомнила о Иоси. В беседе с моей дочерью, родившейся в Штатах, я заметила, что почти каждый израильтянин знаком лично хотя бы с одним человеком, погибшим в Армии Обороны Израиля. Она спросила, знаю ли я тоже кого-нибудь. Я сказала, что да, хотя тогда уже с трудом припоминала, как выглядел Иоси и почему я так боялась его. Девятнадцатилетняя высокомерная девочка, перепутавшая мстительность со справедливостью, и двенадцатилетняя, удиравшая домой после школы, были также далеки от меня, и я не могла разделить их чувства. Замужество, материнство, сама по себе текучесть жизни повернули всё, что казалось неколебимым, ничего не оставляя на прежних местах.

Я не знаю, как изменился Иоси за годы после средней школы, каким был в старших классах и армии. Знаю только, что в своей армейской форме, обёрнутый флагом, присыпанный землёй и провожаемый тремя оружейными залпами, Иоси был всего лишь мальчиком, слишком юным для какого-либо приговора.

Удивительны превращения, которые происходят с нами по мере того, как время течёт через нас. Я думаю о Иоси, о его оборвавшейся молодости, о его едва начавшейся жизни, и безутешная потеря, о которой твердил его отец, кажется мне поистине невозполнимой.

Авторизованный перевод с английского Е. Иоффе.

Милена Миллинткевич

Краснодар, Россия

Проводница

Цокая шпильками по тротуару, Нюра с трудом сдерживала дрожь в коленках. Нет, каблуки тут ни при чём. Они, конечно, высокие, но девушка привыкла. Страшил первый рабочий день. И хотя она была лучшая в своей группе и все зачеты сдала на отлично, подпрыгивающее в такт ходьбе нутро подсказывало, что её явно чему-то забыли научить.

На проходной железнодорожного депо девушка долго рылась в сумочке, пытаясь отыскать пропуск. Мысленно отбивалась от пошлых шуточек плящущихся без стеснения на её форменный прикид старперов-вахтеров. Матерясь и чертыхаясь, рискуя сломать ноги и каблуки, перепрыгивала через рельсы и шпалы в поисках своего состава. Чуть было не нахамила начальнику поезда, приняв его за сующего нос не в свои дела смотрителя, заставившего ее предъявить кучу удостоверений, свидетельств и аттестаций. Но степенного возраста мужчина, представившийся Владимиром Афанасьевичем, только смерил ее наружность недовольным взглядом, внимательно ознакомился с документами, взглянул на часы, покачал головой и сопроводил до вагона.

– Опоздания у нас поощряются штрафами и взысканиями вплоть до увольнения, – назидательно сообщил начальник поезда, и пока девушка приходила в себя от столь радужной перспективы, поднялся в тамбур и прокричал в вагон.

– Анфиса Васильевна! Принимай напарницу!

Из тамбура высунулась гидроперидная стриженная голова, а следом за ней нарисовалась низкорослая коренастая женщина неопределённого возраста.

– Пока ты в отпуске развлекалась, мы твою Галю Ванну на пенсию спровадили. Я, конечно, как и обещал... – Владимир Афанасьевич сделал паузу, выудил из кармана штанов платок, шумно вздохнул и обтер пот со лба, – ...Машку тебе твою вернуть просил – не дали. Так что придется тебе новенькую обучить премудростям нашим.

– Как же так, Афанасич? Опять учить? Опять я? Сколько можно?

– А вот так. Ты же у нас передовик, наставница и ударница. Заслуженный человек, так сказать! Тебе и флаг в руки.

– А красную майку лидера с надписью «Идите на...» когда выдашь? Обещал! – съязвила Анфиса Васильевна.

– А ну-ка... Разговорчики! – прикрикнул на нее Владимир Афанасьевич и тут же улыбнулся. – Вот тебе свежая кровь. Воспитуй! Звать Анной. Правильно?

Нюра кивнула, и уже хотела было спросить начальника о том, постоянно ей придется в паре с Анфисой Васильевной работать или только на время стажировки, но его уже и след простыл.

– Под вагон нырнул, – перехватив взгляд новенькой, уточнила блондинка. – Забирайся живее, я уже всю работу и за себя, и за тебя сделала. На формирование состава нужно вовремя приходиться. Поняла?

Нюра растерянно кивнула.

Посмотрев, минут пять, как новенькая мучается и приравнивается высокими каблуками к ступеням, Анфиса тяжело вздохнула и, подхватив дорожную сумку напарницы, ушла в вагон. Когда через несколько минут, сжимая в руках туфли, Нюра вошла в купе, Анфиса разливала по стаканам ароматный чай.

– Можешь меня Анфисой звать, если чё. Ну, или тётей Анфисой, если тебе так больше с руки. А ты, стало быть Анна?

– Нюра. Меня так бабушка называет. Мне нравится.

Девушка подвинула свою сумку, присела на край полки и стала оглядывать купе проводников.

– Вот и я тебя так звать буду. Идет? Твоя верхняя, – закинув Нюркину сумку наверх, хмыкнула Анфиса. – Я из простых, не интеллигенция какая. У меня вся семья на железной дороге вскормилась: деды да бабки нашу ветку укладывали, потом в ремонтниках, папа обходчиком, мама на переезде. Я вот в люди выбилась – проводницей катаюсь уже почитай двадцать годков. Не, чуток поболее будет. Двадцать два. Живем мы в маленькой станице,

тут неподалеку. Раньше-то она вообще хутором была. Теперь вот повысили в звании, так сказать. Станицей величают. Того гляди городскими станем. Не мы, конечно. Но, может детьм нашим повезет. Сама-то откуда будешь? Станичная, али городская?

– Городская я. Живу тут неподалеку. Три квартала вниз по улице.

– То-то я и гляжу, вырядилась. И говоришь гладко. Помню, когда в первый рейс пошла, начальник поезда меня дюже ругал за колоритный говорок. Как это... «своеобразную манеру речи», вот, значит! А когда ему благодарности приходиться стали, мол, Анфиска собой серые железнодорожные будни скрашивает, такая деваха веселая, юморная – отстал. А я чего? Не ругают и ладно. С делами я своими справляюсь, нареканий от проверяющих не имею. А на каком языке, с какими излишествами и приукрасами разговариваю, так то мое дело, лишь меня касает. Верно?

Нюра кивнула и покосилась на большое пластиковое ведро из-под майонеза, доверху наполненное конфетами.

– Ты угощайся, чай не у мачехи росла-то? – поймала Анфиса взгляд девушки и продолжила. – Не, эт ты правильно сделала, что на железную дорогу пришла трудиться. У нас тут хорошо. Тут тебе всё: и романтика, и КВН, и университеты с академиями. А что, знаешь, какие ситуации случаются? Проводница она кто? И психолог, и дохтор, и воспитатель. Да, я тут всякого повидала! Иногда такое бывает! Взрослые, а хуже детей себя ведут. Воспитаем, а чего делать-то? Оно знаешь, как бывает? Работа – работой, но... Всем помочь надо, каждого выслушать. Дорога-то она долгая. Вот ты думаешь, кто главный в поезде?

– Машинист?

– Агась! Щаз!

– Ну, начальник поезда, Владимир Афанасьевич!

– Шуткуешь, Нюрка? Главный в поезде – это проводник. На нас всё держится, поняла? Машинист чего – сиди себе, кнопки нажимай, да с семафорами в переглядки поигрывай. Он тебе зеленым – ты ему серым. Он тебе красным – ты ему карим. У начальника поезда посложнее работенка будет. Надо на всех наорать, всех построить, пилюли раздать, чтоб жизнь медом не казалась. Ну, а чего? Ему за его собачью работу деньги платят. Ответственность-то ого-го-го какая! Не дай Божé, чего случится – помрет кто, или террористы эту жизнь с загробной перепутают – его первого живьем жрать станут. Но, главное нас с тобой, Нюрка, в поезде никого нету.

– А пассажиры? Ну, это – клиент всегда прав и все такое...

– Эх, хватила! Пассажиры! У тебя за рейс их столько сменится. И каждый норовит нервишки потрепать. А мы кремь! Скала гранитная. Монолит, поняла? Проводник всем и каждому мамка, да нянька. Как-то раз, помню, давно, правда, дело было, с наших югов в Москву ехали. Выезжали плюс семь, приехали минус двадцать семь градусов. Пассажиры все на перрон высыпали. Я уже двери в тамбур закрывать собралась, а тут ломаются обратно две клуши. И в глазах такй, знаешь, мольба смертная и отчаяние, что вот до слез. Спрашиваю, чего, мол, девоньки стряслось? Забыли чего? А они мне: «нет, одежду теплую в вагоне оставить хотим. Мы с вами сюда ехали? Ехали. А теперь ночью обратно нас повезете. Вагон ваш, не сомневайтесь. Только места другие». И, значится, билеты мне в рожу тычут. Я, мол, а с вещами то, что не так? А они мне: «да тутошние минус двадцать семь как наши минус три будут. А мы как на полюс нарядились. Боимся взапреем».

– И чего? Разрешили?

– А то! Жалко бедолаг. Стоят, потом обливаются. Нарядились, как к Деду Морозу в сугроб. А оно вона как оказалось. Не, я конечно шмотьё их перетряхнула. Надо же убедиться, что всё путём? Отпустила их с миром. Ночью встретила: смеются, благодарят. Цельный пакет подарков притащили – бананы, апельсины, мандарины. Мол, презент, к Новогднему столу.

– Ой, да ладно! Апельсины! А то у нас их нет?

– Тогда не было. Говорю ж тебе, это давно было, почитай еще в прошлом веке. Аккурат за два года до Миллениума ентого. Так вот, значит, суют они мне этот пакет, а сами целоваться-обниматься лезут. Благодарят: «спасибочки, говорят, тебе родная. Если бы не ты, ну, я в смысле, словили бы тепловуху, как у нас на южном взморье под летним солнышком». Вот те и зима в Москве. Для южан – тьфу, и нос растереть. А кому-то холод лютый. А вообще я пассажиров люблю. Без них и нас с тобой тут не было бы. Случай у меня раз был такой. Едем мы, значит через всю нашу страну необъятную в Хабаровск. В Челябинске мужичок один свою беременную жинку с таким трудом втаскивал в вагон, просто страх. Я ему:

– Ты с ума что ли сдернулс, папаша? Куда бабу на сносях прешь? Ей бы от хаты не отходить, да с акушеркой за ручку по парку в родильном доме прогуливаться. А ты ее в поезд. Да еще до конечной.

А он мне:

– Не бойсь, мамаша, прорвемся! Мы к брату моему едем. С армии воротилс! А до родов нам еще далеко. Месяца два, не меньше.

– Мамаша! Какая я ему мамаша? Тоже мне, сынуля сыскался... Я годков на десять его всего старше, а может и того меньше. Обиделась, конечно, но виду не подала. Не положено нам. Смотрю, как он свою кралю в купе впихивает. Ну, думаю, если месяца два – то можно памперсы отложить. А то Машка у меня страх как боится всех этих нежданчиков. Но, чуяла моя чёлка, что не все так гладко будет. Деваха эта беременная через какое-то время, не припомню, часа два что ли прошло уже после отправления, как запричитала: мол, не удобно, жестко, тянет... А еще через два так орать начала – сирена гражданской обороны тише вопит. Муженек ее сперва в полуобморочном состоянии прибывал, а потом стал носиться по вагону, как полоумный. Бегает, ко всем в купе ломится и орет:

– Чего делать-то? Бабаньки, делать-то чего?

– А чего тут поделаешь? Говорила: «куда прешь»? Кто бы послушал «мамашу»? Хорошо дедок у меня в третьем купе ехал, по виду военный отставной. Он его быстро в оборот взял: по мордасам наступал, чтобы в себя пришел, наорал, как прапор на плацу. Да! Полвагона в миг по стойке смирно построились, так, на всякий случай. И не только мужики, скажу я тебе. Ага! Остальные по нормам попрятались от греха... Кто-то бутылку коньяку притащил. У нас с этим строго, учти: спиртное в вагоне запрещено распивать. Но тут, думаю, пусть выпьет, одним головняком меньше. Дала отмашку дедку. А он сообразительный, тут же этого недотепу под руки и к себе поволок, на профилактические мероприятия, стресс лечить. Папашка мне в двери орет:

– Миленькая, скажи, что все обойдется!

А нам куда деваться-то? На пути перегоны, да маленькие станции. Больниц нет, не то, что роддомов. Тайга – это тебе не средняя полоса России-матушки. Там до ближайшего населенного пункта полжизни топтать будешь.

Отставник папашу насилиу угомонил. Мы эту деваху орущую к себе в купе забрали. Нечего народ смущать. Мало ли какой еще впечатлительный попадется, лечи его потом от сердечного приступа. Связались с начальником поезда, а он с проводниками. Весь поезд перешерстили: ни тебе врача какого, ни медсестры, ни фельдшера захудалого. Ветеринара и то не сыскали. Ну, думаю, Анфиса, кранты! Машку-напарницу в вагон отправила, пассажиров успокаивать. А сама думаю: кого на подмогу-то звать? Деваха орет благим матом, сосредоточиться не дает. Кликнула Любку из восьмого вагона. Она у нас мамашка многодетная. Правда, уже два года в гордом звании бабушки щеголяет. Ну да ничего, подумала я. Авось не позабыла, как

рожать. Вдвоем справились. Роды стремительные были! Да! Но у девахи таз, что бадья у моей бабки для засолки огурцов. Выплюнула близнецов и даже полотенца ни одного не порвала. Когда через пять часов к станции добрались, у меня в вагоне сразу на два пассажира больше было. Безбилетники! Родильницу в скорую погрузили. Она все головой по сторонам вертела, боялась, что зайчат своих потеряет. Папашу новоиспеченного в изрядном подпитии мужики вагонные снабдили еще одной бутылочкой для снятия стресса – до больницы-то еще пару часов трястись в неотложке. Всем поездом провожали! Даже отправление на пять минут задержали. Но начальство нам простило. Всё же, не каждый день на свет появляются дети, у которых в графе «место рождения» «тайга» значится. Нет, их, конечно, припишут к ближайшему городу километрах в трехстах от места рождения. Может быть даже того, куда скорая увезла разросшееся за время пути семейство. Но когда близнецы подрастут, им точно расскажут историю, где и как они появились на свет. Зря, что ли начальник поезда папану свою фуражку подарил, а я девчужке пилотку? Железнодорожниками будут!

– Надо же какой интересной может оказаться смена, – уплетая конфеты одну за другой, слушала наставницу Нюра.

– Это еще что! А в другой раз принимаем мы с Машкой вагон. А он пустой. Представляешь? До отправления десять минут, а в вагоне ни души. Ну, вот совсем ни одного пассажира. Я на рацию и к начальнику, мол, как так-то? Он мне – жди. Проходит три минуты, орет.

– Ты, Анфиса, чего кипишь подняла? У тебя от места отправления до конечной станции ни одной свободной полки нет.

– Я ему – как бы не так. Пустой вагон, хоть волком вой, хоть стадо гусей гоняй.

– А он мне – быть того не могёт. Ща, погодь! Выясню у диспетчеров.

Проходит еще три минуты – опять в рацию орет:

– Касса на тебя все билеты продала. Свободных мест нет.

А я ему:

– В вагон зайдите – сами убедитесь.

– А он мне: «отставить панику» – и отключился, представляешь? Через минуту орет: «Я всё выяснил! Не кручинься, родная! На следующей станции будет тебе и вагон битком, и хлопот полон рот». И хихикает так гаденько, будто знает чего, а мне не говорит, зараза.

А я сразу подвох-то и не почувяла, думаю:

– Ой, батюшки! На следующей-то станции три минуты всего стоим.

И бегом в соседний вагон. Кричу:

– Иваныч, будь другом, выручай...

А Иваныч мужик у нас толковый. Если надо – никогда не откажет.

– Поможем, говорит. Не робей, Анфиска!

Следующая станция в часе езды. И точно. Гляжу, а на перроне – свадьба. Вот не поверишь, екнуло сердечко-то. Думаю, ну, Анфиска, кранты вагону! И точно, все ко мне. С баянами, с сумарями, едой забитыми, с бутылками. Гвалт почище, чем от табора цыганского.

– От табора? – Нюрка подавилась грильяжем и принялась изо всех сил стучать себя по груди. – Неужели и их возили?

– А то! Ехали как-то раз, полвагона заняли. Ничего так, я думала, хуже будет. Сильно не доставали. Шумливые больно, говорливые – это да! И гадали всем, кому не повезло через нас в вагон-ресторан идти. За деньги, конечно же. А так обошлось. Но тут думаю, не повезло – так не повезло. Смотрю по билетам – еще в животе надежда теплилась, что до следующей станции поедут – смотрю, значит, по билетам – мать моя казачка! Двое суток мне их везти. Говорю:

– Машка! Гляди в оба! Напьются, хоть бы с поезда на ходу прыгать не начали.

А Машка с лица спала, и пальцем мне за спину тычет.

Я ей:

– Чего маникюр-то растопырила?

А она мне:

– Ме-ме-ме... Блеет, как коза на случке, и дрожит вся, точь-в-точь, как моя козочка ангорская. Кстати, тоже Машкой звать.

Поворачиваюсь в ту сторону, куда она мне маникюром тыкала. Глядь – медведь.

Вот тут я воздала хвалу всем нашим богам дикой природы. Как заеду этой дуре в лоб кулаком, аж самой страшно и больно стало. И как заору на эту курицу:

– Дурында! Иди памперс смени, а то весь вагон провоняешь. Со страху ряженного от живого медведя отличить не смогла?

Машка моя от стыда двое суток из нашего купе только по ночам выходила, да со сранья, пока свадьба спит. Убираться. Зато я отоспалась. Когда свадьбу высаживали, невеста решила с тамбура подружек осчастливить, букет бросить. И надо же было этой косорукой им в меня зашвырнуть. Стою, как дура, с букетом и думаю: и что мне теперь делать-то?

– Как это что? – хихикнула Нюра. – Замуж надо бы идти.

– Ага! Щаз! Вот так все брошу – и замуж побегу! Так меня муженек мой и отпустит! Видáла бы ты, какими глазами он на меня смотрел из кабины машиниста! Думала, испепелит, зараза. Он бы так зимой в печку искры метал, чтобы дрова поскорее разгорались.

– Сердобольная вы, тётъ Анфис, спасу нет. Всем помогаете.

Нюра сгрела в кучу фантики от конфет, скатала их в комок и стала оглядываться в поисках корзины для мусора, пока не вспомнила, что комплектацией пассажирского вагона такое офисное излишество не предусмотрено.

– А я что, не человек, что ли? – хмыкнула Анфиса. – Мы ж все Божьи твари. Как там книга святая пишет: братья и сёстры. Ага! Кто ж тебе-то помогать станет, если сам к чужим горестям равнодушный? Мой благоверный иногда на меня так смотрит жалостливо. Я как с рейса приду, сутки ничего делать не могу. А потом день-другой-третий, как и не было – то одно, то другое. А назавтра снова в рейс.

– Ну, так с мужем работать оно надежнее. Вместе пришли на работу, вместе домой. Хорошо! Если пассажир какой хамовитый окажется, так и заступиться есть кому. Да и кто, как не муж, поймет, что жене тяжело по хозяйству.

По колесам, скрежеща, пробежала металлическая рябь. Вагон дрогнул, плавно покачнулся и медленно пополз к виднеющемуся вдалеке белоснежному зданию железнодорожного вокзала. Анфиса выглянула в окно, затем перевела взгляд на напарницу и вздохнула.

– Ага! Поезд остановить – плевать, что график срывается – и бежать жинку спасать, так, по-твоему?

– А что не так-то? – Нюра заморгала непонимающими глазами и уставилась на наставницу.

– Щаз! Эт, ты умно конечно придумала, ага! Только не всё так, как нам хочется. Поняла? Ничего ты, девонька, еще в своей жизни не видáла. Тут окромя себя только на напарницу вся надежда. Потому, мы с тобой как сестры должны быть. С полуслова друг другу внимать, с полувзгляду. Ты поезди с моё. Бока пооббивай в тамбуре, пьяных поразимай в туалете. Тут порой так умáешься, что и мужа своего на полном ходу из тамбура выкинешь, если под горячую руку подвернется. Так что умничай, не умничай, но пока ты шелуха без лука и пуд соли в твоём понятии это товарный вагон или спичечный коробок в зависимости от обстоятельств. Ясно тебе? Сиди и молчи в тряпочку. Учить она меня жизни будет! Самой ещё не один рейс отстучать придется, прежде чем из-за парты вылезешь. Ты сама-то её видáла, жизнь-то эту, курица ты неоципанная? Даром, что расфуфыренная вся, при каблуках и парфюмом мне всё купе

провоняла. Чтобы первый и последний раз эту вонь в вагон приносила. Сама потом поймешь почему. Эх... видать мало тебя пороли в детстве, что такая безмозглая уродилась. А меня вот и ремнем, и поленом, и кочергой хаживали. Вот я и выбилась в люди.

Нюра поджала губы и, отвернувшись, уставилась в окно.

– Ну, не дуйся, не дуйся. Глотни вот чайку горяченького, поостуди свою натуру раздетую до неприличности. И запахнись, что ли. Ты же лицо железной дороги, а не девка подзаборная. Скромнее надо быть. Скромнее! Куда в таком виде-то? Ну, поняла, что ли?

– Поняла, тётъ Анфис. Поняла.

– Ну, раз поняла, тогда, Нюрка, хватит трепаться. Вон уже и перрон виднеется. Вокзал-то какой у нас красивый! Получше многих будет! Да, не липни ты к окну, будто в первый раз замужем! Пора пассажиров встречать. Маршрут у нас с тобой длинный, сама все увидишь, да поймёшь. А не дойдет с первого разу, так жизнь – стерва та ещё, втолкует! Не мытьем, так катанием. Ага! Ну, всё, давай открывать, что ли, ворота. Пора.

Михаил Моргулис

Флорида, США

Итальянец в Вене

Я не могу смотреть на их каменные мостовые. Они заставляли евреев и коммунистов мыть мылом каждый камень этой проклятой мостовой. Тут ходил Гитлер, это полуусатое мерзкое чудовище. Меня тошнит от шницелей по-венски. Разве вы не понимаете, как мне, итальянцу работать среди немцев, тем более, мама моя была маранка, т.е. насильственно крещённая еврейка. Меня от названия «шницель»

тошнить начинает! А когда они на приёмах начинают кричать про кофе со сливками по-венски, то тоже тошнит, вырвать хочется.

Пиццу делать не умеют, тысячами едят сардельки, и пальцы у многих тонкие, как извивающиеся белые черви, или как их сардельки. Я уже год служу в торговом представительстве Италии в Австрии. Ах, как всё обрыдло! Венский оперный театр – это же театр марионеток! Смотрите, как они играют, и слушайте, как они поют! Мне здесь не спится ночами. И иду гулять по венским улицам. Они прекрасны в своей мещанской красоте. А ведь были и у них люди! Интересно, если был бы жив Моцарт, чтобы он сказал об этой полуусатой вонючке Гитлере. Написал бы, наверное, Марш навозного жука. Но ядовитого вонючего жука. Я знаю нескольких русских, живущих в Вене, они всё время повторяют: вот, блин! Перевести точно нельзя. Буквально – это блин, а означает удивление, ошибку, неожиданность. Как бы это сказать по-итальянски. О, кусок неудачной пиццы!

Ночью мне снится, что я стою в огромной толпе восторженно орущих идиотов. А днём я действительно реально стою между ними.

В субботу был на вечере иностранных представителей. На меня упала взглядами австрийская дама, бальзаковского возраста, но с осиной талией и длинными ногами. Слишком сухая, и зубы вблизи оказались слишком крупными, но свои, с желтизной. Я завёлся и стал косить на неё своим чёрным глазом. И тогда она совсем стала сдаваться. И кончилось тем, что я с лёгким презрением раздел её в своей комнате, стараясь не целовать, а смотреть на длинные ноги. Но когда она стала целовать меня, мне сразу совсем стало плохо и акт прервался.

Представляете, тут бродил Гитлер, тень и примитивный гений идеи, полуленин, полусталин, с примесью орангутанга -каннибала. Мерзость какая ходила! А звучала музыка Моцарта!!!!

Я хочу сесть за столик с черноволосой итальянской девушкой, с бронзовым телом, смотреть на неё. И заказать не их рислинг, а фраскати, молодое вино, а также куски горячей тонкой пиццы и бутылку сицилийского лимонада, длинная такая бутылка с названием *Siciliana limonata*. Как я люблю эту комбинацию, фраскати и сицилиана. А потом, прего синьоре, капучино, чудесная пена на поверхности, хочу сидеть, бросать крошки голубям и смотреть на бронзовотелую девушку. Да, мы сидим в баре на одной из тысяч римских площадей, и солнце греет наши лица и сердца. А пицца тонкокожая, а сыр пахнет овечьим загоном, и еле заметно над пиццей поднимался пар. Это пар любви.

А через несколько часов после прогулок с поцелуями, мы с девушкой зайдём в трагторию, там будет петь Карузо или Паваротти, и мы сядем за столик с белыми салфетками, при усаживании, наши колени соприкоснутся и девушка посмотрит мне в глаза своими, как спелые сливы, и в них снова будут плавать туманы.

А заказать я хочу, как уже сказал, не ваш грёбаный кислый рислинг, а снова терпкое вино фраскати, и также, девушка снова попросит бутылку сицилийского лимонада –Limonata. На этикетке прохладной бутылки другая девушка сидит на мотороллере и пьёт из такой же бутылки лимонад. И потом, на фиг ваши сосиски, как пухлые человеческие пальцы! Я прошу, прего, пожалуйста, мне спагетти с соусом Альфредо, а девушке тарелку моллюсков в винном соусе. И когда она начнёт раковинной моллюска набирать в неё винный соус, и я близко увижу её раскрытые губы, то я не выдержу и тихонько прикоснусь к ним.

Потом мы будем вдвоём в тесной комнате и на большой кровати. И она скажет мне с римским акцентом: – Ничего не говори, я разрешаю тебе только кричать. А утром она сбросит простыню и будет лежать нагая, легко дыша во сне, а я буду на неё смотреть. Потом она откроет свои сливовые глаза и скажет: – За ночь любви ты стал красивей. И мы снова сольёмся, и я буду летать по райскому саду и все бабочки и пчёлы будут уступать мне дорогу. Потому что в этот момент я становлюсь духом. А потом мы в футболках и джинсах выйдем на маленькую площадь-плазу закажем по капучино с высокой и густой пенкой и по куску тонкой, гибкой и сладостно пахнущей пиццы. А вечером, вечером, с жарко-синей темнотой, мы снова войдём в нашу маленькую комнату. Она сядет на кровать, и я увижу тонкие лодыжки её ног, и она вдруг скажет нежным шёпотом: – А сейчас спой для меня песню «Домино», если ты её знаешь...

И я запел:

ДОМИНО, ДОМИНО...

Будь весёлым, не надо печали,

ДОМИНО, ДОМИНО...

Нет счастливее нас в этом зале,

Видишь, я с тобой,

Друг любимый мой,

Домино. Домино...

Слышишь, счастье стучится в окно.....

Она вскочила, приблизилась ко мне и хрипло зашептала: – Ты поёшь хуже всех на свете... Но я тебя очень полюбила...

И тихонько со слезами запела:

ДОМИНО, ДОМИНО снова встретились мы в этом зале,
Домино, Домино, в этом зале мы с вами встречались,
Вы совсем другой, милый прежний мой,
Всё равно, всё равно, я увидела вас, ДОМИНО...

И тут мою сказку опрокинул визгливо-басовитый голос: «Герр, вы у нас сидите больше часа, может быть, вы хотите что-либо заказать?»

Я перешёл на лающий немецкий: «Я бы выпил кружку пива, но с кем! Один я не пью, а Гитлера уже нет, с кем выпить?!»

Он наклонился, толстый старик с кайзеровскими усами, и прошептал:– Мой папа подавал ему баварское пиво...

Я поднялся – и ясно увидел, как любой народ может легко превращаться в рабов или убийц. Я снял туфли и пошёл домой в носках. Но зато я ощущал руки, которые мыли камни, по которым я осторожно шёл.

Валерий Румянцев

Сочи, Россия

Неизлечимая болезнь

Поздняя осень. Вечер. Я еду в вагоне «СВ». Напротив сидит мой случайный попутчик – мужчина лет пятидесяти. Мы не спеша ужинаем, пьём хорошее вино, курим и уже полдня беседуем на самые разные темы. Сергей Петрович (так зовут моего визави) совершенно не пьянеет. Я смотрю на него и люблюсь этим человеком: умным,

обаятельным и, по всему видно, темпераментным. Есть в нём что-то от старого русского интеллигента. Речь его изобилует самыми неожиданными метафорами, яркими эпитетами, пословицами. Всё это разжигает интерес к нему. Слушаешь его и забываешь, что время уходит безвозвратно и что тебя ждут какие-то дела. Мне хочется спросить: кто он, чем занимается, на что истратил лучшие годы своей жизни; к каким выводам пришёл, глядя на этот мир.

Сергей Петрович блистает своей эрудицией и этим приводит меня в восхищение. Действительно велик человек, подумал я, когда он свободно, как в своей квартире, чувствует себя в океане знаний. Я даже усомнился, а есть ли вообще такая тема, в которой бы мой собеседник бесславно утонул. И надо сказать, я не просто приятно удивлён, а поражён, с какой лёгкостью и в то же время глубиной он рассуждает и о нашей больной экономике, и о философии Ницше, и о гипотезах по существованию внеземных цивилизаций, и о творчестве Куприна, и ещё о многих предметах нашего разговора.

Но вот настал момент, когда мы как-то невзначай заговорили вдруг о женщинах.

– Э-э-э, батенька, – начал возражать мой попутчик, – вы, хотя и пожилы уже (лет тридцать, наверно?), но, судя по вашему заявлению, до конца ещё не разобрались в этом очень и очень непростом феномене: что же такое есть женщина? А это, должен вам доложить, почти всегда не только глупое, но в конечном итоге и коварное существо...

Прочитав после этих слов на моём лице недоумение, Сергей Петрович заговорил с каким-то особенным азартом:

– Поверьте, на своём веку я повидал самых разных женщин – я ведь до сих пор холостяк – и каждая из них всё ближе и ближе подталкивала меня к этому выводу. А фокус весь вот в чём. Природа распорядилась так, что главная функция женщины заключается в продолжении рода человеческого. Женщина в этом смысле – Бог. Именно в ней зарождается и зреет самая великая тайна на земле – человеческая жизнь. В организме женщины изначально всё подчинено именно этой идее. На что-либо другое серьёзное у любого женского организма уже просто не хватает ресурсов. Потому и нет среди них выдающихся людей ни в науке, ни в политике, ни в искусстве. И если женщина и достойна любви, то только как женщина-мать. Вы спросите: а как же женщина-любовница? Отвечаю. Вы приходите в восторг не от того, что женщина как личность является источником наслаждений, и даже не по той причине, что имеете близость с её телом. То богатство чувств и эмоций,

обладателем которого вы становитесь – это заслуга исключительно вашего собственного «я», вашей природы...

Я не разделял ход его мысли, но прерывать не стал. А он тем временем продолжал:

– Мы вот тут говорили о музыке. Смотрите, что получается. Вы с одинаковым наслаждением будете слушать сонаты Бетховена до антракта и после него, если в перерыве вдруг заменят рояль и исполнителя. (Если, конечно, тот и другой не уступают по качеству и мастерству предыдущим). Так где же, скажите, ваша любовь к исполнителю и инструменту? А её и не было. Это – чистой воды самообман. Есть только ваша способность воспринимать гениального Бетховена и упиваться музыкой благодаря именно этой вашей способности...

– А Бетховен-то был? – сказал я, пытаясь загнать собеседника в угол.

– Да, Бетховен был. Но вы испытываете чувство прекрасного не от самой музыки (миллионы людей не получают от этой же музыки совершенно никакого удовольствия). Вы переживаете чувство прекрасного, которое формирует ваш внутренний мир. Вы любите, если можно так сказать, продукт своей души. Так и с женщиной. Вы любите не личность, вы испытываете наслаждение не потому, что она принадлежит вам, а от того, что обладаете способностью получать от этого эстетическое удовольствие. Физиологическую сторону в расчёт я не беру; она, хотя и важна, но всё же второстепенна. А значит в конечном итоге и здесь вы влюблены только в себя. Мы этого просто не осознаём...

– Я думаю, что в ваши рассуждения где-то прокралась ложная посылка. Чтобы чем-то наслаждаться, нужно сначала это «что-то» создать. Разве женщина не создаёт себя, когда она занимается самообразованием, самовоспитанием, подбирает себе наиболее подходящие наряды?..

– К самообразованию и самовоспитанию женщина почти не способна – это иллюзия. А наряды себе она действительно подбирает и, как правило, очень тщательно. Но для чего? Только ради того, чтобы привлечь внимание мужчины...

– Но ведь есть, наконец, и любовь женщины к мужчине...

– Так называемая любовь, – мягким тоном поправил меня Сергей Петрович и продолжил. – Женщина, будучи от природы ограниченной в умственном развитии, смотрит на мужчину только как на возможного отца своего ребёнка и видит в мужчине лишь существо, которое способно помочь ей достичь главную цель в жизни: помочь

рождению ребёнка. Так диктует ей инстинкт. А далее она видит в нём лишь машину, которая нужна для того, чтобы защитить и материально обеспечить её саму и главный итог её жизни – ребёнка. Как только мужчина утрачивает эти качества, он фактически уже не интересуется её. Переберите в памяти всех знакомых женщин, замужних и незамужних, – и вы согласитесь, что я прав. А если с трудом и отыщете нечто, противоречащее этому выводу, то это всего лишь редчайшие исключения. Да и то, если вы присмотритесь к этим исключениям повнимательнее, нередко увидите то, о чём я сказал.

Не желая мириться с такими выводами, я спросил:

– Сергей Петрович, вы извините за вопрос. Вас случайно не любила женщина лёгкого поведения?

– Вы хотели спросить: имел ли я интимные контакты с проститутками? Редко, но бывало. Одна из них, выражаясь вашим языком, любила меня...

– Так какие же движущие силы были в её душе? Она же, я уверен, не имела ни капли надежды, что вы согласитесь стать её мужем.

– Безусловно, такой надежды у неё вовсе не было. Однако подсознательно в её глазах я всё равно был потенциальным отцом её возможного дитяти. На первый взгляд проституция – явление нетипичное, но это поверхностный взгляд. Изучите внимательнее семейные пары, и вы, к своему удивлению, обнаружите, что очень часто жена ничем не отличается от проститутки. Она регулярно ложится с нелюбимым мужем в постель. Ей противно, но она делает это, нередко скрывая свои чувства; и мотивы всё те же – за определённую плату. Только плата здесь иная, а именно: сохранить отца для своего ребёнка, не лишиться материальной поддержки, не остаться в одиночестве или что-то другое в этом же роде. Коли стремление к деторождению запрограммировано у женщины природой, то и вся её жизнь направлена на это. Все остальные действия – лишь скрытые маневры, сознательные или на уровне инстинкта.

Нет, я не мог согласиться с такими, как мне казалось, нелепыми выводами. Во мне стремительно нарастал протест. Как же нужно ненавидеть женщин, чтобы так рассуждать!

И тогда, не зная почему, я решил рассказать свою историю и сообщил об этом своему собеседнику. Сергей Петрович ещё больше оживился и, видимо, предчувствуя, что рассказ будет долгим, устроился поудобней и приготовился к моему повествованию. Я глубоко вздохнул и стал вспоминать:

– Пять лет назад судьба забросила меня в один городок на Украине: приехал с приятелем на несколько дней погостить к его родителям. Были майские праздники, но я никуда не ходил и упивался чтением Достоевского. Но вот дня через два этот мой приятель, кстати, любитель Бахуса и женщин, вытащил меня на танцы в дом офицеров. Надо сказать, заведение это производило хорошее впечатление: старинное роскошное здание, всюду порядок, великолепная бильярдная, громадные зеркала, шикарный буфет, приличная публика, наконец. Когда мы с другом вошли в танцевальный зал, духовой оркестр уже играл вальс, мимо проносились пары, мелькали возбуждённые и счастливые лица, где-то рядом раздавался взрывной смех кучки молодёжи. Офицеры, гражданские (вроде меня), студенты, очаровательные женщины в своих вечерних туалетах – всё смешалось, кружилось и радовалось жизни в этот весенний вечер. И казалось – не будет этому конца. Говорю о подробностях, потому что эта картина и сейчас стоит перед глазами.

И вот, вошёл я в зал; как водится, осматриваюсь. И вдруг! Я увидел шагах в десяти от себя женщину. Это было что-то невероятное! Во мне моментально всё перевернулось: я полюбил её сразу же. До этого мгновенья я не верил в любовь с первого взгляда. Любил ли я когда-нибудь прежде? Ещё как любил. И до какого безрассудства и исступления доходил! Первый поцелуй, первое жгучее желание, первая, как в бреду, ночь... Но здесь всё было совершенно иначе. Подхожу ближе. В голове туман, сердце стучит как сумасшедшее. Смотрю – и глаз не могу оторвать. На вид лет двадцать пять, чуть выше среднего роста, стройна.

Бархатное платье бордового цвета плотно облегалo её изящную фигуру, подчёркивая талию и завораживающую грудь. Круто вьющийся чёрный волос с каштановым оттенком едва касался плеч. Но больше всего поражали глаза: крупные, тёмные, выразительные, – магнит да и только. В том, как она стояла и разговаривала с кем-то, была какая-то особенная грациозность, я бы сказал, возвышенная изящность. И в то же время всё в ней казалось простым и искренним. Когда оркестр заиграл новый танец, я, не медля ни секунды, подошёл, поклонился и пригласил её. Мы вышли на середину зала.

Было танго: одна из тех прелестных мелодий Строка, которые исполняются часто, но от этого не увядают, всегда проникают в душу и трогают её. Я ожидал услышать от себя поток комплиментов, которые я обычно экспромтом выплёскивал любой женщине. Но тут, когда передо мной были её чудные глаза, чуть тронутые улыбкой

губы, когда я чувствовал её дыхание и видел слегка обнажённую свежую грудь, когда её тёплые пальцы лежали на моей ладони, я не мог вымолвить ни слова: волнение сдавило своими тисками мой язык и не отпускало. И только в конце танца я что-то пробормотал и впервые услышал её голос – то были звуки необыкновенные. Меня охватил восторг! Когда танец завершился, я тут же пригласил её на следующий. К счастью, заиграли вальс – мой любимый танец – и мы утонули в этом нежном и стремительном движении. А вокруг мелькали пары, сияли люстры, перед глазами пробежали колонны...

Потом мы поднялись в буфет, пили шампанское. Я, наконец, пришёл в себя, начал шутить и увидел, что она достаточно остро воспринимает юмор. Затем мы снова танцевали – и я пьянел от аромата её волос. Всё складывалось великолепно. По её поведению нетрудно было догадаться, что я всерьёз понравился ей. Вместе с тем, во мне зрело чувство, что наша встреча может каким-то роковым образом оборваться. Видимо, это и подтолкнуло меня. В одном из тихих уголков разветвлённого коридора (а мы уже стремились уединиться) я порывисто обнял её и страстно поцеловал в губы. Она не только не оттолкнула, а прижалась к моей груди и обвила меня своими жадными руками. Потом (уже не помню, как это получилось) мы вошли в какую-то комнату, и между нами произошло то, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они молоды и сходят с ума от желаний друг друга...

После того, как это свершилось, она призналась, что она замужем и что первый раз позволила себе такое. Её последующие слова меня ещё более ошеломили. Она сказала: «Спасибо тебе за всё и прощай. Мы больше никогда, слышишь, никогда не должны встречаться – это моя первая и последняя просьба. Прости.» На её глазах выступили слёзы. Она поцеловала меня в последний раз, и мы расстались, как оказалось, навсегда.

Всю ночь я, естественно, не спал. Я уже не мог представить свою жизнь без неё. О чём только не передумал, но её просьба была для меня священна. Ведь она просила у меня прощения! За что? За то, что подарила мне счастливый миг? Странно, не правда ли? Я твёрдо решил не искать с ней встреч, чего бы мне это ни стоило.

На следующий день я уехал. Потянулись дни, месяцы, годы – и каждый день я думал о ней. Я встречал других женщин, улыбался им, говорил комплименты, целовал их, проводил с ними ночи, наконец. Однако даже в эти моменты меня преследовал её образ. Только тогда по-настоящему я оценил пушкинское «Я помню чудное мгновенье...» И чем сильнее я хотел похоронить своё чувство, тем стремительней

оно росло, не давая покоя ни днём, ни ночью. Постоянно вижу её во сне и, не поверите, мучаюсь, но радуюсь этим встречам как мальчишка. Если на улице встречу похожую на неё, вздрагиваю и останавливаюсь. Вирус любви оказался удивительно живучим. И эта пытка длится уже пять лет. Иной раз всерьёз думаю: а не болен ли я? Вот так и живу, – закончил я свой рассказ и снова услышал перестук колёс.

Мой попутчик откинул голову к стенке, закрыл глаза, и просидел так несколько минут. О чём он думал? Быть может, вспомнил ту единственную и самую драгоценную женщину, с которой мог быть рядом всю жизнь? Не знаю. Затем, не проронив ни слова, он осторожно, как бы опасаясь нарушить наше молчание, убрал со стола лишнее и также аккуратно стал укладываться спать.

Я опешил: никакой реакции с его стороны на мою исповедь. Ведь ему, совершенно незнакомому человеку, я открыл свою самую сокровенную тайну, а он...

И только утром, когда мы расставались, я всё понял. Уже стоя у вагона, Сергей Петрович посмотрел мне в глаза и сказал на прощание:

– Вы знаете, это единственная болезнь, которой я хотел бы заразиться, даже если эта болезнь неизлечима. Но – увы! – не судьба. Любовь – это самообман, конечно, как религия, бессмертие души... Но я вам всё-таки по-хорошему завидую. Ну, – он протянул мне руку, – будьте счастливы.

Переложив дипломат из левой руки в правую, он повернулся и пошёл по перрону.

Вера Чайковская

Москва, Россия

Клеопатра

Валю всегда удивляла способность героев Достоевского, взять хотя бы Раскольникова, жить по придуманной идее. Сама она жила, как птица небесная, не ставя перед собой никаких интеллектуальных задач. Но с некоторых пор она сама была одержима «головной» идеей, ее буквально преследовала одна мысль – нужно было только успеть ее осуществить.

Да, нужно было спешить – через несколько месяцев они с Владом должны были пожениться. Владу удалось-таки устроиться на стажировку (хотя он и не проходил по возрасту) – изучать экономику, коммерцию, право и еще кучу всяких чрезвычайно важных и престижных ныне вещей в Австралии. Что в этой Австралии могла делать Валя с ее русской филологией и плохим английским, – было покрыто мраком неизвестности. В ночных кошмарах все это представлялось как зона тумана – входишь и идешь часами в густом липком облаке, сквозь которое где-то что-то брезжит.

Ей забрезжила одна совершенно безумная идея. Только надо было успеть до Австралии, потому что в Австралии жизнь, скорее всего, подчинялась другим законам и текла по другим руслам. Там все было продуманно, чинно, хорошо устроено, и люди умирали только в свой срок в первоклассных клиниках. А эта идея была прямехонько из русской литературы и к Австралии, Европе, Америке отношения не имела.

Валя уже несколько лет как закончила столичный педвуз и с отвращением преподавала странный предмет, называемый литературой. Отвращение к преподаванию, к типовому школьному зданию, к школьному буфету, к журналу, к дребезжащему звонку на

урок, к директору, к общему с учениками туалету (учительский был временно на ремонте), к педсоветам и прочее, и прочее, было столь сильным, что, едва познакомившись у подруги с Владом и узнав, что он намыливается «за бугор», она сразу сказала «да, да, да», – даже раньше, чем он спросил. И лишь сказав, заметила, что кончики пальцев у него всегда потные, усы уныло свисают, волосы реденькие, и как-то не блещет он умом. Или это в мужчине не главное?

И еще... как это? Уши. Тут уж срабатывал филологический Валин навик, – «каренинские», оттопыренные уши Влада ей постоянно мешали, словно это была какая-то постыдная черточка характера. Но делать-то было нечего, то есть в нынешней России делать было совершенно нечего.

Однако то, что Валя задумала, делать было нужно исключительно в России, столь нелепым, диким, неделовым все это должно было показаться любому разумному человеку с Запада.

Валя плохо поддавалась на агитацию – выработала иммунитет со школьных времен, но ее можно было зажечь. И вот подумать только! – ее зажгли! Вложили в ее упорный, цепкий, неотвязчивый женский мозг идею, с которой она теперь носилась как в детстве с любимой куклой – старым, потрепанным гномом.

И откуда пришло? Вот уж неисповедимы пути Господни. На ужаснейших курсах переподготовки учителей-словесников в жутком полуподвале с запахом погребя, где она обычно, не таясь, читала книгу, какой-нибудь переводной роман, в то время, как другие изучали «Аргументы и факты» или даже «Московские новости», – внезапно произошла «перемена декораций» («малая перестройка», как шутили курсисты). И к ним явился не прожженный методист, бодро задиктовывающий готовые формулы уроков, а робкий, заикающийся, рыжий лектор, которого женская аудитория встретила дружным смехом и смеялась до тех пор, пока этот рыжий, заикающийся и робкий не произнес тихим голосом тему своей лекции: «Эротика у Пушкина».

– Готика?– предупредительно переспросила полная дама, сидящая впереди и исполняющая роль первой ученицы, подсказывающей учителю.

– Эротика,– прочистив голос, храбро повторил заика.

И тут зал притих. Значит, у хрестоматийного, обсосанного, переизученного Пушкина есть еще какая-то эротика? Любопытно.

Вале тоже было сначала только любопытно. Но постепенно ею овладело иное чувство – она зажглась. Да, да, зажглась, потому что это была совершенно необычная лекция, лекция-размышление,

лекция – исповедь, лекция – язвительный спор. Досталось в основном Достоевскому, который, по мнению рыжего оратора, ничего не расчухал (словечко Пушкина) в «Египетских ночах».

Оратор утверждал, что «торг Клеопатры» для Пушкина вовсе не свидетельствовал об упадке нравов и потере ценностных критериев в древнем мире. Поэт сам находил какую-то прелесть – предельную прелесть, – повторил лектор несколько раз, – в одной ночи любви, не имеющей продолжения и вовсе не обязательно кончающейся реальной смертью счастливица. Смерть может быть метафорической, – то есть все последующее мыслится как нежизнь. По мнению рыжего лектора, тут сказалось то чувство ограниченности времени, которое преследовало Пушкина. Он знал, что жить ему недолго, поэтому спешил, жил напряженнее, насыщеннее. И в результате возникла идея жизни, которая вся уместается в одну ночь. Причем жизни не бессмысленной, а освещенной любовью, приобретшей напряженность, красоту и трагизм.

Этот мотив лектор находил также в «Анджело», в истории взаимоотношений Пушкина и Долли Фикельмон, а в дальнейшем в русской литературе он был подхвачен... Но Валя не слыхала, кем он был подхвачен, – она зажглась. Вот что нужно было делать! Вся ее короткая жизнь представилась ей такой унылой и докучной, а дальше Австралия – длинный ряд обеспеченных, сытых дней с Владом. Времени у нее совершенно не оставалось. И спасти ее могла только Клеопатрина ночь любви, в которой и будет заключен весь смысл, вся красота, весь трагизм ее глупого существования.

Во всем этом было много заманчивого, страшного и неясного. Пугала тень проституции – там ведь тоже удовлетворяют свою страсть за одну ночь. Или там не страсть? А вдруг Пушкин говорил о бездуховном, чисто плотском вожделении? Или это был тот самый «поединок роковой», о котором писал Тютчев и где самое главное – одержанная победа? А что если все-таки прав рыжий лектор, – и тут произошло уплотнение времени, его концентрация, вместившая целую жизнь?

Вопросов было множество. Они клубились и ветвились над Валиной упрямой головой, однако же не убавляли ей решимости – идея не нуждается в доказательствах, она сама может доказать, что угодно. Хуже было с практикой. Где найти такого, чтобы понял, оценил ее жертву? Ведь она же себе этого никогда не простит! И официанткой, обслуживая клиентов в сиднейском ресторане, будет еще внутренне ужасаться – как она дошла до такого, ведь всегда была невероятной скромницей. Или (кто знает?), разъезжая по парижским

вернисажам и глядя на всех этих что-то из себя выкомаривающих субчиков и их дам, – будет думать, что она совершенно другая и они, вполне буржуазные, сытые, довольные, уравновешанные, – на такое безумство не способны...

Претендента не было. То есть полным-полно было вокруг всякой мелкой шушеры, бывших сокурсников, знакомых, неотступно названивающих именно в эти дни, накануне ее свадьбы, словно они получали какие-то невидимые сигналы, сослуживцев по школе – завхоза – бравого отставного военного, сутулого физкультурника, за ней приударявшего, – но все это было чудовищное не то.

О, какое же это было кружение вихря в Валиной голове! И навязчивый голос нашептывал – успеть, успеть, – словно за пределами России ее и в самом деле ждала смерть и жить оставалось считанные дни. Мятающаяся Валина мысль все чаще почему-то возвращалась к рыжему лектору, прочитавшему на курсах переподготовки такую неожиданную лекцию. Она даже вызвала рукоплескания у видавших виды, замороченных текучкой педагогов-словесников, хотя едва ли еще кто-нибудь сделал из нее столь радикальные выводы.

– Он,– вдруг подумала Валя (в этот момент она бегала по универмагу в поисках сувениров). – Ну, почему? Почему? – пискнул какой-то совершенно ошалевший, испуганный голос.

– Потому, – был ему спокойный ответ. И все прояснилось, и оказалось, что Валя только этого и ждала всю жизнь.

И ведь если бы она сидела немного поближе, – он бы ее заметил, не мог не заметить. Но кто же знал, что это будет он, а не заунывный методист? Вот она и забралась на последний ряд. А вдруг он ее все равно заметил? Ей всегда говорили, что у нее выразительная внешность, на улице принимали за киноактрису, спрашивали, не она ли снималась в том фильме, где еще были замок, море, пустыня, верблюды, пирамиды. Почему-то всегда такой трафаретно-романтический, с восточным уклоном набор подробностей. Он просто не мог ее не заметить! Нужно было только напомнить ему о себе. Дальнейшее скрывалось для Вали в таком же липком тумане, как и Австралия. Но здесь была жизнь, и не просто жизнь, а возможный ее взлет, напор, квинтэссенция, самореализация, а там – тусклое и как бы потустороннее существование.

Нельзя было терять этого шанса, и она позвонила на курсы, чтобы узнать телефон лектора. Этот звонок был психологически самым трудным. Дальше пошло полегче, хотя ничего не получалось. Ей дали почему-то сразу четыре телефона лектора, которого звали

Валентином Иосифовичем Ландау. И по всем этим четырем телефонам ей не удавалось дозвониться до этой необычной личности.

Сначала раздраженный и резкий женский голос сказал, что таких у них не имеется и чтобы больше не звонили. По второму телефону кто-то буркнул что-то нечленораздельное и повесил трубку. Когда Валя набрала третий номер, в трубке что-то щелкнуло и записанный на пленку чужой голос предложил продиктовать свой номер телефона или же передать что-нибудь для отсутствующего хозяина. Ни того, ни другого Валя сделать не решилась и в испуге повесила трубку. По четвертому – были постоянные долгие гудки.

И вот Валя сосредоточила усилия на четвертом номере: без конца – утром и вечером – звонила, так что даже невнимательный Влад увидел и спросил, кому это она названивает. Она раздраженно повесила трубку и оставила вопрос Влада без ответа. Впрочем, он был так озабочен предстоящим отъездом, что не заметил ни ее раздражения, ни оставленного без ответа вопроса. Хотя, возможно, это был тактический ход – зачем заводиться по пустякам?

Сроки близились. Было уже готово свадебное платье, почти не вызвавшее у Вали интереса, куплены кольца и билеты на самолет, что оказалось самым трудным. Валентин Иосифович Ландау не отзывался. А у Вали мозг, да что там мозг, все существо, давно и прочно забуксовало, и ничего иного в жизни, кроме «клеопатриной» встречи с исчезнувшим Ландау Валя не находила. Поэтому ударились в тоску, на уроках сидела перед учениками с каменным лицом, чтобы не разреветься, а придя домой, рыдала уже не переставая с вечера до утра, как в детстве. Родители считали, что она так сильно переживает расставание с ними и с Россией и относились к ее слезам с уважением, – но и тайным злорадством – всем бы им так, перебежчикам! Владу было не до нее – самыми горячими днями были предотъездные.

А вдруг все отменяют? А вдруг переменится руководство? А если одумается Австралия? За несколько дней до свадьбы и отъезда (одно следовало за другим) Валя позвонила по третьему телефону, Вновь раздался щелчок и записанный на пленку чужой, металлический голос (Или это все же был неузнаваемый голос самого Ландау?) проговорил: «Ландау выбыл. Прощайте все!». Она несколько раз снова и снова набирала номер и слушала автомат. И наконец поняла, что его нет. Где его нет? В квартире? В Москве? В России? Или вообще? А что же остается у нее? Что же делать ей?

Ночью в аэропортной лихорадочной и словно обезумевшей, карнавальная толпа ей показало, что она видит Валентина

Иосифовича Ландау, невысокого и рыжего, со сверкающим взглядом, в светлом летнем костюме. Он не шел, а бежал, почти не прихрамывая, и она погналась за ним по залу аэропорта, но ухватила за рукав какого-то совсем чужого рыжеволосого мужчину, который сказал ей по-английски «sorry» и вежливо улыбнулся. Потом, пробежав несколько шагов, он обернулся и спросил что-то, где было «movies», «Egyptian», «deserts... Она с трудом поняла, что он принял ее за актрису из какого-то экзотического фильма и покачала головой. Нет, никогда не играла... А тот... пропал, он пропал в пространстве и во времени, исчез, растворился.

И сидя в кресле самолета, безутешная Валя вдруг подумала, что все это для любви безразлично. И если отыскался человек, впервые пробудивший в ней столь безумные мысли и желания, – то все остальное уже неважно. И в новых – любых – краях, за любыми кардонами, в прекрасном далеке или в запредельном и жутком туманном мареве, – будет жить эта искра, способная у нее, боязливой, сдержанной, трезвой, – разгореться неистовым пламенем клеопатрина любовного пыла.

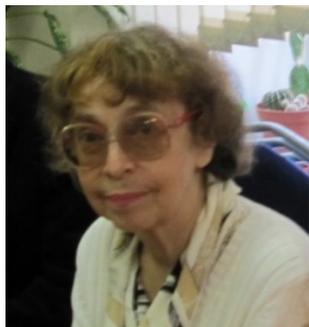
Шарик разгоняется и разгоняется, времени у всех становится все меньше, и ночь любви уже, вероятно, слишком большой срок для жизни, чрезмерная роскошь. Но может быть, в этих или тех неистовых и неисчислимых пространствах им двоим все-таки уготована когда-нибудь любовная встреча, пусть даже и сжатая до мгновения, взгляда, вздоха. Словно у бабочки, летящей на огонь.

Как знать, как знать...

Из неопубликованного, конец 1980-х.

Елена Пацкина

Москва, Россия

Рецепты счастья от Будды

«Счастье есть воображаемое состояние, которое прежде нередко приписывалось предкам; теперь же взрослые обычно приписывают его детям, а дети – взрослым».

Томас Стивен Сас

«Учись отпускать – в этом секрет счастья».

Кажется, какое тут может быть счастье, если рушатся узы, связывающие людей иногда долгое время? Но если кто-то решил уйти, что делать остающемуся? Уговаривать остаться, прибегать к разным хитростям и уловкам? Возможно, шантажировать суицидом? Некоторые так и делают, считая, что в борьбе за любовь все средства хороши. Только любовь тут ни при чем. Это возмущение собственника, боящегося потерять нечто свое, причем не обязательно ценное. То есть оцененное в момент потери.

Допустим, удалось не отпустить. Будет ли все по-прежнему? Или оставшийся не простит свой упущенный шанс – уйти и начать новую жизнь? И будет припоминать при каждой размолвке. Так что сохранение износившихся уз любой ценой большого счастья не сулит.

Тогда почему счастье в умении отпускать? Потому что помогает избежать страданий, связанных с борьбой за удержание. То есть счастье – отсутствие несчастий.

«Нет счастья, равного спокойствию».

Но почти все человеческие связи исключают спокойствие, особенно любовь.

«Нет привязанностей – нет страданий».

Действительно, ведь привязанность – это зависимость от другого человека.

От его настроения, успехов, поступков. Вы страдаете от его невнимания, его нездоровья, его неудач, которые он порой срывает на вас. Вы в постоянной тревоге, как бы с ним чего ни случилось. Зависимость – это когда другой делает вас счастливым или несчастным.

«Думать, что кто-то другой может сделать тебя счастливым или несчастным, – просто смешно».

Возможно, мудрецам это смешно, но обычный человек счастлив только тогда, когда окружен близкими и друзьями. Правда, иногда те, кого мы считали друзьями, приносят нам больше вреда, чем иной враг.

«Диких зверей можно не бояться, нужно бояться плохого друга. Ибо дикий зверь ранит только тело, а плохой друг ранит душу».

Это верно. Но хотелось бы сохранить и тело, и душу. Видимо, надо быть осторожным в выборе близких. А иначе как жить?

«Лучше жить одному. Нет дружбы с дураком. Ты, имеющий мало желаний, иди один и не делай зла, как слон в слоновом лесу».

На эту тему исчерпывающе, правда, не без иронии, высказался наш великий поэт

А. С. Пушкин:

Кого ж любить? Кому же верить?
Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аршин?
Кто клеветы про нас не сеет?
Кто нас заботливо лелеет?
Кому порок наш не беда?
Кто не наскучит никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней, верно, нет его.

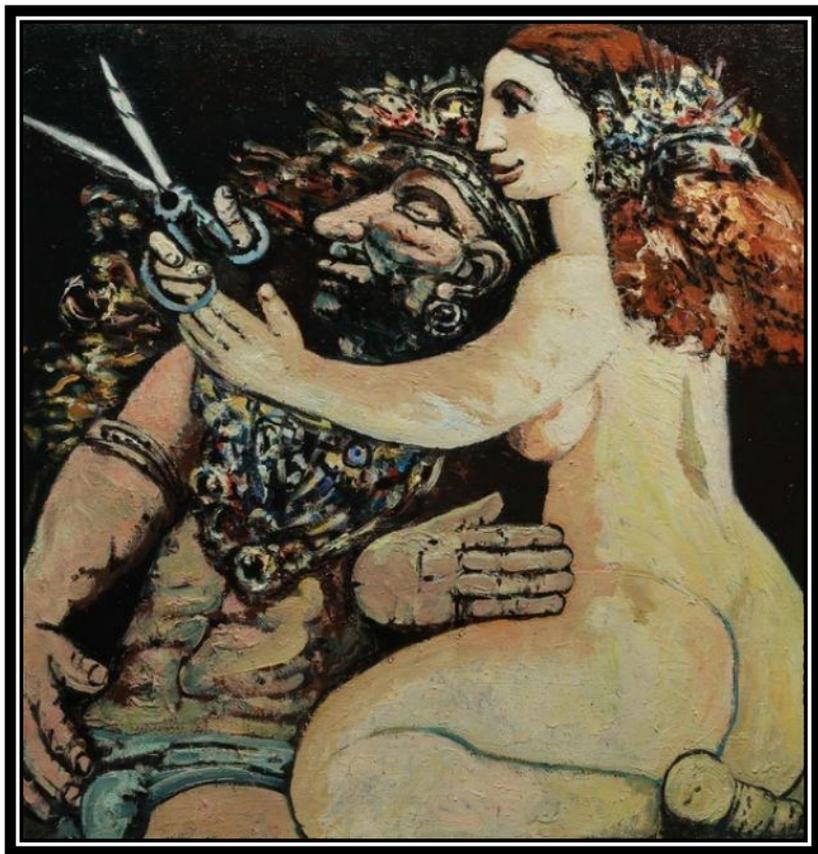
«Вы сами, как никто другой во всей вселенной, заслуживаете своей любви и преданности».

Кто-то может возразить, что высказывания Будды слишком категоричны и подходят далеко не для всех.

И на это у него находится ответ:

«Человек должен учиться тайнам жизни у самого себя, а не слепо верить в другие учения».

Часть 9. Одно стихотворение

Лев Табенкин. Самсон и Далила

Лариса Миллер

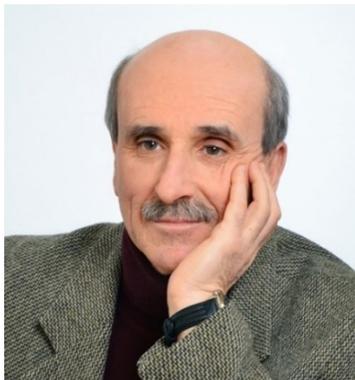
Москва, Россия

Что такое радость жизни и зачем за ней гоняться?
А затем, что с ней сподручней от невзгод обороняться,
А затем, что с ней яснее, для чего я утром встала,
Почему ловить на слове дни свои не перестала.
Я уже её теряла и удачно находила,
И не знаю, что придумать, чтоб она не уходила,
Чтоб её не отпугнула ни подверженность недугам,
Ни унылая погода. Чтоб она была мне другом,
Чтоб мы вместе путь торили в этом мире безнадежном,
И дорогой говорили незатейливо о сложном.

Владимир Спектор

Бад-Зоден, Германия

Из новой подборки. Вдоль шерсти, против шерсти

Вдоль шерсти, против шерсти – как в гору и с горы,
И, кажется, удача поёт, как Пугачева.

А память – это песня про школьные дворы,
Где если скажешь слово, оно важней второго.

Там тени фотовспышек – как мушки в янтаре,
И мы с тобой там, помнишь, – планируем вернуться.
Вдоль шерсти, против шерсти... Пока что мы в игре,
Как сморщенные яблочки на разбитом блюде.

Валерий Скобло

Санкт-Петербург, Россия

Госс и Сабби

Дело в точке отсчета... масштабе...
Ощущенье конца продли...
Скоро явятся Госс и Сабби*
На просторы родной земли.

Прогрызают земную корку,
Вся работа у них пополам.
Не найдете такую норку,
Чтоб надежно спрятаться там.

Никому не покажется мало,
Как бы ни был ты раньше крут.
Выражение: все пропало,
Как нельзя подходяще тут.

Так скорей поспешайте к кассе,
Не читайте зазря газет,
Никакие Ортега и Га'ссет
(Или все же точней – Гассе'т)

Не напишут о том романа,
Даже маленького эссе.
Вот выходят они из тумана -
Госс и Сабби во всей красе.

Из карманов вытащат финки,
И такую устроят резню...
Бедный, маленький Вилли Винки...
Впрочем, хватит пороть фигню.

Я к тому – мажьте жиром лыжи,
Отрясайте весь прах и хлам...
Госс и Сабби все ближе... ближе,
Время смерти все ближе к нам.

Распадается мир на части,
Видно, высох исходный клей.
...Чернополая птица счастья
Заспивает все веселей.

*Госс и Сабби – персонажи романа Чайна Мьевиля «Кракен». Инфернальные злодеи.

Зоя Бобкова

Гатчина, Россия

В любые века и в любой стороне

В любые века и в любой стороне
Беда и Удача обычно в родне...
Казалось бы рядом, но все-таки врозь.

Им бросит Судьба человека, что кость,
И выберет каждая только свою.
Так вцепится, будто стоит на краю.

Добро бы Удача, а если Беда?

Мелькают по жизни огни-города,
Дома открывают глаза поутру.

Дома несчастливых стоят на юру,
Где ветры, как бесы, опасно гудят –
Пророчат, не будет любимых внучат.

Юлиан Фрумкин-Рыбаков

Колпино, Россия

Кто придумал согласно означить согласные звуки

Кто придумал согласно означить согласные звуки?
Кто додумался гласные звуки писать между делом?
Кто додумался речь взять как яблоко в тёплые руки,
И пойти с алфавитом по миру в иные пределы?

Кто кружочки и чёрточки, – знаки в двоичной системе,
Рисовал на песке, на камнях, на папирусе, глине?
Нам уже никогда, никогда нам не встретиться с теми,
Кто раздвинул границы, в которых живём и поныне.

Наши формулы, равно как формулы древних зависли...
Наши формулы – граффити Духа на досках забора познания,
Где мы сердцем и кровью рисуем свои несуразные мысли
Так красиво и выпукло: в Риме, в Калуге, в Рязани...

Мы – внутри языка. И мы живы, – куда читаем
И всё пишем, и пишем Диктант, благо палочки есть и кружочки.
Это грешная плоть выбирает меж адом и раем,
Дух же, – реет свободно в любой ненаписанной строчке...

Евгений Сливкин

США

На ржавом якоре годами

На ржавом якоре годами
баржа стояла, как барак...
Я видел цаплю в Амстердаме,
похожую на Анну Франк.

Здесь пахло супом: печь с поддувом
топилась в трюме в полутьме,
и птица, в ночь уставясь клювом,
сидела тихо на корме.

И возникая, как из призмы
прошедших лет, ища ночлег,
сюда ходил бездомный призрак,
а может, старый человек.

Такой оборванный и дряхлый...
Но утром, чтоб опять прийти,
бросал он в воду тетрадрахму –
ещё одну из тридцати.

Елена Литинская

Нью-Йорк, США

В моей гостиной все как двадцать лет назад

В моей гостиной всё как двадцать лет назад.
Застыла мебель в неподвижности покорной.
Минуты, месяцы, года бегут, спешат,
мелькают, как в кино, под щёлканье попкорна.

О как мне разрешить извечный сей конфликт
меж бегом времени и косностью пространства?
Вертеть то в профиль, то анфас жилища лик
и время обуздать, стреножить постоянством?

Wall-unit – мощное хранилище вещей –
посуды, книг и сувенирных безделушек.
И чахну я над ними, словно царь Кощей
над золотом. Ну а голос памяти всё глуше.

Уже не помню я, когда, в какой стране
да и зачем иное или то купила.
И напрочь монстр-саркофаг прижат к стене.
Врос в пол и в потолок и сдвинуть не под силу.

Зависла я, как шар, в пространстве временнОм.
И в небо не хочу, и не желаю в землю.
Но властно тикает упрямый метроном,
моим желаниям не внемля.

Владимир Ханан

Израиль

В Петергофе однажды

В Петергофе однажды, году в девяносто четвертом,
В ночь под Новый по старому стилю, под водку и грог
Я случайно увидел на фото, довольно затертом,
Старика в филактериях, дувшего в выгнутый рог.

«Прадед где-то в Литве, до войны, — объяснился хозяин, —
То ли Каунас, то ли...» Я эти истории знал.
Даже немцы прийти не успели, их местные взяли,
Увели — и убили. Обычный в то время финал.

Этот старый еврей дул в шофар, Новый год отмечая,
В теплый месяц тишрей, не похожий совсем на январь.
Тщетно звал я на помощь семейную память, смущая
Тени предков погибших, сквозь дым продираясь и гарь.

Не такая уж длинная, думал я, эта дорога —
От тогдашних слепых до сегодняшних зрячих времен.
У живых нет ответа, спросить бы у Господа Бога:
Если всё по Закону — зачем этот страшный Закон?

...Был обычный январь. Снегопад барабанил по крыше,
По стеклу пробегали пунктиры автобусных фар.
Город медленно спал, и единственный звук, что был слышен, —
Мертвый старый еврей дул в шофар,

дул в шофар,
дул в шофар.

Оригинал: ЗВЕЗДА, № 10, 2019

Лариса Гусева

Нижний Новгород, Россия

Миры

Пляжная Ницца. Ты лег и растекаешься забытой в кармане конфетой.
Вот так налакаешься жгучего солнца – и пьян по самое «вуаля».
Глотая блесну зрачка, свет преломлен близорукой Летой.
Прозрачность вне смыслов звенит чистотой,
как предметы из хрусталя.

Изнанкой невинного любопытства вживаешься в роль туриста,
зевая на площади пышных фасадов, пока не захочешь себя
развлечь
поездкой куда-нибудь в Альпы с комфортом материалиста.
Соотечественник если и нужен, лишь как средство встряхнуть
твою речь.

Добавить изящества воспоминаниям – повод для фотосюиты.
Упрочить иллюзию ярким снимком готов, покидая отель,
поймать выразительность в лицах, в пространстве,
одухотворить флюиды:
пальмы, Матисс, незнакомка в белом, скользнувшая вниз бретель.

А я в своих зимах в кулак сжимаюсь, по нервам – больные токи.
Из звездных бездн – к шрамам брэнности,

к волнообразным вибрато.
Здесь время есть часть пространства, съедающее в итоге
мои океаны открытий небрежным щелчком заката.

Здесь не растечься, а вмерзнуть в стены, на них оставляя кожу,
иссохшим фантомом кружить над мамой,
уже не способной кого-то узнать.
По кругу рутинной внеликоти безвыходно хоровожу...
Забывшие письма читают друг друга, просто устав меня звать.

Марина Мичурина

Бостон, США

Ты выбрал меня

Каждый выбирает для себя ... (Ю. Левитанский)
В.Л.

Ты выбрал меня с уверенностью
диктатора,
Ты выбрал меня, как граф цыганку
из табора,
Как выбирают скорость пред полным
стопором,
Как пилот принимает решение, вонзаясь
штопором...
Ну почему же я? Ведь столько
возможностей!
Ну почему меня? Миллионы
сложностей...
Что ты нашел во мне такое
хорошее,
Что затмевает боль, усталость
и прошлое?
Предпочитая в общении уровень
лёгкости,
Мы швыряем друг в друга шутки
и колкости,

Но почему же я вижу все время:
не ладится!-
Между тоном твоим и глазами -
Такая разница
Ходим кругами, боясь сказать
ненужное,
Страх ошибиться – чувство весьма
недужное,
Но ты не знаешь, что гордость свою
выпоров,
Я не могу устоять пред твоим
выбором!

Ирина Рувинская

Иерусалим, Израиль

Два стихотворения. Возле дома, который снесли. Привычка эта, словно сеть

Возле дома, который снесли,
возле сада, который срубили,
те, которые нами были,
всё стоят в июньской пыли.

В яркой той, неостывшей дали,
сколько б годы снегов ни валили,
всё стоят и стоят
в июньской пыли

те, которые
нами были.

Привычка эта, словно сеть,
но между «напевать» и «петь»
ясна граница,
и, может,
лучше не уметь,
чем научиться?

Григорий Оклендский

Новая Зеландия

Новогодняя ночь

Пусть утихнут метели, исчезнут тревоги.
Мы с тобой доживём до волшебной зимы -
Долгожданная сказка уже на пороге!

Запряжём мы коней в новогоднюю ночь
Под испуганный посвист нечаянной вьюги.
И в полночной карете умчимся мы прочь

Под завистливый стон белоснежной подруги.
И на самом высоком, крутом вираже
Безрассудным чутьём окуплюсь в блаженство.
И взлетим, вознесёмся туда, где уже
Голос мой растворится в объятиях женских.

Замани меня в ночь, в новогоднюю ночь!
Под ревнивую песню отчаянной вьюги -
В белоснежной карете умчимся мы прочь,
Не оставив надежд прошлогодней подруге.

Елена Кутина

Ташкент, Узбекистан

Знаешь, там, за плечом Моны Лизы...

Знаешь, там, за плечом Моны Лизы – такая печаль,
Бесконечная нежность зелёного и голубого...
То ли льётся река в гобеленово-сонную даль,
То ли кто-то разлил молоко на границе земного

И небесного мира, и ласковый этот разлив
Все трагедии скроет своим милосердным сфумато.
Ничего, ничего, только шёлковый шёпот олив...
Никогда, никогда... Но оливы шептали: когда-то...

Это небо Италии было когда-то для нас,
И по этой реке мы с тобою когда-то уплыли
– В тот единственный, истинный, вечность питающий час...
Леонардо не мог отвести очарованных глаз...
И в улыбке загадочной бледные губы застыли...

Саша Немировский

Сан-Франциско, США

Пятница

Ты зачем-то лишил меня тапок,
мой глупый щенок. Я теперь пробираюсь босой
по колючкам
двора
К моим пяткам
пристала кора
на смоле, обронённой сосной
и, по случаю,
лист прошлогодний, не принятый на перегной.
Ты так тьявкал
на белку
с досады,
пытаясь допрыгнуть до ветки,
мой мелкий герой,
что развеялся сон на рассвете.
Даже кофе не в счёт.

Я с больной головой
у компьютера сяду,
но что ни открой
засыпающий взор не прочтёт.
Не заметит.
Только ты ни при чём.
Виноват в этом я. Побежал по делам.
А тебе? А тебе нипочём.
Мне в быту непросто,
суетливые танцы плясать.
Ты виляешь хвостом,
мол заботы уже пополам.
Мы пойдём
на прогулку, ты влезешь ко мне на плечо,
чтоб оттуда рычать на большого соседского пса.

У тебя по усам
пробегают понятная дрожь – за прогулкой
ужин.
Ты служишь
и смотришь в глаза.
Одиночества кружево,
тишиной заплелось в нашем гулке
дому, на полу разлеглось,
но потом испугалось, что ты его будешь кусать.
Ты, заканчивал кость,
вечер носом прижался к ночи.
Я молитву сказал. Я зажег две свечи.

Светлана Щербакова

Норильск, Россия

Экономке второго этажа

Она открыла дверь – и пьяная, и рыжая;
Пахнула теплотой её ласкавших губ.
Я поняла: она – такая же бесстыжая,
Как я, когда мой бог не очень пьян и груб.
Соперница моя, Матильда сероокая!
Я знаю, чёрт возьми, что это – мига блажь,
Что только здесь, на дне, красивая, высокая
Пластом лежит любовь во весь второй этаж:
Когда она трезва, – стихи читает чувственно,
Когда она пьяна – утопит в море чувств.
И, плача под конец от счастья неискusstвенно,
Даёт урок отцам сценических искусств.
Прощаю боль и ложь: я ухожу, не ранена.
Не закрывай собой таинственный проём, –
Я знаю, что за ним. Что все твои старания
Исчезнут, как мираж, с вновь наступившим днём.

Татьяна Белянчикова

Москва, Россия

Хорошо

1.

Нажала на кнопочку – и не ревную,
мне так хорошо, как сегодня ему.

Я пробую радость – густую, иную,
и сердцу легко не пойми почему.

И август цветёт, и рождаются силы,
и мира спокойная поступь мила.

А я и не знала, как это красиво,
а я и не ведала, что не жила.

2.

И разговоры натошак,
и этот взгляд непрошенный,
и всю чувствительность к вещам
принцессы на горошине,
и эту тоненькую нить,
и нежность ненормальную –
всё хорошо бы сохранить
до выстрела финального.

3.

Всё больше хочется не в рифму,
всё громче возраст знать даёт,
всё реже Бах и чаще Рихтер,
всё ниже жизненный полёт.

Кивать согласно «хорошо» – и
любить цитаты и тряпье,
кричать прекрасное чужое,
терять несмелое своё.

4.

И вот – ладонь сжимается до хруста,
и строками взрываются листы,
и беззаботность слов рождает чувство
и жжёт мосты,
и в хорошо продуманном спектакле
ломается привычная канва...
Ты не об этом грезила, не так ли?
Но ты – права.

Михаил Синельников

Москва, Россия

День памяти Осипа Мандельштама

Завтра условный (установленный лишь по сведениям соответствующей инстанции) день смерти Осипа МАНДЕЛЬШТАМА в 1938 году. В юности, не довольствуясь теми стихами, которые удержала отцовская память (а отец мой слышал некоторые и в авторском чтении), я, просидев несколько вечеров в Ленинградской публичной библиотеке, от руки переписал весь сборник 1928 года. Мое личное отношение к поэзии О. М. пережило, начиная с отрочества, несколько эпох; бывали времена, когда я бредил решительно всеми его стихами. Теперь это не так, и все же сознаю, что у него при любой погоде достаточно стихотворений, столь сильных, что это поистине, как воскликнула о них Ахматова, «пропуск в бессмертие твой!» Кроме того имеются его дивные статьи о поэзии (которые он писал, как стихи, и они не в меньшей мере достойны заучивания наизусть; кстати, велика моя благодарность покойному отцу за то, что не устранился и сохранил книжку «О поэзии!»), есть изумительный «Разговор о Данте» и ни с чем не сравнимая проза. Есть просто божественные вольные переводы из Петрарки и невероятно мощные из Барбье (последние непонятно почему не вошли в так называемое недавнее «полное собрание сочинений»– трехтомное). Всё же на первом месте, разумеется, собственные его стихи. Как с годами ни меняясь, их незнание означает незнание русской поэзии. Начнёшь перечислять любимые и список станет длинным. Об одном из них («Возможна ли женщине мёртвой хвала...») я написал статью, в свое время опубликованную в журнале «Вопросы литературы».

Находясь не по своей воле в живописном Воронеже, О. М. заметил, что кроме него поэзией в России «занимаются Пастернак, Ахматова и Пашка Васильев». Ну, да, Клюев уже невесть где загинул, Заболоцкого О. М. не воспринимал, Луговского, вероятно, презирал, молоденького Смелякова скорей всего не знал. Так или иначе после всех названных все русские стихи кажутся серыми (не серых еще долго, долго пришлось ждать-подждать).

Готов смириться, если мое сочтут только сочувственным стихотворным комментарием...

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Как всё же был самолюбив и вздорен,
Как суетился в эти времена
Людской породы, срубленной под корень,
Выбрасывался в ссылке из окна!

Откуда храбрость у клаустрофоба?
Решать пришлось, теперь его куда.
И вот – Воронеж, высота сугроба
И в гиблом поле полая вода.

Но вечерами зыблется бездонно
Горячий холод, затемнённый свет
Созвездьями заполненного Дона,
И веет утро предвоенных лет.

И там, где стал невыносимо плосок
Дежурный слог неистощимых од, -
Его стихов небесный отголосок
И облаков неумолимый ход.
2019

Часть 10. Детский Альбом

Лев Табенкин. Мать и дитя. 1993

Григорий Яблонский

Сент-Луис, США

Сенсационная, но вполне правдивая история превращения святого Николая в Санта-Клауса

Вообще многие детали этого превращения хорошо известны*. Традиция праздновать Рождество с Санта-Клаусом была основана голландцами, св. Николай по-голландски – «Синтерклаас». В начале 17-го века голландский корабль со статуей св. Николая на носу вошёл в устье реки Гудзон. Именно голландцы основали город Нью-Амстердам, впоследствии Нью-Йорк, и устроили внутри форта часовню, посвящённую св. Николаю.

Но оформлена была традиция только в 19-м веке двумя американскими писателями, Вашингтоном Ирвингом и – особенно – Клементом Муром. В 1809-м году Ирвинг написал: «В те далёкие дни (имеется в виду середина 17-го века) возникла добрая церемония, до сих пор благоговейно соблюдаемая в наших старых семействах с хорошими манерами: в канун праздника св. Николая у камина подвешивался большой чулок, чудесным образом заполняемый подарками на утро. Это происходило благодаря щедрости св. Николая, всегда расположенного к детям» (Вашингтон Ирвинг «Ироническая история от Нью-Йорка от Дитриха Никкербокера»). А через 13 лет, в 1822 году, поэт Клемент Мур опубликовал – анонимно – стихотворение. Первая его строфа в переводе современного историка и писателя Королёва-Случевского звучит так:

«Предрождественской ночью в доме затишье, // Замерло всё живое,
даже шустрые мыши.

// И чулочки развешаны у дымохода, // Ждут подарка, святого Николы
прихода. //

Дети спят, размечтавшись о завтрашнем утре, // Видят сны, с
мармеладками в сахарной пудре».

Стихотворение стало оглушительно популярным после его вторичной публикации в 1844 году. Клемент Мур придумал имена восьми оленей Санта-Клауса, их знают все американские дети. «Dasher» и «Dancer» – «стремительный» и «танцор», «Prancer» и «Vixen» – «скакун» и «резвый», «Comet» и «Cupid» – «комета» и «Купидон», «Donner» и «Blitzen» – «гром» и «молния» по-немецки. Девятый олень, самый известный, – красноносый Рудольф появился намного позднее.

В 1865 году художник Томас Наст представил Санта-Клауса жизнерадостным дедушкой и дал ему красный полушубок, а в XX-м веке художник Сандблом из «Кока-Колы» добавил в полушубок белую окантовку. Облик Санты был завершён.

А теперь разберёмся в главном вопросе, как так произошло, что св. Николай превратился в Санту, что он такого сделал.

Во-первых, св. Николай – вполне реальная фигура, епископ, живший в четвёртом веке нашей эры в городе Миры (Мир? Мира?) в малоазиатском государстве Ликия. Сейчас это прибрежная юго-западная Турция, недалеко от острова Родос. В христианстве он известен как Николай Чудотворец, покровитель купцов и раскаявшихся воров, проституток и ростовщиков, моряков и лучников, пивоваров и сирот – и вообще всех детей. Он оживил трёх разрубленных детей – главное его чудо. Тайные дары, рождественские подарки детям, – от св. Николая. Он же даровал приданое трём дочерям разорившегося купца и спас их от участи секс-рабынь.

«Пламеневший ревностью к Господу», св. Николай яростно боролся с язычеством. Его «Житие» повествует: «...Ратоборствуя с духами злобы, св. Николай пришёл в храм Артемиды, который был очень велик и богато украшен, представляя собою приятное для бесов жилище. Св. Николай разорил сей храм скверны, сравнял высокое его здание с землёю и самое основание храма, бывшее в земле, разметал по воздуху, ополчившись более на бесов, нежели на самый храм. Лукавые духи, не перенося пришествия угодника Божия, испускали скорбные вопли, но побеждённые молитвенным оружием непобедимого воина Христова, святителя Николая, должны были бежать из своего жилища» (цитируется по обзору Ковалёва-Случевского).

Но вот незадача: исторический и культурологический анализ, проведенный тем же Ковалёвым-Случевским, заставляет сомневаться в этой истории. Последние археологические исследования показывают, что в Мирах Ликийских, скорее всего, не было храма Артемиды. Более того, там вообще не было храма. И вряд ли епископ Николай, пусть и наделённый сверхъестественной спиритуальной силой, смог бы один разметать – до основания! – гиганский храм. С этим он бы не справился!

А что же всё-таки сделал св. Николай? Скорее всего, он срубил священный кипарис, вечнозелёное дерево язычников. Чудотворцу такое чудо оказалось вполне по силам! Именно уничтожение дерева, одержимого демоном, упоминается в авторитетных текстах (см. англоязычную Wikipedia https://en.wikipedia.org/wiki/Saint_Nicholas). Борясь с язычниками, св. Николай срубил их мистическое «древо постоянной жизни».

Ковалёв-Случевский замечает по этому поводу: «Не очень этично? Жёстко? Откровенно? Решительно! Да. А что поделаешь, когда речь идёт о душах людей и их спасении?»

Спасение душ... Ни больше, ни меньше... На самом деле, непрошенное спасение душ – это и преступление, и роковая ошибка. Такая цель никогда не достигается... Никакие власти, земные и небесные, официальные, идеологические, религиозные, никакие иезуиты и большевики, Ватикан и Кремль, – никто не смог справиться с поклонением священному дереву. Ритуал стал семейным праздником. ЁЛКА, рождественская ли, новогодняя ли, – восторжествовала... Реальное, зелёное чудо...

И что же получилось? Парадоксальным образом св. Николай, «дворуруб», стал Санта-Клаусом, доставщиком даров к ёлке, необычайно эффективным работником всемирной службы доставки (FedEX или USPS, если хотите).

И в чём же смысл этого превращения, «метанойи», говоря церковным языком?

Возмездие? Закон неотвратимой компенсации? Если это так, то можно лишь посочувствовать Санта-Клаусу, бывшему Николаю. Обречённый на мучительное «одно и то же» – как античный Сизиф – Санта-Клаус вынужден появляться одновременно в миллионе мест, разбрасывая подарки и погоняя несчастных оленей, Дэшера, Дэнсера, Прэнсера, Виксена, Комета, Купида, Доннера, Блитцена и, конечно же, красноногого Рудольфа. А уж им-то как всё это надоело, можете себе представить.

И всё-таки не хочется верить в плохое. Известно, что Савл превратился в Павла чудесным образом и мгновенно. И почему бы не допустить чуда превращения св. Николая в Санту?

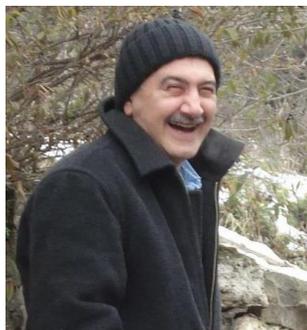
Плохое, пусть и возмнившее себя хорошим, превращается – естественным ходом событий – в хорошее. В этом – дополнительный смысл всей новогодней истории. В этом – её таинственный подарок нам всем.

* См. недавний обзор «Николай, святитель Мирликийский» Ковалёва-Случевского в «Новом Мире», 10, 96-124 (2019)

Итоги 6-го ежегодного Новогоднего конкурса детского творчества и творчества для детей

Александр Ралот

Краснодар, Россия

Загадка. Кто придумал Новый год?

Четвёртый месяц 7208 года. (от сот. Мира) Царский дворец на реке Яузе

Правитель огромной страны был хмур и зол. Концом отороченного золотой нитью парчового халата и своим дыханием пытался отогреть маленькое заиндевевшее окошко. Получалось плохо.

— Прощка! Ходь сюды!— Кликнул дежурного дьяка из Посольского приказа.

Через минуту стражники втокнул в палату заспанного человека с всклокоченной шевелюрой.

— Опять дрых на службе! Негодник! Вот отправлю тебя с посольством к басурманам, там прочувствуешь всю прелесть городской службы. – Государь поднёс к лицу дьяка кулак.

— Отвечай своему повелителю немедля! Почему мы Новый год справляем отлично от стран Европейских?

— Так.. это...они же от Рождества Христова, а мы по старинке, от сотворения мира.

— То ведомо мне! Почему не в один день? У нас осенью, в сентябре, а они зимой?

— Осенью – оно же приятнее. Урожай собрали. Амбары полные. Да и девки на выданье... готовые. Вот и Новый год, и свадебки разом народ православный по всей стране великой празднует.

— Верно глаголишь. Но далее так поступать не можно! Потому, как путаница с иноземными документами получается. У них один год, а у нас совсем иной. Ступай за тумбу, пиши указы царские. Отныне Новый год будем праздновать, как весь цивилизованный мир! Первого января. И через три дня в России-матушке наступит одна тысяча семисотый год. От Рождества Христова. Уразумел! Дважды повторять не стану!

— Царь батюшка! А где же нынче снопы из спелых пшеничных колосьев люду простому раздобыть? – Дьяк поклонился царю в пояс. – Извини, отец родной, за дерзость, но ведь людишки-то не поймут. Ой, беда будет! Ей – богу! Ведь четыре месяца назад праздновали уже! Как же это, второй раз за год?

— Не гневи царя! Гулять – не работать! Какая же в том беда, когда самодержавец своим указом всем своим подданным радоваться повелевает? Ты мне ещё стародавние времена припомни, олух царя небесного! Тогда Новый год и вовсе по весне справляли. Дерево вишни наряжали. Ничего, после крещения про деревце позабыли. Так мы – указом царским – напомним! Пиши следующий! Новый год праздновать повелеваю шумно, с огнём русским и феерверками заморскими. Ибо праздник сей – громкий! Во всеуслышание! А украшать дома велю ветками ёлочными, сосновыми да еловыми лапами. И недорого, и любо-красиво. Пусть хоть один день-денёшенек у нас на просвещённую Европу похож станет! Сколько у нас на складах воинских салютов имеется, знашь?

Дьяк почесал гусиным пером затылок.

— Однако много. Я давеча перепись вёл, так насчитал пятнадцать стеллажей с коробами и в каждом по тыще будет!

— Тогда пиши следующий указ. Повелеваю всё это выпустить в небо, дабы народ русский навсегда запомнил праздник Нового года, от даты рождения нашего Иисуса Христа!– При этих словах монарх истово перекрестился!– Такое дело затеваем, дьяк! Невиданное на Руси! Потомки мои из года в год только и смогут, что повторять мною содеянное! Опять же феерверки завсегда приучают подданных к военному пламени. А это богоугодное дело! К которому привыкнут вскорости и вражеского огня более бояться не будут!

Столетия спустя в России – впервые в мире – изобрели цветной феерверк – зелёный. Праздничным огнём рисовали в небе фигуры, писали слова.

В наше время такое не удаётся даже самым именитым мастерам огненных шоу. Лазером у них конечно получается, а вот салютом – никак!

Вот, собственно, и всё, что я хотел поведать в этом коротеньком рассказе.

Позвольте! – спросит дотошный читатель! – А где же загадка? У тебя в названии это слово присутствует! Изволь – загадывай!

– Твоё слово – для меня закон! В таком случае, ответь мне и всем.

А как же звали-величали того правителя, который взял, да и отменил многовековую традицию! Сделал царский подарок народу русскому! Главный праздник года – Новый год!

Виолетта Гребельник

Италия

Ася и Снежинки. Сказка

Ася простудилась. То ли когда свой шарф подарила снеговика, а сама продолжала играть в снежки с Катюшей и Васенькой, то ли когда набрала полные сапожки снега, скатываясь с горки, то ли когда облизывала прозрачную сосульку (правда, маме об этом неведомо). Как знать?

Сегодня её оставили дома. Глотать было больно, шею царапал душный шерстяной платок, вынуждали пить горячее молоко. Одним словом, день не удался.

Вначале через окно она увидела Катюшу и Васеньку. Их вела тётя Света в детский сад. Васенька забегал вперёд, хватал охапки снега и сыпал на сестру. Тётя Света, по-видимому, побранила его, а затем взяла за руку и уже не отпускала. Они скрылись из виду, повернув за угол дома. Внезапно Васенька вернулся, подобрал слетевшую варежку и помчался вдогонку за мамой.

Двор опустел, и стало совсем неинтересно. От нечего делать Ася глядела на больших переваливающихся птиц. Они ступали по рыхлому снегу, а за ними тянулись тропинки следов, похожих на короткие веточки, уложенные одна за другой. Затем пошёл снег, и веточки растворились. Некоторые снежинки налипли на оконное стекло и замерли.

Снаружи было всё так же пусто и неинтересно. Даже снеговик обрёл скучающий вид. Птицы убрались восвояси, и Асе ничего не оставалось как наблюдать за снежинками. Они оказались разной формы и очень симметричными, как будто искусственными. Ася была поражена. Сколько ни рассматривала, не нашла двух одинаковых.

В очередной раз даже молоко выпила не сопротивляясь, чем удивила маму, лишь бы побыстрее вернуться на свой наблюдательный пункт.

Когда вечером её уложили спать, она всё думала и думала: «Как же так? Нет ни одной похожей на другую? Ведь дождевые капли одинаковые, не различишь. Почему же снежинки разные?» Так и уснула, не найдя ответа...

Откуда ей было знать, что в этой истории замешаны Снежная Королева и многочисленные обитатели её королевства – гномы? Если Снежную Королеву в метель и можно увидеть при большой удаче, то гномов не так-то просто. Дело вовсе не в их крохотных размерах, а в том, что у каждого есть свой снежный колпак, способный при необходимости полностью упрятать своего хозяина.

Откуда было знать Асе о традиционном предзимнем конкурсе, возглавляемом Снежной Королевой, когда ей как главной судье вручают запечатанные конверты? Что находится в конвертах, знают все гномы с детства. Они ведь сами их и отправляют. Так вот, там спрятаны эскизы будущих снежинок. Каждый гном мечтает, чтобы именно его снежинка получила путёвку в жизнь.

С рассветом пространство перед дворцом заполняется до краёв. Те, кому не нашлось места на площади, устраиваются на хрустальной колокольне, взбираются на раскидистые ветви серебряного кедра, служащего и центром площади, и, самое главное, – указателем географических сторон света. Последний факт чрезвычайно важен и

даже необходим в работе, возложенной на гномов. Впрочем, всё по порядку.

Когда площадь перебродила и замерла в ожидании, на балконе появляется роскошная Королева в ослепительно белых перчатках и с ножницами в руке. И вновь «муравьиная» толпа приходит в движение от восторга и волнения.

Королева вскрывает один за другим конверты и устремляет холодный взгляд, прикрытый заиндевелыми ресницами, на извлекаемые листы. Порой её глаза теряют блеск, словно оттаивают от нахлынувших эмоций. И тогда толпа ликует, позвякивая колокольчиками (именно так ликуют гномы) – эскиз одобрен Королевой и отложен в хрустальный резной сундук. Так продолжается до тех пор, пока последний конверт не будет вскрыт.

Вслед за этим великим днём наступает период интенсивного труда. Гномы принимаются за него с большой охотой, потому как работу эту трудно отнести к понятию работы в прямом смысле слова, скорее – творение, что уже из области искусства.

Главный «строительный» материал у гномов – самые-пресамые тончайшие пластинки льда. Из них рукодельники выпиливают, вытачивают, вырезают, подгоняют, высверливают, отшлифовывают и, наконец, полируют снежинки строго по отобраным эскизам. А сколько их нужно заготовить! Впрочем, в королевстве это всем известно. Снежинок нужно столько, сколько звёзд во Вселенной, умноженное на обычное число семь. Почему именно на семь? Этого в королевстве не знает никто. Кроме Королевы, конечно. Математическое действие является её исключительной тайной.

Следующий важный этап – упаковка хрупкого «товара». Не укладывать же снежинки в корзины и сундуки, пусть даже хрустальные. Нужна особая ёмкость. Для этого ледяную каплю раздувают в прозрачный шар, внутри которого абсолютная пустота. Вот и готов необычный контейнер. Запуская в него снежинки, можете быть спокойны – друг другу не помешают, друг друга не повредят, потому как в подвешенном состоянии пребывают.

Дружно трудятся гномы, приближая работу к финалу, когда последний дворцовый склад будет заполнен ледяными шарами. И только тогда наступает зима, не всегда совпадая с календарём. С этого момента жизнь в снежном королевстве меняется совершенным образом.

Каждый день с раннего утра гномы наперебой спешат на площадь, протискиваясь как можно ближе к королевскому балкону. Важно расслышать каждое слово. И вот Снежная Королева, отложив на

потом завтрак (дела королевства важнее), выходит к своим подданным, чтобы провозгласить установленный на сегодня прогноз:

– Друзья мои, прослушайте секретную информацию, предназначенную только для вас. Сегодня на Голубой планете в районе шестидесятого градуса северной широты и тридцатого градуса восточной долготы весь день будет идти снег; в районе сорок третьего градуса северной широты и сто тридцать второго градуса восточной долготы снег повалит к вечеру и продержится всю ночь...

И так далее, и тому подобное.

Нужно отметить, что Королева никогда не упоминает название стран, пограничных рубежей. Она считает эти понятия результатом человеческих пороков, таких как необузданная жадность и эгоизм. Вся фауна и флора Голубой планеты не знают, что такое территориальные границы, и только человек сам себе усложнил жизнь. Её Величество предпочитает наблюдать за птицами, за их сезонными перелётами, за ветвистыми переплетениями следов лапок на снегу. Ей нравится разгадывать, какие следы очутились первыми, а какие появились позже, кто куда направлялся, кто торопился, а кто нет. Впрочем, всё это из области королевских забав.

Узнав прогноз погоды, гномы слаженной командой цепляют ледяные шары к воздушным дирижаблям и один за другим отправляют в полёт, и именно туда, где по прогнозу снегопад. Сверяются по серебряному кедру – указателю сторон света, направлений и дистанций.

С поверхности земли дирижабли кажутся обыкновенными тучами овальной формы с голубоватыми брюшками. А люди, копошащиеся в неотъемлемой суеде, не в состоянии отличить настоящую тучу от ненастоящей. Плывёт себе такая ненастоящая туча, колыхнёт её порывом ветра и разольётся под ней тихий звон. Это лопаются хрупкие шары. Снежинки, подхваченные ворвавшимися струями воздуха, устремляются наружу с тем, чтобы плавно опуститься на землю.

Поле, лес, застывшую реку они укрывают сплошным пушистым слоем. Красота такая, что сама себе удивляется:

Как же так? Белым бело,
Все тропинки замело...
Дня короткого хватило,
Чтобы всё преобразила...
Наступившая зима.

А в городе, как стемнеет, снег серебрится, отражая свет ночных фонарей.

В тихую же погоду ещё и поскрипывает да потрескивает...

Со двора доносился едва слышный хрустящий скрип чьих-то шагов по снегу. Ася открыла глаза. Солнце ослепительно сияло. За окном виднелись лохматые деревья. На отяжелевших ветвях густо лежал снег. Снежинки зажигались то тут, то там разноцветными огоньками.

– Мама, они не только разные, они ещё и цветные! – закричала от восторга Ася.

– Не кричи. У тебя же горло больное, – возразила мама.

– Уже не болит.

Асе не терпелось рассказать о том, что она подглядела прошедшей ночью:

– Ты знаешь, почему сегодня солнечный день?

– Потому, что солнце светит, – коротко ответила мама.

– Ничего ты не знаешь. Просто все дирижабли уже разгружены. А следующие только грузят.

– Да у тебя жар, доченька! – забеспокоилась мама.

А Ася всё продолжала:

– Ты знаешь, как можно сосчитать снежинки?

У мамы от удивления округлились глаза. Ася не стала её томить:

– Нужно сначала посчитать все звёзды, а затем умножить на семь.

Мама покачала головой и сунула Асе под мышку термометр. Затем Ася почувствовала, как мама приложила свою прохладную руку к её горячему лбу...

Через три дня наступил такой же солнечный день. Горло действительно больше не болело, и Асю повели в детский садик. Она шла и рассуждала про себя: рассказать ли Катюше и Васеньке, как снежинки делаются и откуда к нам прилетают? А может, пусть это останется её тайной, самой сокровенной...

Марина Мичурина

Бостон, США

Я-рыцарь

Сверкает мой панцирь на солнце морозном,
Был долг мой путь в этот праздничный зал,
Где кружатся маски в сиянии звездном,
И вижу: не зря я сюда прискакал.

Я-рыцарь, ребята, а это немало!
Сражаться привык только в честном бою,
Но нынче пришел я с открытым забралом
И может быть, после вам песню спою.

Стальное копье я оставил на полке
И в ножны надежно упрятан мой меч,
Сегодня с друзьями встречаюсь на елке -
А дружбу и рыцарям надо беречь!

Часть 11. Юмор

Лев Табенкин. Из иллюстраций к книге Екклесиаста

Олег Золотарь

Минск, Беларусь

Революция

Кнотов, перевесившись через узкий проём кухонной форточки, нервно дожевывал окурки папиросы и внимательно наблюдал за тем, как соседка из третьего подъезда их общежития (кажется, её звали Галиной), развешивала во дворе бельё.

Этот нехитрый хозяйственный ритуал она совершала каждый день, и во время своего утреннего перекура Кнотов, случалось, позволял себе наблюдать за неспешной работой этой довольно миловидной и часто нагибающейся женщины. Правда, делал он это, как правило, спокойно, не влезая на подоконник и не рискуя перейти грань, за которой здравый смысл и хлипкая оконная рама переходили куда-то в область чистой эквилибристики, в которой, в отличие от укладки арматуры, Кнотов профессионалом никогда не был.

Однако сегодня он заметил в работе Галины нечто совершенно непривычное, если даже не сказать – странное. Нечто такое, что заставило его забыть о том, что он арматурщик, а не акробат.

Дело в том, что этим утром каждая очередная порция влажных порток и наволочек Галины неуклюже повисала на бельевых веревках совершенно сумбурно, с разными промежутками относительно друг друга. Ничего подобного Галина до сих пор себе не позволяла, заполняя бельевые верёвки с удивительной расчётливостью и сноровкой.

«И это уже третий признак за утро... – угрюмо подумал Кнотов, затянувшись неприятным, похожим на запах прелой соломы, ароматом окончательно потухшей папиросы. – Неужто – Революция?»

– И что ты там так усиленно высматриваешь? – спросил, заходя на кухню, Вацлав Иванович Картонь, сосед Кнотова по этажу – живописный долговязый старик, похожий не то на закутанное в тёплую фуфайку привидение, не то на лёгкого, почти бестелесного библиотекаря.

Каждое утро, в одно и то же время, он являлся на кухню вместе со своим старым, эмалированным чайником, с которым, на памяти Кнотова, он вообще никогда не расставался.

Кнотов, выплюнув окурочек в солнечный двор, слез с окна и сел за стол, где его дожидался кусок не самого свежего батона и полбутылки кефира «Приднепровского», который, по теоретическим прикидкам Кнотова, ещё должен был быть годен к употреблению.

– Да что там увидишь? – ответил Кнотов, осторожно отхлебнув кефир.

Тот не обманул его ожиданий, и теперь Кнотов с гораздо большей уверенностью приступил к своему традиционному завтраку.

– Ну мало ли... – заметил Картонь, водружая свой чайник на прогоревшую во многих местах общую плиту. – Обычно твой интерес к окружающему миру за окно не перевешивается...

– Соседка бельё развешивает...

– Это Галина которая?

– Ага...

– Ну, за этой Галиной не грех и понаблюдать, – не по годам понимающе сказал Картонь. – Хотя и тут осторожность не помешает. Говорят, мужика её в Архангельске лет пять назад задержали. Торговал, как поговаривают, не то бриллиантами поддельными, не то селёдкой контрафактной... Её соучастие не было доказано, но...

– Да не о том я! – фыркнул Кнотов, старательно пытаюсь сохранить тон утренней небрежности. – Бельё она развешивать вкривь и вкось стала... Раньше всегда ровно вывешивала, как по линейке, а сегодня... Вот и думаю – уж не революция ли?

– Революция?! – живо отреагировал на предположение Кнотова Картонь, обернувшись к Кнотову и сверкнув линзами своих круглых очков. – Из-за белья – и сразу революция? Вот уж не думал, Володя, что ты настолько впечатлительная натура... Для революции, как минимум, четыре признака должно быть... Надёжных признака... Сам ведь знаешь...

– Да я ж ничего пока и не утверждаю... – пожал плечами Кнотов,
– Просто...

– Что – просто?

– Ну вот ты сам посуди... Проснулся я сегодня, как всегда, в половину восьмого... Ну, конечно, это не то, чтобы уж прямо как всегда – обычно я в десять минут восьмого встаю, но не в этом дело... – тут Кнотов прервался и потратил несколько секунд на дожевывание батона, – Общий временный промежуток, согласись, всё-таки привычный. В это время, как сам знаешь, у нас в общежитии просыпаться – одно удовольствие. Все на работе, на учёбе... Одним словом – санузел всегда свободен!

– Это да... – понимающе согласился Картонь, который на правах пенсионера лучше, чем кто-либо другой, знал распорядки общежития и не раз по доброте душевной и взаимной симпатии помогал Кнотову дельными и основанными на богатом житейском опыте советами в этой области. Особенно на первых порах, когда приехавший из глубинки Кнотов одинаково плохо ориентировался как в городе, так и в коммунальных нравах своих соседей.

– А сегодня, представляешь, – занят! – сказал Кнотов и даже несильно ударил ладонью по столу.

Картонь задумался.

– И кто же это мог быть?

– Ярославовна с первого этажа... И Смирновы оба в очереди стояли...

– Ярославовне-то что в нашем сортире могло понадобиться? – удивился Картонь. – Да и Смирновы в это время должны быть на службе...

– Вот и я о том, – таинственно произнёс Кнотов, предусмотрительно откусив небольшой кусок батона, чтобы не прерывать таинственную беседу кулинарными особенностями своего быта. – Честно говорю – растерялся... Но даже это не главное...

– А что? – уже со вполне различимой интонацией опасения спросил Картонь, чайник которого постепенно начинал закипать и своим нарастающим шипением уместно подогревал общую напряженность обстановки.

– Скорлупа... – сдавленно произнес Кнотов, указав взглядом на старое, черное мусорное ведро, одиноко прислонившееся к сливу умывальника в противоположной части кухни. – Скорлупы нет! Совсем!

– Неужели?

Картонь осторожно подошел к ведру и оказал тому непривычную почесть, заглянув в него долгим, внимательным и заинтересованным взглядом.

– А тут ещё и бельё... – глотнув кефира и стараясь казаться убедительным, напомнил Кнотов Картоню, который, тем временем, вернулся к плите, снял с огня чайник и с озадаченным видом присел на табурет.

– Вот уж дела... – вздохнул старик, выдержав длинную, наполненную тревогой, паузу. – Знаешь, это всё, конечно, неспроста, но... Чтобы прямо уж революция... На революцию, я думаю, это всё-таки не тянет...

– Может, и не тянет. Слушай, Вацлав, а ты вообще когда-нибудь жил при революциях? Помнишь, как они обычно начинаются?

Только сейчас Кнотов подумал, что несмотря на то, что он живет с Картонем на одном этаже уже лет пять, об этом странном, закутанном в жилетку человеке он, в сущности, ничего не знает, кроме того, что он похож на приведение и никогда не расстается со своим чайником.

– При революциях? Всяко бывало... – вздохнул Картонь. – Только знаешь... Тут ведь важно ничего не перепутать, разобраться верно. А то будешь считать, что это революция, а окажется потом, что никакая это и не революция, а так...

Картонь пренебрежительно махнул рукой.

– Ну, согласишься – сперва Ярославовна в уборной, потом скорлупа, бельё...

– Революция – вещь непростая... Конечно, к ней нужно быть готовым всегда, но... В сущности, что мы знаем о революции? Были люди, которые жили, боролись... Нет, это всё-таки точно не революция! Иначе её заметил бы ещё кто-нибудь!

Сомнения Картоня несколько задели Кнотова, который целое утро пребывал в мыслях о возможной революции и расставаться с которыми ему пока не хотелось.

– А может, никто просто не ждёт революции? – тоном решительного заговорщика сказал он, смахнув крошки со стола и чуть отодвинув от себя бутылку кефира, – Да и когда она была в последний раз? Никто не помнит уже... Как же тогда её заметить?!

– А я знаю, что это! – живо, почти весело, произнес старик, выскочив из-за стола и ловко, почти нежно, подхватив свой чайник.

– И что же?

– Это, мой дорогой друг, просто эволюция! Э-во-лю-ци-я! – по слогам, почти на распев, произнес Картонь и даже, как показалось Кнотову, слегка повальсировал по кухне.

– Может быть, и эволюция... – без особого энтузиазма вздохнул Кнотов, настроение которого после высказанной догадки Картона почему-то начало ощущимо портиться.

Разумеется, как любой нормальный человек, он должен был, скорее, радоваться догадке старика, но теперь его неприятно поражала простота и ясность фразы Картона, которая очень уж убедительно и неприятно намекала на жизненный опыт этого человека. Опыт, которого у самого Кнотова, кажется, было не так уж и много. Да и само слово «эволюция» тревожило Кнотова не в меньшей степени – несмотря на свою очевидную ясность.

Кнотов должен был признать, что он просто не понимает смысла этого слова, не может представить его в качестве процесса и, кажется, несмотря на уверенность Картона, всё же не очень готов воспринять его в качестве объяснения отсутствия в мусорном ведре яичной скорлупы.

– А если вдруг всё-таки эволюции не бывает? – сказал он.

– То есть как – не бывает? – удивился Картонь, кажется, полностью уверенный в своей правоте.

– А так. Разное ведь поговаривают... Есть теории, которые утверждают, что любой процесс в обществе имеет скачкообразный характер, по сути дела – не эволюционный... Я, помню, в молодости даже книгу читал о том, что само понятие эволюции – ни что иное, как продукт ограниченности человеческого восприятия, и что всё в мире, на самом деле, состоит из череды маленьких, невооруженным взглядом почти незаметных, но всё-таки революций... Ну, конечно, если я все правильно понял...

Признаваться вот так вот на утренней коммунальной кухне в чтении литературы подобного, крайне сомнительного толка, было, конечно, делом неловким, но Кнотову очень уж хотелось унять искрометную уверенность Картона в окружающей эволюции. Ну или, на худой конец, просто показать пожилому обладателю чайника, что он, Владимир Кнотов, арматурщик третьей категории, при всей своей наивности и отсутствии богатого житейского опыта, тоже в свое время читал книги.

Подобное откровение, тем не менее, явно не произвело на Картона особого впечатления. Теперь, вновь обретя уверенность в не революционности всего происходящего вокруг, тот снова, казалось,

полностью сосредоточился на своем привычном чайнике и явно собирался удалиться к себе в комнату.

– Книги... – сказал он Кнотову, обернувшись в дверях, – Их иногда понимать не нужно... Самое важное – это уметь соотносить их с самим собой, и с той данностью, в которой ты живёшь со всеми своими невооруженными взглядами... А под эволюцией достаточно понимать само отсутствие революции. И тогда она будет существовать на тех же основаниях, что и пустое мусорное ведро... Да, к тому же, как ни крути, даже с Галиной выходит всего-навсего три признака... Для революции недостаточно. Сам понимаешь...

И Картонь, явно пребывая в отличном расположении духа, удалился в свою комнату.

Кнотов ещё пару минут посидел за столом, допил кефир, и, вымыв бутылку, на всякий случай, ещё раз посмотрел в окно.

Теперь, после разговора с Картоном, бельё соседки действительно не так уж убедительно тянуло на революцию, и Кнотову ничего не оставалось, кроме как вернуться к себе в комнату и лечь на кровать – то есть, заняться тем, чем он обычно и занимался каждое утро, считая это приятной особенностью его рабочего графика. Правда сегодня, в свете окружающей эволюции, пара часов свободного времени уже не представлялись такой уж большой удачей.

Надо сказать, что комната Кнотова не особенно располагала к чему-то другому, что выходило за рамки мутноватого сна рядового трудового человека, проводящего большую часть своего времени среди бетона и стальной арматуры. Несмотря на то, что за эту холодную, темную коморку многие соседи с чувством искренней радости перегрызли бы друг другу глотки, Кнотов уже давно перестал воспринимать её в качестве невероятной удачи, которая якобы улыбнулась ему пять лет назад – только приехавшему в город, устроившемуся на завод и не задумывающемуся о любых революциях и соседках Галинах.

Теперь же, глядя в окно на шершавую кирпичную кладку соседней обувной фабрики, он вынужден был отважно и сухо признаться самому себе в том, что Картонь, несомненно, был прав – всё это время его окружала только одна эволюция – бледная, порядком обшарпанная и коммунальная до всех своих самых дальних закоулков. Не нуждавшаяся в доказательствах, и в своей угрюмой реальности не предполагавшая для самого Кнотова ничего другого, кроме того, что его через какое-то время (десять, двадцать, тридцать лет – в масштабах самой эволюции всего лишь миг) вынесут из этой самой комнаты вперед ногами, снабдив его перед этим, возможно,

несколькими грамотами и порядочным трудовым стажем. И какими бы надеждами не вооружал свой взгляд Кнотов, шансов на то, чтобы увидеть революцию воочию, у него, всё-таки, не было...

Однако, не успели еще успокоиться пружины кровати, в коридоре послышалось взволнованное шарканье тапок Картона, которое сперва совершенно точно направилось на кухню, но потом еще более взволнованно вернулось к двери Кнотова.

– Революция!!! – тяжело дыша, почти прокричал Картонь, вломившись в комнату Кнотова и при этом едва не выбив с петель дверь. В руке его по-прежнему был чайник, который метался в дрожащих руках старика и, кажется, был взволнован ничуть не меньше своего хозяина.

– Революция?! – подхватившись с кровати и энергично почесав бока, спросил Кнотов.

Ничего не ответив, Картонь молча схватил Кнотова за руку и энергично потащил в свою комнату.

Комната Картона располагалась в противоположном конце длинного, заставленного комодами и общей эволюцией коридора. Она была значительно просторнее коморки Кнотова и намного светлее – оба её окна выходило на широкую улицу Кацедальную, вплотную к которой примыкал парк имени бульдозера Пороховщикова – излюбленное место для молодых пар, пожилых шахматистов и самого Кнотова, который иногда по выходным дням не брезговал примерить на себя роль сознательного физкультурника и посещал площадку гимнастических снарядов, воплощая на деле официально признанный и совершенно эволюционный лозунг «В здоровом теле – здоровый дух!»

Несколько шкафов с книгами и журналами, стол и цветочные горшки подоконников создавали в комнате Картона добротный уют, так что понять его приязнь к эволюции – как заметил про себя Кнотов – было немудрено. Правда теперь старик был явно взволнован – он с силой подталкивал Кнотова к окну.

– Ты только посмотри... И послушай! – говорил он Кнотову, широко распахивая оконную раму. – Главное – слушай!

Сперва Кнотову ничего особенного услышать не удалось – из окна на него подул приятный, свежий ветерок, разбавленный утренней тишиной, до которой ещё не успели добраться автомобили, трамваи и компании людей, спешащих уместить свои дневные хлопоты в рамки рабочей переменки.

Кнотов с недоумением посмотрел на Картона, которого явно раздражало непонимание своего гостя.

– В парке... В парке!

Теперь Кнотов прислушался целенаправленнее и действительно услышал нестройные звуки, доносившиеся со стороны танцплощадки. Похоже, там играл небольшой оркестр. Мелодии Кнотов уловить не мог, но отдельные звуки духовых и удары барабана долетали до его слуха вполне отчётливо.

– Вальс! – подметил Картонь, взволнованно отбивая ритм по крышке чайника. – Да ты выгляни, не бойся... Там даже видно... Танцуют... Пары... В белом!

– Быть не может! Разве сегодня не среда?

– Среда. Я проверил, – Сдавленно сказал Картонь, вытащив свежий номер Правды, – Среда!

– Может, праздник какой-нибудь? Делегация дружественных республик, молодёжный слёт? – с неуверенной надеждой спросил Кнотов, но тут же наткнулся на холодный, обреченный взгляд Картоня, который помотал головой и вместо ответа протянул Кнотову газету.

Передовицы газеты не оставляли никаких сомнений – день был самый обычный, наполненный статьями о проблемах в легкой промышленности, достижениях в черной металлургии и решениях двадцать какого-то съезда композиторов. Совершенно никаких торжеств, юбилеев или выходящих за рамки запланированного благополучия, достижений...

А здесь, совсем рядом, были танцы, криво развешенное бельё соседки Галины, отсутствие скорлупы в мусорном ведре и занятая соседкой с третьего этажа уборная – в общем всё то, что объяснить эволюцией было совершенно невозможно.

– Значит, всё-таки революция! – прошептал Кнотов, которому вдруг стало нехорошо. Ветерок из открытого окна все так же долетал до него, но помочь Кнотову он был явно не в силах – в осознании происходящего, тому не хватало воздуха, в горле пересохло, а пальцы продолжали судорожно сжимать газету.

– Я не понимаю, не понимаю... – прошептал Кнотов, отойдя от окна и сев на кровать. – И что теперь делать?

Когда Кнотов впервые подумал о революции – там, на кухне – она не представлялась чем-то таким уж пугающим и страшным. Однако теперь, когда её вальс долетал прямо до его ушей, не оставляя ни малейших сомнений в реальности происходящего, Кнотов ощутил крайнее смятение – все его прежние, оконные мысли оказались лишь забавой. Забавой глупой, даже мальчишеской... Да и на Галину он

заглядывался (если признаться совсем уж честно) далеко не только из революционных побуждений...

И вот теперь, однако, оказалось, что ему – Кнотову Владимиру Александровичу, арматурщику третьей категории – придётся жить в разгар революции! Непонятной, неожиданной, но – как и всякая другая революция – наверняка всеобщей и беспощадной!

– Я не знаю... Не хочу... Не знаю... – задыхаясь, выдавливал из себя сжатые, но при этом очень искренние, фразы Кнотов, – Как?! Как жить?

Кнотов вдруг вспомнил о своей комнате и поспешно вскочил – растерянный Картонь со своим чайником помочь ему теперь точно не мог, а вот комната, наполненная эволюцией многих людей, живших в ней до Кнотова, представлялась теперь самым надёжным убежищем. Оставалось только как можно быстрее добраться до её суровой тишины, разбавленной скипом пружин, и надёжно забраться с головой под одеяло – место, недоступное, как хотелось верить Кнотову, для любых революций.

– Ты это куда? – крикнул Картонь, когда Кнотов, бросив газету на пол, стремительно рванулся к двери.

– Нужно отсидеться! Переждать! – поспешно пробормотал Кнотов, выбегая в коридор и на ходу подтягивая трико.

Однако Картонь, кажется, уже успел преодолеть свою растерянность – ловко нагнав в коридоре Кнотова и схватив того за майку, старик уверенно потащил Кнотова в направлении лестницы.

– Ты что?! – кричал он сопротивляющемуся Кнотову. – Ты куда?! Тут такие дела! Революция!!! А ты...

Картонь больше не выглядел испуганным. И если бы ни чайник, который все так же продолжал трепыхаться в его руке, Кнотов и вовсе мог бы назвать вид старика бравым.

– Куда это мы? – плаксиво спросил он неудержимого Картоня, хотя вопрос был совершенно излишним – под грохот чайника и гулкое эхо холодных зеленых стен, Картонь несомненно тащил Кнотова к выходу из общежития.

– Мы пойдем туда! Туда! В первых рядах! Так надо! – громогласно ответил Картонь и указал чайником на дверь подъезда, которая вдруг оказалась у обмякшего Кнотова перед самым носом.

– Но я не хочу... Там – революция! – чуть ли не взмолился Кнотов, хотя чайник Картоня уже гулко ударился о дверь и приоткрыл её ровно настолько, чтобы резкий солнечный свет ослепил впавшее в сумрак сознание испуганного арматурщика.

– Туда! Туда! Туда! Вперёд! – торжественно ответил Картонь и резким рывком выдернул закрывшего глаза рукой Кнотова прямо навстречу благоухающему, весеннему и наполненному революцией миру.

Леонид Доктор

Ростов-на-Дону, Россия

Чистосердечное признание

Как известно, после распада СССР большинство русскоязычного населения бывших советских республик всеми правдами и неправдами стали стремиться переселиться на ПМЖ в Россию. Причины для этого было предостаточно: рост этнической конкуренции при устройстве на работу, ограничение сфер с использованием русского языка и т. д. Русским гражданам стала отводиться роль захватчиков, представителей так называемого тоталитарного режима. Мой коллега, зубной врач Алексей, продал за бесценок квартиру в Казахстане, с женой и маленькой дочкой Юлькой переехал в Ростов к родственникам, проживающим в частном доме на окраине города. Всё нажитое непосильным трудом имущество уместилось в его стареньком «жигуленке».

Получить российское гражданство русскому человеку оказалось не намного проще, чем американское. Вскоре ему потребовались кипа документов с предыдущего места жительства. Прошлое возвращаться в город, который за короткий промежуток времени сменил несколько названий: Акмолинск, Целиноград, Астана. Поехал снова на своих «Жигулях». На обратном пути, не доезжая

приграничного города Троицка, на блокпосту его тормозят пограничники. Дальше – словами Алексея:

«Вежливо просят выйти из машины. Вышел, показал документы. Спрашивают, откуда еду, есть ли наркотики, оружие, валюта. Этот маршрут часто используют наркокурьеры с «товаром» из Афганистана и Пакистана, а тут машина с ростовскими номерными знаками и клиентом подходящей внешности — смуглым и черноволосым. Я струхнул не на шутку вовсе не оттого, что у меня с собой было что-то запрещённое, просто слышал, как в подобных случаях могут что-нибудь подбросить. Намётанным взглядом они усекли мой мандраж, выражаясь словами Винни Пуха – «пчелы что-то подозревают». Погранцы принялись деловито шерстить в салоне и багажнике «Жигулей». И вдруг один из них достаёт из бокового кармашка автомобильной дверки маленький свёрток, разворачивает бумагу и, обнаружив спичечный коробок, с торжествующей улыбкой спрашивает:

– А это что такое?

Моё сердце бешено заколотилось, лоб покрылся холодным потом. Ну, думаю, блин, попал! Всё же изловчились что-то подкинуть. Профессионалы! Попробуй теперь докажи, что не верблюд. Я протестую, клятвенно уверяю, что это не моя коробка. Но служивый показывает написанную на коробке мою фамилию. Фантастика! Теперь доказать мою вину им не составит труда. Но как они умудрились фамилию на коробке написать, для меня казалось загадкой. Тем временем второй таможенник вызывает кого-то по рации. Через несколько минут на «бобике» приезжает офицер. Ему докладывают о задержании подозреваемого в контрабанде наркотика и вручают коробок, который он тут же раскрывает. Там оказывается какая-то субстанция коричневато-зелёного цвета. Наркотиков я отродясь в глаза не видел и, находясь в предынфарктном состоянии, смотрю на происходящее, как сквозь пелену густого тумана. Зато добрые молодцы сияют от счастья в предвкушении оценки их бдительности.

Начальник достаёт из коробки эту хрень, трёт её в руках, нюхает, пробует на вкус и, глядя на меня с хитрым прищуром, спрашивает:

– Ну, что будем делать: поедем на экспертизу, или на месте оформим явку с повинной? При чистосердечном признании суд вам срок скосит наполовину. И тут, как это часто случается в стрессовых ситуациях, меня осенило...

Месяца два назад трёхлетняя дочка Юлька откуда-то притащила домой куршивого котёнка и целыми днями с ним возилась. Жена

обратила внимание, что девочка два дня не ходила на горшок. На третий день вызвали детского врача. Доктор девочку осмотрела, померила температуру, пощупала животик, посоветовала сделать ребёнку клизму и, если что-то выйдёт, отнести в поликлинику на анализ: может, котёнок заразный. Когда Юлька услышала про клизму, то тут же заревела и заявила, что покакает сама. И точно, села на горшок и исполнила заказ в лучшем виде. А когда состоялся допрос с пристрастием, она раскололась:

– Я какала во дворе в песочек. Барсик меня научил делать ямку и в неё какашки закапывать.

Немая сцена. Слезы радости и смеха. Но жена на всякий случай приготовила коробочку с «материалом» и фамилией для лаборатории и положила ко мне в машину. Наступили выходные дни, девочка исправно ходила на горшок, и коробок так и остался лежать в машине!

Надо было видеть лицо офицера, когда я ему выдал это «чистосердечное признание»... Он начал лихорадочно плевать и давиться, а после, закрыв рот обеими руками, рванул к спасительному караульному помещению. Ещё минуту назад ликующие лица добрых молодцев заметно скисли, с видимым усилием они сдерживали острое желание навешать мне фонарей. На мой тревожный вопрос – что дальше? – меня просто послали в известном направлении.

Сведения об Авторах

Лейла Александер-Гарретт (р. Узбекистан). Писатель, переводчик со шведского и английского. Работала переводчицей и ассистентом на фильме Тарковского «Жертвоприношение» в Швеции. Автор книги «Андрей Тарковский: собиратель снов» (М, Аст, «Астрель», 2009). Живет в Лондоне.

Нина Аловерт (р. Ленинград). Окончила исторический факультет Ленинградского университета. Специалист в области балета и балетной фотографии. С 1977 года живет в Америке. Внештатный балетный критик и фотограф журналов Dance Magazine, Ballet Review, Point, журнала «Балет» (Москва), русскоязычных газет в Америке. Принимала участие в составлении «Международного балетного словаря» (Лондон, «Сент-Джеймс Пресс», 1994), справочника «Кто есть кто в современном мире», Москва, 2003. Автор книг и альбомов. Имеет международные премии и награды. Несколько замечательных фотографий Нины Аловерт украсили обложки Альманахов ЧАЙКА.

Лев Альтмарк (р. 1953, Брянск). Окончил Институт транспортного машиностроения, работал инженером, учителем, журналистом. В 1990 году поступил в Литературный институт им. Горького на семинар А.И. Приставкина. После окончания института в 1995 году переехал в Израиль (Беер-Шев). Публикации в журналах «Юность», «Дружба народов», «Нева», «Новый Ренессанс», «Российский колокол». Выпустил семь поэтических сборников и одиннадцать книг прозы (включая переводы и переиздания). Живет в Израиле.

Семен Белкин. Окончил Ленинградский институт иностранных языков и Ленинградский кораблестроительный институт. Более 40 лет проработал в институте по проектированию рыболовных судов. Неоднократно выходил в море на промысловых судах, участвовал в длительных рейсах в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. Автор более десяти книг о кораблях и море. В ЧАЙКЕ публикуется как писатель-маринист и историк морского дела. С 2008 года живет в США.

Анна Белокопытова (Аннет Бове) (р. Свободный Амурской области). После окончания ВТУ им. Шукина работала в качестве сценариста, координатора работы жюри театрального фестиваля «Золотая маска». В 2006 году иммигрировала в Испанию. С 2006 по 2015 – специальный корреспондент газеты «МК. Испания». Переводчик с испанского. Автор ряда повестей и многочисленных рассказов.

Татьяна Белянчикова. Родилась и живет в Москве. Много лет проработала менеджером в коммерческом банке, сейчас на тренерской работе – преподает банковское дело в ВУЗе. Автор четырех поэтических сборников, публикаций в литературных журналах и альманахах. Призер и победитель ряда поэтических конкурсов в рунете. Пишет тексты песен для исполнителей различных жанров.

Анатолий Бергер (р.1938, Ленинград). Член Союза писателей России и СПб, а также Пен-клуба и «Мемориала». В советские годы с 1969 по 75 отбывал срок в лагерях и ссылке (4 года лагеря и 2 года ссылки) за свои произведения (статья 70 УК РСФСР). В 1990-м году был реабилитирован («за отсутствием состава преступления»). С 1990-го года выпустил 16 книг – стихов, прозы и драматургии. Кроме России, печатался в США, Франции, Израиле, Чехии и Австралии. Живет в С-Петербурге.

Лев Бердников (р. 1956, Москва). Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института и Высшие библиотечные курсы. Работал в Музее книги Российской Государственной Библиотеки. С 1990 г. – в Лос-Анджелесе. Автор 7 книг и многочисленных публикаций. Зам. главного редактора журнала «Слово/Word» (США). Лауреат Горьковской литературной премии 2010 года в номинации «По Руси. Историческая публицистика». Живет в США.

Лариса Берман. Логопед с многолетним опытом и стажем, в Москве работала с глухонемыми актёрами Театра «Мимики и Жеста», ставила им голос и учила говорить. Девять лет ее семья была в отказе, долгие отказные годы занималась с детьми, страдающими тяжелейшими нарушениями развития речи. В Америке окончила университет, чтобы продолжать работать по специальности. Сегодня работает с детьми и взрослыми с любой патологией речи, интеллекта и глотания. О наиболее интересных случаях пишет рассказы, многие из которых опубликованы в ЧАЙКЕ. Живет в США.

Семен Биговский (р. 1982, Чебоксары). Образование высшее юридическое. Работает редактором в сфере рекламы и маркетинга. Публиковался в литературных журналах «Буква», «Северо-Муйские огни», «Луч», «Нижний Новгород», «Смена», «Идель», «Ликбез», «7 искусств», 3 место во Всероссийском литературном конкурсе к 200-летию И.С. Тургенева «Родине поклонитесь». Живет в России.

Юрий Бриль. Писатель, автор многих книг очерков, рассказов и повестей. Утверждает, что жизнь прекрасна, поскольку есть возможность путешествовать. Посему его главная песня в творчестве – записки вольного путешественника. Вместе с другом он дикарем прошел и проехал по Африке 10 тыс. километров, побывал на водопаде Виктория и в других труднодоступных местах, поднялся на вершину Килиманджаро, после чего родился цикл вполне документальных рассказов. Живет в Екатеринбурге.

Зоя Бобкова (р. Чита). Поэт, прозаик, журналист, член Союза писателей России (СПб отделение) и член Союза журналистов СПб и Ленобласти. Главный редактор газеты «Приневский край» Ленобласти. Автор более двадцати книг стихов и прозы. Автор надписи на памятнике «Примирение», установленном в Санкт-Петербурге. Печаталась во многих изданиях и коллективных альманахах. Лауреат фестиваля песни «На берегах Невы» и к 300-летию СПб. Живёт в Гатчине.

Николай Боков (1945, Москва — 2019, Париж). Русский поэт и прозаик, работавший во Франции. В 1969 году окончил философский факультет МГУ. В 1970 году там же поступил в аспирантуру, но в 1972 году, по

требованию КГБ, был отчислен. В 1975 году иммигрировал во Францию. Работал в газете «Русская мысль», издавал журнал «Ковчег». Получил премию Дельмас-Института Франции, с 2001 – член французского ПЕН-клуба. До последних дней жизни был активным автором и членом редколлегии журнала ЧАЙКА. Лауреат диплома журнала ЧАЙКА за 2019 год – посмертно.

Сергей Бычков (р.1946, Ереван). Историк русской церкви, доктор исторических наук. Занимался религиозным воспитанием детей в приходе Покровской церкви, в которой служил священник Александр Мень. После крушения СССР занимается книгоиздательской деятельностью и публицистической работой. По его сценариям были поставлены телефильмы: «ВЧК против патриарха Тихона», «Живое слово отца Александра Меня», «Завтра меня убьют» (о ходе расследования убийства Александра Меня). Член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Подмосковье.

Олег Воробьев (р. 1989, Москва). Получил музыкально-педагогическое образование. В настоящее время – артист сценического оркестра Большого театра России, преподает в ГМПИ имени М.М. Ипполитова-Иванова. Занимается разными областями искусства, одна из которых – литература. Как автор рассказа дебютировал в ЧАЙКЕ. Живет в Москве.

Михаил Гаузер (р. 1936, Одесса). После окончания Одесского политехнического института проработал 42 года в крупном конструкторском бюро станкостроения, был его ведущим, затем главным специалистом, имеет 20 авторских свидетельств СССР и патенты шести ведущих стран мира. Более 20 лет публикуется в одесских и зарубежных газетах, а также альманахах и сборниках. Автор трёх книг прозы, в 2017 г. стал лауреатом литературного конкурса им. Паустовского. В ЧАЙКЕ публикует рассказы, воспоминания. Живет в Одессе.

Сергей Голлербах (р. 1923, Детское (Царское) Село). Живописец, график, художественный критик и литератор. В 1942 г. был вывезен немцами на работы в Германию. С 1946 по 1949 учился в Мюнхенской академии художеств, в которой учились многие русские художники. Член Американской академии художеств. Автор книг: «Заметки художника» (1983), «Свет прямой и отраженный» (2003), «Нью-Йоркский блокнот» (2013). Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Летом 2018 года стал дипломантом журнала ЧАЙКА за серию мемуарных очерков. С 1949 года живет и работает в Нью-Йорке.

Виолетта Гребельник (Киев). Окончила Киевский медицинский институт, медицинский факультет Римского университета «La Sapienza», кандидат медицинских наук по неврологии. Работает врачом в частной клинике. В свободное время играет на фортепиано и пишет очерки и стихи. Неоднократный победитель зимних и летних творческих конкурсов журнала ЧАЙКА для детей. Живет в Риме.

Лариса Гусева (р. Нижний Новгород). Окончила Нижегородский государственный университет им. Лобачевского. По специальности

филолог. Больше десяти лет отдала работе в СМИ в качестве внештатного корреспондента. Как поэт дебютировала в журнале ЧАЙКА.

Леонид Доктор (р. 1941, Ростов-на-Дону). По специальности зубной врач-ортопед. Кандидат в мастера спорта по мотокроссу, до сих пор участвует в соревнованиях ветеранов (мастер-класс). В 1996 году с семьей репатриировался в Израиль. Спустя два года вернулся в Ростов-на-Дону, где в настоящее время проживает. Публикуется в ростовских СМИ. В городской газете «Вечерний Ростов» был неоднократным призером и победителем конкурса юмористических рассказов.

Наталья Замулка-Дюбуше. Писатель, поэт. Во Франции работала переводчиком, функционером муниципальной службы, сейчас на пенсии. Книги стихов «Мартовская метель», «Берег памяти», «Журавли родной земли». Книги прозы – «Билет на французский корабль», «Чужая нация», «Граница дождя». С 1990 года живет во Франции.

Олег Золотарь (р. 1983, Минск). Получил сначала среднее техническое образование (техник-механик), затем высшее (историк). Работает в сфере производства. В качестве автора сатирического рассказа дебютировал в ЧАЙКЕ. Живет в Минске.

Юлий Зыслин (р. Москва). Коллекционер и культуролог автор четырёх сборников стихов, двух книг прозы, десятков эссе, статей и репортажей, опубликованных в России, США, Украине, Израиле, 25-ти концертных и телевизионных музыкально-поэтических программ и сотен песен на стихи более 50-ти русских поэтов. Основатель «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки» (1997), «Вашингтонской аллеи русских поэтов, композиторов и художников» (2003). Лауреат журнала ЧАЙКА за 2018 год. С 1996 года живёт в США (Б. Вашингтон).

Даша Кашина (р. Киев). Окончила Институт русского языка им. А.Пушкина в Москве. Русскоязычный журналист на Украине, печатается в российских изданиях, дебютировала и постоянно печатается в журнале ЧАЙКА. Ведет рубрику «Калейдоскоп новостей». Автор книги «Папа», в которую вошли ее интервью с детьми известных людей. Лауреат журнала ЧАЙКА за 2018 год в номинации «журналистика». Живет в Киеве.

Итана Карпштан (р. Ленинград). Инженер-электрик. Жила в Иерусалиме, Израиль. В настоящее время живет в Роквилле, штат Мэриленд (США). Как автор воспоминаний дебютировала в журнале ЧАЙКА.

Елена Кутина (р. Ташкент, Узбекистан). Поэт, дебютировала в журнале ЧАЙКА. Живет в Узбекистане.

Елена Литинская (р. Москва). Выпускница филологического факультета МГУ. Занималась поэтическим переводом с чешского. Автор шести книг стихов и прозы. Публикации в журналах и газетах: «Новый мир», «Новый журнал», «Слово/ Word», «День и ночь», «Зарубежные записки», «Дети Ра», «Зинзивер», «Гостиная», «Ковчег», «Алеф», «Работница», «Литературная газета», «Поэтоград» и др. Её произведения выходят в сборниках и альманахах. Президент Бруклинского клуба русской

поэзии, заместитель главного редактора литературного журнала «Гостиная». С 1979 года живет в Нью-Йорке.

Элеонора Мандалян (р. Москва). Журналист, писатель. По образованию скульптор, кандидат наук. С 1994 – в США. Работала литературным редактором в русскоязычном альманахе «Панорама» и вела в нем свою рубрику «Непознанное». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Ведет рубрики «Кинообозрение Элеоноры Мандалян» и «Америка глазами россиянина». Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Лос-Анджелесе.

Милена Миллинткевич. Краснодарский писатель, поэт, член Межрегионального союза писателей, обладатель платинового Дюка, лауреат Международного конкурса им. Дюка де Ришелье в номинации «Проза», лауреат Третьего Межрегионального литературного конкурса «Ты сердце не жалей, поэт» за 2019 г. в номинации «Малая проза». Автор сборника рассказов «Парк на набережной», сборника иронических историй в стихах «Сказ о трех подругах и их похождениях», а также трех сборников сказок для детей.

Лариса Миллер (р. Москва). Российский поэт, прозаик, эссеист и педагог. Автор более 13 сборников поэзии и прозы. Книги переведены на английский и итальянский языки. Член Русского ПЕН-центра (с 1992). Постоянный участник Альманахов журнала ЧАЙКА. Живет в Москве.

Марина Мичурин. Работала в проекте «Английский нового тысячелетия» (New Millennium English) – учебник английского языка для российских школ, 1999-2005 годы. Стихи публиковались в электронном журнале «Кругозор», в журналах «Контакт» (Бостон) и «Веселые картинки». Издала два сборника поэзии – «За алым парусом вдогонку» и «Дорога в ноябрь». Живет и работает в Бостоне.

Михаил Моргулис (р. 1942, Киев). Русский писатель, основатель и президент организаций «Христианский Мост» и «Духовная Дипломатия», почетный консул Беларуси в США. Встречался с пятью президентами США: Джимми Картером, Рональдом Рейганом, Джорджем Бушем, Биллом Клинтон и Бараком Обамой, а также с Михаилом Горбачёвым, Александром Лукашенко, Виктором Януковичем, Аскармом Акаевым и другими. Консультировал окружение президента Джорджа Буша-младшего по вопросам, связанным с Украиной, Беларусью, Россией.

Евгения Народицкая. Журналист. В журнале ЧАЙКА печатает интервью с интересными людьми. Живет в Род-Айленде, США.

Саша Немировский (р. 1963, Москва). Поэт, писатель, путешественник, скалолаз, программист, антрепренер. Печатается в различных литературных альманахах и изданиях в США, Франции и Финляндии. Автор 4 книг стихов: «Без Читателя» (Москва 1996), «Уравнение разлома» (2009), «Система Отсчета» (2012). «На втором круге» (2014). С 1987 пишет стихи в своем собственном стиле «джаз-поэзия». Член СП Петербурга, иностранное отделение. Живет в Калифорнии, США.

Григорий Оклендский (р. Беларусь). Школьные годы прошли в Гомеле, незабываемые студенческие – в Ижевске, а лучшие – в Новосибирском Академгородке. Многие годы занимался автоматизацией научных исследований, а также разработкой информационных систем здравоохранения. Кандидат технических наук. Более 20 лет живет в Окленде (Новая Зеландия), где работает в области информационных технологий, что сочетает с любовью к поэзии и путешествиям. Автор 2-х поэтических книг и многочисленных публикаций в сетевых и бумажных изданиях.

Елена Пацкина (р. Москва). Окончила Московский авиационный институт по специальности инженер-экономист. Автор нескольких книг стихов («Уходящая натура», «Фотография минуты», «Счастливый дилетант» и др.). Автор серии «Беседы с мудрецами» (более семидесяти персонажей, начиная от Эпикура, Демокрита и других античных авторов до Курта Воннегута, Агаты Кристи и пр.) Многие диалоги из «Воображаемых бесед с мудрецами» печатались в журнале ЧАЙКА.

Григорий Писаревский (р. Харьков). Инженер-электрик. В Америке с 1988 года. Около 25 лет работал в крупных американских компаниях в области информационных технологий. Живет в Нью-Джерси. Является одним из основателей и членом правления клуба «Русских американцев» в своем городке. Печатался в интернет-журнале «Беркович-Заметки», калифорнийском интернет-журнале «Кстати», «Еврейском Мире» и местной газете «Concordian» (на английском языке). Также на английском языке под псевдонимом «Jeff Pierce» опубликовал политический триллер «Hallways of Deception» (Коридоры Обмана). Пишет для ЧАЙКИ полемические статьи на политические темы. Живет в США.

Лия Припштейн (р. Ленинград). Два года прослужила в Армии Обороны Израиля (ЦАХАЛ). После окончания Еврейского университета в Иерусалиме, вела образовательные проекты в Израиле и бывшем Советском Союзе. Позже получила степень Бизнес Администрейшн (МВА) в Тель-Авивском университете. В настоящее время живёт в штате Нью-Йорк. Пишет по-английски. Рассказы в русском переводе печатались в иерусалимском альманахе «Гнездо» и транслировались по американскому радио NPR.

Александр Рабинович (р. 1948, Москва). Доктор физико-математических наук. Сфера научных интересов: нелинейные физические поля, общая теория относительности и космология, нелинейные уравнения математической физики. Автор большого числа научных статей в ведущих российских и зарубежных журналах и двух монографий на русском и английском языках, член редколлегии американского журнала «Applied Mathematics». Живет в Москве.

Элиэзер Рабинович (р. Москва). Окончил Московский химико-технологический ин-т им. Д.И. Менделеева по специальности «Технология силикатов», кандидат наук. В 1974 году с семьей эмигрировал в Израиль и работал в Израильском Институте Керамики и Силикатов до 1981 года,

после чего был приглашён в Bell Laboratories, штат Нью-Джерси, США. Автор и соавтор около ста научных статей и патентов по основной специальности. В ЧАЙКЕ публикует статьи на социальные и политические темы. Живет в Нью-Джерси, США.

Виктор Райzman (р. 1934, Одесса). Инженер-металлург, доктор технических наук. В 1991 году эмигрировал в США. Стихи публиковались в альманахах и различных периодических изданиях. Финалист конкурсов поэтов Русского Зарубежья «Пушкин в Британии-2009» (Лондон) и «Эмигрантская лира-2010» (Брюссель). Публикует в ЧАЙКЕ стихи и переводы. Живет в Санта-Монике, США.

Александр Ралот (Александр Петренко). Прозаик, публицист и краевед. Автор пятнадцати электронных книг и десяти бумажных. Все они озвучены профессиональными артистами различных театров СНГ. Член Союза писателей России и межрегионального союза писателей, член правления Южно-Российского творческого объединения «Серебро Слов». Живет в Краснодаре. Неоднократный победитель конкурса творчества детей и для детей журнала ЧАЙКА.

Ирина Роскина. Окончила в 1971 г. романо-германское отделение филологического факультета МГУ. С 1972 г работала в Иностранном отделе Госфильмофонда СССР и по совместительству синхронным переводчиком кинофильмов. В 1990 году переехала в Израиль, где работала в Иерусалимской библиотеке Гуманитарных и Общественных факультетов Еврейского университета. Публикует в журнале произведения и переписку своей матери, литературоведа и редактора Натальи Роскиной, из семейного архива. Пишет мемуарную прозу. Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Лауреат журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Иерусалиме.

Ирина Рувинская (р. Кирсанова Тамбовской обл.). Окончила Воронежский госуниверситет (факультет романо-германской филологии). Работала библиотекарем и переводчиком в Харькове. Автор книг стихов «Коммуналка» (1995), «Пока» (1996), «Может, поможет» (2014, шорт-лист Волошинского конкурса в номинации «Лучшая поэтическая книга 2014 года»), «Каланхоэ» (2016), «Буквы» (2018). Стихи вошли в «Антологию современной русской поэзии Украины» (1998), в антологию «Лучшие стихи 2012 года» (2013). Лауреат Поэтического фестиваля памяти У. Ц. Гринберга (2007). Репатриировалась в 1996 году. Работает зам. редактора издательства «Достояние». Живет в Иерусалиме.

Валерий Румянецв (Борис Зорькин) (р. 1951, Оренбургская обл.) Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, три года работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Проживает в Сочи.

Михаил Синельников (р. 1946, Ленинград). Известный московский поэт, переводчик, эссеист, исследователь литературы, составитель многих антологических сборников и хрестоматий. Академик Российской академии

естественных наук, Петровской академии и турецкой Академии поэзии. Лауреат Премии Ивана Бунина, Премии Антона Дельвига, Премии Арсения и Андрея Тарковских и еще ряда российских и иностранных премий. Стихи переводились на многие иностранные языки и отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии. В ЧАЙКЕ ведет свой «поэтический» блог. Живет и работает в Москве.

Александр Сиротин (р. Москва). Журналист, писатель, в прошлом актер, радиожурналист. Мама Александра Нехама Сиротина играла в ГОСЕТе Соломона Михоэлса. Сотрудничает с американскими русскоязычными газетами и журналами, радио и телевидением. Автор сборника рассказов «Москва-Нью-Йорк, далее везде». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Нью-Йорке.

Валерий Скобло (р. 1947, Ленинград). Поэт, прозаик, публицист. Окончил матмех Ленинградского ун-та. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» и «Записки вашего современника». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной литературной периодике. Премия им. Анны Ахматовой за 2012 г. (номинация «Поэзия» журнала «Юность»). Шорт-лист международного конкурса стихотворного перевода «С севера на восток» – 2013 г. (журнал «Иные берега»). Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Живет в Санкт-Петербурге.

Евгений Сливкин (р. 1955, Ленинград). Русский поэт. Получил диплом инженера-механика. В 1980 году поступил на заочное отделение Московского Литературного института имени А. М. Горького, а в 1993 году уехал в США и поступил на аспирантуру при кафедре славистики Иллинойского университета, где защитил диссертацию. Преподает в университете города Денвера. Живет в США.

Юрий Смирнов (р. 1938, Урал). Окончил политехникум, затем Политехнический институт. Профессия – ядерная физика, специализация – радиоактивность. В возрасте 25 лет (1964) – начальник лаборатории (Ленинград). С 1966 по 1972 – запрет на профессию. Работал кочегаром, грузчиком, инженером, начальником сектора по ЭВМ. Из 52 лет работы 42 года – в Арктике на атомных ледоколах. Почётный полярник. Ни дня не был ни в комсомоле, ни в партии. Как писатель дебютировал в журнале ЧАЙКА.

Евгений Соколинский (р. Ленинград). Окончил филфак Ленинградского университета, защитил диссертацию по драматургии А.В.Сухова-Кобылина и гротеску. С 1976 года начал публиковать театральные рецензии, обзоры, проблемные статьи, портреты актёров, режиссёров, драматургов. Более 30 лет ведет оперный видеолекторий в Российской национальной библиотеке. Член экспертного совета Высшей театральной премии Санкт-Петербурга «Золотой софит». С 2000 г. – член Союза писателей Санкт-Петербурга. Живет в С-Петербурге.

Ольга Соловьева. Окончила Санкт-Петербургский Государственный Университет. Защитила две кандидатские диссертации – кандидат физико-математических и юридических наук. Интересуется театром, модой и не только. В журнале ЧАЙКА публикует рецензии на современные постановки в питерских театрах, пишет заметки о городе и его жителях в своей постоянной рубрике «Записки на коленке». Лауреат журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Санкт-Петербурге.

Владимир Солунский (р. 1937, Харьков). Физик, доктор физ-мат. наук, профессор. Организатор и лектор русскоязычного поэтического общества в своем штате. В журнале ЧАЙКА ведет рубрику «Поэтический альбом». С 1998 живет в Милуоки, США.

Роман Солодов (р. 1944, Москва). Окончил МАИ, затем ВГИК. В России занимался научно-популярным кино, сценарист. В 1991 году эмигрировал в США. Работал на радиостанции «Свобода», получил профессию технолога по радиоизотопной медицине. Автор четырех романов в семи книгах, повестей, рассказов и многочисленных статей. Постоянный автор ЧАЙКИ. Ведет в ЧАЙКЕ раздел политики и социологии. Живет в Нью-Джерси.

Владимир Спектор (р. 1951, Луганск). Поэт, публицист. Окончил машиностроительный институт и Общественный университет (факультет журналистики). Автор 25 изобретений. Работал журналистом, главным редактором региональной телерадиокомпании, корреспондентом киевской газеты «Магистраль». Член Союза журналистов, редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант», научно-технического журнала «Трансмаш». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. Постоянный автор журнала ЧАЙКА.

Соня Тучинская. Родилась и выросла в Ленинграде. С большим трудом и по абсолютному недоразумению окончила там один из технических вузов. В прежней, доэмигрантской жизни, – инженер-электрик. Первые годы работала в Jewish Vocational Services. Потом, в погоне за длинным рублем, перешла в software industry. Рассказы, эссе, публицистика и переводы с английского – в «Звезде», «Неве», «22», «Нота Бене», «Лехаиме», Слово/Word, «Панораме», «Еврейском Мире», «Форвартсе». Живет в Сан-Франциско.

Анна Филиппова (р. Москва). Окончила Российский государственный гуманитарный университет. По образованию лингвист. Пишет пьесы, романы, повести и рассказы. Публиковалась в русскоязычной газете Чикаго «Земляки». Как журналист дебютировала в ЧАЙКЕ. Живет в Москве.

Яков Фрейдин (р. 1945, Свердловск). Кандидат технических наук, специалист в медицинской электронике и биокибернетике. В 1977 эмигрировал в США. Автор более 90 научных статей, 60 изобретений и популярного учебника по датчикам (Handbook of Modern Sensors). Автор книги воспоминаний «Adventures of an Inventor». Недавно опубликовал дебютную книгу художественной прозы на основе рассказов, напечатанных в журнале ЧАЙКА. Постоянный автор журнала. Лауреат премии журнала

ЧАЙКА в номинации «художественная проза» за 2017 год. Живет в Сан-Диего (Калифорния).

Елена Фролова. Окончила факультет журналистики Львовского университета и театроведческий Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Член Союза журналистов и Союза театральных деятелей. Печаталась в журналах – «Театр», «Театральная жизнь», «Звезда», «Обсерватория культуры», «Балтийские сезоны», «Петербургский театральный журнал», в альманахах. Вышло 2 книги, написанные в соавторстве с мужем, – Анатолий Бергер, Елена Фролова «Состав преступления» и «Горесть неизреченная», в 2018 – автобиографическая книга «Выбор. Сюжет– жизнь». Живет в С.-Петербурге.

Владимир Фрумкин (р.1929, Брянск). Музыковед, журналист, эссеист, выпускник теоретико-композиторского факультета и аспирантуры Ленинградской консерватории. Еще в советскую эпоху стал исследователем феномена независимой, неподцензурной «гитарной поэзии» и исполнителем песен Окуджавы, Галича и других поэтов-певцов. В 1974 эмигрировал в США, работал в Оберлин-колледже (штат Огайо) и Русской летней школе при Норвичском университете. С 1988 до 2006 года — сотрудник Русской службы «Голоса Америки». Среди опубликованных работ – «От Гайдна до Шостаковича», «Особенности сонатной формы в симфониях Шостаковича», два сборника песен Б.Окуджавы на русском и английском языках с нотной строчкой и буквенным обозначением аккордов, «Певцы и вожди» (2005 и 2017). В журнале ЧАЙКА ведет рубрику «Музыкальная Академия» и печатает статьи на общественно-политические темы. Живет в Маклейне – пригороде Вашингтона.

Юлиан Фрумкин-Рыбаков. Инженер-металлург. Стаж работы на Ижорском заводе 35 лет. Общий стаж -56 лет. Ветеран труда, ветеран войск особого риска. В 1961-1964 проходил военную службу на Первом ядерном полигоне Новая Земля. Непосредственный участник испытания «Царь-бомбы» 31 октября 1961 года. Публиковался в журналах: «Звезда», «Нева», «День и ночь», «Слово/ Word», «Крещатике» и др. Автор 5 книг стихов и книги прозы. Основатель клуба поэтов «Невостребованная Россия» (1997 – 2011), член Союза Писателей XXI века. Живет в Колпино, Россия.

Владимир Ханан (Ханан Бабинский) (р. 1945, Ереван). Поэт, прозаик, драматург, представитель так называемого «питерского андеграунда». Автор книг: «Однодневный гость» (2001), «Аура факта» (2002), «Неопределённый артикль» (2002), «Вверх по лестнице, ведущей на подоконник» (2006), «Осенние мотивы Столицы и Провинций» (, 2007), «Возвращение» (2010), «И возвращается ветер...» (2014), а также трехтомника Избранного (Стихотворения, Проза, Пьесы и главы воспоминаний) (2016). Живет в Израиле.

Евсей Цейтлин (р. 1948, Омск). Эссеист, прозаик, культуролог, литературовед, критик, редактор. Кандидат филологических наук, преподавал в университетах историю русской литературы и культуры. Дважды эмигрировал: в 1990-м в Литву, в 1996-м в США. Редактирует

чикагский ежемесячник «Шалом». Начиная с 1968 г. публикуется во многих литературно-художеств. журналах и сборниках. Автор многих книг. О книге Евсея Цейтлина «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» не перестают спорить в разных странах и на разных языках. Член редколлегии журнала ЧАЙКА и постоянный консультант при создании Альманахов. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Чикаго.

Вера Чайковская (р. Москва). Прозаик, художественный критик, историк искусства, кандидат философских наук. Первая премия за прозу на международном литературном конкурсе в Италии (Анкона, 1997). Лауреат премии им. Катаева за повесть «Уроки философии» в журнале «Юность» за 2013. Диплом Академии художеств за книгу «Три лика русского искусства 20-го века: Роберт Фальк, Кузьма Петров-Водкин, Александр Самохвалов», М., 2006. Автор художественных альбомов и книг о художниках (Брюллов, Тышлер). В 2019 году изданы две ее книги: «Дух подлинности. Соцреализм и окрестности», (М., Искусство-21 век) и «Анекдоты из пушкинских времен и другие новеллы» (М., Буксмарт). Живет в Москве.

Ирина Чайковская (р. Москва). Писатель, критик, публицист, драматург, кандидат педагогических наук. Область исследований последних 20 лет: Тургенев и его эпоха. Автор четырнадцати книг и многочисленных статей в российской и зарубежной периодике. Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации критики. Главный редактор журнала ЧАЙКА. Живет в Большом Вашингтоне.

Вадим Чирков. В прошлом житель Молдовы (Кишинев), детский писатель: сказки, рассказы, приключенческие и фантастические повести. Член СП бывшего СССР, лауреат конкурса им. Марка Алданова «Лучшая повесть Русского Зарубежья», «Новый Журнал» (Нью-Йорк), 2011, «Белогвардеец». С 2000 года живет в Нью-Йорке.

Леонид Шульман (р.1931, Запорожье). Дирижер, получил дирижерское образование в Киевской и Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерваториях. Учился в классах И. Мусина и Н. Рабиновича. Впоследствии был участником мастер-классов К. Кондрашина и Г. Караяна. До эмиграции в США многие годы руководил Академическим симфоническим оркестром Государственной филармонии на Кавказских Минеральных Водах. Выступал вместе с такими выдающимися солистами, как Мстислав Ростропович, Игорь Ойстрах, Лазарь Берман, Белла Давидович и многими другими. Осуществил премьеру моно-оперы «Дневник Анны Франк» Григория Фрида – сначала в Кисловодске, а затем в Вашингтоне. Живет в Б.Вашингтоне.

Олег Щекотихин (р. 1934, Севастополь). Окончил электротехнический факультет Одесского Политехнического института. Работал в металлургии, участвовал в создании систем автоматического управления космических аппаратов. Был моряком, побывал в портах более чем 50 стран мира. Кандидат технических наук, доцент Запорожского технического университета, кафедры телекоммуникаций и кафедры киберзащиты, академик Академии связи Украины, автор 27 изобретений и трёх учебников.

Мастер спорта СССР по парусу, судья республиканской категории. Издал 5 книг. Как журналист дебютировал в журнале ЧАЙКА.

Светлана Щербакова (р. Норильск). Образование – высшее медицинское, педиатр. Хобби сегодняшнего дня: написание стихов, песен в стиле шансон и романсов, создание к ним аранжировок. Как поэт дебютировала в журнале ЧАЙКА.

Александр Эмекчи. В редакцию была прислана рукопись рассказа, найденного дочерью после смерти отца, участника войны.

Григорий Яблонский. Доктор химических наук, литератор. В 1960-80 годы работал в Новосибирском Академгородке и Туве. С 1995 года – профессор Washington University in St. Louis и Saint Louis University, Missouri (США), почётный профессор Гентского университета (Бельгия). Автор 7 книг по химической кинетике и катализу и более 200 научных работ. Печатался в различных литературных изданиях. Постоянный автор журнала ЧАЙКА и участник Альманахов. Живет в Сент-Луисе, США.